

4
К-29

КАТЕГОРИЯ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

КАТЕГОРИЯ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1979

4
К-29

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН ССР

74046

В книге анализируются способы выражения категории определенности—неопределенности в славянских языках и языках балканского языкового союза. Рассматриваются общетеоретические вопросы статуса этой категории, ее становление и развитие в различных языках.

Ответственный редактор

Т. М. НИКОЛАЕВА

К $\frac{70104-219}{042(02)-79}$ 512-79. 4602010000

© Издательство
«Наука», 1979 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Эта коллективная работа была задумана в 1971 г. И. И. Ревзиным, в последние годы жизни много занимавшимся проблемами языкового функционирования, коммуникативным аспектом структуры языкового механизма. Работы И. И. Ревзина по категории определенности—неопределенности частично опубликованы в настоящее время в виде статей, частично — входят как составная часть в его монографию «Структура языка как моделирующей системы». Основной комплекс его идей этой сферы обсуждается в главе данной работы «Функциональный подход к языку и категория определенности—неопределенности (О. Г. Ревзина). Необходимо, предваряя этот раздел, отметить два основных направления работ И. И. Ревзина — теоретическое и конкретное, связанных воедино его общим лингвистическим мировоззрением. К первому направлению относится предложенная им общая трактовка различения коммуникативного и когнитивного в языке, его единицах и в тексте, ко второму — тонкие открытия регулярности употребления грамматических форм слова — там, где эти употребления считались вариативными.

2. В последние годы лингвистический интерес к проблеме определенности—неопределенности растет; она включается в общую сферу исследования содержательной стороны высказывания, причем высказывания изолированного в той же степени, как и группы связанных высказываний, вплоть до дешифровки семантической схемы целого текста.

Развитие теории пресуппозиций расширило оперативные возможности конструирования общей теории, включив в рассматриваемый текст-источник такие компоненты

как «фонд общих знаний», «конситуация», «дотекстовые» коммуникативные отношения.

В этом смысле можно говорить об определенной эволюции в интерпретации определенности—неопределенности. Вначале показатели этой категории рассматривались как актуализаторы, т. е. операторы, преобразующие единицы языка в единицы речи. Поэтому язык был первичным объектом рассмотрения, а проблема сводилась только к употреблению, т. е. тому, как — самым удобным способом — задать правила выбора показателя определенности (в основном речь шла об артиклях).

Интерес к функциональной семантике, характеризующий языковедение последних лет, вызвал к жизни расширительное толкование таких категорий как определенность—неопределенность объекта. В ее сферу стали включаться не только формальные показатели — артикли, но и языковые единицы, характеризуемые И. И. Ревзиным как «коммуникативные», — местоимения, прилагательные, описательные конструкции, особого типа придаточные предложения, просодические средства и т. д. Оказалось, что различное отношение к категории определенности затрагивает и формально-грамматически единые классы лексики.

Представление определенности—неопределенности как категории со своей специфической содержательной структурой и различными по воплощению формальными средствами позволяет поставить вопрос о выражении этой категории в безартиклевых языках и ввести типологический критерий в рассмотрение языков значительного по объему набора — как артиклевых, так и безартиклевых¹. Настоящая книга основывается именно на этих теоретических позициях; языками анализа являются славянские языки в целом и неславянские языки Балканского языкового союза (БЯС).

3. Принятие тезиса о категории определенности—неопределенности как близком к универсальности компо-

¹ «Артикль есть только одно из средств, выражающих некую широкую категорию, а именно — категорию определенности—неопределенности. Если мы будем рассматривать только артикли, то сможем исследовать только часть этой проблемы» (*Kramský J. The article and the concept of definiteness in language. The Hague, 1972, p. 9*).

ненте содержательной структуры высказывания не снимает с обсуждения ряда теоретических проблем, которые пока можно лишь сформулировать вообще, отказавшись от притязаний на окончательное их решение.

Прежде всего — это проблема статуса той грамматики, в которую категория определенности—неопределенности входит как составная часть. Несомненно, что эта грамматика есть совокупность коммуникативных категорий, необходимых для правильного и вполне «человеческого» построения изолированных и неизолированных высказываний. Но как выглядит эта грамматика в целом? Каковы ее минимальные единицы и как они, объединяясь в более крупные, создают многоуровневую структуру? Наконец, как подчинены друг другу категории этой «линейной грамматики» и какова иерархия выбора при построении высказывания, если возникают «конфликтные ситуации»? Очевидно, что теория лингвистики в целом еще не готова ответить на эти вопросы и полный перечень содержательных категорий высказывания не мог быть в нашей работе ни выведен, ни заимствован.

Функциональный анализ высказывания (а данная работа близка именно к этому направлению), обращаясь к речевому, коммуникативному поведению единиц языкового механизма, приводит к двум диаметрально противоположным, но парадоксальным образом связанным явлениям: 1) расширению первоначальных категорий, их экспансии, 2) распаду первичных категорий, представлению их не в виде глобальных содержательных единиц, а в виде пучка или пересечения других содержательных оппозиций.

В нашем случае, экспансия в пределах категории определенности—неопределенности выражается в увеличении типов языковых объектов, входящих в сферу рассмотрения.

О возможности распада этой категории как автономной коммуникативной содержательной единицы говорит уже явно наметившаяся сложность ее отношений с такими содержательными единицами как: 1) генерализация объекта, 2) идентификация его, 3) индивидуализация, 4) квалификация объекта в рамках класса сходных фактов, а также, возможно, с другими, еще не выведенными теорией коммуникативными установками (см. об этом, в частности, в главе «Идентификация и индивидуализация

в анафорических структурах» см. также сложность отношений категории определенности с кореферентностью и, соответственно, с анафорикой).

4. Несмотря на то, что грамматика коммуникативного синтаксиса, как утверждалось выше, еще не описана, уже можно ставить вопрос о связях, контактах категории определенности—неопределенности с другими категориями в семантическом пространстве. Здесь необходимо различать категории двух видов: категории слова и категории высказывания. В первом случае категория определенности—неопределенности оказывается связанной (и этим много занимался И. И. Ревзин) с числом (*пришло пять человек — пришли пять человек*), падежом (*я не вижу книгу — я не вижу книги*), временем глагола (**я купил какую-нибудь книгу — я куплю какую-нибудь книгу*) и т. п.

Во втором случае категория определенности—неопределенности контактирует с категорией экзистенциальности (*He is a doctor*) с иерархией смысловой важности («коммуникативным динамизмом»), с выделением тематических и рематических элементов, с явлениями контраста, эмфазы, смыслового подчеркивания и, как уже говорилось, с пресуппозитивными факторами. Эти проблемы в нашей работе рассматриваются только частично.

Наконец, нельзя абстрагироваться от того факта, что выявление типа определенности—неопределенности объекта, вводимого в коммуникацию, оказывается возможным только на фоне такой крупной коммуникативной единицы как текст. Исследования текста показывают наличие противоречивых тенденций. С одной стороны, специфика употребления состоит в том, что создавать жесткие правила выбора того или иного члена содержательной оппозиции коммуникативной категории было бы излишним ригоризмом, поскольку всегда должна существовать зона свободного выбора, произвольно трактуемая и в плане восприятия, и в плане употребления. С другой стороны, оказывается, что в архаичном прототипе текста, в частности в сказке (см. главу «Категория определенности—неопределенности в структуре волшебной сказки») распределение неопределенных и определенных имен закреплено, причем фиксирование позиций определяется заданным распределением смысловой информации. Подробный двойной анализ структуры текста в этом плане был бы еще одним плодотворным

аспектом исследования функций определенности—неопределенности.

В формировании категории определенности можно отметить этапы ее возникновения, длительного становления и все более четкого выявления оппозиций (см. главу «Сравнительно-исторический анализ происхождения категорий определенности в славянских, балтийских и древнебалканских индоевропейских языках»). Когда же исходные оппозиции осознаны, создаются предпосылки для сознательной творческой игры, основанной на смешении и транспозиции членов парадигмы в поэтическом языке (см. работы И. И. Ревзина о специфике поэтического языка и главу «Наблюдения над категорией определенности—неопределенности в поэтическом тексте»).

5. Проблемы, о которых говорилось выше, относятся не только к интерпретации категории определенности—неопределенности как коммуникативной категории, но и к проблеме более общего характера. Между тем, именно по поводу более узких задач данной коллективной работы, предлагаемой читателю, можно в свою очередь говорить о сложностях самого описания и о дефектах реального выполнения.

В этой связи можно выделить трудности, опасности и лакуны.

К трудностям в первую очередь необходимо отнести языковую специфику исследуемых языков. Как уже говорилось, материалом исследования являлась такая сложная языковая совокупность как славянские языки и неславянские языки Балканского языкового союза. Об этих языках нельзя с уверенностью сказать, что они делятся на артиклевые и безартиклевые. В рамках этого языкового конгломерата мы можем говорить лишь о шкалообразной системе градуальных оппозиций («более—меньше»), где, с одной стороны, будут представлены явно артиклевые языки, языки с развитыми показателями и определенности, и неопределенности, затем языки с отчетливыми показателями одной содержательной стороны (чаще — определенности), наконец, языки как бы признанно безартиклевые². Между тем и у безартиклевых

² О разной степени обобщения артикля как категории в языках БЯС см.: *Reiter N. Der Artikel in den Balkansprachen. Zeitschrift für Balkanologie, 1967, Hf. 1.*

языков можно найти большее или меньшее число артиклевых элементов и даже для одного такого элемента отметить в разных языках разную степень его «артиклевости»³.

Эта несопоставимость языков рассматриваемого ареала по степени формальной, грамматикализованной выраженности одной и той же категории явилась одной из принципиальных трудностей представления и описания материала.

Другой трудностью можно считать отсутствие методов описания категории определенности—неопределенности в безартиклевых языках. Обычно использовавшимся методом в таких случаях был метод перевода, когда речь шла, строго говоря, не о контрастивном описании, а лишь о средствах передачи артиклей в безартиклевом языке. В настоящей работе метод перевода также применялся, но не в качестве основного: наравне с ним использовалась и методика установления кореферентно-анафорических отношений, и, прежде всего, смысловой анализ имени.

С этим последним связана основная трудность описания — вопрос о том, как представляется исследователю сама категория определенности—неопределенности, ее внутренняя организация. Внутреннюю структуру категории определенности—неопределенности (если снять с обсуждения сложный вопрос, о котором упоминалось выше, — действительно ли это отдельная категория) определяет тип выбора интерпретации, рассматриваемой на двух уровнях.

Первый уровень — это вопрос о том, являются ли обе стороны оппозиции — определенность и неопределенность — членами одной и той же смысловой оппозиции?

Сомнения в этом уже высказывались⁴. Практически все авторы, принимавшие участие в предлагаемой работе, пришли к следующим выводам: 1) определенность немар-

³ См. также: Цивьян Т. В. Морфосинтаксические функции новогреческого артикля в свете грамматики балканского языкового союза. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

⁴ «У неопределенного артикля своя собственная сфера, он не имеет ничего общего с определенным артиклем» (Reiter N. Op. cit., S. 111).

кирована, неопределенность маркирована; ее введение вносит большую смысловую информативность; 2) определенность и неопределенность — носители разноплановой функциональной нагрузки; а именно: определенность отождествляет, идентифицирует, скрепляет текст; неопределенность есть метка новой информации, коммуникативный перерыв, она классифицирует.

Получается, что определенность—неопределенность функционируют как бы в разных плоскостях; к этому нужно добавить и уже упоминавшееся обстоятельство — разную последовательность становления этих категорий и разную степень их развития в БЯС.

Второй уровень — отношения к тому, рассматриваются ли обе стороны оппозиции как членимые или как не членимые далее содержательные единицы. Та точка зрения, согласно которой определенность и неопределенность суть «минимальные семы», достаточно распространена⁵. Однако конкретный анализ показывает, что более тонкий и более точный результат исследования дает дробная классификация, когда в рамках неопределенности, например, различают: специфическую неопределенность (*один из класса X*), неспецифическую неопределенность (*всякий, любой из класса X*), экзистенциальность (*он был, есть X*) и т. д.

Различение этих видов диктуется, в частности, и требованиями прагматики, восприятия (*Мэри хочет выйти замуж за шведа — за любого или за конкретного?*); кроме того, оказывается, что в безартиклевых языках разные виды неопределенности по-разному соотносятся с правилами порядка слов и с актуальным членением предложения.

Уже указывалось, что, помимо трудностей, в данной работе существовали и опасности.

Одна из таких опасностей связана с наметившимся в последнее время в языкознании снятием того запрета, согласно которому языковые факты должны объясняться языковыми же фактами. И в данной книге есть такие объяснения как «частая встречаемость в тексте», «степень знакомства или родства», «возможность быть объектом будущего сообщения», «контрастоспособность» и т. д. При

⁵ См. такую трактовку: Габучан Г. М. Теория артикля и проблема арабского синтаксиса. М., 1972.

таким широким введением экстралингвистических факторов в интерпретацию всегда есть опасность встать на путь излишнего интуитивизма и бездоказательности, с одной стороны, с другой стороны, — подстерегает опасность, при ограничении себя непосредственными данными текста, пропустить и не увидеть возможное экстралингвистическое объяснение.

Вторая опасность — чрезмерное расширение объекта исследования, при котором описание определенности—неопределенности может предстать уже как описание анафорических отношений, кореферентности, или как описание отношений дейксиса или смыслового выделения.

Не исключено, что представленный материал демонстрирует именно то, как не удалось избежать этих опасностей.

В книге, конечно, есть и лакуны. Это, в частности, отсутствие подробного исследования лексики, рассмотренной в связи с требованиями сильной и слабой определенности. Между тем очевидно, что изучение ингерентных свойств лексики сделало бы анализ более цельным и помогло бы пролить свет на многие из семантико-синтаксических связей лексем в высказывании.

Далее, в работе не представлена диктующаяся самой логикой подхода к материалу полная классификация категорий высказывания в иерархии их взаимного подчинения; в этом случае место категории определенности—неопределенности в этом перечне было бы более четким, и тогда прояснились бы многие конфликтные ситуации, когда формальные средства, выражающие эту категорию, вдруг «ведут себя» в высказывании иначе, чем может предсказать исследователь.

Наконец, выбор внутренней структуры, тем глав книги диктовался в большей степени проблематикой, чем собственно материалом, поэтому данные ряда языков исследуемой совокупности не получили должного освещения.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СЛАВЯНСКИХ,
БАЛТИЙСКИХ И ДРЕВНЕБАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ
В СВЕТЕ ИНДОЕВРОПЕИСТИКИ
И НОСТРАТИКИ**

Вяч. Вс. Иванов

1.0. Ностратическая реконструкция двух форм объекта. Согласно той картине грамматики ностратического праязыка, которая намечена В. М. Иллич-Свитычем, в этом языке существовало грамматически выраженное противопоставление маркированного прямого объекта немаркированному, развившееся в оппозицию определенного объекта неопределенному. Древнейшее состояние еще отражено в некоторых восточно-ностратических языках — тунгусо-маньчжурских (и отчасти других алтайских), самодийских и других уральских, центрально-дравидийских.

1.1. Противопоставление определенного объекта неопределенному в тунгусо-маньчжурском. Архаические функции тунг.-маньчж. **-va/*-va* еще хорошо сохраняются в маньчж. *be*, которое следует (обычно как отдельное слово по написанию, в чем можно усмотреть архаизм ностратической древности) за определенным объектом (*sooha be bahafi gidaha* 'войско ему удалось разбить', *kôlan morin be Nasar de yalubufi* 'буланого коня он дал Хазару для езды', *si yargiyan be alaci tetendere* 'если ты правду говоришь', *tasha be yalure* 'на тигре ездящие'¹), противопоставляющимся неопределенному объекту, который, как и субъект, выражается чистой основой без следующего за ним показателя грамматических отношений. Та же исходная тунг.-маньчж. конструкция с конечным **-va/va* отражается в нанайск. вин. п. *-va/və*] (*ин'ивэ* 'дня'),

¹ *Haenisch E. Mandschu-Grammatik mit Lesestücken und 23 Tafeln. Leipzig, 1961, S. 68, 76, 77.*

-ба/бэ (таракторба 'трактор' ²); ульч. вин. п. -ва/вэ-во (н'йэв 'человек'), -ба/бэ-бо; орок. -ва/вэ/во/-ву, -ба/-бэ, -бо/-бу, -па/пэ (с дальнейшими изменениями при внутреннем сандхи ³), удэг. -ва/-вэ (батава 'мальчика'), -ма/-мэ/мо. В отличие от перечисленных южно-тунгусских языков, в которых при сохранении следов соотношений типа маньчжурских винительный падеж на *-ва может уже обозначать и неопределенный объект, в северно-тунгусских — негидальском, эвенкийском, солонском — различается два типа винительного, которые оба выражены положительными показателями: accusativus definitus (негид. -wa, -ma, -pa, -ya, ka, -pa, -ba) и accusativus indefinitus (негид. -ya, -a, -pa, -la). Так, в негидальском конструкциям с определенным винительным на *ba (tay asiwó komnouén 'ту женщину обнимает', luǰán boúǰmo ireyén 'он сохатого увидел', tay gāsinmó wǰktarál 'ту деревню убили', omón oyo³mo wǰratín 'одного оленя убили', amaxawá oukárillo 'медведя начинают есть', oldoxsowá níyén 'гроб открыл', asikán umná-lo kuyamiwo nímnoyéǰ əyoki omón iwkáǰmo nímnoyéǰ 'женщина однажды-то ложку проглотила, лягушка (же) одну поварежку проглотила', táǰk towá təwlaúǰn 'ягоду набрала', boúǰmo wǰyén 'сохатого убил' ⁴) имеется в виду конкретный индивидуализированный объект в отличие от разделительного, частичного и неопределенного значений противопоставленной этому падежу формы на *-ja: yǰxi-ya bǰxól 'юколы дай!', bi baldiradukkóy bəyoúǰ ögəw iretró 'я отроду людей не видел', síndu óp-mal býi sún-ö, kəykiyo, āǰin-ǰu, on-mal, býi-ya? 'У тебя нет ли как-нибудь сделанной одежды, нет ли штанов, как-либо сделанных?' ⁵ Аналогично противопоставление эвенкийских форм винительного определенного (бирава 'реку', оронмо 'олень') и неопределенного (бирая, ороно).

1.2. Алтайские параллели. В сравнительной грамматике алтайских языков устанавливается родство северно-

² Аврорин В. А. Нанайский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968, с. 134, 149.

³ Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). М.—Л., 1967.

⁴ Мильникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка. — В кн.: Тунгусский сборник, 1. Л., 1931, с. 144, 201, 206, 209, 212, 214.

⁵ Там же, с. 144.

Т а б л и ц а 1

Развитие оппозиции определенного — неопределенного падежа в алтайском

Язык	Винительный немаркированного объекта (и именительный)	Винительный маркированного (> определенный)
Общеалтайский и маньчжурский	-Ø	*-b- < * m-
Тюркский и монгольский	-Ø	*-j-
Северно-тунгусский	*-j-	*-b- < *-m-

тунгусских форм неопределенного (разделительного) винительного на *-ja и фонетически сходных форм, которые в тюркских и монгольских языках имели полярно отличную функцию определенного винительного падежа, противопоставленного чистой основе с функциями неопределенного винительного и падежа субъекта. Г. Рамстедт возводил это последнее соотношение к общеалтайскому⁶. В. М. Иллич-Свитыч предложил новую интерпретацию, согласно которой первоначальное значение показателя *-ja (партитивное) сохранено в северно-тунгусском. В таком случае в тюркском и монгольском этот показатель принял на себя функции *-ma, сохранившегося только в местоименных формах косвенных падежей⁷ (монг. i-ma-da 'ему' от основы i- и т. п., ср. функционально сходное *-m- в косвенных падежах индоевропейских местоимений). Согласно этой точке зрения, ситуация в общеалтайском была сходной с маньчжурской, а развитие в монгольском и тюркском — результат инновации (см. табл. 1).

С общетипологической точки зрения несомненный интерес представляет первоначальная нулевая форма выражения винительного немаркированного объекта, заме-

⁶ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 36—39. Ср. сопоставительную таблицу (без реконструкции): Котович В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, с. 186, 187.

⁷ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (1—3). Указатели. М., 1976 (далее — Опыт, т. 2), с. 49, 50.

няющаяся (при переосмыслении показателя *j, приобретающего партитивное значение) ненулевыми формами лишь в небольшой части диалектов. Общеалтайский предстает как праязык чисто аккумулятивного типа (в смысле Филлмора), где винительный маркированного объекта противопоставлялся неопределенному падежу.

1.3. Развитие от маркированного объекта к определенному в уральском. Судя по ситуации в ненецком и энецком (где формы на *-m- переосмыслены как неопределенный объект), а также в тазовском диалекте селькупского, в самодийском *-m- еще имел значение маркированного объекта⁸. В нганасанском осуществилось развитие этой формы в сторону обозначения определенного объекта, ср. определенную форму на -m *д'евыма кода'а нарка-м* 'мой отец убил этого медведя' при неопределенной: *ома муунта Оыгың коту' гё'ан'ика нарка* 'в этом месте они убили большого медведя'⁹. Аналогичное развитие осуществилось и в прафинно-угорском, где форма на *-m (Λ) всегда обозначает определенный объект, противопоставляясь форме с нулевым показателем (последняя использовалась как винительный неопределенного объекта, а также в конструкции с императивом, и как именительный падеж)¹⁰.

1.4. Переосмысление показателя *-m в связи с именными классами в дравидийском и индоевропейском. От рассмотренных восточно-ностратических языков существенно отличен дравидийский, где -m (в древнем каннада), -n (в центрально-дравидийских языках) сохраняется преимущественно у имен высшего (одушевленного) класса (в конда, курух), потому что только для них и была существенна оппозиция субъекта объекту, тогда как имена низшего (неодушевленного) класса обычно не могли вы-

⁸ Ср. Терещенко Н. М. Способы выражения прямого дополнения в связи с характером объекта. — В кн.: *Congressus Internationalis Fenno-ugristarum*. Budapest, 1963; Она же. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973. Ср. также: Иллич-Свитыч В. М. Опыт, т. 2, с. 50 (редакционное примечание со ссылкой на устное сообщение Е. А. Хелимского).

⁹ Дульзон А. П. Падежная система нганасанского языка. — В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 150.

¹⁰ Wickmann B. The form of the object in the Uralic languages. Uppsala, 1955.

ступать в роли субъекта¹¹. Аналогичное развитие В. М. Иллич-Свитыч предположил и для индоевропейского. Но здесь следует обратить внимание на две существенные особенности истории индоевропейского.

Во-первых, в общеиндоевропейском (как и в картвельском, где в связи с этим древний показатель маркированного объекта исчез, по-видимому, полностью) осуществилась перестройка языка аккузативного типа (который на основании приведенных восточно-ностратических данных можно с известным вероятноем предположить и для раннего западно-ностратического) в язык активного типа. При этом существенным становилось маркирование не объекта, а субъекта (что и было осуществлено в индоевропейском с помощью показателя *-s, видимо, местоименного происхождения, ср. ностратическое местоимение одушевленного класса *šä 'он'¹²). Характерной особенностью раннего индоевропейского была возможность образования от одной и той же именной основы как активного имени с маркированным падежом субъекта (возможно, как давно предполагал Шухардт, одним из первых исследовавших эргативное прошлое индоевропейского, из более ранней конструкции местоименного типа, где *šä следовало за существительным), так и инактивной формы имени, в которой использовался древний винительный маркированный.

Во-вторых, характерное для языка активного типа наличие двух серий глагольных форм (соответственно активных и инактивных) делало в индоевропейском каждую из именных парадигм асимметричной с точки зрения ее сочетаний с глаголами. Если (как и в дравидийском) оппозиция маркированного объекта субъекту (в индоевропейском активном классе тоже маркированному) была релевантна при активных глаголах, то при глаголах инактивных употребление форм маркированного субъекта было невозможно. Этим, вероятно, и объясняется перво-

¹¹ Иллич-Свитыч В. М. Опыт, т. 2, с. 48—50.

¹² Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b—k). М., 1971 (далее — Опыт, т. 1), с. 7 — Кажется вероятной высказанная почти полвека назад Педерсеном мысль о возможности в точности аналогичного развития в урартском (и хуррито-урартском, если показатель эргатива — хурр. —š, урарт. —še < постр. *—šä).

начальное расширение сферы употребления форм на *-m и в качестве именительного (а не только винительного) падежа тематических имен среднего рода. При наличии оппозиции форм маркированного субъекта типа *ped-s 'нога' и объекта типа *pe/od-e/om 'ноги' (в синтаксической позиции при активных глаголах) нейтрализация этой оппозиции при инактивных глаголах оставляла только одну возможную форму — на *-e/om, так как формы маркированного субъекта при инактивных глаголах были исключены (см. табл. 2).

Таблица 2

Синтаксическая нейтрализация оппозиции маркированного субъекта — маркированного объекта в индоевропейском

Тип глагола	Маркированный субъект	Маркированный объект
активный	*-s	*-e/om
инактивный	*-e/om	

Следствием этой дефектной синтаксической парадигмы и явилось функциональное отождествление формы субъекта—объекта (им.-вин. п. ср. р.) на *-e/om при инактивных глаголах с древними формами неопределенного падежа неодушевленного (среднего или инактивного) класса, которые тоже могли обозначать субъект только при инактивных глаголах.

1.5. Проблема происхождения семитской мимации. Тот этап развития в индоевропейском, который характеризуется обобщением показателя *-m (в определенных типах имен), на именительный (а не только винительный) падеж в известной мере сопоставим с раннесемитской мимацией (ср. формальное сходство индоевропейского вин. п. ед. ч. на *-om и сем. -am и т. п.). Употребление мимации давно уже позволило предположить, что показатель -m(a) выражал категорию определенности¹³. Уже этот выбор говорит в пользу допущения связи мимации с nostr. *-m(Δ)¹⁴. Произведенный Гельбом дистрибутивный ана-

¹³ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967, с. 215.

¹⁴ Ср. очень осторожное замечание: Илич-Свитыч В. М. Опыт, т. 2, с. 51.

лиз ранговой грамматики семитских морфных последовательностей показал, что семитская мимация (на *-та, что согласуется с реконструкцией *та для ностратического) относится к тому же рангу, что и другие показатели объекта¹⁵. Наиболее вероятной интерпретацией этого факта (в согласии с отражением категории определенности в функционировании мимации) кажется допущение, что и в раннесемитском, как *та в ряде других ностратических языков, мимация означала определенный объект. Обобщение мимации на другие синтаксические позиции (и соответственно на другие падежи) следует объяснить позднейшим развитием (лишь частично параллельным индоевропейскому).

Отличие развития в семитском от индоевропейского заключается в том, что семитский не перестроился в язык активного типа (в этом отношении индоевропейский ближе к картвельскому, хотя в индоевропейском перестройка именной флексии не была столь радикальной, как в картвельском, где винительный падеж был утрачен после преобразования типа языка из аккумулятивного в активный и позднее эргативный). С этой особенностью семитского может быть связано обобщение мимации — первоначально показателя определенного объекта — с винительного на другие падежи, прежде всего именительный. Представляется, что понять механизм такого обобщения можно с помощью типологического сопоставления с переносом окончания вин. п. одуш. р. *-ом на им.-вин. п. неодуш. р. *-ом в индоевропейском. Эту гипотезу поддерживают и синтаксические соотношения в древнейших текстах на семитских языках, ср. в законах Хаммурапи: *šum-ma ittinnum biṭam a-na a-wi-lim i-pu-uš-ma ši-pé-er-šu la uš-te-eš-bi-ma igārum iq-tu-up; itinnum šu-ú i-na kasar ra-ma-ni-šu igāram šu-a-ti ú-dan-na-an*¹⁶ 'Если строитель построил человеку дом и работу не выполнил искусно, и стена обрушилась, (то) этот строитель должен снова

¹⁵ *Gelb I. J. Sequential reconstruction of Proto-Akkadien (The Oriental Institute of the University of Chicago. Assyriological Studies, N 18). Chicago, 1969, p. 138—146* (с маловероятным предположением о том, что мимация обозначала отсутствие объекта, что могло быть следствием вторичного развития).

¹⁶ *Koher J., Ungnad A. Hammurabi's Gesetz. I—II. Leipzig, 1904—1909, § 233.*

укрепить стену за свои собственные средства'¹⁷. Сочетание непереходного глагола (в данном случае *iqṭūr*) с именительным падежом на *-um* (фонетическое чтение идеограммы — *igaram*) предшествует сочетанию переходного глагола (*udannān*) с винительным падежом на *-am* (фонетическое чтение идеограммы — *igaram*). Кажется возможным, что подобные внутритекстовые связи и могли привести к переносу показателя маркированного (определенного) объекта на маркированный (определенный) субъект.

Для того, чтобы предлагаемое сопоставление реконструируемого развития в семитском и индоевропейском стало правдоподобным, нужно доказать сходство исходного деления глаголов, при которых могли употребляться формы на **-m* в значении субъекта (-объекта). В одном случае такое доказательство можно дать с помощью отождествления целых парадигм этимологически сопоставимых глаголов.

Речь идет о тождестве парадигм семитского глагола *jd'* 'знать' и индоевропейского **w(o)id-H-* с тем же значением (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3
Семитский (старовавилонский) глагол 'знать' и его
индоевропейское соответствие

Лицо	Семитский (аккадский)	Индоевропейский
1	<i>Id-e</i>	* <i>woid-H₃-e</i>
2	<i>t-Id-e</i>	* <i>woid-t-H₃-e</i>
3	<i>Id-e</i>	* <i>woid-(H₃)-e</i>

Отождествление парадигм прежде всего может быть доказано функционально. В обоих языках парадигма уникальна: в семитском (в приведенном примере — в древнеаккадском) от *jd'* образуется только претерит, используемый как статив, что вполне соответствует функ-

¹⁷ Ср. к переводу: *Riemschneider K. Lehrbuch des Akkadischen. Leipzig, 2. Aufl. 1973, S. 205*; Хрестоматия по истории древнего Востока, под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963, с. 212 (пер. Л. А. Липина).

ции индоевропейского инактива *woidH₃e в тех языках, где он переосмыслен как перфектнопрезентный глагол. Тождество семитского и индоевропейского окончаний не вызывает сомнений (первоначально в семитском в конце корня было ' , сопоставимое с индоевропейским *H₃ перед гласным). Во 2-м лице наблюдается характерное различие в префиксации (первоначально местоименного) t- в семитском при его суффиксации (точнее инфиксации в постпозиции после корня) в индоевропейском¹⁸. Отсутствие w- в семитском можно сравнить с особенностями спряжения аккадских инактивных глаголов состояния типа waḡaḡum 'зеленеть', 'быть зеленым' (при отсутствии w- в iriḡ, iriq, itariḡ) и с образованием перфекта без w- (с начальным t-) от глаголов типа waḡalum 'нести' (ittabal 'он принес', itbal и т. п.), wṣī 'выходить' (ittasi 'он вышел'); иначе говоря, в формах со значением состояния или перфекта w- отсутствует. Поэтому (при принятии обычного объяснения *o как рефлекса ступени редукции) индоевропейская и семитская парадигмы тождественны. Следовательно, такие реликтовые глаголы могут отражать тождество древних инактивных серий глагола, что делает вероятным и предположенное сходство в развитии именной флексии.

2.0. Выражение определенности посредством местоимений. Хотя из приведенного краткого обзора следует, что в значительном числе ностратических языков на различных этапах их истории для выражения определенности использовалась морфема *-m(λ), в отдельных исторических индоевропейских диалектах это ее значение не оставляет уже почти никаких следов. Для выражения определенности—неопределенности в них используются

¹⁸ Из многочисленных примеров подобного препозитивного использования одного и того же элемента (первоначально самостоятельного) в семитском при постпозитивном в индоевропейском, кроме уже приведенных В. М. Иллич-Свитычем — сем. *'-; и.-е. -o; сем.-хам. * m-; *и.-е. * m- (см. *Иллич-Свитыч В. М. Опыт*, т. I, с. 258, 259, т. 2, с. 45—48) можно привести яркий пример, связанный с выражением волюнтатива. В хеттском (возможно и в балтийском) в качестве архаизма сохраняется суффикс -l- (ašallu, ešlit, ešlut 'да буду я'), находящий точное соответствие в семитском префиксе волюнтатива (аккад. l— lušpur 'да напишу я'), где происхождение l (u) из отдельного слова вероятно благодаря наличию конструкций типа lū baḡtāta 'да живешь ты долго' (ср. наличие подобной частицы в балтийском, где из нее объясняют развитие форм, сопоставленных Бенвенистом с хеттским волюнтативом).

прежде всего синтаксические сочетания с местоимениями — указательными и относительными (по происхождению вопросительными). Рассмотрению специфических функций последних местоимений в отдельных группах диалектов, сближающих их с артиклями, целесообразно предпослать суммарное изложение ностратических и индоевропейских реконструкций праформ и значений этих местоимений.

2.1. Ностратические и индоевропейские указательные местоимения. Для ностратического реконструируется система указательных местоимений, во многом сохранившаяся и в индоевропейском. В нее входят прежде всего противопоставленные друг другу анафорические местоимения одушевленного класса (ностр. *šä, и.-е. *so, ср. выше об использовании этого местоимения в конструкции, из которой развился им. п. ед. р. на *-s) и неодушевленного класса (ностр. tä, и.-е. *to-, *te- 'этот, тот'). В тот достаточно ранний период, к которому относится перестройка общеиндоевропейской грамматической системы по активному типу, предполагавшему соотнесение местоимения *so с активным падежом (позднее им. п. ед. ч. од. р.), произошло образование супплетивной парадигмы, в которой косвенные падежи образуются от основы *to-: тох. А им. п. ед. ч. м. р. sām, В se, косв. п. А sam (с < *t'), В se, ж. р., им. п. A sām, В sā, косв. п. A tām, В tā, ср. р. им.-косв. п. A tām, В te и т. п.

В некоторых индоевропейских диалектах сохраняется связь *t(o)-, с индоевропейским *n(e/o) — местоимением, возводимым к ностратическому *NA. В семито-хамитском *n(j) получает (в берберском, центрально-кушитском, некоторых чадских языках) значение местоимения 3 л.; аналогична его функция в картвельском (грузино-занское -п¹⁹) и в индоевропейском, где архаичность форм типа ст.-слав. онъ 'тот, он', вост.-лит. диал. anàs 'тот', др.-в.-нем. ёнер 'тот', др.-инд. ana- 'этот', авест. ana- (по В. М. Иллич-Свитычу, сложение *[?]e-, *[?]a- + *ne/o-²⁰)

¹⁹ Чикобава А. С. Древнейший показатель 3-го лица субъекта в картвельских языках. — Известия Института языка и истории материальной культуры АН Груз. ССР (на груз. яз.), т. V—VI. Тбилиси, 1940, с. 13—46; Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 144—145.

²⁰ Иллич-Свитыч В. М. Опыт, т. 2, с. 94 — Ср. там же о регулярном соотнесении в уральском мн. ч. *nä-, с ед. ч. *tä-, что может быть свидетельством закономерных связей указательных местоимений *n- и *t-.

подтверждается уже благодаря обнаружению соответствия в хет. *appi* 'тот', *epi-* 'вышеупомянутый'. Но еще более точное соответствие картв. **-п* дает недавно предложенный в исследованиях К. Уоткинса²¹ и Ф. Бадера²² по индоевропейскому глаголу и синтаксису индоевропейского высказывания истолкование *-п* в формах типа тохарского А *pä-п* < **pe-п* '(он) есть', тохарского В окончания 3 л. ед. ч. подавляющего большинства глаголов *-ä-п* и в родственных греческих формах как частицы, указывавшей на 3-е л. (в древнейшем индоевропейском не имевшем маркированного окончания), что полностью аналогично истории славянских глагольных форм 3 л. ед. ч. на **-тъ* (ср. также конструкции типа хет. *aki-aš* 'умирает — он' и т. п.). Если принять анализ хет. *paš* < **po-s* '(и) этот'²³, то в хетском можно видеть след постр. **NA* и.-е. **po-/(pe-)*.

2.2. Соотнесение указательных местоимений с тремя лицами. Наиболее отчетливо соотнесение местоимений **t-* и **п-* с лицами в индоевропейских диалектах обнаруживается в славянском и армянском. В обоих диалектах эти местоимения (как и другие указательные, в частности, *s-*, связываемое с 1-м л.) соотнесены с тремя лицами — тремя основными участниками акта речевого общения²⁴. Точ-

²¹ Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion (Indogermanische Grammatik, hrsg. von J. Kuryłowicz, III/1), Heidelberg, 1969, § 194.

²² Bader F. Le présent du verbe «être» en indo-européen. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris» (BSL), 1976, t. LXXI, fasc. 1, p. 31, 32, 41, 82 (далее — Être); *Idem*. Vieil irlandais *no*, *no-* et les formes tokhariennes apparentées. — Études celtiques, 1975, vol. XIV, fasc. 2, p. 391—403 (далее — *no*).

²³ Bader F. *no*, p. 391.

²⁴ Тождество древнеармянской и диалектной южнославянской систем *s-*: *t-*: *п-* было открыто Бругманом: Brugmann K. Die Demonstrativpromina der indogermanischen Sprachen (eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung). — In: Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XXII, N VI, Leipzig, 1904, S. 45; См. также: Педерсен Х. Указательные местоимения древнеармянского языка. Вена, 1907, с. 7—9 (на арм. яз.), где, в частности, вслед за Бругманом, приведены точные соответствия армянским формам в местоимениях родопских говоров болгарского языка. См. подробное изложение: Туманян Э. Г. Об указательных местоимениях в армянском языке. — В кн.: Труды Института языкознания АН СССР, т. III, М., 1954, с. 213, 216; Она же. Древнеармянский язык. М., 1971, с. 272—279. — Идея Э. Леви о древнебалканском характере этого

ную формулировку этих соотношений в славянском и древнеармянском дал Мейе, писавший: «Общеславянский язык, как и латинский, обладал тремя указательными местоимениями, позволявшими различать не только приближенный объект («этот») и объект удаленный («тот»), но и объект в отношении с лицами говорящими (лат. *ille*). Эта система в старославянском представлена *ѣъ, чѣъ, онъ...* То же мы находим и в армянском языке, где наряду с *s-*, указательным местоимением 1-го лица, и *n-*, указательным местоимением 3-го лица, *d-*, восходящее к старому **t-*, относится к 2-му лицу; роль *t-* в славянских и армянских языках напоминает роль *t-* в лат. *is-te* и умбр. *es-tu-*»²⁵. Кажется правомерным соотнести такое функционирование *-t-*²⁶ и с аналогичной ролью *-t-* как индоевропейского показателя 2 л. ед. ч. в личных местоимениях и в глаголах инактивной («перфектной» серии), некоторые ностратические параллели чему указаны выше (семитский префикс 2 л. ед. ч. в акк. *t-ide* 'ты знаешь', ср. *t-iš* 'ты имеешь' и т. п.). Ностратическое внешнее сравнение в данном случае представляется особенно существенным еще и потому, что оно предполагает наличие варианта **ʃ* при **t*, которым объясняется окончание *-s-* в 2 л. индоевропейской активной серии глаголов²⁷. Таким образом, из трех местоимений **s-*; **t-*; **n-*, соотносящихся с тремя лицами в славянском и армянском, употребление двух (**t-* в со-

явления, возводившегося им (и в армянском, и в южнославянском) к фригийско-армянскому (*Lewy E. Kleine Schriften. Berlin, 1961, S. 285—286*) представляет особый интерес в свете недавних исследований И. М. Дьяконова, предположившего такую же трехчленную систему во фригийском, см.: *Дьяконов И. М., Нерознак В. П. Очерк фригийской морфологии. — Baltistika, 1977, II priedas, с. 193.*

²⁵ Мейе А. *Общеславянский язык. М., 1951, с. 353 (§ 503)*. В сербохорватском **s-* заменено *ov-* (из и.-е. **eu*), ср. его древние функции: *Netteberg K. O formacijah od radzeni zaimkowuch. — Slavica, 1958, 4, с. 176—201.*

²⁶ Возведение **t-* в этой функции к индоевропейскому было намечено (хотя и с большими оговорками) еще Бругманом, см.: *Brugman K. Op. cit.* Окончательно вероятность такой реконструкции (при критике позиции Бругмана) была показана в статье: *Frey H. Systèmes de déictiques. — Acta linguistica. Revue internationale de linguistique structurale, 1944, vol. IV, fasc. 3, Copenhagen, p. 122—126.*

²⁷ *Илич-Свитыч В. М. Опыт, т. 1, с. 6.*

отнесении с 2-м лицом и *п- — в соотношении с 3-м лицом) находит параллели в постратическом ²⁸.

При отношении к собственно индоевропейскому функционированию *п как указания на предмет, удаленный и в пространстве, и во времени, доказывается особенно наглядно сходством временного значения др.-арм. п-, ст.-слав. онъ, оно 'то' (*Въ врѣмѣ оно*, Остромир. еванг. Матф. IV, 5 = τῷ χαίρῳ ἐκείνῳ; ц.-слав. и др.-рус. *ономъ дне* = τρίτην, *nudius tertius*, Руфь, II по сп. XIV в.; др.-рус. *ономедни*, рус. *намедни*), греч. ἔντη 'последний день месяца' (< *тот день) и хет. aniššan 'прежде, раньше, тогда, во время оно, в то время' (ср. в хеттских договорах an-ni-ša-an-ma ku-it A.NA ¹Maš-ḫu-lu-ца IBILA NU. GÁL e-eš-ta 'но поскольку в то время у Масхуилува не было наследников' ²⁹). Для общей теории определенности—неопределенности существенно, что именно этот элемент *п- и стал функционировать в армянском в качестве

²⁸ Местоимение 1-го лица связывается с и.-е. *k̂(i) — (ср. прус. šis, лит. šis 'этот', лат. cis 'по сю сторону', фриг. *σεριου* 'этому', хет. ka 'этот'), хотя фонетическая структура и функции форм этого местоимения в славянском (но не в армянском, где все формы могут быть объяснены, исходя из *k̂(i) — позволяют предположить, что в одной парадигме были объединены два разных местоимения: *k̂(i) > слав. *сь (ст.-слав. -сь в -дньсь, ср. хет. ki-nun 'теперь' и т. п.) и *se/*so, родственное хет. š- (которое вводит в древнехеттском от 10 до 20% всех предложений, обычно в соотношении с одушевленным именем, чаще всего лицом, см.: *Carruba O. Die Satzeinleitenden Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens*, Roma, 1969, *Incunabula graeca*, v. XXXII, S. 60, там же ср. о следах местоименного значения этого s-), др.-ирл. se-ch 'и это есть', др.-инд. sa (в брахманической прозе). Такое *se (обычно рассматриваемое как результат фонетически незакономерного аналогического преобразования ожидаемого *še < *sjo < *kio) можно видеть не только в формах типа ст.-слав. род. пад. сего < *se+*go (из древнего энклитического комплекса, ср. того < *to+go) но и в начальных сочетаниях типа ст.-чеш. se-ova, др.-рус. -се в функции, отчасти сходной с функцией начального союза (см.: *Zubatý J. O jistém způsobu užívání. Zájem an a on a o jeho původu*. — In: *Zubatý J. Studie a články*, sv. II. Praha, 1954, с. 86—87; *Потебня А. А. Из записок по русской грамматике*, I—II. М., 1958, с. 294), ср. рус. сѣм (-ка) < *se-ть, понимаемое как *se+ местоименная энклитика и т. п.

²⁹ *Friedrich J. Staatsverträge des Hatti-Reiches in Hethitischer Sprache*, I (Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft 31/1). Leipzig, 1926, S. 112, § 7, 13.

определенного артикля³⁰ (ср., однако, также и функционирование *t- в сходной функции в греческом, некоторых германских и славянских языках³¹).

Причины, по которым из трех местоименных основ, соотносимых с тремя лицами, для артиклеобразного выражения определенности выбирается именно та, которая связывается с 3-м лицом, были намечены еще одним из предшественников современного языкознания — де ля Грассери. Обсуждая факты кой-санского (готтентотского) языка нама, где возможны конструкции со значением составных частей 'человек—я', 'человек—ты'; 'человек—он', причем последний означает то же, что французское l'homme, де ля Грассери замечает, что это использование местоимения 3-го лица объясняется сходством его локализирующего значения (там) с локализирующей функцией артикля³². При этом во многих языках особенно существенно указание на далекие видимые (известные) и невидимые (или неизвестные) предметы, что было на обширном сравнительном типологическом материале показано А. П. Рифтиным, ссылавшимся в этой связи и на болгарскую и армянскую систему s; d (t); n³³, и на соотношения в общеиндоевропейском. Ценность работы А. П. Рифтина заключается в попытке установить закономерность развития целого комплекса значений, связываемого с индоевропейскими местоимениями, относящимися (по Бругману) к невидимому миру: *s, *t, *n, *l (лат. ille), *ц³⁴ (откуда v-, вытеснившее указательное местоимение *s-, в сербо-хорватском). Если в деталях это построение нуждается в уточнениях, то в целом подобный

³⁰ Ср. Туманян Э. Г. Артикли в современном армянском языке. Ереван — М., 1963.

³¹ В южнославянских диалектах существовало уже в раннюю эпоху и использование -сь в качестве постпозитивного артикля, ср. в формах типа градсь: Заимов И. Битолски надпис на Иванов Владислав самодържец български. София, 1970, с. 73, 74; Нанр Е. Р. Κριπάτοι Κοοριπάτοι, Γχέρητες. — In: Linguistique balcanique, XVI, 1. Sofia, 1972, p. 39.

³² Grasserie de la R. De l'article (morphologie et syntaxe). — In: Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1896, 9, p. 387.

³³ Рифтин А. П. Категория видимого и невидимого мира в языке. — Учен. зап. ЛГУ, № 69, Серия филол. наук, вып. 10, Л., 1946, с. 147 (типологическое сопоставление с малайско-полинезийским языком цоу, описанным Н. А. Невским).

³⁴ Там же, с. 151, 152. Ср.: Brugmann K. Op. cit., S. 46.

типологический подход при реконструкции оказывается необходимым.

2.3. Структура трехчленной и четырехчленной систем местоимений, соотносимых с лицами. Трехчленная система древнеармянских указательных местоимений была разобрана Куриловичем, который (как и Якобсон³⁵, и Бенвенист³⁶) специально останавливается на универсальной грамматической роли категорий, определяемых структурой самого акта речевого общения, в частности, категории лица, во многих своих работах последнего времени³⁷. Эти исследования имеют исключительное значение для теории языка в целом³⁸ и представляют собой существенный шаг вперед по сравнению с известным различением четырех форм указания у Бругмана (*Der-Deixis, Ich-Deixis, Du-Deixis, Jener-Deixis*)³⁹ и его последователей⁴⁰.

Курилович (в соответствии с выводами серии упомянутых выше работ Бенвениста о субъективности в языке⁴¹) рассматривает первое лицо (говорящего) как маркированный член оппозиции (β в его универсальной символической записи языковых противопоставлений). Второе лицо

³⁵ Jakobson R. Sur la spécificité du langage humain. — *L'arc*, 1975, № 60, p. 6; Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. — Существенность такого подхода особенно отмечал И. И. Ревзин, в этой связи обращавший внимание на то, что еще А. М. Пешковский подчеркивал «субъективный» характер категории лица и времени, которые могут быть описаны лишь по отношению к акту коммуникации, см.: Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, с. 43.

³⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

³⁷ Kurylowicz J. Linguistics of to-day. — *Scientia*, 7 ser. 1970, v. CV, NDCIC—DCC, p. 13—17; *Idem*. Esquisses linguistiques II (Internationale Bibliothek für allgemeine Linguistik, BD 37). München, 1975.

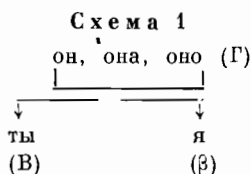
³⁸ Ср. Иванов В. В. О семиотических аспектах взаимодействия естественных и формализованных (искусственных) языков в коллективе. — В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977, с. 48; *Он же*. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978, с. 122—139.

³⁹ Brugmann K. Op. cit. SS. 9—12 — Из критических разборов см. особенно: Frey H. Op. cit.; Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934, S. 92—101.

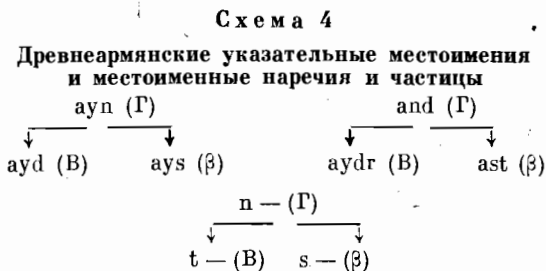
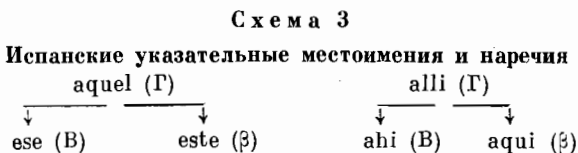
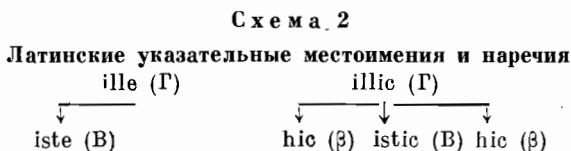
⁴⁰ См. обзор в кн.: Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, с. 51, 52, 64—77 и др.

⁴¹ Бенвенист Э. Указ. соч.

(слушающий) представляет собой негативный член оппозиции (В), третье (все остальные, кроме говорящего и слушающего) — нейтральный член (Г) ⁴² (см. схему 1).

Системы указательных местоимений и соответствующих им наречий в латинском (см. схему 2) и в частично продолжающих латинскую традицию романских языков типа испанского ⁴³ (см. схему 3), а также в древнеармянском (см. схему 4) представлены согласно Куриловичу:

⁴² *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 148.

⁴³ Ср. также: *Molhom M.* Remarques sur le système des mots démonstratifs en espagnol et en français. — Les langues modernes, 1968, 3, p. 335—350 (с опорой на идеи книги: *Guillaume G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919).

Особый интерес системы Куриловича для индоевропейистики и ностратики состоит в том, что она легко переводится в четырехчленную в том случае, если имеется четвертый сложный член оппозиции γ , который одновременно противостоит члену В как обозначающий и участие говорящего и члену β как обозначающий и участие слушающего. В таком случае член γ является инклюзивной формой, член β — эксклюзивной.

2.4. Система местоимений множественного числа в индоевропейском и ностратическом. Наличие эксклюзивного **ne-* в общеиндоевропейском было предположено сперва Иенсеном⁴⁴, а затем независимо от него Уоткинсом, который, оставаясь в рамках метода внутренней реконструкции, считал выдвинутую им гипотезу «в лучшем случае недоказуемой»⁴⁵. Выход из этого тупика позволило найти ностратическое внешнее сравнение, опирающееся на недавнее открытие эксклюзивного *n-* в чадской группе семито-хамитских языков⁴⁶ и реконструкцию эксклюзивного **na-* в картвельском⁴⁷, где категория инклюзива — эксклюзива исследовалась еще Боппом, чьи мысли до недавнего времени оставались без продолжения⁴⁸. Опираясь на сопоставление этих реконструкций в отдельных ностратических языках, В. М. Иллич-Свитыч пришел к выводам, согласующимся с упомянутыми гипотезами индоевропейцев (ему неизвестными): «Древнейшее инклюзивное значение сохранено в семито-хамитском и восстанавливается для картвельского; дравидийские и алтайские данные, представляющие иное распределение эксклюзивных и инклюзивных форм, могут быть объяснены

⁴⁴ *Jensen H.* Bemerkungen zum urgeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen. — *Indogermanische Forschungen*, 1930, Bd. 48, S. 117—126.

⁴⁵ *Watkins C.* Op. cit., S. 47.

⁴⁶ *Пильщикова Н. Н.* Местоимения языков нигеро-чадской группы. — В кн.: Африканский этнографический сборник. III (Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. II). М.—Л., 1959, с. 217—218.

⁴⁷ *Гамкрелидзе Т. В.* Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959, с. 46—47 (на груз. яз.).

⁴⁸ *Дондуа К. Д.* Франц Бопп и кавказские языки. — В кн.: *Дондуа К. Д.* Статьи по общему и кавказскому языкознанию. М., 1975, с. 229 (доклад, сделанный в 1945 г., но напечатанный 30 лет спустя), ср. с. 79—95.

как результат перестройки соответствующих систем в связи с новыми формами, производными от мест. I. sg. Таким образом, инклюзивная основа *mä противопоставлялась на постр. уровне основе 1 л. exclus. *пл — . . . форма I pl. inclus. рассматривалась, по-видимому, как немаркированная форма pl. от мест. I sg. в отличие от I pl. exclus. являющейся самостоятельной местоименной основой»⁴⁹.

⁴⁹ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт, т. 2, с. 56. — Существенным вопросом остается выяснение соотношения и.-е. *me (ностр. *mä) и и.-е. *пе (ностр. *пл-) с и.-е. *це-, в котором многие лингвисты видели древний инклюзив (при эксклюзиве в *те-, а не в *пе-), основываясь на том, что формы 1 л. мн. ч. типа хет. цеџ 'мы' совпадают по корню с формами 2 л. мн. ч. типа ст.-слав. вы, лат. vos; *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, с. 308—309; *Liebert G.* Die indoeuropäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie, Lund, 1957 (ср. рец.: *Benveniste E.* BSL, 1959, t. 54, fasc. 2, 56—57). Однако представляется возможным и другое объяснение, согласно которому *це- (как в балтославянском: ст.-слав. вѣ-, лит. ve-du) было древней формой двойственного числа со значением 'мы с тобой'; *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт, т. 2, с. 54. В пользу такого объяснения можно было бы привести давно выявленные А. Кюни аргументы в пользу рассмотрения * -w- (ср. * d-w- 'два?') как морфемы со значением двойственного числа, общей для семито-хамитского и индоевропейского (*Cuny A.* Études prégrammaticales sur le domaine des langues indoeuropéennes et chamito-sémitiques. Paris, 1924; *Erhart A.* Die ie. Dualendung -ō (u) und die Zahlwörter. — In: Sbornik Praci filosofické Fakulty Brněnské University A, Brno, 1962, S. 11—33; относительно предьстории окончания ср.: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1979. — По тонкому замечанию И. М. Тронского, «двойственное число индоевропейских языков. . . в известной мере тяготеет к множественному: в корневой оппозиции супплетивных личных местоимений корню единственного противостоит общий корень двойственного и множественного» (*Тронский И. М.* К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — Учен. зап. ЛГУ, № 69. Серия филол., вып. 10. Л., 1946, с. 68). Но остается неясным, почему -це- в глагольном окончании 1 л. мн. ч., по указанной гипотезе возводимые к двойственному числу, в хеттском находятся в регулярном морфонологическом чередовании с -те- (появляющиеся в глаголах с основах на -и- по закономерности, выявленной Стертевантом). Если это — результат собственно хеттской инновации, то гипотеза остается в силе. В противном случае *це- более древний инклюзив, позднее вытесненный *те- (ср. ниже *mi- в 1 л. ед. ч.).

Другим «претендентом» на роль инклюзива в индоевропейском является *ц-s-ш- в др.-инд. asma (основа косвенных падежей личного местоимения 1 л. мн. ч.), греч. лесб. 'αρμε < *αρμε, ср. лат. nos, гот. вин. п. uns (is), так как в них есть тот же элемент -s-, что и в древнеиндийских формах косвенных падежей личного место-

Эта реконструкция соответствует идее Куриловича о сложном характере члена γ (инклюзива), который и может рассматриваться как производное от члена β в подсистеме единственного числа (см. схему 5), тогда как для β в подсистеме множественного числа (экслюзива) существует маркированное обозначение (см. схему 6).

Схема 5

Подсистема ностратических местоимений единственного числа

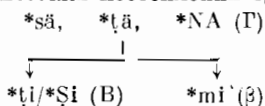
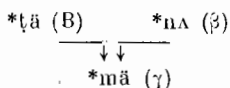

Схема 6

Подсистема ностратических местоимений множественного числа

Рассмотрение этих несимметричных схем с соответствиями $*t\ddot{i} (B): t\ddot{a} (\Gamma) = *t\ddot{a} (B) \sim *mi' (\beta): *m\ddot{a} (\gamma)$ позволяет думать, что в ностратическом для обращения ко множеству слушающих могло быть использовано указательное местоимение $*t\ddot{a} (\Gamma)$, соотносившееся с третьим лицом и лишь затем получившее значение второго (B), ср. типологические параллели во многих языках⁵⁰, ср.

имения 2 л. мн. ч. от основы др.-инд. $yu\ddot{s}ma$, греч., $\ddot{u}\ddot{m}\ddot{m}\ddot{e} < *u\ddot{m}\ddot{m}\ddot{e}$: Erhart A. Studien zur indoeuropäischen Morphologie. Brno, 1970, S. 38—41; Idem. Pluralformen und Pluralität. — Archiv Orientalni, 1973, v. 41, N 8, S. 253. Но совпадение преимущественно греческо-арийских форм позволяет предположить их диалектный характер.
⁵⁰ Svennung J. Anredeformen, Uppsala, 1958; Jespersen O. Growth and structure of the English language. Oxford, 1956, p. 224; Brown R. W., Gilman A. The pronouns of power and solidarity. — In: Style in language ed. by T. A. Sebeok, N. J. 1960, p. 253—276; Lambert W. E. Some current psycholinguistic research: the tu-vous and le-la studies. — In: Substance and structure of language, ed. by J. Puhvel. Berkley, 1969; интерес представляют данные тех восточных ностратических (алтайских) языков, где, как в корейском, японском и рюкюском, система полностью перестроена благодаря наличию иерархии нескольких уровней общения: Martin S. E. Speech levels in Japan and Korea. — In: Language, culture and society, ed. by D. Hymes. New York, Evaston, London, 1964, p. 407—415. В этих языках остается в силе общий принцип определения

соотношение др.-арм. d- (указательное местоимение, связываемое со 2-м лицом): du 'ты'; duk 'вы' (вместо ожидаемого *juk' < *yus).

Ностратические реконструкции местоименных основ представляют исключительный интерес для выяснения первоначальных структур форм активной (первой) серии индоевропейского глагола, характеризовавшейся в настоящем времени «первичными» окончаниями единственного числа *mi (β), *si < *ʃi (B), *ti < *li (Γ) (формы мн. ч. *me < *mä (γ), *nλ > *ne (β), *tä > *te- (B) объединяют обе серии (оба спряжения в хеттском) и поэтому в дальнейшем не рассматриваются. Два первых окончания совпадают с реконструированными личными местоимениями для β и B соответственно, третье же построено по их типу (с элементом -i-, отсутствующим в формах инфинитива — прошедшего времени) на основе указательного *t- < *! (Γ). Это позволяет думать, что древнейшие индоевропейские формы, давшие эти личные формы глагола, были первоначально сочетанием основы с постпозитивным местоимением. Напрашивается сопоставление с древне-хеттскими именными притяжательными сочетаниями с энклитическими местоимениями неотчуждаемой принадлежности типа kir-mit 'сердце—мое', ri-gammit (piran + mit) 'перед—мой' (= 'передо мной') и т. п.⁵¹ Такое объяснение структуры индоевропейских глаголов активной серии из притяжательных конструкций с местоимениями можно было бы поддержать типологическим сравнением с енисейскими языками, где для глагольных форм типа ba-t-a-b-d-aq восстанавливается древнее значение 'мое вытаскивание этого' ('я вытащу—это'), ср. b-am 'моя мать': глагольные показатели группы B совпадают с притяжательными аффиксами, которые в древности могли указывать на принадлежность действия лицу⁵².

языковых категорий структурой акта коммуникации, но устройство этого акта по социальным причинам существенно более сложно, в связи с чем категория лица оттесняется категорией социальных уровней.

⁵¹ Ср.: Иванов В. В. Диакроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными словами. — В кн.: Лингвистические исследования, вып. II, ч. 2, М., 1975.

⁵² Крейнович Е. А. О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. М., 1964, с. 140, 141; Он же. Глагол кетского языка. Л., 1968,

Этот сравнительно-исторический вывод представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, он позволяет средствами внешнего ностратического сравнения удостоверить вторичность парадигмы активной серии типа *es-mi по сравнению с парадигмой иактива типа *es-H₃e (лув. ašḫa 'я был', ср. выше о семитских соответствиях и.-е. *uoid-H₃e), что подтверждает хронологические выводы, полученные на основании других данных⁵³. Во-вторых, поскольку в парадигме иактива окончание (H₃)e характеризует все лица, а в парадигме актива (как и во 2 л. иактива) лицо выражается местоименным элементом, гипотеза о субъективности индоевропейского глагола, принимаемая Леманом⁵⁴ вслед за Леви⁵⁵, оказывается спорной по крайней мере по отношению к наиболее ранним периодам.

2.5. Синтаксическое использование местоимений, входящих в трехчленную систему, в качестве относительных. Одним из важных результатов сравнительного изучения местоимения *ne/o-, предпринятого недавно Ф. Бадер, явилось заключение, согласно которому использование *по для образования относительных предложений в древнеирландском является свидетельством раннего развития этой функции *ne/o- еще в индоевропейских диалектах⁵⁶. В пользу этого говорит совпадение с аналогичным использованием *vi* (*ve*, *vi*) во фригийском *ιος vi* 'кто бы ни' в начале известной формулы проклятия, а также и в древнефригийской надписи и во многих поздних текстах⁵⁷,

с. 25, примеч. 23; *Он же*. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. — В кн.: Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968, с. 185; *Вернер Г. К.* Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — ВЯ, 1974, № 1, с. 43, 44.

⁵³ *Bader F.* Être.

⁵⁴ *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European syntax. Anstin—London, 1974, p. 111, ср.: *Иванов В. В.* [Рец.] — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977, т. XXXVI, № 4, с. 365.

⁵⁵ Ср.: *Lewy E.* Op. cit. S. 18, 87, 261, 293.

⁵⁶ *Bader F.* по, p. 393.

⁵⁷ *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler (Linguistique balkanique, X). Sofia, 1966, S. 75 (о текстах 3, 33, 73, 99), 80 (кроме указанных текстов в текстах 69, 87, 93), 114 (также надписи 4, 4bis), 116 (надписи 6, 10), 117 (надпись 14), 117 (надписи 20, 25, 26), 118 надписи 20, 25, 26), 118 (надписи 28, 32), 119 (надписи 35, 39, 40), 120 (надписи 42, 43, 47, 53), 122 (надпись 57), 123 (надписи 62, 63), 124 (надпись 68), 125 (надписи 76, 82), 126 (надписи 86—89, ср. 91), 127 (надписи 92, 97), 128 (надписи 102, 105), 129 (надписи 106, 108, 109), 174 (о древнефригийском), 180 и рис. 181) (древне-

в чем можно видеть одно из наиболее достоверных свидетельств (при современном состоянии знаний) наличия во фригийском (соответственно в древнебалканском индоевропейском) соответствия армянскому -п⁵⁸. Но изоглосса явно включает и тохарский, так как тох. A kus ne функционально аналогично фриг. 105/vi⁵⁹. Сходство кельтского, фригийского и тохарского отмечается и в других случаях (формы медиопассива). Но эта изоглосса является более широкой, потому, что в нее входят и греческие эолийские указательные местоимения ὄνε, ὄνι, ὄνυ⁶⁰, и славянские формы типа ст.-чеш. jenz(e), ст.-пол. jenze⁶¹.

При рассмотрении тех употреблений *-п-, которые свидетельствуют о древности относительного использования этого указательного местоимения, в особенности обращает на себя внимание близость некоторых явлений древнеирландского и древнеармянского синтаксиса⁶². Для ирландского (и кельтского вообще) характерно использование *по и как элемента, вводящего предложения, и как относительного местоимения (в дополнительной дистрибуции с *jo)⁶³.

фригийская надпись XV). Ср. также комментарии к формуле проклятия: *Hauschild R.* Die indogermanischen Völker und Sprachen Kleinasiens, Berlin, 1964, S. 114. Детальный анализ см.: *Fraser J.* Phrygian 105 vi. — In: *Melanges H. Pedersen.* København, 1937, p. 537 et suiv.

⁵⁸ Сопоставление фригийского с армянским -п вслед за Мейе принимал Э. Бенвенист (*Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский. — В кн.: *Тохарские языки.* М., 1959, с. 100).

⁵⁹ *Smith E.* «Tocharisch», die neuentdeckte indogermanische Sprache Mittelasiens. Christiania, 1911 (Videnskabs Selskabets skrifter. 2, Hist. — filos. Klasse, 1910, N 5) S. 43; *Pokorny J.* Stellung des Tocharischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. — In: *Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient,* Wien, 1923, S. 44; *Hermann E.* [Рец.]: *Tocharische Sprachreste,* hrsg. von E. Sieg, W. Siegling. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung,* 1922, Bd. 4, S. 307; *Бенвенист Э.* Указ. соч., с. 100; *Pedersen H.* *Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung.* København, 1941, S. 219; *Fraenkel E.* *Zur tocharischen Grammatik.* — *Indogermanische Forschungen,* 1932, Bd. L., S. 19.

⁶⁰ *Meister R.* Die äolische Demonstrativa ὄνε, ὄνι, ὄνυ und die Partikel νι(νε) im Phrygischen. — *IF,* 1909, Bd. XXV. S. 320.

⁶¹ *Rystewicz Z.* De quelques pronoms relatifs. — In: *Rystewicz Z.* *Studia językoznawsze.* Wrocław, 1956, p. 318—322.

⁶² См. их сопоставление: *Иванов В. В.* *Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы.* М., 1965, с. 192.

⁶³ *Bader F.* no, p. 392, 393.

В некоторых типах древнеирландских относительных предложений *по- участвует в образовании относительных конструкций без особых относительных форм глагола, находясь в препозиции по отношению к формам 1-го и 2-го лица⁶⁴. В древнеармянском родственный синтаксический элемент *-п(о) используется постпозитивно (присоединяясь как к глаголам, так и к существительным и прилагательным) в придаточном относительном предложении для указания на связь его с предшествующим предложением⁶⁵. Первоначальная свобода в положении постпозитивного *по > тох. А не демонстрируется такими относительными конструкциями, как тох. А kus škaṙ ne 'и который', kus šurmaš ne 'по какой причине', ke mo-šap ne 'из-за которого'⁶⁶.

В древнеармянском рассмотренные выше местоименные основы s- (соотносимое с 1-м лицом), d- (соотносимое со 2-м лицом), n- (соотносимое с 3-м лицом) функционируют и как местоимения в собственном смысле, и как определенный артикль (преимущественно -п в постпозитивном употреблении), и как указатель связи относительного предложения с ему предшествующим. В последнем случае -п обычно присоединяется к предшествующей глагольной форме относительного предложения, что может быть генетически связано с описанным выше общеиндоевропейским функционированием -п (из ностратического *п-) в качестве частицы, присоединяемой к глаголу (ср. такие древнеармянские относительные предложения, как eṙiṙi li varjk' k'o i teaṙn astuač'oṙ Israyēli 'да будет полной твоя награда от Того Господа Бога Израиля, [к которому направились ты]' Руфь, 2, 1). Во фригийском ἰος ἡ выделяется частица ἡ, для которой предполагается подчеркивающий характер⁶⁷, но вся конструкция в целом является относительной.

⁶⁴ *Thurneysen R.* A grammar of Old Irish. Dublin, 1946, p. 313, § 493, 1; p. 348, § 538, 2b; *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, § 481, с. 382 (разбираемое там же, с. 313, § 430, с. 378, 380, § 478, корн. -ns- в па-ns-у 'есть', па-ns-о 'был' прямо соответствует тох. * nes < * nos-); *Watkins C.* Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb. — *Celtica*, 1962, VI, pp. 25, 29.

⁶⁵ *Март Н. Я.* Грамматика древнеармянского языка. СПб., 1903, с. 130—131.

⁶⁶ *Krause W., Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Grammatik. Heidelberg, 1960, S. 166, § 270 A. 2.

⁶⁷ *Дьяконов И. М., Нерозняк В. П.* Указ соч., с. 194.

Приведенные факты позволяют реконструировать для и.-е. *по в раннедиалектный период два значения — указательное (соотнесение с 3-м лицом в трехчленной системе) и относительное. С типологической точки зрения тем самым для индоевропейского может быть реконструирована возможность употребления этого элемента в функции, сходной с ролью определенного артикля⁶⁸. Эта последняя функция более всего характерна для вопросительных местоимений, становящихся относительными.

Поэтому представляется возможным поставить вопрос о связи с и.-е. *по вопросительного *не, употребляющегося в ряде древних индоевропейских диалектов: в архаической латыни (1100 раз у Плавта⁶⁹, ср. *Egone, egon* 'я ли?', *Audin* 'Слышишь ли?', *Sine dote uxoremne, Trinummus*, 375⁷⁰; *Nostin* 'Вы его не узнаете?', *Curculio*, 423; *Quidni* 'Почему нет?', *Truculentus*, 723), авестийском-на, германском (др. в.-нем. -на в конце вопросов). Однако вопрос остается открытым в виду возможности связи этой вопросительной частицы с отрицанием (и.-е. *не) что нашло бы типологическую параллель в таких языках с порядком слов SOV, как кечуа и тюркские⁷¹.

3.0. Ностратические и индоевропейские вопросительные и относительные местоимения. Для nostr. *ja пред-

⁶⁸ С этой точки зрения значительный интерес может представить (в ряду других сближений хуррито-урартских грамматических и местоименных морфов с индоевропейскими, ср. выше, примеч. 12) также и сходная функция хурр. -n (n) i (суффиксированный постпозитивный артикль, ср. *ḥawur-ni* 'земля'; *ḥupri* — *Salvini M. Sui testi mitologici in lingua hurrica*. — In: *Studi Micenei ed egeo-anatolici*, fasc. XVIII (Incunabula Graeca, v. LXVII, Roma, 1977, p. 83), а также соотносительно-определяющей именной частицы -(n)ne: хурр. *Mizigre-we-ne-z ewri-z* 'Египта господин' (письмо Тушратты Аменхотепу III, I₈₅, ср. к интерпретации: *Хачикян М. Л.* Диалекты хурритского языка. Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 11). Сопоставление хуррито-урартского *не с индоевропейским и картвельским предлагает в несколько иной связи: *Палмайтус М. Л.* Прызык — генетическая или контактная общность? (Анализ данных словаря В. М. Иллича-Свитыча). — ВЯ, 1978, № 1, с. 55, прим. 11 (там же см. о некоторых из форм объекта, рассмотренных выше).

⁶⁹ *Warren M.* On the enclitic *ne* in early latin. — *American Journal of Philology*, 1881, v. 2, p. 50—82.

⁷⁰ *Ausgewählte Komödien des T. M. Plautus, erklärt von J. Brix.* Leipzig, 1879, s. 68, Anm. 375 (ср. в той же комедии, 178: *Qui emisset, eius essetne ea pecunia?*; 515: *Tibi egon rationem redam?*).

⁷¹ *Lehmann W. P.* Op. cit., p. 102.

полагается исходное значение вопросительного местоимения на основании согласных свидетельств алтайского (сред.-монг. *jaп* 'какой', маньчж. *ja* 'кто, каков, какой', кор. вопрос. частица *ja*, ср. яп. *-ya* в вопросительных предложениях ⁷²), дравидийского (тамил. *jā* 'что, какой', каннада *ja* 'что, какой'), картвельского (сван. *jā-* 'кто'). Но в семито-хамитском наряду с древним вопросительным значением (аккад. *'ajj-um* 'какой, который' с загадочным анлаутом; чад. **ja-*: вопросительная частица в конце предложения ⁷³) представлено и относительное значение (в кушитском и берберском). В финно-угорском отражено только значение неопределенного (мар. *ju-ž* 'некоторый') и относительного местоимения (фин. *jo* 'который, всякий'). Последнее является основным и в индоевропейском, где относительное **jo-* выступает лишь в части диалектов (греческо-индоиранском, фригийском, славянском, возможно кельтском), но с несомненностью реконструируется для праязыка на основании его следов в качестве синтаксического связующего элемента в хеттском и тохарском: хет. *-ja* 'и', энклитика, тох. А *-yo* 'и' ⁷⁴, ср. также тох. А-*yo* как показатель творительного падежа при диалектном индоевропейском (греческо-арийско-армянском) сложном окончании род. пад. ед. ч. тематических

⁷² Рамстедт Г. И. Указ. соч., с. 76, 77. Сопоставление корейской частицы с японской было дано уже: *Kanazawa S.* The common origin of the Japanese and Korean languages. Tokyo, 1910, p. 38.

⁷³ Ср.: Иллич-Свитыч В. М. Опыт, т. 1, с. 277. Ввиду наличия значительного числа других (отчасти приведенных выше) ностратическо (в частности, индоевропейско-) хурритских параллелей в местоимениях представляется возможным сопоставить с данной основой хуррито-урартское местоимение, имеющее в хурритском функцию относительного (*ija-*, *-je*) в урартском — неопределенного: *Diakonoff I. M.* Hurrisch und Urartäisch (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Beiheft 6. Neue Folge). München, 1971, S. 112.

⁷⁴ Против этой этимологии, более двадцати лет назад предложенной автором (*Иванов В. В.* Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. — Вестник Московского университета, 1957, № 2, с. 27), в недавнее время фонетические возражения выдвинуты в кн.: *Windekens Van A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, v. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976, p. 601. Однако в таких словах, как тох. А *yok-* 'пить' *o* с несомненностью восходит к и.-е. * *e-/o-*: хет. *eku-*, *aku-* 'пить' (ср. там же).

имен -(o)-s-jo⁷⁵ и другие аналогичные употребления *-jo как синтаксической связующей частицы⁷⁶.

Как эти косвенные следы древнего употребления и.-е. *-jo- в качестве показателя синтаксической связи, так и ностратические параллели заставляют предположить значительную древность функции *jo- как относительного местоимения в индоевропейском. Но в части индоевропейских диалектов (анатолийском, тохарском, италийском при некоторых возможных следах в армянском, балтийском и славянском, ср. ниже) в сходной функции использовалось другое относительное местоимение — *k^wi-, восходящее к одной из двух древних форм вопросительного местоимения *k^wo-/*k^wi-. Но и в хеттском и в остальных индоевропейских диалектах (греческо-арийском и др.), как и в других ностратических языках, основа *ko- используется и в функции вопросительного местоимения (первоначально одушевленного класса⁷⁷, что еще было отражено и в раннем индоевропейском, где эта основа противопоставлялась производной на -i- со значением неодушевленного класса), ср. *ko-/*ku- 'кто' в уральском (фин. ku-ka 'кто'), *k(w)/*q(w) 'кто' в семито-хамитском (с дальнейшим семантическим развитием типа аккад. ki-ma 'как' при вытеснении слова в основном значении производным от ностр. *mi 'что'), алт. *k'a-, *k'o- 'кто' (др.-тюрк. 'который'). Сложной проблемой остается возможность соотнесения этой местоименной основы с ностратической постпозитивной частицей *k(o)-. Несмотря на

⁷⁵ Ср. Иванов В. В., Топоров В. Н. Новое в литуанистике. — ВЯ, 1959, т. VIII, в. 1, с. 111; Mažiulis V. Baltų ir kitų indo-europiečių kalbų santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970, с. 91, 98, там же литература вопроса.

⁷⁶ Bader F. Grammaire comparée. — In: École pratique des hautes études. IVe Section sciences historiques et philologiques. Annuaire 1973/1974, p. 667—673; *Idem*. Une isoglosse gréco-tocharienne: *jo affixe casuel et particule d'énumération. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1975, t. LXX, fasc. 1, p. 27—89 (далее — Bader F. jo); *Idem*. Mycénien to-so-de, to-so-jo. — Minos 1975, N. S. XIV, fasc. 182 (1973), p. 96, 97; *Idem*. Particules d'énumération mycéniennes. — Minos, 1976, N. S. XV, fasc. 182 (далее — Bader F. Particules), p. 175, 178 (там же библиография вопроса; к указанному в статьях Ф. Бадер предшествующим работам следует прибавить ряд других, приведенных в кн. Иванов В. В. Общиневропейская. . ., с. 233—242).

⁷⁷ Иллич-Свитыч В. М. Опыт, т. I, с. 356.

сомнения В. М. Иллич-Свитыча ⁷⁸, представляется, что первоначально и.-е. *k^wo- и *k^we (и соответственно ностр. *Қо- и *Қо-/қо-) находились в точно такой же связи, как приведенные выше и.-е. *iо- (относительное местоимение) и хет. -ja, тох. А-уо 'и' (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение основ вопросительно-относительных местоимений и постпозитивных частиц

Основы	Функции	
	вопросительно-относительные местоимения	Постпозитивная частица
ностр. *Қо- > и.-е. *k ^w o/e	ностр. *Қо- 'кто' и.-е. *k ^w o- 'кто' и.-е. *k ^w i- 'что' анат., тох., итал. *k ^w (i)- 'который'	ностр. *Қо- (постпозитивная частица) и.-е. *k ^w e (> лат. que 'и', др.-инд. -са 'и')
ностр. ja- и.-е. *iо-	ностр. *ja- 'кто, какой' и.-е. *iо- 'который' (греч. ὅς др.-инд. уа-)	и.-е. *iо- (хет. -ja, тох. А-уо 'и')

Эти относительные местоимения в индоевропейском распределены по диалектам: *k^wi- используется в анатолийском, тохарском, италийском; *iо- в славянском, фригийском, индо-иранском, греческом. Но при различии конкретных местоименных основ характер их функционирования оказывается в существенной степени сходным. В виду исключительной важности соответствующих фактов для индоевропейской реконструкции они будут рассмотрены раздельно для каждой из двух морфем (и, следовательно, для каждой из двух групп диалектов).

3.1. Артиклеобразное детерминированное использование относительного местоимения в анатолийском. Уже в древнехеттском можно обнаружить (в частности, в хеттских законах) противопоставление двух типов использования относительного местоимения kuiš — в детерминированной функции, близкой к определенному артиклю (что обычно при неначальной позиции kuiš в предложении),

⁷⁸ Там же, с. 325.

и в функции неопределенного (относительного) местоимения (что обычно при начальной позиции *kuiš* в предложении)⁷⁹: *parizzi kuiš* 'тот (определенный человек), который осквернит', но *kuiš parizzi* 'всякий, кто осквернит'. Ср. в древнехеттских законах различие артиклеобразного *kuiš*, близкого по функции к определенному артиклю, в предложениях типа *ku-ú-ša-ta-ma ku-it pí-id-da-a-it na-aš-kán ša-me-en-zi* 'Ту плату (за невесту), которую он дал, он потеряет' (§ 30, КВо VI 3, II 14), и *kuiš*, передающего значение, сходное с логическим квантором общности: [*ku-i*]š-za ^Lúhi-ip-ra-ri ha-a-ar-ra gá-i-iz-zi 'всякий, кто имеет дело с общинником (?)' (§ 48, КВо VI 2, II 51); *ku-i-ša-an a-ar-ra-ma ú-qa-te-ez-zi* 'Но если кто-либо (буквально: который) назад его приведет' (§ 23, КВо VI 2, I 53, ср. I 51). Это последнее значение может быть передано посредством повтора начального относительного местоимения: *ku-it ku-it har-ak-zi ta-at šar-n[i]-ik-zi* 'И что бы ни было разрушено, за (все) это он дает возмещение' (§ 127, КВо VI 26, II 18).

3.1.1. Две функции *kui-* в древнехеттском. Уже в древнейшей надписи Анитты представлено артиклеобразное детерминативное употребление *kuiš*: *KAS-za ku-it a-aš-šu ú-daḥ-ḥ[u-un]* 'и то имущество, которое я принес из похода' (2Во TU 7, 58). Противоположное этому неопределенное употребление в том же тексте представлено в формуле: *ku-iš am-me-el a-ar-ra-an LUGAL-uš ki-i-šar[i]* 'Кто бы ни стал царем после меня' (там же, I 49).

Артиклеобразное употребление *kuiš* в древнехеттском завещании Хаттусилиса I засвидетельствовано в таких конструкциях, как: *ERÍN^{MES} LÚ^{MES} DUGUD İR^{MES}-ja LUGAL-ša-an ku-i-e-eš ki-ja-an-ta li-ik-zi* 'он поклянется в отношении тех воинов, сановников и подданных, которые поставлены царем'; *LUGAL-aš ut-tar Ū.UI da-a-aš nu an-na-aš-ša-aš MUŠ-aš ku-it ut-tar nu a-ra-a-at da-a-aš* 'слову царя не внял он, а то слово, которое от матери его — змеи, это (слово) он слушал'. Неопределенная функция начального *kuiš* в том же памятнике представлена в таких конструкциях, как *ku-e-da-ni-ma me-eḥ-ḥu-ni A.ŪA.AT KARAS pa-iz-zi* 'в то время, когда (бук-

⁷⁹ Held W. H. The Hittite relative sentence (Language dissertation, N 95), Supplement to Language, 1957, v. 33, N 4, pt. 2.

вально: в которое время)⁸⁰ слово (=дело) войны пойдет’.

В примыкающем к завещанию Хаттусилиса I древнехеттском фрагменте KBo III 27=2Bo TU 10β, 19—20 в юридическом смысле используется формула u[t]-tar-še-et DUMU.É.GAL ku-iš ḫu-ur-ta-li-[iz-zi] ‘тот сын дворца, который его слова ослушается’. Несколькими строками выше в сходной конструкции употреблено неопределенное местоимение kuiš(a), представляющее собой контекстный вариант относительного kuiš: nu-ku-i-e-ša ḫur-ta-li-an-zi ‘и (все те) которые ослушаются’ (там же, 16)⁸¹. Из других

⁸⁰ Относительно формальной структуры хеттских относительных предложений с инверсией подчинения см.: *Иванов В. В.* Хеттский язык. М., 1963, с. 174—176; *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* К типологии относительного предложения. — В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 6. Грамматические и семантические проблемы. М., 1975, с. 68, 69 (модель B2), 70, 75, 76, 95. Более детальный диахронический анализ, основанный на выводах диссертации К. Раман об относительных предложениях в древнехеттском (*Raman C. F.* The Old Hittite relative construction. University of Texas dissertation. Austin, 1973) см.: *Lehmann W. P.* Op. cit., S. 58, 64—65, 169 и след.

Представляется необходимым подчеркнуть, что в древнехеттском препозиция придаточного предложения не является столь обязательной, как это можно было бы ожидать исходя из указанных описаний (ср. *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* Указ. соч., с. 70; *Lehmann W. P.* Op. cit., p. 64—65), ср., в частности, в весьма архаической дворцовой хронике: na-at-ta a-pu-u-un GEŠTIN-an ri-i-e-er LUGAL-uš-kán ku-in a-uš-ta ‘не то вино они послали, которое царь видел’ (2Bo TU 12A II 15) с отклонением от нормального для последующей эпохи порядка слов, но при проведении артиклекобразного использования ненадлежащего kuiš. Относительно типологии структуры хеттских относительных предложений в сопоставлении с древнеиндийскими ср. также: *Watkins C.* Language of gods and language of men: remarks on some Indo-European metalinguistic traditions. — In: *Myth and law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European comparative mythology.* Ed. by J. Puhvel. Berkeley-Los-Angeles-London, 1970 (где также не учтена возможность постпозиции придаточного предложения в древнехеттском). К детерминированному употреблению kuiš в архаических ритуальных текстах ср. nu tar-aḫ-zi ku-iš nu KUS. KA. TAB a-pa-a-aš e-ip-zi ‘И (тот), который побеждает, тот узду (=за узду коня) берет’, KUB X 18 Vs I 14 — 15. Ср. также: *Justius C.* Relativization and topicalization in Hittite. — In: *Subject and topic.* New York, 1971, p. 313—315.

⁸¹ Относительно параллелей употреблению nu в данной конструкции в других родственных языках ср.: *Иванов В. В.* Системы, с. 249—250. Сочетание nu kuis, в котором проклитическое nu не препятствует обобщенно-неопределенному значению местоимения, часто встречается как в древнехеттских текстах, так и в последующих.

примеров артиклеобразного использования относительного местоимения в архаических древнехеттских текстах можно указать на такие конструкции, как: *šar-di-aš-ša-an ku-in ú-ua-te-et* 'тех помощников, которых он привел' (2Bo TU 7, 37), *na-aš-ta É^{MEŠ} dEN.LÍL ku-it A.NA URU^L[^{IM}a]-ra-aḫ-za e-eš-ta* 'и те дома (=храмы) бога Энлиля, которые были за пределами города' (2Bo TU 3, 7; форма им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *ku-it* в функции мн. ч. ср. р. согласно древним правилам согласования, выдерживаемым в хеттском). В архаическом древнехеттском ритуале царской четы можно отметить детерминированное употребление ненадлежащего *kuiš*: *ER[I]N^{MEŠ}-na-an ku-iš an-da ré-e-ta-i* 'тот, кто вносит воинов' (KBo XVII 1 I 32).

Из случаев неопределенного употребления начального *ku-it* в древнехеттских текстах следует отметить в дворцовой хронике: *ku-it ú-e-mi-iz-zi a-ra-a-aš-ša [pá]r-na-aš-ša pí-id-da-iz-zi* '(все то, что он находит (=что бы он ни нашел), это он приносит в тот дом' (2Bo TU 12A I 12).

В таблице Телепинуса (конец древнехеттского периода) неопределенное использование *kuiš* (в значении, сопоставимом с логическим квантором общности) представлено в таких конструкциях, как: *ku-iš-za ḫa-aš-ša-an-na iš-tar-na al-ua-an-za-tar ša-ak-ki* 'кто (=кто бы ни) знает в семье (=царском роде) колдовство' (2Bo TU 23A IV 23); *ku-iš ŠEŠ^{MEŠ}-na iš-tar-na i-da-a-lu i-ja-zi* 'Всякий, кто совершит зло среди братьев (своих)' (2Bo TU 23A II 50). Для этого текста кажется вероятным, что неопределенное значение зависит прежде всего от отсутствия существительного, с которым согласовался бы *kuiš* (в этом случае оно может занимать и ненадлежащее положение): *DUMU^{MEŠ} LUGAL-ma ku-e-da-pi še-er ḫar-ki-iš-kán-ta-ri* 'из-за (*šer*) чего бы (*kuedani*) ни погибали царевичи' (2Bo TU 23A II 56).

3.1.2. Две функции *kui-* в среднехеттском. В среднехеттском артиклеобразное употребление *kuiš* свидетельствуется такими конструкциями, как *DI.NAM^{UL.A} KUR-ti ku-e ḫa-an-ni-iš-kat-te-e-ni na-at SIG₅-in ḫa-an-ni-eš-ki-it-te-en* 'судебное дело, которое Вы решаете в стране, хорошо его решайте'⁸² (II таблица военных наставлений

⁸² К интерпретации ср.: *Josephson F.* The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972, p. 170; *Eichner H.* Hethitisch *ḫaššik* (j)- und *ḫanneški*. — In: *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft.* Hft. 28. München, 1970, S. 9,

Тудхалияса, KUB XIII 20 I 3 2); an-da-ma-kán LÚNIMGIR ku-iš URUḪa-at-tu-ši še-er 'Тот же страж, который (находится) в верхней части города Хаттусаса' (наставления начальнику города, KBo XIII 58 III 14); ar-nu-ḫa-la-ša-kán ku-iš KUR-ja an-da ar-za-na-an-za 'и военнопленный (NAMRA), который в стране (=в сельской местности) размещен' (KUB XIII 2 III 36); [KA]RAŠ-za-kán ku-i-e-eš-te-ra-u-eš i[š-pár]-te-er a-ra-a-at-kán ḫu-u-ma-an a[r-ḫa-ḫa]-aš-pi-ír-pat 'и тех немногих воинов, которые спаслись, как раз их всех они уничтожили' (текст Маддуватты⁸³, KUB XIV 1 об. ст. 48); nam-ma-ták-kán ŠA KUR URUḪa-at-ti ku-i-e-eš LÚMESpít-te-ja-an-te-eš an-da i-ja-[an-ta;at] (там же, 34); nam-ma LÚ.MEŠ NI.ZU^{ТИМ} ku-i-e-eš a-u-ḫ[a-ri-ja-aš ḫar-kán-zi 'те служители, которые дежурят' (KUB XIII I, I 23, наставления начальнику пограничного отряда); E.NA₄-aš ku-it i-ja-u-e-en nu A.NA E.NA₄-ni ku-i-e-eš URUḪIA pí-ja-an-te-eš LÚMES BE.EL QA.TI ku-i-e-eš pí-ja-an-te-eš LÚMES APIN.LAL LÚMES SIPAD GUD LÚMES SIPAD UDU ku-i-e-eš pí-ja-an-te-eš 'тот каменный Дом, который мы построили, те селения, которые были каменному Дому переданы, те ремесленники, которые были (ему) переданы, те земледельцы, те пастухи быков и те пастухи овец, которые были ему переданы' (дарственная грамота KUB XIII 8, 1—3), LÚ.MEŠḫi-lam-mi-e-eš-ša ku-i-e-eš ka-ru-u A.NA E.NA₄ pí-ja-an-te-eš 'и те привратники⁸⁴, которые раньше были переданы каменному дому' (дарственная грамота KUB XIII 8, 6, 5—6); nu-za DUMU-an-na-az ku-it ŠA DINGIR.IA du-ud-du-mar na-at-ta ša-ak-ḫi '(и) то милосердие божества, которое я с детства не знал' (стихотворный гимн принца Кангуцилиса⁸⁵); šu-me-en-za-an ne-pí-ša-aš DINGIRMES-aš ku-e KUR.KURḪIA NINDA ḫar-ša-ja-aš DUGiš-ra-an-tu-uz-zu-ja-aš ar-ga-ma-na-aš-ša e-eš-ta ar-ḫa-

⁸³ К датировке языка текста ср.: Otten H. Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes (Studien zu den Boğazköy-Texte, Heft, 11). Wiesbaden, 1969.

⁸⁴ См. об этом социальном ранге в данном контексте: Иванов В. В. Из семиотических комментариев и клинописным хеттским текстом. — Philologia Orientalis. Тбилиси, 1976, с. 120, 121.

⁸⁵ См. об этом тексте: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Пер. с древнемалоазиатских языков, вступительная статья и комментарий В. В. Иванова. М., 1977, с. 281.

kán LÚ.MEŠSANGA SAL.MEŠAMA.DINGIR^{LiM}su-up-pa-e-eš
 LÚ.MEŠSAN[GA] LÚ.MEŠGUDÚ LÚ.MEŠNAR LÚ.MEŠiš-ḥa-
 ma-tal-le-eš ku-e-ez i-ja-an-ta-at 'Те страны, которые для
 вас, о боги небес, были пышными хлебами, жертвенными
 возлияниями (вина) и дарами, и из которых приходили
 жрецы, матери богов, ритуально чистые жрецы, посвя-
 щенные, музыканты, певцы' (Молитва во время чумы, KUB
 XVII 21 II 8—13); A.NA ḏISKUR URUNe-ri-ik-ṣa [ku]-it
 SISKUR.SISKUR ur-pí-u-e-ni 'Те жертвоприношения, ко-
 торые мы посылаем Богу Грозы города Нерик (Там же,
 KUB XVII 21 IV 12); na-aš-ta A.NA LÚ.MEŠ URUPa-aḥ-ḥu-ṣa
 ku-e-da-ni UD-ti ku-u-ru-ra-aš me-mi-an an-da iš-ta-ma-
 aš-te-ni nu a-pe-e-da-n[i UD-ti] a-ar-ten 'и в тот самый
 (буквально: в который) день, когда ты услышишь о воз-
 мущении людей города Паххувы, в тот [день] ты приди!'
 (KUB XXIII 72 об. ст. 27).

Для среднеехеттского засвидетельствовано также упо-
 требление артиклеобразного kuiš в конструкциях типа
 французских un tel (в значении 'такой как') в сочетании
 с именами собственными: [(nu ra-ra-a URUḥa-al-pa)]-an
 ku-i-uš URUKÁ.DINGIR.RA ku-i-uš ḥar-ni-in-ki-iš-ki-it 'и
 она (страна Хатти) часто наносила опустошительные
 удары (буквально: губила) по таким (городам, как)
 Хальпа (и) Вавилон' (KUB XXIV 4+12 II 4, молитва
 во время чумы). В качестве типологических параллелей
 можно привести как аналогичные сочетания собственных
 имен с определенным артиклем или указательным место-
 именованием (типа фр. tel) в современных языках (француз-
 ском, арабском и т. п.), так и полные формы прилагатель-
 ных, образованных от названий мест, в старославянском
 (типа ст.-слав. *нинекаѣти* греч. *Νινευίται*; ст.-слав.
содомѣцѣти гоморѣцѣти, греч. *Σοδόμων... Γομόρρων*; ст.-слав.
галилеѣцѣти, греч. *Γαλιλαίαις*⁸⁶).

Из наглядных примеров использования начального
 kuit в неопределенном значении в среднеехеттском можно
 указать на: ku-i-ta-aš-ma-aš-ša-an ṣa-ak-ka₄-ri-ja 'в чем бы
 у вас ни было нужды' (дарственная грамота KUB XXXI
 124 II 8); ku-iš-za-an ke-e-da-aš LUGAL-ṣa-aš ud-da-a-na-
 aš ka-ru-ú-ši-ja-zi 'кто бы ни умолчал об этом деле, ка-

⁸⁶ Ср.: *Flier M. S. Aspects of nominal determination in Old Church Slavic. The Hague—Paris, 1974, p. 81—90, 179—185.*

сающемся царя' (KUB XIII III, 12—13; юридический текст царя Тудхалияса II); ku-e-da-ni-ma-aš-ša-an URU-ri a-ú-ri-ja-aš EN-aš EGIR-ра ré-en-na-i 'В какое бы селение начальник стражи ни приехал' (KUB XIII 2 II 26; наставления начальнику пограничной службы).

3.1.3. Относительные конструкции в новохеттском и их типология. В новохеттском обобщенно-неопределенное значение начального kuiš свидетельствуется такими случаями его употребления в дарственных грамотах, как: ku-iš-ma A.MA.AT Та-ba-ar-na ¹Ha-at-tu-ši-DINGIR^{LI M} L[UGAL.GAL] hu-ul-[la-a-i] 'Кто же слову Табарны Хаттусилиса, великого царя, будет перечить' (KUB XXVI 43 +16⁸⁷).

Из стилистически использованных употреблений артиклеобразного детерминированного относительного kuiš в новохеттском следует отметить цепь относительных предложений этого типа, завершаемых неопределенным местоимением, в рассказе Мурсилиса II о том, как он лишился дара речи: IŠ.TU^{GIŠ}BANSUR-ma-za-kán ku-e-iz-za az-zi-ik-ki-nu-un IŠ.TU GAL-ja-kán ku-e-iz-za ak-ku-uš-ki-nu-un ša-aš-ti-ja-az-za-kán ku-e-da-ni še-eš-ki-eš-ki-nu-un IŠ.TU^{URUD}DU₁₀xA-ja-za-kán ku-e-iz-za ar-ri-eš-ki-nu-un ku-it-ta-ja im-ma Ú.NU.TU₄ an-da u-e-ri-ja-an e-eš-ta nu Ú.UL ku-it-ki da-at-ta-at 'Тот стол, за которым я сиживал, когда ел; ту чашу, из которой я пивал, и то ложе, на котором я спал, и тот кувшин из воды, откуда я брал воду для умывания, и вся утварь, какую только можно назвать — все это стало негодным к употреблению'⁸⁸ (28—33).

В новохеттском языке (в тексте архаического жанра) артиклеобразное использование kuiš представлено в юридической формуле в Наставлениях служителям храма, KUB XIII 4 III, § 13: nu ɥa-aš-túl ku-iš i-ja-zi na-aš QA.DU NUMUN.SU ɥar-ak-zi-pat 'и (тот служитель,) который грех (проступок, опустошение) совершит, именно (pat) он пусть погибнет вместе со своим потомством'. Для сопоставления с относительными конструкциями

⁸⁷ См.: *Imparati F.* Una concessione di terre da parte di Tudhaliya IV. — *Revue hittite et asianique*, 1974, t. XXXII, Paris, 1977, p. 36, ср. аналогичную формулу там же, p. 38, § 15, 36.

⁸⁸ *Götze A., Pedersen H.* Mursilis Sprachlähmung. København, 1934.

других древних индоевропейских языков представляется существенным, что в подобных хеттских предложениях артиклеобразное местоимение обычно предшествует глаголу: *kuiēš kijanta*, *kuiš ijazi*. Такой же порядок слов, нарушающий обычный для хеттского порядок SOV, характерен и для конструкций, в которых неопределенное *kuiški* < и.-е. **k^wis-k^we* (ср. лат. *quisque*) часто с предшествующим ему отрицанием *UL* = хет. *natta* предшествует глаголу⁸⁹.

Для сопоставления с балтийскими и в особенности со славянскими определенными формами прилагательных особый интерес представляет то, что постпозитивное относительное местоимение в функции определенного артикля может следовать за прилагательным: *i-da-la-u-e-ša-an ku-i-e-eš an-tu-uḥ-ši-iš ra-ar-ra-aḥ-ḥi-iš-ki-ir* 'Те злые люди, которые его оскверняли' (KUB VII 53 II 118 след.⁹⁰, ср. лексически аналогичное сочетание *idalu kueda-* в среднехеттском фрагменте KUB XXXVI 116 7); *ar-mauanteš-a kuiēš nu-za ariia UL haššijanzi* 'и которые беременные (=а те, которые беременны), те больше в это время не рожают' (архаический миф о Телепинусе, KUB XVII IO 1 14 след.⁹¹). Последняя конструкция представляется особенно существенной для восстановления предыстории балтийских и славянских форм определенных прилагательных с конечным **-jo-*: хет. *kui-* в приведенном предложении в точности соответствует первоначальной функции **-jo-* (как подобия определенного артикля) в балтийских и славянских формах, тогда как этимологически этому **-jo-* в точности соответствует хет. *-(i)a*, непосредственно следующее за формой прилагательного *-(ja 'и' < **-jo-** с изменением синтаксической функции).

⁸⁹ Ср.: *Lehmann W. P. Op. cit.*, p. 114.

⁹⁰ Значение данной хеттской конструкции для выяснения истории балтийских и славянских определенных форм прилагательных было указано Б. Розенкранцем: *Rosenkranz B. Zur Entstehungsgeschichte des bestimmten Adjektivs des Baltischen und Slavischen. — Die Welt der Slaven, 1958, Jahrgang III, Hft 2, S. 99*. Ср. также: *Rosinas A. Ar Baltu *i-, *jō- resp. *i, *jā- kamienai buvo reliatyvibiai? — Baltistica, 11, 1972, 2, с. 165—170; Schmidt H. H. Zum Typus des determinativen Syntagmas im Baltischen. — Baltistica, 1975, 11, 2, S. 119—123.*

⁹¹ Относительно этой конструкции и ее значимости для сравнительного исследования см.: *Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 236; Иванов В. В. Системы, с. 240.*

Представляется, что сходным образом можно интерпретировать и следующие друг за другом формы EGIR-izziušš-a kùieš 'и те, которые последние', [IG]I-ziušš-a kuieš LÚMES 'и те люди, которые первые (передние)' в среднехеттском тексте KUB XXVI 81 IV 1—3⁹².

Семантически точное соответствие представляют старославянские полные формы прилагательных *прѣдни*, *послѣдъни*⁹³.

Несомненный интерес представляет то, что постпозитивное относительное местоимение *kuiš* в хеттском может следовать за указательным местоимением, как в среднехеттском *ni kī kue KUR. KUR^{U1.A} lamnijanun* 'и те страны, которые я назвал' (Анналы Тудхалияса I, KUB XXIII 11. Vs. II 29)⁹⁴. Поскольку указание как таковое передается в подобных конструкциях указательным местоимением, в них всего отчетливее выступает грамматикализованный характер артиклеобразного использования хет. *kuiš*.

3.1.4. Немаркированный характер хеттского артиклеобразного *kui-*. Исключительно интересную проблему, связанную с включением в составлявшиеся хеттскими писцами шумеро-аккадско-хеттские словари целых синтагм или предложений, представляет регулярный выбор в качестве словарных (то есть в известном смысле немаркированных) форм тех относительных конструкций, которые могут описываться как детерминированные: A.A-an-

⁹² См. к интерпретации текста: *Carruba O. Beitrage zur mittelhethitischen Geschichte II. Die Sogenannten «Protokoles de sucesion dynastique»*. — In: *Studi Micenei ed Egeo-anatolici*, fasc. XVIII (Incunabula Graeca, v. LXVII, Roma, 1977, S. 186. К IGI-ziušš-a kuieš ср. аналогичную конструкцию *hantezzieš-ma kuieš* 'те же, которые передние', приводимую Бенвенистом: *Бенвенист Э. Общая лингвистика*, с. 236.

⁹³ *Толстой Н. И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов). — В кн.: *Вопросы славянского языкознания*, в. 2. М., 1957, с. 62—63; *Honowska M. Geneza złożonej odmiany przymiotników w świetle faktów języka staro-cerkiewno-słowiańskiego* (Prace komisji słowianoznawstwa, 4), Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963, с. 13, 56, 65; *Flier M. S.* Op. cit., p. 127, 131, 132.

⁹⁴ *Carruba O. Beiträge zur mittelhethitischen Geschichte. I. Die Tuthalijas und die Arnuwandas*. — In: *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, fasc. XVIII (Incunabula graeca, v. LXVII), Roma, 1977, S. 158; ср. о других подобных примерах: *Held W. H.* Op. cit., N 56—59; *Rosenkranz B.* Op. cit., S. 99.

za (=хет. *muḫanza*) *ku-iš* 'тот, у кого есть телесная сила (телесные соки)' (КВо I 30 I, 2; сочетание относится к числу тех, которые представляют наиболее близкую структурную параллель к славянским и балтийским определенным прилагательным на *-jo-); *dammeškizzi kuiš* 'тот самый, который обнаруживает свою мощь или вредит' (перевод аккадского причастия *ḫabilu* 'мощный', КВо I 42 II 34).

В двух приведенных случаях двусловный характер хеттской конструкции делает постпозицию артиклеобразного относительного местоимения особенно наглядной. Но не менее ясна она в тех строках словарных списков, где в предложении есть и другие неначные слова и (согласно указанной закономерности) при нормальном конечном положении глагола относительное местоимение ему непосредственно предшествует: *2-an-ki-kán ku-i-e-eš me-mi-iš-kán-zi* 'те самые, которые говорят (по-разному) каждый из двух раз'⁹⁵ (КВо I, 44 IV 20); *UL ḫa-an-da-a-an ku-iš me-mi-iš-[ki-iz-zi]* 'тот именно, кто не говорит подобающим образом' (там же, IV 38); *ut-tar-za ku-iš ru-p[u-u]š-k[i-iz-zi]* 'тот самый, который всякий раз спрашивает об (этом) деле' (там же, IV 27; сочетание итеративного глагола *rupušk-* с существительным *uttar* 'дело, слово, вещь' в предшествующем предложении встречается в древнехеттском тексте завещания Хаттусилиса I⁹⁶ и может поэтому считаться бесспорным фразеологическим архаизмом словаря); *GAM-an ša-ga-a ku-iš ar-pi-eš-ki-zi* 'тот самый, который то и дело унижает и захваливает' (буквально: 'вниз—вверх хватает', там же, IV 19, перевод аккад. *A.KÍL KAR.ŠI* 'клеветник'). Аналогичны и конструкции в именных относительных оборотах с дательным — местным падежом относительного местоимения: *SÀ-ir-kán ku-e-da-ni ma-a-ni-it an-da* 'тот самый человек, у которого кровь в сердце смешана с желчью' (перевод акк. *LÚ SÀ.BI SE.MUD.KUD*, КВо I 39 II, 4, ср. близкую по

⁹⁵ *Josephson F.* Op. cit., p. 143 (ср. там же, p. 412, о других подобных конструкциях).

⁹⁶ *Sommer F., Falkenstein A.* Die hethitisch — akkadische Bilingue des Hattušili I (Labarna II) (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch—historische Abteilung, Neue Folge, Hft 16). München, 1938, S. 34; *Иванов В. В.* Происхождение и история хеттского термина *rapku-* 'собрание'. — Вестник древней истории, 1958, № 1, с. 3.

смыслу конструкцию с именительным падежом относительного местоимения: SĀ-kán ku-iš an-da HUL-eš-ki-iz-zi 'тот, который дурно поступает в своем сердце', КВо I 30 14, соответствует ст.-вав. [LÚNI]G HUL.DIM.MA); NU.GĀL-kán ku-e-da-ni ku-it 'тот самый, для которого ничего нет' (=акк. MI.MA.LA.A MI.MA, шум. UL₄GAL.RI.A, КВо I 44 Ro 9—10, строки перепутаны писцом).

Для исследования подобных конструкций особое значение имеет оборот SALUMMEDA-za-kán ku-iš a-aš-ki-an-da DUMU-an kar-ra-an [ḫar-zi] 'та самая кормилица, которая подняла ребенка к воротам', который встречается и в словаре КВо I 42 I 39 (с разрушенным аккадским соответствием) и в хетто-хурритской билингве VBo T 120 III 16=КВо XIX 139 II—3—7 с сохранившимся началом хурритского текста ḫa-ni-ik-[ka]-an⁹⁷). Этот случай удостоверяет то, что хотя бы часть детерминированных относительных конструкций в словарях отражает реальное словоупотребление. Но это еще не дает автоматического решения вопроса о том, почему именно определенные относительные конструкции встречаются в хеттских словарных списках, где в аккадских и шумерских эквивалентах нет ничего, что могло бы обусловить такой именно порядок слов.

Напрашивается вывод, согласно которому в хеттском определенные относительные конструкции были немаркированными. Типологически это можно сравнить с состоянием балтийского и славянского, из которого объясняется распределение полных прилагательных, вытесняющих в славянском краткие во всех позициях кроме предикативной. Общелингвистическое объяснение этим фактам может быть дано в свете теории, намеченной еще

⁹⁷ Laroche E. Études de linguistique anatolienne. VI. Les bilingues hurro-hittites. — Revue hittite et asianique, 1970, p. 65 (относительно характера этого повохеттского хеттско-хурритского ритуала ср.: Kammenhuber A. Orakelpraxis, Träume und Verzeichenschau bei den Hethitern. Heidelberg, 1976, S. 126). В автографии Гётце в VBoT 120 III 16 не видно следов знака -ka-, отмеченных под вопросом Ларошем. Мотив «поднятия» ребенка после его рождения встречается и в хеттском переводе хурритского эпоса о божестве Кумарби, ср. о соответствующем хурритском отрывке. Salvini M. Op. cit., и след. (там же, p. 83, примеч. 26 об основе ḫa-a-ni).

в старой арабской грамматике, по которой определенность имени (логического термина) противопоставляется неопределенности предиката⁹⁸. С этим согласуется противопоставление определенных именных относительных конструкций в хеттских словарных списках и неопределенных глагольных типа *kuṣaritta para eššumar* 'продвигаться повсюду' (= шум. EN.TI.TI, аккад. *KUSARU*, КВо I 35 16 14/16, *kuṣaritta* — производное от *k^o-в обобщенно-неопределенном значении). Сходными причинами может объясняться и типологически аналогичное хеттскому частое использование определенных форм существительных с определенным постпозитивным (суффиксированным) артиклем -ne (-ni) в хурритских столбцах словарей из Угарита: хурр. *ti-iš-né* 'сердце' (акк. *lib-bu*, шум. *SAG*, ср. *RŠ 8+11m 27* и т. п.).

Выявляемые при исследовании хеттских словарных списков синхронные соотношения соответствуют типологическому выводу, согласно которому первичным (базисным) является противоположение определенного члена его отсутствию⁹⁹). Но следует при этом подчеркнуть, что в хеттском немаркированном при этом является наличие артиклеобразного показателя детерминированности.

3.2. Соответствия между анатолийским и италийским. Смелая мысль о наличии в архаической латыни соотношений, сходных с рассмотренными хеттскими, была высказана и частично обоснована Бенвенистом, ссылавшимся на такие пережиточные латинские конструкции, как *qui patres qui conscripti* 'те отцы, которые записанные' (древ-

⁹⁸ *Габучан Г. М.* Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М., 1972; *Ревзин И. И.* Анкета по категории определенности—неопределенности. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 236.

⁹⁹ *Moravcsik E. A.* Determination. Working papers on language universals. Stanford, California, 1969, p. 94; *Gelb I.* La mimazione e la nunazione nelle lingue semitiche. — *Rivista degli studi orientali*, 1929, v. XII, fasc. III (относительно принимаемой Гельбом диахронической интерпретации семитской мимации как показателя определенности см. выше, 1. 5); *Kuryłowicz J.* La mimation et l'article en Arabe. — *Archiv Orientalní*, 1950, v. XVIII, N 1—2; *Idem.* L'apophonie en sémitique. Wrocław, 1961, с. 161; *Габучан Г. М.* Указ. соч., с. 69—75; *Reiter N.* Der Artikel in den Balkansprachen. — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1967, Hft. 1; *Ревзин И. И.* Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 209.

нее обозначение сенаторов, сохраненное у Феста, Festus, 394, 25; 6, 22; C36, 16), divi qui potes 'те боги, которые могущественные' (формула из Книг Авгуров, приводимая Варроном, Varr. Lingu. Lat. V, 58), Athenae, quae nutrices Graeciae (Pl. Stich., 649), 'Афины, которые — кормилица Греции' (ср. выше среднехеттские конструкции с kuis после имени города), quae mandata 'которые порученные' (Pl. Merc., 385), quae facta 'которые совершенные' (Pl. Amph. 474, 575, 779), где quae выступает в функции артикля¹⁰⁰.

Структурные сходства между конструкциями с *k^wi-, *k^wo- в архаической латыни и древнехеттском обнаруживаются в ряде отношений. В латыни достаточно широко представлен совпадающий с хеттским архаический тип с инверсией придаточного предложения, включающего относительное местоимение: Quam quisque norit artem, in hac se exerceat 'Какое кто знает искусство, пусть тем и занимается' (Cic. Tusc. 1, 41), ср. также инвертированную аттракцию: Naucratem quem convenire volui, in navi non erat (Pl. Amph. 1009). В архаических латинских надписях находится точное соответствие характерным для хеттского конструкциям с порядком слов отрицание (лат. ne, хет. natta) + k^w- + конечный глагол: Nonce loucom nequs violatod¹⁰¹. 'Эту могилу никто не осквернит'; In hoc loucarid stircus nelqulis fundatid 'In hoc luco stercus nequis fundito'¹⁰² (CIL, I², 401, X, 782, закон о священной роще, надпись из Лукреции в Апулии), ср. eogum ne quid ematur 'из того, ничто не должно быть покупаемо' (Varr. R. R., 1, 22). Соответствует хеттскому также и латинское употребление начального quis в общем значении, соответствующем целому классу предметов¹⁰³.

В поверхностной синтаксической структуре основное отличие от хеттского заключается в том, что в латинском

¹⁰⁰ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 237, 238.

¹⁰¹ Archaic Inscriptions (Old Latin, v. 4), ed. by E. H. Warmington. Cambridge, Mass., 1959, p. 35.

¹⁰² Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.—Л., 1953, с. 229; Stolz F. Debrunner A. Geschichte der lateinischen Sprache, 4 Aufl. umgearb. von W. P. Schmidt, Berlin, 1968, S. 81.

¹⁰³ См. синхронную семантическую классификацию значений: Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. М., 1939, с. 42—43, 263 и след.; Он же. Грамматика латинского языка. ч. 2 (практическая). Синтаксис. М., 1947, с. 320 и след.

(если отвлечься от уникальных синтаксических архаизмов, сохраняющихся в древних формулах и в языке Плавта), внешнее сходство с хеттскими конструкциями, где артиклекобразное *kuiš* находится не в начале предложения, можно обнаружить только в тех предложениях, в которых по стилистическим причинам использована инверсия: *Roman quae asportata sunt, ad aedem Honoris videmus* 'в Рим что привезено, мы видим в храме Чести' (Cic. *Verr.* 4, 121). Начальное положение в постпозитивном придаточном предложении уже в надписи Дуэноса характеризует относительное местоимение с детерминативным значением: *Iouesatdeiuos—quoimedmitat* 'Iurat deōs, qui mē mittit' (= 'тот, который меня направляет'). Вместе с тем *quis*, употребляемое в неопределенном значении, обычно занимает нена начальное место в предложении: *dixerit quis* 'может сказать кто-нибудь' (Cic. *Off.* 3, 67). В этом смысле отношения в латинском представляются перевернутыми (в результате позднейшего развития, как показывают отдельные архаизмы) по сравнению с хеттским.

Наличие в архаической латыни следов более ранних соотношений, сходных с хеттским, наглядно видно из таких древних формул, как *resuniam quis pauxitur, habeto* 'тот, кто случайно найдет деньги, пусть ими и владеет'¹⁰⁴. Предположение об архаичности этого употребления подтверждается его сходством с оск. *thesaurum pūd eseī tereī ist* 'thesaurum qui in eo terri torio est' (C. A. 48 и сл.)¹⁰⁵ при *pūd eseī thesavrei eest* 'quid quid in eo thesauro extat' (там же, 52), где противопоставление, как синтаксическое, так и функциональное, полностью аналогично хеттскому, но при этом в первом случае используется *k^wo-, во втором — *k^wi-. В пользу допущения древности обобщенного использования начального *k^w(i)-говорят и такие оскские конструкции, как *pis ceus Bantins fust* 'qui civis Bantinus erit' (T. B., 19)¹⁰⁶, ср. также гот. *hvas þiudans* 'кто в качестве царя', где ранее без достаточ-

¹⁰⁴ *Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax, Bd. 1. Basel, 2 Aufl. 1926, S. 66, 67* (там же об оскско-умбрском).

¹⁰⁵ Ср.: *Цветаев И. Итальянские диалектические надписи, кн. 2. М., 1886, с. 49 (№ 136).*

¹⁰⁶ *Jacobsob. Altitalische Inschriften. Bonn, 1910, N 52; Vetter H. Handbuch der italischen Dialekte, I. Heidelberg, 1953, S. 16, N 2.*

ного основания предполагалось влияние греческого оригинала на готского переводчика¹⁰⁷.

Поскольку в итальянском противопоставление двух функций относительного местоимения связывается и с различием в позиции и с различием основ (*k^wo- : *k^wi-), возникает вопрос, каким могло быть исходное состояние. Существенным для ответа на этот вопрос представляется синтаксическое использование обобщающе-неопределенных удвоенных форм от *k^wi- типа лат. quis quis 'всякий кто', оск. pispis, хет. kuiš kuiš (с возможностью разделения двух местоимений, ср. в царском погребальном обряде с архаической метрической структурой восьмисложника: kuitca-šši kuit eššaeni 'что бы мы ни делали для него'). Как архаический вариант этих форм с удвоением *k^w- можно рассматривать местоимение *k^wis-k^we 'какой-нибудь', 'всякий', отражаемое в лат. quisque, хет. kuiški (с диссимилятивной делабиализацией второго *k^w-). Совпадают не только сами неопределенно-обобщающие местоимения, но и их позиция в предложении. В древнехеттском kuiški, как правило, ставится перед глаголом: takku SIG₄ kuiški taiezzi 'Если кирпичи кто-нибудь украдет' (Хеттские законы, § 25). В подобных случаях нарушается порядок слов SOV, что подчеркивает исключительность (а, следовательно, и архаичность) данной конструкции. С ней можно сопоставить правило латинского синтаксиса, по которому quisque не может стоять на первом месте в латинском предложении. Совпадающая с хеттской структура латинских предложений типа quem quisque odit 'кого кто ненавидит' (Ennius, Thyest, frag, 10), Ipse se quisque diligit 'каждый сам себя любит' (Cic. Lael. 80) представляет собой аномалию внутри латинского нормативного синтаксиса, не знающего в большинстве случаев столь строгих ограничений порядка слов. Поэтому представляется возможным отождествить хеттскую конструкцию с латинской и предположить, что использование *k^wisk^we в позиции перед следующим глаголом восходит к периоду анатолийско-италийской диалектной общности. Этот вывод можно сопоставить с результатами недавних исследований, показавших, что и в других случаях синтаксические функции лат. -que (как союза, сохраняю-

¹⁰⁷ Sturtevant A. M. Gothic syntactical notes. — The Journal of English and German philology, 1947, v. XLVI, N 4, p. 407—412.

шего следы древней частицы, в частности, использовавшейся в перечислениях) восходят к общеиндоевропейскому¹⁰⁸.

Наличие синтаксических сходств в употреблении производных от *k^w- в анатолийском и латинском можно допустить и в других случаях. Предположение о том, что обобщающее использование *k^w- в начальной позиции восходит к дописьменному состоянию, основывается на сходстве оскско-умбрского употребления с анатолийским, в котором аналогичные конструкции представлены не только в хеттском, но и в лувийском, ср. лув. *kuiš-tar malḫaššaššanzan EN-ia adduḫala anitti* 'кто причинит зло господину обрядов' (KUB XXXV 39 III 26).

Вместе с тем аналогичное употребление засвидетельствовано и у тох. А *kus(ne): kusne nu saṣ märkampalši enäšluneyam sne-ukorñe taṣ* 'кто не будет пренебрегать этим указанием закона' (перевод санскр. *yo hu, asmin dharmavinaye apramatto bhaviṣyati*)¹⁰⁹.

3.3.0. Проблема двух функций относительных местоимений в индоевропейских диалектах. Две функции относительного местоимения (детерминированно-артиклеобразная и неопределеннообобщающая) в хеттском выражены различиями в его позиции, и в италийском связываются и с разницей между основами *k^wo- (обычно выступающей в детерминированном значении) и *k^wi- (обычно неопределенным). Первая из этих основ в функции относительного местоимения отражается также в др.-арм. *or*, которое (в случае, если оно происходит от *k^wo-го) могло бы быть сопоставлено с такими производными от *k^wo- с суффиксом *-го-, как гот. *hvarjis* 'кто?', др.-исл. *hverr*, лит. *kuriš*, лтш. *kuřš*¹¹⁰ (при отражении основы *k^wo- в лит.

¹⁰⁸ *Bader F.* *yo*, p. 53 (приводимое там же *quique in urbe egant quosque. . .*, Liv. 1, 55, 6, согласно Бадер, представляет собой отражение *k^w- в порядке — перечислительной — функции, с чем можно связать порядок слов, отличный от указанного выше). Ср. также: *Gonda J.* The history and original function of the Indo-European particle *k^we, especially in Greek and Latin. — *Mnemosyne*, 1954, v. 7, p. 117—214; 265—296; *Idem.* The use of the particle *ca.* — *Vak*, 1957, v. 5, p. 1—73.

¹⁰⁹ *Krause W., Thomas W.* *Op. cit.*, § 310, S. 181.

¹¹⁰ *Meillet A.* Sur l'étymologie de *or*. — *Revue des études arméniennes*, 1925, t. V, p. 183—184; *Idem.* A propos de l'interrogatif et adjectif *or*. — *Revue des études arméniennes*, 1927, t. VII, p. 1—3; *Idem.* Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, 2 éd., Vienne, 1936, p. 89 и след.; *Hirt. H.* *Handbuch des Urgerma-*

kàs, лтш. kas, прус. kas, вопросительное и относительное местоимение, ср. фриг. κος-, -kír, вопросительное и неопределенное местоимение¹¹¹, др.-инд. kañ, вопросительное местоимение, гот. h'as). Поскольку суффикс *-(e)го- в индоевропейском выражал то же значение контраста между двумя членами коррелятивной пары, что и суффикс *-t-его-, представляющий собой сложение *-t- и *-его- (ср. также характерные примеры, как лат. in-ter 'среди, между', авест. antar⁹ 112, хет. andur-za 'изнутри'¹¹³, с архаической основой *k^wого-, предполагаемой в армянском, германском и балтийском, можно сравнить *k^wotero- > др.-инд. kataráñ, греч. κωτέρως, гот. h'afar, др.-англ. hwæðer, лит. katraš 'который из двух', диал. лит. kataràs, лтш. katrs, ст.-слав. котѣръ, кѣтеръ. Представляется вероятным, что, судя по приведенным формам, в балтийском, а также возможно и в славянском, основа *k^wо- достаточно рано использовалась в функции, близкой к относительной (хотя нельзя исключить полностью и возможности позднейшего параллельного развития относительного употребления древнего общиндоевропейского вопросительного местоимения). Но несомненно, что в функции, сходной с артиклеобразным хетским и раннеиталийским *k^w-, в этих диалектах, как и в индо-иранско-греческом, использовалось *-jo-.

3.3.1. Функции *-jo- в греческом. Греческое *-jo- в древнейший период, реконструируемый по микенским

nischen, T. 2. Heidelberg, 1932, S. 77; Krause W. Handbuch des Gotischen. München, 1953, 5, 48, 189; Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966, S. 236, 237. Незаконномерное развитие * ≠ k^w- > ≠ ø- в древнеармянском можно было связать со спорадическим изменением типа *k^w > hç, h > ø в лувийском и других анатолийских языках. Нельзя полностью исключить, однако, и еще более ранние истоки отсутствия *k^w- в начале армянского слова, ср. лат. uter < *k^wuteros.

¹¹¹ Дьяконов И. М., Герознак В. П. Указ. соч., с. 193, 194.

¹¹² См. тонкий анализ в книге: Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948, где указана и связь с *-ter- в именах родства типа лат. matertera- (ср. обоснование аналогичной точки зрения без учета этой монографии Бенвениста: Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages with special reference to Indian, Iranian, Greek and Baltic. — In: Textes et mémoires. Acta Iranica, v. VII. Varia, 1977. Leiden, 1977, p. 10. Ср.: Sandoz C. Du latin interficiō au védique anter dhā-. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1976, t. 71, fasc. 1, p. 207—219.

¹¹³ Иванов В. В. Системы, с. 210.

и гомеровским данным, выступало в нескольких функциях, в конечном счете связываемых с артиклеобразной. У Гомера это употребление особенно отчетливо в тех случаях, когда *-jo- следует за определяемым им собственным именем в именной (безглагольной) конструкции; Ζῆνα, ὃς τις τε θεῶν ἄριστος 'Зевса, который лучший из богов' (Ψ 43); Τεῦκρος, ὃς ἄριστος 'Тевкр, тот (который) лучший из ахейцев' (№ 313); Πηλεΐδην, ὃς μέγ' ἄριστος 'Пелид, тот, (который) намного лучший' (Π 271), ср. аналогичные конструкции с именами нарицательными Κρόνου παῖς, ὃς τοι ἀκοίτης 'Сын Кроноса, тот, (который) супруг' (Бенвенист, выделивший этот тип артиклеобразных синтагм с ὃς, отметил, что в них «местоимение остается в номинативе, каким бы ни был падеж антецедента»¹¹⁴). Другой структурный тип представлен в именных (безглагольных) синтагмах с собственными именами и «аттракцией» относительного местоимения, как οὐ γάρ πω τοίους ἴδον ἀνέρας οὐδὲ ἴδωμαι, οἷον Περίθοον 'потому что я еще не видел таких людей, как Пейрит' (Α 262), где в глубинной структуре может быть предположено οἷος Περίθοος¹¹⁵.

Для структурного сопоставления с хеттским особый интерес представляют гомеровские относительные предложения собственно аттракцией¹¹⁶ типа τῆς γενεῆς, ἧς Τρωί... Ζεὸς δῶκε... τῆς ἔκλεψεν 'из того племени (коней), которых Зевс дал Тросу, из этого племени он украл' (Ε 205). Подобные предложения отличаются, однако, от хеттских в двух отношениях: по порядку слов — относительное местоимение стоит на первом месте в подчиненном предложении и по лексической его характеристике: *jo вместо *k^wi-.

¹¹⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 235. К истории греческих относительных конструкций ср.: *Monteil P. La phrase relative en grec ancien, des origines à la fin du Ve siècle.* Paris, 1961; *Корш Ф. Е. Способы относительного подчинения.* Глава из «Сравнительного синтаксиса». М., 1877.

¹¹⁵ *Wackernagel J. Op. cit., S. 54.*

¹¹⁶ Там же, с. 54, 55. — К формальному описанию греческих конструкций с аттракцией ср.: *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* Указ. соч., с. 78, 86, там же указаны формальные признаки, отличающие подобные относительные конструкции «семитского» типа (ср. также *Наyon Y. Relativization in Hebrew. A transformational approach.* The Hague, 1973) от «архаического» типа, представленного в хеттском.

В микенском греческом сохранились еще следы более раннего состояния, в котором *jо- (преимущественно как синтаксическая частица, по функции сопоставимая с тох. А -yo 'и', хет. -ia 'и') может употребляться в различных позициях в предложении. Начальная позиция *jо- > jо- в микенском греческом засвидетельствована в сочетании с последующей глагольной формой в предложениях: jo-do-so-si ko-re-te du-ma-te-qe / po-ro-ko-re-te-re-qe ka-ra-wi-po-ro-qe o-pi-su-ro-qe o-pi-ka-re-e-we-qe (PY 257=Jn 829), где за вводящим jо- следует форма 3 л. мн. ч. буд. вр. *dosonsi 'они предоставят' (в перечислении должностных лиц, которые должны предоставить 'бронзу' — мик. ka-ko, греч. χαλκός; детальное перечисление всего, что должен предоставить каждый из korete и состоящий при нем rokokorete, составляет содержание последующих строк таблицы); jo-a-se-so-si si-a₂-ro / a-pi-da-mi-jo (PY 75=Cn 608, 1—2), где за вводящим jо- следует форма 3 л. мн. ч. буд. вр. *asesonsi 'они будут раскармливать (нагуливать жир свиньям?)'¹¹⁷; jo-i-je-si me-za-na / e-re-u-te-re di-wi-je-we qo-o (PY Cn 3), где за вводящим jо- следует неясная глагольная форма ('посылать', ἔημι 'жертвовать', ср. ἱερός¹¹⁸), относящаяся к работе надзирателей (e-re-u-te-re, крит. ἐρεύτᾱς) для Διφτεός (возможное обозначение лица, связанного со святилищем Зевса); jo-o-ro-ro a-ro-/mo/ (MY Ge 604), где за вводящим jо- следует аорист ὄρλον 'должны', jo-ro-to-te-ke (MY Ue 661; за глаголом следуют идеограммы и числовые знаки).

3.3.2. Реконструкция сочетаний *jо- с глаголом в общеиндоевропейском. Архаические микенские греческие конструкции характеризуются тем, что в них вводящее jо- образует с глаголом единое акцентуационное и смысловое

¹¹⁷ 'Thus they will fatten (swine)': *Ventris M., Chadwick J.* Document in Mycenaean Greek, Cambridge, 2 ed. by J. Chadwick, 1973, p. 534, ср. 'ayant quelque chose à voir (—asesosi, peu clair) avec des porcs à l'engrais (σίαλος), *Bader F.* Particules, p. 166, см. там же детальный анализ всех соответствующих микенских контекстов, ср.: *Risch E.* Die mykenischen Einleitungsformeln. — In: *Atti. Memorie del 1 Congresso Internazionale di Micenologia*, II. Roma, 1968, p. 690—692.

¹¹⁸ *Palmer L. R.* The interpretation of Mycenaean Greek texts. London, 1963, p. 265. Ср. о возможности сравнения с хет. ija- 'делать': *Gusmani R.* Contributi micrasiatici all'etimologia di ἔημι. — *La parola del passato*, 1961, f. LXXII; *Иванов В. В.* Системы, с. 140, прим. 6.

целое. Поэтому представляется возможным отождествить их по происхождению с латышским дебитивом, который, как показал Эндзелин¹¹⁹, восходит к сочетанию различных форм относительного местоимения *jō- с последующей глагольной формой, ср. лтш. диал. maп nav jāēd 'мне нечего есть', лтш. maп jā bгаuc 'я должен ехать' (судя по данным старолатышского и латышских диалектов значение долженствования является вторичным). Если в восточно-балтийском и микенском греческом в конструкции этого типа *jō- обычно предшествует глаголу, то в кельтском более обычно конечное положение *-jō в относительной форме, ср. в галльской надписи из Ализ-Сент-Рен: Martialis Dannotali ieru Ucuete sosin celicnon etic gobedbi dugiiontiio Ucuetin in Alisia 'Мартиалис, сын Данноталоса, посвятил Укуэтису это здание... вместе со жрецами (?), которые почитают (?) Укуэтиса в Алисии'¹²⁰. Форме дебитива от основы *b^hu(H)- 'быть' в лтш. диал. jābūt 'оно должно быть'¹²¹ соответствует в древнеирландском аналогичное по этимологическому составу сочетание *-jō- с предшествующей (а не последующей, как в дебитиве) основой *b^houe¹²²: др.-ирл. 3 л. относ. абс. boíe: tir boíe chuind chétchoraig 'земля, что принадлежала Конну ста соглашений'¹²³. Сопоставление латышского дебитива jābūt и др.-ирл. boíe позволяет предположить, что в сочетании с относительным местоимением *jō- в древних текстах могла выступать форма от *b^huH- (в кельтском отражена форма древней инактивной серии). Эта синтаксическая реконструкция, произведенная на основе морфологических сопоставлений, подтверждается авест. uōi bābvare (YТ 13. 150) 'те, которые бывали'¹²⁴.

¹¹⁹ Endzelins J. Latviešu valodas gramātica. Rīgā, 1951, § 690; Stang Chr. S. Op. cit., S. 436, 437; Иванов В. В. Системы, с. 233.
¹²⁰ Dottin G. La langue gauloise. Paris, 1920, N 33.

¹²¹ Endzelins. Op. cit., с. 885, § 690; Idem. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948, с. 211, § 396.

¹²² Thurneysen R. Op. cit., p. 483, § 789.

¹²³ Watkins C. Remarks on the genitive. — To honor Roman Jakobson, v. II, Paris — The Hague, 1967; Idem. Geschichte der indogermanischen Verbalformen, S. 150. Ср. к этому синтаксическому типу в древнеирландском: Королев А. А. Глагол существования и связка в древнеирландском языке. — В кн.: Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.

¹²⁴ «Qui ont été», ст. обоснование перевода: Benveniste E. Le redoublement au parfait indo-iranien. — In: Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław, etc., 1965, p. 27,

Поскольку тот же элемент *-jo- выступает и в индоевропейском род. пад. ед. ч. *(-ō)s-jo- (см. выше, З. 0), следует отметить любопытную типологическую параллель к разбираемым относительным глагольным формам в австралийском языке дьирбал, где показатель глагола в относительном предложении -ju совпадает с показателем родительного падежа имени ¹²⁵.

Позиция *jo- в реконструируемых сочетаниях с глаголом определяется правилами индоевропейской синтаксической акцентологии, согласно которым элементы типа *jo- (проклитики, они же энклитики ¹²⁶) могли либо предшествовать другим энклитическим формам, либо следовать за ними в качестве энклитик. Первый случай представлен в микенских конструкциях типа jo- + глагол и в латышском дебитиве. В этих случаях можно видеть отражение той позиции глагола в двусловных индоевропейских сочетаниях, которая реконструируется на основании отождествления архаических древнехеттских конструкций типа *pumaltahḫun* с древнеирландскими формами типа *potei-gmis*, восходящих к сочетанию начального *neu- с последующей безударной глагольной формой (ср. др.-рус. нó чту и т. п.) и аналогичной праформой для аугментных индо-иранско-греческо-фригийских форм ¹²⁷, возводимых к сочетанию начального *e/o- (ср. аналогичный начальный синтаксический элемент а- < *e/o- в лувийском и палайском, *e/o- в славянском ¹²⁸, а также греч. мик. о-, если

28, примеч. 7. Редупликация *bābhuv- является индо-иранской инновацией при древности формы неактивной серии на -r.

¹²⁵ Dixon R. M. W. Relative clauses and possessive phrases in two Australian languages. — *Language*, 1969, v. 45, N 1, p. 42, там же см. о других возможных типологических параллелях, к которым следует присоединить баскский: Wilbur T. H. The ergative case and the so-called ergative-type languages. — In: *Papers from Sixth regional meeting*. Chicago Linguistic Society. Chicago, 1970, p. 423.

¹²⁶ *Jacquois G.* Les postpositions du hittite et l'accentuation des préverbes en indo-européen. — *Le Muséon*, 1970, v. LXXXIII, 3—4, p. 533—540. Ср. относительно сопоставления с законом Васильева-Долобоко — Дыбо: Иванов В. В. Реконструкция общеславянских синтаксических структур. — В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974 (далее — Реконструкция), с. 106.

¹²⁷ Иванов В. В. Системы, с. 244 и след.

¹²⁸ Zubatý J. Studie a články. sv. II. Praha, 1954, с. 72, 73, 86, 87, 93; Мельничук О. С. Развитие структуры словянского предложения. Київ, 1966, с. 210, 211.

оно не является вариантом *jо- < *jо- и не восходит к *so- > *ho-). Следует отметить, что по нормам древнеиндоевропейского порядка слов двусловные сочетания этого типа представляли собой законченное предложение с конечным глаголом, безударность которого в этом случае определялась не характером предложения (ср. обычную безударность глагола в главном предложении и ударность в подчиненном ¹²⁹), а позицией глагола в двусловном сочетании после вводящего слова (эта позиция, следовательно, являлась позицией нейтрализации акцентологического противопоставления главного и зависимого предложения в индоевропейском).

Второй случай, где *-jо следует за ударной (и, следовательно, подчиненной главному предложению) формой глагола, представлен в кельтских относительных глагольных формах. Точное формальное соответствие обнаруживается в хеттских конструкциях типа *raḫṣi-ja-an* 'и его охраняй', где за начальной глагольной формой *raḫṣi* следует энклитика *-jо- > -jо-, восходящая к тому же местоименному элементу, что и относительное *-jо- ¹³⁰. В случае, если в хеттском на первом месте находился не глагол, а преверб (—наречие), энклитическое -ja 'и' следовало за ним, а глагол сохранял обычное конечное место в предложении: *arra-ja-kan natta kuitki peššijazzi* 'и он ничего не выбрасывает', KUB X 93 IV 2; *šer-a-ššan SA GIS^LIS artari* 'и на ней возница из дерева стоит', KBo V 1 II 49 ¹³¹. Точно так же в кельтской конструкции с начальной приставкой относительное местоимение может находиться перед глаголом: др.-ирл. *ar-a-bí*. 'который оставлен' (Sg. 58 b, 7), 3 л. мн. ч. имперф. *ar-a-bitis* 'quae instabant' (Ml. 43d, 15). Правила перемещения относительного местоимения из позиции после глагола в позицию перед глаголом после приставки в кельтском в принципе аналогичны тем, которые сформулированы для дру-

¹²⁹ Рассмотрение с этой последней точки зрения сочетаний с начальным *jо- > мик. jо- (ср. *Bader F. Particules*, p. 167 и след.) приводит к парадоксу: безударность глагола могла бы определять независимость предложения, но этому противоречит функция *jо- как относительного местоимения. Относительно акцентологических характеристик глагола в главном и зависимом предложении ср. *Lehmann W. P. Op. cit.*

¹³⁰ Ср. *Bader F. yo*, p. 29.

¹³¹ *Иванов В. В. Системы*, с. 198—199.

гих (объектных) местоимений¹³². Полностью аналогичное правило было сформулировано для возвратных глаголов в литовском¹³³. Поэтому особый интерес представляют латышские возвратные формы дебитива типа *ja-s-ceļas*, где местоимение *-s-* стоит после *ja-* < **īo-*, играющего роль приставки.

3.3.3. Постпозитивное **-īo-* в именных конструкциях в индоевропейских диалектах и происхождение балтийских и славянских определенных форм прилагательных. Постпозитивное *-īo-* засвидетельствовано в именных конструкциях в значительном числе индоевропейских диалектов — анатолийском, тохарском, греческом, индо-иранском, балтийском и славянском (ср. также выше, 3.3.2., о кельтских глагольных конструкциях с постпозитивным **-īo-*). В анатолийском и тохарском речь идет об энклитическом соединительном союзе **-īo-* (> хет. — (*i*)*a*, тох. А *-yo*), который в анатолийском может связывать между собой предложения и слова, как глаголы, так и имена (в том числе причастия — хет. *arpanṭi kunanṭi-ja* 'пленные и убитые', ср. также о сочетании прилагательного с последующим *-ja* выше, 3.1.3). В тохарском А наряду с именами и целыми синтагмами, связываемыми *-yo*¹³⁴, засвидетельствован также и падеж на **-īo-* > *-yo*, непосредственно сопоставимый с греческо-армяно-арийско-фалисским род. пад. ед. ч. на **-(o)s-īo* (ср. выше, 3.1). Поскольку в определенный период истории индоевропейских диалектов родительный падеж имени и прилагательное выступали как синтаксические синонимы (что особенно отчетливо проявляется в известных фактах анатолийского, тохарского и славянского синтаксиса), употребление *-īo* как синтаксического элемента в диалектной форме родительного падежа можно считать в некотором смысле явле-

¹³² *Watkins C.* The Celtic masculine and neuter enclitic pronoun. — *Études celtiques*, 1968—1969, v. XII, fasc. 1, p. 93. См. о соответствиях в анатолийском. — Там же.

¹³³ *Казлаускас И.* О месте возвратной морфемы и ее ударения в литовском языке. — *Baltistika*, 1966, 1 (2), с. 144. *Kazlauskas J.* *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. Vilnius, 1968 с. 88 и след.; *Иванов В. В.* Реконструкция, с. 108.

¹³⁴ *Thomas W.* Bemerkungen zum Gebrauch von Toch. A *yo* und *W wai*. — *Central Asiatic Journal*, 1960, 11, p. 264—274; *Idem.* Zu Konjunktion *yo* und Instrumentalaffix *-yo* im Tocharisch. — *IF*, Band 80, 1975 (1976), S. 71—79; *Bader F.* *yo*, p. 30 и след.

нием параллельным использованию *-iо- в определенных формах прилагательных в балтийском и славянском ¹³⁵.

В греческом постпозитивное *-iо > мик. -jo выступает в качестве архаизма в перечислениях, обнаруживающих значительное структурное сходство с тохарским, а отчасти и с хеттскими конструкциями ¹³⁶. В той же перечислительной функции *-iо > уа- засвидетельствовано и в индо-иранском. Но если сочетание постпозитивного *-iо- с предшествующим именем в анатолийском, тохарском и микенском греческом представляют собой прежде всего формальную параллель к балтийским и славянским именным определенным формам, то в индо-иранском уа- в ряде случаев функционально сходно с *-iо- в определенных формах балтийского и славянского. В таких ведийских примерах, как varūtri vā śakrā yā 'Варутри, сильные', áśema devāhitam yad āyuḥ 'мы хотим достигнуть той жизненной силы, которая определена богом' ¹³⁷ можно видеть прямой аналог балтийским и славянским формам с постпозитивным *-iо-. Необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, тяготение древнеиндийского уа- к конечному положению (как в вед. sá rátri páritakmuā yā 'эта ночь уменьшающаяся') отчетливо выявляется при синхронном описании древнеиндийского ¹³⁸. Во-вторых, в древнеиндийском и древнеиранском (в авестийском и в древнеперсидском) постпозитивное уа- часто исполняет

¹³⁵ Ср.: *Bader F.* Particules, p. 97. К параллелизму прилагательного и родительного падежа существительного ср.: *Haudy J.* L'emploi des cas en vedique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Lyon, 1977, p. 15, 79; *Mittelberger H.* Genitiv und Adjektiv in den anatolischen Sprachen. — *Kratylos*, 1966/1967, 11, S. 99—106.

¹³⁶ *Bader F.* yo, p. 53 и след.

¹³⁷ *Schwyzler E.* Die nominale Determination in den idg. Sprachen. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1936, Bd. 63, S. 150 и след., *Rosenkranz B.* Op. cit., S. 97; ср.: *Porzig W.* Die Hypotaxe im Rigveda, 1: Die durch das Pronomen ya charakterisierte Sätze und syntaktischen Gruppen in den ältern Büchern des Rigveda. — *Indogermanische Forschungen*, 1932, Bd. 41, S. 240—303; *Lehmann W. P.* Op. cit. p. 62—63; *Idem.* Definite adjective declensions and syntactic type. — In: *Donum balticum*. Stockholm, 1970; ср. также: *Eilers W.* Zum altpersischen Relativ-pronomen. — *KZ*, 1967—1968, Bd. 81, 82, (Hft. 1).

¹³⁸ *Thumb A.* Handbuch des Sanscrit, 3 stark umgearbeitete Aufl. von R. Hauschild, t. 2. Formenlehre. Heidelberg, 1959, S. 149.

роль определенного артикля ¹³⁹: *pásūn táms sakte vāya-
vūān āraṇyān gramyás sa ye* 'из них делают животных,
тех, которые летающие, тех, которые в пустыне и тех,
которые в стадах' (*R̥g-Veda*, X, 90, 8). Из этих конструк-
ций легко вывести те, которые дали определенные формы
в балтийском и славянском.

Старолитовский отражает еще древние правила энкли-
тического употребления *-iо- в определенных прилагатель-
ных, сходные с теми, которые выше (3.3.2) были
сформулированы по отношению к балтийским и кельтским
глагольным конструкциям. В приставочных прилагатель-
ных *-iо- может ставиться перед основой прилагательного
после приставки ¹⁴⁰: *pa-iо-prasta* (*Pietkiewicz* 98, 16),
pra-ii-spūļeš žmogau (*Daukša, Postil.*, 169, 21), *ne iо-
kalto-ia* (*Кп. Nob.* 258, 16), *Ewangelia pra-ios-szokusios*
Nedelos (*Daukša, Postil.* 13, 10). В бесприставочных фор-
мах согласно тем же правилам закономерно постпозитивное
*-iо-. Другим архаизмом старолитовского, непосред-
ственно сопоставимым с использованием постпозитивного
*-iо- в древнеиндийском, древнеиранском, тохарском и
других древних индоевропейских диалектах, является
возможность использования *-iо- не только после при-
лагательных, но и после имен существительных, которые
не согласуются с местоимением. Особенно часто в старолитовском
в таких конструкциях выступают существительные в форме
локатива: *dangujėjis; daiktai žemeiėiie*
(*Daukša, Postil.* 661, 33), *man kloniosis wisokes kelis da
guiėii, žemeiėių ir pragarėių arba pėkleių* (там же, 411,
40 и след.). Для типологического сопоставления с диа-
лектным индоевропейским род. п. ед. ч. на *-(o)s-iо осо-
бый интерес представляют диалектные определенные
формы род. пад.: *žmoniūjai vaikai* 'людей дети' (Лазуны,
архаический говор, = литер. лит. *žmonių vaikai*) ¹⁴¹.

Как представляется, эти старолитовские и архаические
диалектные формы существенны для доказательства того,
что в балтийском (как, видимо, и в предыстории славян-
ского) конструкции с *-iо-, выражавшие определенность,
непосредственно продолжали синтаксическую традицию,

¹³⁹ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 232, 233; ср. *Bader F.*
yo, p. 52, § 11.

¹⁴⁰ *Zinkewičius Z.* Lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių
istorijos bruožai. Vilnius, 1957, с. 7 и след.

¹⁴¹ Там же, с. 12; *Stang Chr. S.* Op. cit., S. 274.

отраженную в индо-иранском, тохарском и других индоевропейских диалектах. Часто проводимое сближение балтийских (а иногда и славянских) определенных форм прилагательных с сильными германскими¹⁴² должно учитывать чрезвычайно существенное различие, определяемое наличием в германском и сильных прилагательных, и артикля¹⁴³. В балтийском же для именных форм в целом (как для прилагательных, так и для существительных) использовались те же синтаксические средства, что и в индо-иранском — артиклеобразное употребление *-jo- (чаще всего постпозитивного), типологически сходное с таким же употреблением постпозитивного относительного *kuīš* в хеттском.

Высказывавшееся в последнее время¹⁴⁴ предположение о том, что в отличие от явно энклитического характера *-jo- в балтийских определенных формах прилагательных в славянском можно говорить о суффиксальных элементах, оказалось несостоятельным в свете новейших акцентологических разысканий В. А. Дыбо и его последователей, подтвердивших энклитический характер этих элементов и в славянском¹⁴⁵. Поэтому тем яснее становится изначальное сходство балтийских и славянских конструкций, легших в основу этих форм.

Синхронный анализ старославянских конструкций давно уже привел к предположению о синтаксической синонимии сочетаний типа *члскѣкъ иже блгъ* и *блгъ члскѣкъ*¹⁴⁶. Первое сочетание оказалось ограниченным преимущественно предикативными контекстами, тогда как в собственно именных возоблагодало второе (ср. о типологических параллелях этим соотношениям выше, 3.1.4). С точки зрения порождающей семантики значительный

¹⁴² Ср. в последнее время: *Kuryłowicz J. Die Flexionen des Adjektivs im Baltischen und Slavischen.* — In: *Kuryłowicz J. Esquisses linguistiques II.* München, 1975, S. 426—438. Ср.: *Прокош Э.* Указ. соч.

¹⁴³ К анализу их семантических функций см. особенно: *Кацнельсон С. Д.* Историко-грамматические исследования. 1. Из истории атрибутивных отношений. М.—Л., 1949, с. 186 и след.

¹⁴⁴ *Kuryłowicz J. Flexionen, S. 431.*

¹⁴⁵ См.: *Kortlandt F. H. H. Slavic accentuation.* Lisse, 1975, p. 38—40; *Garde P. Histoire de l'accentuation slave, t. I.* Paris, 1976, p. 33—34 (там же библиография работ В. А. Дыбо).

¹⁴⁶ *Vaillant A. L'article en vieux slaves.* — *Revue des études slaves*, 1942, 20, p. 5; ср. *Flier M. Op. cit.*, p. 69.

интерес представляет параллелизм этого развития атрибутивных форм из свернутых придаточных относительных конструкций и предполагаемых аналогичных соотношений в глубинных языковых структурах¹⁴⁷. Соотношения между относительными и определенными конструкциями, синхронно еще устанавливаемые в славянском¹⁴⁸, отвечают и диахронической эволюции форм (от относительных — артиклеобразных к определенным) и объясняющим их универсальным типологическим соотношениям.

¹⁴⁷ Ср.: Зализняк А. А., Падучева Е. В. Указ. соч., с. 101. В свете этих типологических соотношений маловероятным представляется допущение в цитированных выше трудах У. Лемана и Ф. Бадер о том, что *-io- в подобных конструкциях — частица, а не собственно относительное местоимение.

¹⁴⁸ Ср. синхронно-типологический обзор славянских и балтийских форм, выражающих категорию определенности: *Guild D. G. The development of the concept of definiteness in Baltic and Slavic*. — In: *Donum balticum*. Stockholm, 1970, p. 162—172.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

О. Г. Реззина

Функциональный подход к языку, четко сформулированный в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» («Язык есть система средств выражения, служащая определенной цели») ¹, становится вновь актуальным в лингвистике ². Изучение языковой способности и языкового исполнения (competence и performance) оказалось не достигающим цели вне обращения к структуре речевого акта, куда включаются, в частности, такие параметры, как интенция говорящего, реально выраженное им значение, расстояние между тем и другим, фактическая интерпретация слушателем. «В генеративной грамматике, — пишет С. Куно, — широко распространен взгляд, что лингвистические явления в первую очередь контролируются точно формулируемыми синтаксическими условиями и что несинтаксические факторы, взаимодействующие с синтаксисом, такие, как представление говорящего об универсуме, в котором он живет, пресуппозиции, речевые влияния, стратегия восприятия и т. п., играют меньшую роль в образовании разных степеней грамматичности или приемлемости предложений» ³. Между тем «языковые явления контролируются в первую очередь несинтаксическими факторами». Категория определенности — неопределенности, являясь одной из тех языковых категорий, адекватное описание которой невозможно без учета акта

¹ Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 17.

² См., в частности, материалы сборника: Papers from the parasession on Functionalism. April 17, 1975. CLS, 1975.

³ Куно S. Three Perspectives in the Functional Approach to Syntax. Papers from. . . , CLS, 1975, p. 276.

коммуникации, подвергается пристальному вниманию в современной теории функционализма. Дж. Морган следующим образом формулирует различие генеративного и функционального подходов к изучению артикля the в английском языке: (А) Генеративный семантический подход. The связано с определенными условиями истинности (truth-conditions), то есть его присутствие затрагивает постоянно те условия истинности, в которых это предложение произносится. Изучающий язык должен изучить именно эти условия истинности. Любая коммуникативная функция данной NP есть следствие условий истинности. (В) Функциональный подход. Определенный артикль имеет определенную коммуникативную функцию (сообщает нечто об интенции говорящего?), непосредственно он никак не связан с условиями истинности, но слушающий делает обычно определенные выводы о представлениях говорящего, исходя из его употребления the. То, что должен изучать овладевающий языком — это функция the⁴. Конечный вывод Дж. Моргана состоит в том, что the не является частью содержания предложения, но представляет конвенциональное средство, сигнализирующее о намерениях говорящего относительно того, какая именно часть предложения должна подвергаться интерпретации.)

В настоящей статье категория определенности — неопределенности рассматривается в комплексе лингвистических проблем, составивших объект анализа в функциональной концепции языка, которая разрабатывалась в начале 70-х годов И. И. Ревзиным⁵. Упреждая критику порождающего подхода с позиций позднейшего функционализма, И. И. Ревзин отмечал, что существует целая область языковых явлений — таких, как употребление местоимений, пространственных и временных локализаторов, постановка артикля, актуальное членение предложения, которые нельзя представлять как дотекстовые и внеситуативные: «наоборот, эти знаки получают смысл только в коммуникативной ситуации, где одновременно присутствуют (а не возникают последовательно) и говорящий, и текст, и

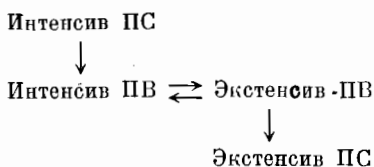
⁴ *Morgan Jerry L.* Some remarks on the nature of sentences. *Papers from...*, CLS, p. 440.

⁵ Работы этого цикла в большей части неопубликованы. Ссылки на них даются в тексте статьи.

оформляющийся в нем смысл»⁶. Однако к необходимости функционального подхода И. И. Ревзин был приведен в первую очередь внутренней логикой развития аналитического подхода к языку, наиболее четко воплотившегося в разрабатывавшейся И. И. Ревзиным теоретико-множественной концепции языка⁷. Это можно проследить на примере моделирования грамматических категорий.

Один из подходов к описанию грамматических категорий состоит в том, чтобы в плане выражения (ПВ) и плане содержания (ПС) выделять интенсив и экстенсив и далее определять их взаимодействие. Например, в категории рода интенсивом ПС является значение биологического пола, ПВ — морфологический показатель рода, присутствующий в словоформе, экстенсивом ПВ — дистрибутивные классы родов, возникающие в результате различных согласований существительного с зависимыми от него словами, а экстенсивом ПС — распространение семантических признаков интенсива ПС на класс существительных, имеющих одинаковый экстенсив ПВ (одинаковое согласование) и при этом таких, что признак биологического пола не входит в значение их основы (названия действий, свойств, неодушевленных предметов). Этот признак, однако, может актуализоваться в них при разного рода олицетворениях, то есть экстенсив ПС представляет категориальный смысл языка, выражающий способ представления денотата в языке, который зависит от структуры означающего. Соотношение четырех компонентов структуры грамматической категории см. на схеме 1.

Схема 1

⁶ Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. — Вопросы философии, 1972, № 11, с. 100.

⁷ Сопоставление порождающего и аналитического подходов см. в статье: Ревзина О. Г., Шрейдер Ю. А. О значении работ И. И. Ревзина в области теоретико-множественной концепции языка. — The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics, 1976, N 22.

Поясним эту схему еще на одном примере — устройстве объемлющей по отношению к именованным грамматическим категориям категории существительного. Интенсивом ПС этой части речи являются названия предметов в узком смысле слова, интенсивом ПВ — набор интенсивов соответствующих именных категорий; экстенсив ПВ — определение существительного через набор позиций, в которых употребляются слова данного класса. Наличие этих позиций и приводит к расширению плана содержания и появлению экстенсива ПС, т. е. значения предметности в широком смысле слова. В самом деле, всякое высказывание имеет вид $P(x_1, \dots, x_n)$, где P — определенный предикат, а x_1, \dots, x_n — объекты, например: x необходимо, x_1 переходит от x_2 к x_3 , x_1 действует сильнее, чем x_2 и т. п. В качестве x_1 фигурируют первоначально собственно названия предметов (интенсив ПС). Славянские (и шире — индоевропейские) языки устроены так, что для постановки в такое высказывание одного из x_i названия действия или признака соответствующее слово должно быть оформлено как существительное, ср. *развитие необходимо, развитие переходит от накопления к реализации, красота действует сильнее, чем порядочность* и т. п. В данном случае опять-таки можно видеть, как экстенсив ПВ обуславливает экстенсив ПС, приводя к возникновению категориального языкового смысла.

Грамматические категории существительного демонстрируют существенные различия в структуре своего интенсива и экстенсива, при этом их интенсивы и экстенсивы вступают в сложное взаимодействие друг с другом, образуя в отдельных славянских языках во многом несхожие конфигурации. В частности, категория определенности—неопределенности в тех славянских языках, в которых она представлена, служит необходимым основанием для выделения экстенсива ПВ таких категорий, как род и падеж (выражение рода непосредственно через формы члена, различение прямого и косвенного падежа в склонении, ср. *столът* и *стола* в болгарском).

Категории рода и падежа, которые можно назвать основными категориями существительного, характеризуются тем, что они имеют четко очерченный экстенсив ПВ. Для категории рода это, как указывалось, дистрибутивные классы, образуемые зависящими от существительного словами, экстенсив ПВ падежа, напротив, характеризуется

словами, от которых зависит существительное. Построение моделей на основе теоретико-множественного подхода оказалось возможным только для категорий с четко очерченным экстенсивом, то есть именно для рода и падежа⁸. Возможность произвести разбиение по родам и падежам, опираясь только на дистрибутивные различия, делает избыточным обращение к интенсиву ПС и ПВ, вернее все эти компоненты могут быть описаны уже после того как построена основная формальная модель, и независимо от нее. Семантические противопоставления, формирующие интенсив ПС рода и падежа (противопоставление по полу, одушевленность — неодушевленность, направленность, объемность, периферийность) определяются вне составляющих акта коммуникации, правила согласования и управления являются обязательными условиями грамматической правильности⁹.

Категории числа и определенности устроены совершенно иначе. Категория числа имеет четко очерченный экстенсив ПВ — это согласование с зависимыми словами, но объединить в один класс такие словоформы как *столы, лампы, столами, окнам* с помощью экстенсива ПВ, т. е. только дистрибутивного обнаружения, невозможно. Для этого нужно обратиться к интенсиву ПС категории числа, т. е. к значению категории числа. Таким образом, попытка моделирования грамматической категории числа исходя из теоретико-множественной концепции оказывается ценной не позитивным, а негативным результатом: «число не может быть получено формальными процедурами, а должно быть задано вместе с существительным»¹⁰. Еще в большей степени сказанное относится к категории определенности — неопределенности. Экстенсив ПВ этой категории оказывается настолько широким, что практически совпадает для всех слов, противопоставляемых по интенсиву ПС и интенсиву ПВ: в болгарском, македонском языках почти в любом предложении членную форму можно заменить на нечленную (разумеется, с изменением смысла).

⁸ См. *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, гл. 4.

⁹ Это не исключает, разумеется, возможностей нарушений управления и, в меньшей степени, согласования, в частности, в поэтической речи.

¹⁰ *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы, с. 153.

Экстенсив категории определенности—неопределенности тривиален, для выделения данной категории на формальном уровне необходимо обратиться к интенсиву ПВ, причем необходимым условием существования подобной категории является однозначность интенсива ПВ. Сходство в устройстве экстенсива ПВ у числа и определенности сопровождается сходством и по некоторым другим признакам. В частности, при постановке одной из форм числа возможно не формальное согласование, а согласование «по смыслу», ср. *английский и французский народы*. Что же касается постановки артикля, то его выбор определяется в первую очередь именно функциональной задачей говорящего, его интенцией в отношении передаваемого смысла. Однозначные предписания, касающиеся позиций сильной определенности и сильной неопределенности, во-первых, формулируются, исходя из семантики (например, сильная определенность представлена, когда дается указание на предмет, единственно возможный с точки зрения слушающего и его понимания законов построения ситуации, ср. *Ich betrat die Schule und fragte nach dem Direktor*, где постановка определенного артикля вытекает из того, что в школе может быть только один директор) и, во-вторых, соседствуют со слабыми позициями постановки артикля, когда говорящий должен учесть факторы, благоприятствующие или противодействующие постановке, например, неопределенного артикля, и сделать выбор в условиях конфликтной ситуации. Другое сходство между числом и определенностью состоит в том, что категории числа и определенности должны быть уже заданы, чтобы можно было построить формальные процедуры для выделения рода и падежа, поскольку объем экстенсива ПВ рода и падежа непосредственно опирается на интенсив ПВ двух первых категорий. В этом смысле число и определенность являются конституирующими категориями существительного, а передаваемое ими значение непосредственно связано с формированием идеи предметности в языке.

Мы назвали одну проблему — моделирование грамматических категорий, эффективное решение которой с необходимостью требовало выхода за пределы теоретико-множественной концепции, а анализ семантики таких категорий, как число и определенность — обращения к языковой функции. В качестве другого примера можно

назвать проблему связного текста — понятия, отсутствующего в теоретико-множественных моделях, и, по-видимому, принципиально не вводимого в нее. Синтагматический аспект языка отражается в этих моделях лишь в понятии отмеченной фразы как некоторой упорядоченной последовательности $f = x_1 \dots x_n$. Отношение замещения, столь важное для описания устройства связного текста, может быть сформулировано в них только относительно всего (в принципе бесконечного) множества фраз. Понятно, что в этом случае можно говорить лишь о формальном замещении. Фактически оно касается замещения с помощью местоимений собственных имен или имен с определенным артиклем (ср. *Пушкин — поэт* и *он — поэт*, при невозможности **Пушкин — он*, причем в языках с артиклем «поэт» — существительное в функции предикатива всегда сопровождается неопределенным артиклем). Для адекватного отражения понятия замещения необходимо, чтобы в данном тексте замещающее слово не только обозначало тот же объект, что и замещаемое слово, но и сохраняло информацию о свойствах данного объекта в пределах текста, доведенного до данного момента¹¹. Но таким образом осуществляется переход к семантическому замещению, учитывающему экстенционал слова (множество обозначаемых объектов) и его интенционал (множество признаков) и специфический эффект кумуляции в тексте — явления, несовместимого с представлением о неупорядоченном множестве отмеченных фраз и об их неразличении на уровне исходных посылок. Структура связного текста не может быть описана вне механизма преобразования коммуникативных средств языка в текстовые средства, обеспечивающие связность текста, и постановка данного круга проблем неминуемо приводит к функциональному взгляду на язык.

Наряду с такими свойствами языка, как универсальность, незамкнутость, креативность, изменчивость, стабильность, языку можно поставить в соответствие следующие функции: а) функция общения, или коммуникативная функция. Под этим понимается установление контакта между говорящим и слушающим и создание условий, в которых может происходить передача сообщения,

¹¹ *Revzin I. I. Vorschlag zu einer text-linguistischen Behandlung des Analyse-paradoxons. — Linguistics, 1974, N 1.*

т. е. создание исходной системы координат времени, места и оценка говорящим отношения сообщения к действительности; б) функция передачи мыслительного содержания, или когнитивная функция. Имеется в виду фиксация и объективация мысли, соответствующей некоторой внеязыковой действительности; в) фасциативная, или конативная функция, состоящая в воздействии на волю слушающего с целью подготовки его к восприятию сообщения в желаемом смысле¹². Поскольку язык является не только орудием, но и системой, он обладает еще одной важной функцией — самоорганизации, состоящей в постепенном поддержании степени своей организованности как в парадигматическом плане, т. е. во внутренней организации классов слов, так и в синтагматическом плане, т. е. в оформлении сообщения («Структура немецкого языка»).

Далее будет рассмотрен, по необходимости в сжатом виде, целый комплекс проблем в свете функционального подхода, начиная от гипотезы о происхождении языка и кончая устройством связного текста, которые в совокупности могут рассматриваться как целостная структурная теория функционирования языка. Категория определенности—неопределенности выступает в этой теории как своего рода уменьшенная модель, в которой воспроизводятся механизмы, управляющие языковой референцией, языковой категоризацией и построением связного текста и определяющие в конечном счете функционирование языковой системы в целом.

В свете данных зоосемиотики происхождение языка (не как эволюционную схему, а как логическую реконструкцию) можно представить как процесс «очеловечения» некоторой достаточно развитой системы коммуникации, ко-

¹² Это разделение восходит к известной теории К. Бюлера (*Bühler K. Sprachtheorie. Jena, 1934*), легшей в основу функционального подхода, развиваемого Пражской лингвистической школой (см. *Vachek J. The Linguistic School of Prague. London, 1966, ch. II*). О связи с понятиями функциональной синтаксической перспективы предложения, «грамматичности» и приемлемости предложения см. также: *Kučera H., Cowper E. Functional sentence perspective revisited. Sound, sign and meaning. Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle. Ed. by Ladislav Matejka. — Michigan slavic contribution, 1976, N 6.*

торую условно можно назвать «протоязыком»¹³. Прото-язык характеризовался тем, что каждая из языковых функций обслуживалась собственной системой сигналов, имеющих собственный канал связи (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Система фасцинативных и одновременно оценочных сигналов (хорошо, плохо)	Голос
Система деиктическо-ориентировочных и/или синтаксических сигналов	Жест ¹⁴
Система денотативных сигналов	Конкретные физические (зарубки, ветки и т. п.) и/или химические знаки, возможно в дальнейшем транспонированные в жест

Мы не будем касаться этапов превращения предъязыка в язык, предполагающих, в частности, синхронизацию всех трех систем и их совмещения в одном (голосовом) канале. Но на одном вопросе следует остановиться подробнее: это вопрос об отождествлении единых знаков-событий как манифестантов единого знака-типа и различении знаков-событий, относящихся к разным знакам-типам. «Язык начинается с появления операции отождествления, — пишет И. И. Ревзин в подготовительных заметках. — Неясно, мог ли быть оператор отождествления в одном из составляющих кодов. Его явно не было в голосовом (фасцинативном) коде и не было в коде вещном (долговременном). В принципе могло быть отождествление в коде коммуникативном (шире: пантомимическом), но скорее отождествление возникло из коммуникативного кода. Человеческий язык отличается тем, что имеет оператор отождествления *это есть x*. Предикация (коммуникативная) есть также частый случай отождествления: *это дерево здесь* (то же самое) *это растущее здесь*. Отсюда коммуникативный оформитель становится знаком предика-

¹³ См.: *Revzin Isaak. From Animal Communication to Human Speech. — Pragmatic Aspects of Human Communication. C. Cherry (ed.). Dordrecht—Holland, 1974.*

¹⁴ Ср. разделение голоса и жеста у Вундта: *Wundt W. Völkerpsychologie, vol. 1: Die Sprache (2nd ed.). Leipzig, 1904.*

ката. Логически следующий шаг таков: если в первом члене коммуникативное оформление остается (*это дерево здесь*), а во втором перерабатывается в показатель предикативности (*растет*), то возникает возможность другого значения: включения, а затем свойства в отличие от предмета). Это последнее положение уточняется в другой заметке «Происхождение языка»: «Эта проблема — психологическая, состоящая не в том, как возникает предикат (ибо понятие — уже предикат, т. е. предполагает противопоставление терм-предикат), а как возникает предложение, из которого потом уже вычленяется понятие. Надо вывести две существующие одинаково интеллектуализованные модели предмета I и II из прототипа:

- а) *этот* оператор отождествления
наблюдаемый объект = эта совокупность свойств
здесь
- б) *этот* наблюдаемый объект = *этот* наблюдаемый объект
здесь, *здесь,*
выделенный по одному выделенный по другому свойству
свойству
- в) *этот* наблюдаемый объект = *этот сигнал*
здесь *здесь* (пока еще сигнал коммуникативного, например, жестового кода)
- г) сигнал одного кода (на- = сигнал другого кода (звукового)
пример, долговремен- *этот*
ного) *здесь*

↓
I

Предмет как совокупность свойств вне зависимости от времени-пространства

↓
II

Предмет как очерченная, ограниченная область в пространственно-временной системе координат; идея числа».

Проблема отождествления знака-события и знака-типа, поставленная применительно к построению логической реконструкции происхождения языка, перерастает в комплекс чисто языковых проблем, касающихся самой структуры языковой системы: идея предшествования коммуникативных функций языковых знаков их когнитивному

содержанию перерабатывается в представление семантики артикля как комплекса коммуникативных и когнитивных значений, причем последние (в частности, генерализующее значение) появляются позднее первых и сигнализируют, при условии обязательности артикля, окончательное его становление; формирование понятия о предмете в связи с актом коммуникации связывается с представлением о категории числа и определенности как конституирующих в системе имени существительного; характеристика коммуникативной предикации как частного случая отождествления перерастает в характеристику глагола, становящегося предикативным центром предложения благодаря морфологическому выражению в нем коммуникативных категорий лица, времени и наклонения; расчленение понятия объекта и совокупности свойств, приписываемых объекту, находит дальнейшее продолжение при анализе механизма текстового отождествления и формулировке правил экстенционального и интенционального замещений в правильно построенном связном тексте. Этот комплекс проблем сам в себе уже содержит определенную иерархичность, касающуюся последовательности их рассмотрения; ближайшей к проблеме логической реконструкции происхождения языка оказывается вопрос о формировании идеи предмета в языке, к которой мы и обратимся.

Логическая экспликация общеизвестного утверждения «существительное обозначает предмет» оказывается затруднительной не только в отношении абстрактных имен типа *доброта, движение*, но и таких конкретных, как *мальчик, стол, масло*. Предлагается следующий путь. Во всяком ядерном высказывании можно выделить обозначения объектов (термы) и обозначения свойств и отношений (предикаты). С логической точки зрения все слова делятся на три класса: а) слова, выражающие только термы — сюда относятся имена собственные, а также личные местоимения типа *он, она, оно*; б) слова, имеющие способность выражать как термы, так и предикаты — сюда относятся все остальные существительные (иначе говоря, особенность существительных не в том, что они выражают предмет, а скорее в том, что они могут выражать предмет); в) слова, выражающие только предикаты (или части предикатов) — сюда относятся прилагательные, глаголы, наречия, из неполнозначных — предлоги («Зависимость идеи предмета от языка»). Всякое личное местоимение есть

термовое слово (выступающее в роли термина). Если некоторое слово можно заменить термовым без изменения грамматической правильности, оно также есть термовое слово, ср. *этот стол удобен — он удобен, стол* есть термовое слово. Итак, понятие термового существительного, т. е. слова, в первую очередь обозначающего предмет, формируется на основании понятия местоимения, причем главным образом 3-го л., т. е. обозначения чего-то, что находится в акте коммуникации перед глазами говорящего и слушающего; предмет возникает как «нечто, о чем говорят». Этот тезис подтверждается тем, как происходит дальнейшее обобщение понятия предмета: «... слово х предметно в широком смысле, если его можно поставить вместо многоточия в выражение *это (есть)* . . . , где *это* сопровождается указательным жестом. Если существительное термово, соответствующее предложение можно перефразировать с помощью формулы *Это (есть)*, ср. *Этот стол удобен — это есть стол, он удобен*. Таким образом, глубинную структуру каждой фразы с термовым именем можно представить как содержащую указание на коммуникативную ситуацию, в которой она могла быть произнесена. Материальным выражением этого компонента глубинной структуры может быть личное местоимение, указательное местоимение, имя собственное, и наконец, в тех языках, где выработалась соответствующая категория — артикль. Идея субстанции, которую несет с собой артикль, восходит первично к ориентации относительно определенной коммуникативной ситуации. Формула *Это (есть)* . . . является языковой универсалией, и в этом смысле идея предмета имеется во всех естественных языках, хотя дальнейшее развитие этой идеи может быть различно: будучи связанным с двумя названными выше интеллектуализованными моделями предметов I и II, выражение идеи предметности отделяет европейский тип от китайского или вьетнамского и демонстрирует ряд переходных случаев¹⁵.

Выше был дан анализ категории существительного в терминах интенсива—экстенсива. Функциональный под-

¹⁵ Об этом подробнее см.: Ревзин И. И., Ревзина О. Г. Типологическая характеристика индонезийского языка с точки зрения категории числа и других способов выражения предметности. — В кн.: Малайско-индонезийские чтения. Сборник памяти акад. А. А. Губера. М., 1977.

ход углубляет этот анализ, позволяя выделить «интенсив интенсива» плана содержания этой категории, каковыми являются личное местоимение 3-го лица и собственные имена, связать проблемы первичной референции с актом отождествления в процессе коммуникации и далее проследить роль уже собственно языковой категоризации на уровне интенсива ПВ и экстенсива ПС и ПВ. Эта связь между языковыми функциями и языковой категоризацией, т. е. настроенность структуры языковой системы на выполнение соответствующих функций, прослеживается далее в рассматриваемой концепции на разных уровнях парадигматики — самого типа языка, устройства частей речи, разделения грамматических категорий.

В выполнении языковых функций участвуют, конечно, так или иначе все средства языка. Но функциональный подход позволяет более четко выявить специализацию языковых средств, выявить их преимущественную настроенность на выполнение какой-то одной функции. Мы можем говорить о коммуникативных и когнитивных значениях языковых элементов, при этом коммуникативное значение подвергается четкой экспликации: это «любое значение некоторого элемента языка, как грамматического, так и лексического, если формулировка этого значения невозможна (или неполна) вне фиксации отношения между говорящим (или слушающим), его пространственно-временной локализацией, с одной стороны, и конкретным высказыванием, включающим этот элемент, — с другой стороны» («Структура немецкого языка»). Функциональный подход позволяет рассмотреть ё единой точки зрения явления разных уровней — такие, как грамматические категории лица, времени, наклонения (с выделением коммуникативной и когнитивной модальности), определенности—неопределенности, — и коммуникативные локализаторы типа наречий места, времени и т. п. Само расположение в языковой цепи коммуникативных и когнитивных морфем позволяет прибавить еще одну характеристику к морфологической классификации языков и одновременно — в параллель к тому, что было сказано выше о формировании идеи предметности и категории существительного, — рассмотреть роль глагола как основного носителя предикативной функции в связи с наличием у него главных средств коммуникативной предикации (коммуникативного отождествления) — катего-

рий лица, времени, наклонения. В аморфном типе коммуникативные морфемы выступают отдельно от когнитивных, при этом коммуникативные морфемы (например, со значением времени) обладают высокой степенью факультативности. В инкорпорирующих языках когнитивные и коммуникативные морфемы существуют слитно, но не в пределах отдельного слова, а единого слова-предложения. В агглютинативных языках происходит притягивание личных местоимений и других коммуникативных морфем к глаголу. Но полной избирательности здесь нет, о чем говорит, например, наличие именного спряжения в тюркских языках. Лишь во флективных языках происходит выделение специального элемента в предложении, объединяющего когнитивность с коммуникативностью. Таковым выступает глагол, выступающий ведущим, организующим центром всего предложения. При этом когнитивные категории оформляются, как правило, словообразовательно (ср. споры о категории вида, залога, ср. характер отрицания в славянских языках), в то время как для коммуникативных категорий характерна словоизменительность (ср. время, лицо, наклонение). Особая ситуация складывается в аналитическом типе, где выделяется совокупность когнитивных морфем (как правило, оформленная флективно) в неличной форме глагола. При этом возникает чисто грамматическая иерархия, подчиняющая когнитивные категории коммуникативным, но уже не в плане слова, а в плане синтаксиса (ср. выделение коммуникативного центра в немецком независимом предложении, подчиняющего себе личные местоимения и близкие им слова, с одной стороны, и отодвинутого вправо когнитивного центра, подчиняющего себе сугубо когнитивные морфемы, такие, как отрицание и т. п. («Об одном истолковании схемы морфологической типологии языков»)).

Выше была показана роль личных местоимений 3-го лица как операторов первичного отождествления в коммуникативном акте для формирования понятия термового слова и далее категории существительного. Равным образом и коммуникативная предикация как частный случай отождествления кладется в основу определения предикативности, представляющей как явное или неявное соединение признаковности (когнитивности) и коммуникативности. Представленный анализ языковых типов в функциональном аспекте вскрывает различие между ними,

в частности, по основному способу выражения предикативности. Формулируется следующий вывод: по определению в языке имеется часть речи глагол тогда и только тогда, когда выражение предиката неразрывно связано с коммуникативной функцией (флективные языки, ср. агглютинативные, типа грузинского). Таким образом, мы пришли к интерпретации, в функциональном плане, противопоставления имени и глагола. Рассмотрение с точки зрения коммуникативности — когнитивности всей системы частей речи, как она представлена, например, в немецком языке, позволяет проследить дальнейшее движение от языковой референции к языковой категоризации и отражение в системе частей речи ее настроенности на выражение коммуникативной и когнитивной функций.

Три критерия, по которым принято определять часть речи в лингвистической традиции — семантический, синтаксический и морфологический — преобразуются в функциональной теории в следующие признаки: 1) термовость — нетермовость: части речи, содержащие термовые слова, противопоставляются не имеющим их; 2) эксплицитная зависимость — части речи, объединяющие парадигмы, в которые входят эксплицитно зависимые слова, противопоставляются не имеющим эксплицитно зависимых слов; 3) коммуникативность — некомуникативность: противопоставляются части речи, общее значение и оформление которых немислимо вне коммуникативных значений, тем, в которых коммуникативность вообще отсутствует или второстепенна; 4) когнитивность — некогнитивность: противопоставляются части речи, категории которых обязательно фиксируются в логической записи предложения, таким, где это необязательно («Структура немецкого языка»).

Для дальнейшего существенно, что, подобно тому, как среди существительных в немецком языке выделяется группа коммуникативных существительных — личных местоимений, возможно выделение коммуникативных прилагательных, куда войдут слова, определяемые традиционно как указательные, притяжательные, вопросительные местоимения, ср. непосредственную противопоставленность по коммуникативной категории лица в притяжательных *mein* — *dein* — *sein*, а также коммуникативных наречий ср. *hier* — *dort* (*da*), *diesseit* — *jenseits*, *jetzt* — *damals* (*dann*), противопоставленных таким чисто когни-

тивными как bald, immer, überall и т. д. Эти коммуникативные группы могут быть либо выведены из рассмотрения в особый, задаваемый списком класс языковых констант (определяющих грамматическое значение предложения), либо в качестве специальных разрядов рассмотрены в пределах соответствующих частей речи. Следуя по отдельности каждому из принятых решений, мы получаем для немецкого языка две системы частей речи. Характеристику системы 1 см. в табл. 2.

Таблица 2

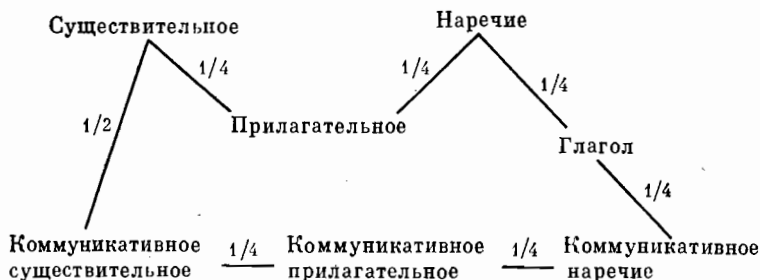
	Истерм- вость	Эксплицит- ность	Коммуника- тивность	Когнитив- ность
Существительные	-	+	-	+
Прилагательные	+	+	-	+
Наречие	+	-	-	+
Глагол	+	-	+	+

Признак когнитивности, избыточный в системе 1, получает нагрузку в системе 2 (см. табл. 3).

Таблица 3

	Истерм- вость	Эксплицит- ность	Коммуника- тивность	Когнитив- ность
Существительные	-	+	-	+
Коммуникативные существительные	-	+	+	-
Прилагательные	+	+	-	+
Коммуникативные прилагательные	+	+	+	-
Наречия	+	-	-	+
Коммуникативные наречия	+	-	+	-
Глагол	+	-	+	+

Измерив расстояние между частями речи (число противопоставлений, по которым они различаются, деленное на общее число противопоставлений), получаем:

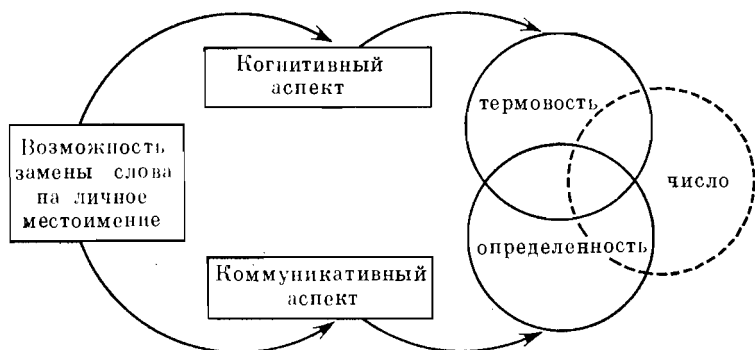
Это показывает, что различие по признакам нетермовости, коммуникативности и когнитивности, уходя вглубь системы, порождает более глубокие противопоставления, чем первично определенные в паре имя—глагол. Максимально противопоставленными, например, оказываются существительное и коммуникативное наречие (и, действительно, слова типа Haus выполняют по любым критериям противоположные функции по сравнению со словами типа hier). Расстояние, отделяющее имя от глагола, оказывается равным тому, которое разделяет коммуникативное существительное и прилагательное, коммуникативное существительное и глагол, коммуникативное прилагательное и наречие. Иначе говоря, столь же важную роль, как противопоставление имени и глагола играет противопоставление, которое можно определить так: быть полнозначным словом — быть константой. Тот факт, что в языковые константы входят коммуникативно нагруженные элементы языка, как раз и показывает их конституирующую роль в грамматической организации предложения. Показательно, что глагол с его коммуникативной нагрузкой оказывается близким к таким константам, как коммуникативные прилагательные и особенно коммуникативные наречия. В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что грамматический анализ через сведение к минимальной подфразе сводится по существу именно к выделению основных коммуникативных элементов. И неоднозначно решаемый вопрос об отношении зависимости в субъектно-объектной фразе на самом деле должен быть расщеплен на два: суть в том, что, если исходить из когнитивной функции, в такой фразе нет главного элемента или даже субъект подчиняет предикат. Но в коммуника-

тивном плане направление зависимости может быть установлено только одно: от предиката к субъекту, поскольку никакое высказывание не может состояться без помещения его в определенную пространственно-временную сетку, а это как раз и достигается с помощью коммуникативных категорий, выражаемых предикатом.

Следующий уровень, на котором прослеживаются структурные различия в языке — это уровень грамматических категорий. По ходу дела мы уже неоднократно отмечали специфический характер коммуникативных категорий и их отличия от когнитивных — таких, как род или падеж, и здесь можно ограничиться только категорией определенности—неопределенности. Определенность (как содержательная категория) может возникнуть только у термовых слов. Отсюда следует, что глаголу, в частности, уже в системе частей речи приписана неопределенность, и неопределенность вообще является характеристикой всякого предиката. Источник определенности, как и термовость — это возможность замены на личное местоимение, но они ориентированы на разные аспекты личного местоимения: когнитивный и коммуникативный. В чисто когнитивном аспекте местоимение, например *er*, есть обозначение некоторой переменной величины, могущей принимать самые разнообразные значения: так, фраза *er ist groß* может быть представлена в виде *Groß sein (x)*, где *x* может принимать произвольное значение *der Knabe, der Alte, der Schlosser, der Damm*. Термовость (возможность обозначать терм при предикате) как раз и возникает из когнитивного аспекта местоимения; определенность — это развитие тех свойств местоимения и далее имени, которые связаны с коммуникативными и локализационными свойствами (коммуникативные локализаторы устанавливают место тех или иных объектов по отношению к участникам акта коммуникации и акту речи). Имея далее в виду связь термовости с числом (все слова-термы имеют фактическое или потенциальное множественное число), указанное соотношение схематически представляем на схеме 3.

Здесь следует сделать следующие уточнения: во-первых замена на личное местоимение выделяет терм лишь в ядерных высказываниях (при субстантивациях типа *das Gehen ist schwer* заменяемое личным местоимением слово *das Gehen* соответствует не терму, а предикату). Во-вторых, кажущаяся замена существительного с неопределенным

Схема 3

артиклем в связном тексте личным местоимением, ср. *Da steht ein Mann, er ist hoch* отражает лишь поверхностный уровень, поскольку фактически *er* заменяет термовое *der Mann*, ср. *Da steht ein Mann, der Mann ist hoch*. Вообще впечатление, что любое существительное, как определенное, так и неопределенное, может заменяться личным местоимением, объясняется, видимо, тем, что в вырванном из контекста предложении при большинстве существительных могут стоять оба артикля. Показательно, что в случаях, где невозможен определенный артикль, местоимение становится невозможным, ср. *Das Buch hat mich drei Mark gekostet* — **das Buch hat mich es gekostet*. Связь личного местоимения с определенностью проявляется и в целом ряде других факторов: при ответе на вопрос личное местоимение заменяет лишь формы с определенным артиклем, при обособлении правильны конструкции *Die Kinder, sie hören es gerne* при невозможности **Ein Mann, er hört es gerne*, ср. такие эмфатические конструкции *Der Ehemann ist es, der an allem schuld ist* при неправомерности **Ein Ehemann ist es, der an allem schuld ist*.

Отношение между термовостью и определенностью показано в схеме 3 как отношение пересечения. И действительно, термовость—нетермовость характеризует все знаменательные части речи, в то время как противопоставление по определенности—неопределенности действует только в пределах существительного. Прежде чем охарак-

теризовать детальнее в функциональном плане значение определенности—неопределенности, следует еще раз отметить, что механизм действия этой категории в предлагаемой трактовке действительно позволяет представить эту категорию как молекулярную структуру, в которой отчетливо прослеживается, как языковые функции отражаются в способе языковой референции и далее языковой категоризации. Коммуникативность, свойственная личному местоимению, передается далее категории определенности, что позволяет определить координаты называемого объекта в акте коммуникации, а когнитивный аспект того же местоимения преобразуется на уровне имени в свойство термовости и позволяет войти в состав высказывания в качестве термина, который получит в этом высказывании новую характеристику.

Функциональный подход позволил рассмотреть с единой точки зрения значение артикля, являющегося главным средством выражения категории определенности—неопределенности. В нем представлены коммуникативный и когнитивный компоненты. Коммуникативный компонент определяется как обусловленность объекта данной коммуникативной ситуацией, предполагаемость предмета или наоборот его возникновение в данной ситуации. Когнитивный аспект — те значения, которые в логике выражаются кванторами, а именно: а) универсальное — имеются в виду все объекты данного рода, б) частичное — имеются в виду некоторые объекты объемлющей совокупности (т. е. значение подмножества некоторого множества), в) уникальное — имеется в виду один и только один объект данного рода, г) экзистенциальное — имеется в виду существование объектов данного рода, непустота соответствующего множества. Далее, эти два компонента неразрывно спаяны между собой, и они позволяют сформулировать наиболее общее инвариантное значение определенного и неопределенного артиклей. При выявлении исходного значения определенного артикля, маркированного по когнитивной функции, «имеются в виду все объекты данного рода, предполагаемые коммуникативной ситуацией, в которой участвует произнесенный экземпляр знака»¹⁶. Инвариантный характер этого определения

¹⁶ Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. — Вопросы философии, 1972, № 11, с. 101.

вскрывается при сравнении постановки артикля в двух, как будто бы очень разных фразах: *The lion was my friend* ('лев был мой друг') и *The lion is a carnivorous animal* ('лев — хищник'). В первой фразе коммуникативная ситуация очерчена формой прошедшего времени и местоимением *мой*, которые позволяют рассматривать форму единственного числа в *the lion* как указание на то, что множество всех объектов, предполагаемых данной ситуацией, состоит из одного элемента. Во второй фразе употребление абсолютного презенса подчеркивает, что высказывание верно для любой коммуникативной ситуации, и определенный артикль подчеркивает, что имеются в виду все объекты данного рода. Итак, оба примера объясняются инвариантным значением артикля, получающим дополнительное уточнение непосредственно в тексте (уникальный характер объекта в данной ситуации в случае *The lion was my friend* и множество всех объектов независимо от ситуации во фразе *The lion is a carnivorous animal*).

Неопределенный артикль маркирован по коммуникативной функции. Его основное значение состоит в указании на существование некоторого объекта, т. е. непустоту соответствующего множества, при этом связь с коммуникативной ситуацией подчеркивается сигнализацией того факта, что до данного момента объект не находился в поле внимания слушающего. Схематическое обозначение ситуаций, приводящих к возникновению значений определенности и неопределенности, см. на схеме 4.

Функциональная теория категории определенности—неопределенности, сжатое изложение которой было дано выше, открывает широкую программу исследования ее фактического устройства в разных языках¹⁷. Ограничимся здесь двумя примерами, демонстрирующими эффективность данного подхода. Первый из них касается предложений тождества в немецком языке (типа *Saul ist Paul*). Поскольку оба члена *Saul* и *Paul* могут быть в немецком языке заменены на личное местоимение *er* (а предикат личным местоимением заменяться не может), их предлагается рассматривать как особую структуру, имею-

¹⁷ См.: *Резвин И. И.* Анкета по категории определенности—неопределенности. — В кн.: *Балканский лингвистический сборник.* М., 1977.

Схема 4

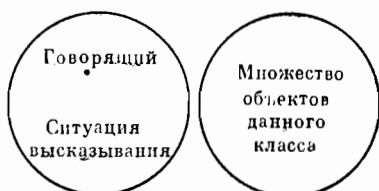
Значение определенности

Значение неопределенности

б

в

щую два подлежащих при одном сказуемом *sein*, которое и выражает самое отношение тождества. Следовательно, в предложениях типа *Der Morgenstern ist der Abendstern* «Утренняя звезда есть вечерняя звезда» уже нельзя видеть структуру: связка + именная часть сказуемого, выраженного существительного с определенным артиклем. Иначе говоря, правило о том, что определенный артикль не употребляется в предикативе (ср. выше о нетермовости и неопределенности таких «предикатных» частей речи, как глагол, прилагательное) формируется теперь в немецком языке как не имеющее исключений. Второй пример касается колебания в согласовании связки в русском языке в конструкциях N_1 *Сop* N_2 : *Кабинет был (была) большая комната*¹⁸. Вводится понятие детерминированного и потенциально детерминированного слова

¹⁸ Ревзин И. И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

(аналог термового и потенциально термового слова) и далее показывается, что в этих предложениях связка согласуется с детерминированным существительным (ср. *Этот кабинет был большая комната*, но не **Этот кабинет была большая комната*), либо (если, например, оба существительных детерминированы, ср. *Этот кабинет была «большая комната»*) согласование идет по четко определенным дополнительным правилам. Таким образом, согласование может служить показателем определенности существительного (ибо детерминированное существительное — это то, которое в языках с артиклем имело бы определенный артикль). Отсюда прямой выход к рассмотрению согласования как средства выражения определенности на типологическом фоне славянских языков («правило Потевни» в старославянском и современном русском).

Последний круг вопросов, который будет рассмотрен в свете функциональной теории, касается структуры связного текста. Каждое высказывание произносится в определенной ситуации и составляет нечто неотчуждаемое от этой ситуации в том смысле, что недостающие части высказывания восполняются из того, что находится перед глазами говорящего и слушающего (не говоря уже о жестах, выражении лица и позе говорящего, которые также участвуют в выражении смысла высказывания). Ситуация определяет всех участников соответствующего действия — вне зависимости от того, названы ли они явно в высказывании, а также те условия времени и места, в которых имеет место высказывание — опять-таки безотносительно к тому, названы ли эти условия явным образом. Феномен связного текста в функциональной теории трактуется как раз с точки зрения того, каким образом в совокупности высказываний, лишенной опоры на ситуацию, реализуется требование коммуникативной и когнитивной полноты, необходимое для понимания текста.

Строится следующее формальное определение текста. Каждому предложению S сопоставляется насыщенное предложение $H(S)$, характеризующееся следующими свойствами: 1) в $H(S)$ остается S в качестве костяка, 2) заполнены все обязательные валентности, 3) заполнены все факультативные валентности (указание на место, время, условие, причину, цель) либо — при незаполнении соответствующего места — возможна интерпретация: действи-

тельно для любого места (любого времени, при любых условиях, не имеет причин и не имеет цели). Предложение А непосредственно подчинено предложению В, если для насыщения предложения А нужна информация, заключенная в предложении В. А связано с В, если существует цепочка $A = x_1 \dots x_n = B$ в таких, что либо x_i подчиняет x_{i+1} , либо x_i подчиняет x_{i+1} . Последовательность предложений называется связным текстом, если первое из них можно соединить цепочкой с последним и каждое предложение можно заменить насыщенным предложением.

Феномен связного текста покоится, таким образом, на не насыщенности отдельных высказываний. Кроме грамматической (субъектно-предикатной) и коммуникативной структуры предложению можно поставить в соответствие текстовую структуру, обеспечивающую получение недостающей информации из других предложений связного текста. Большой интерес представляет тот факт, что текстовыми средствами связи выступают элементы, играющие чисто коммуникативную роль в конкретных актах общения. Сюда относятся, в частности, коммуникативная категория грамматического времени, обеспечивающая единую временную точку отсчета в повествовании, указательные местоимения (дейктическая роль в акте общения, анафорическая роль в связном тексте), артикли, относительные местоимения, коммуникативные наречия. Коммуникативные элементы языка, преобразуясь в текстово-нагруженные, вносят, таким образом, в текст то, что в других условиях обеспечивается непосредственной связью с актом общения. Простое предложение *Der Mann sagte* разлагается по существу на *Das ist ein Mann. Er sagt* и первое из этих предложений, представляющее элемент жестовой коммуникации, фигурирует в тексте либо в качестве предыдущего высказывания, либо пресуппозиции. Обобщением сказанного может служить следующее, уже не формальное, а содержательное определение связного текста: «тест — это такое объединение предложений, для которого экстралингвистический контекст сведен к нулю, т. е. та информация, которая воспринимается из условий акта коммуникации в обычном, нормальном использовании языка (из контекста в смысле Якобсона) теперь воспринимается из контекста в смысле «окружающее предложение».

Правильно построенный связный текст предполагает выполнение определенных условий, касающихся упорядоченности предикатов и отношения замещения в тексте. Это последнее отношение следует рассмотреть подробнее, поскольку оно непосредственно связано с условиями замены на личное местоимение, функционированием в тексте собственных имен и существительных с определенным артиклем, то есть с теми явлениями, которые уже были подвергнуты здесь обсуждению с разных точек зрения. Как отмечалось, в тексте выделяется два рода замещений: экстенционально сохраняющих и интенционально сохраняющих. Уместно заметить по этому поводу, что два интеллектуальных представления о предмете как точке всей области в системе пространственно-временных координат или в n -мерном пространстве свойств или признаков фактически задаются в пределах одной и той же языковой системы, но уровень их проявления может быть различным: в европейском языковом типе, благодаря категории числа, а также определенности—неопределенности, предмет мыслится на грамматическом уровне как отделенный от других, ограниченный объект, но на уровне текста играет важную роль и представление о предмете, исходя из множества обозначенных в тексте признаков. Два типа замещений обслуживаются, в частности, в немецком языке разными языковыми средствами — для экс-замены служат личные местоимения (Puschkin war ein Dichter. Er. . .), в то время как ин-замена возможна только с помощью неопределенного местоимения es (Puschkin war ein Dichter. Puschkin war es, obgleich. . ., где es указывает на то же самое множество признаков).

Отношение замещения может распространяться на тему или на рему высказывания. Именно тематическое замещение и является экс-сохраняющим. Экс-сохраняющее тематическое замещение должно строиться таким образом, чтобы 1) не увеличивалось множество признаков, подчиненных до сих пор одному объекту и 2) не уменьшалось множество объектов, априорно имеющих соответствующие признаки. Эти условия как раз и выполняются при прономинализации, при этом: а) собственное имя ничего не замещает, но легко может быть замещено. Это связано, очевидно, с тем, что имена собственные не имеют интенционала и замены с именем собственным не позволяют выполнить условия 1) и 2) тематического замещения,

ср. невозможность установить тождество объекта в предложении: **Великий поэт всю жизнь трудился, хотя Пушкин был дворянином*, б) замещение через личное местоимение возможно только в том случае, если подлежащее замещению слово обозначает собственное имя или нуждается в определенном артикле. Личное местоимение обозначает неспециализированное множество объектов (а не признаков), и поэтому объект, к которому будет отнесено личное местоимение, должен быть прецизирован ср.: *Ins Zimmer trat ein schönes Mädchen. Ich blickte auf sie. . .* при невозможности **Ins Zimmer trat ein Mädchen. Ich blickte auf es*. Таким образом, и в синтагматике вскрывается та же конституирующая роль коммуникативных констант языка, которая выше была прослежена на парадигматическом уровне.

И. И. Ревзин построил каркас функциональной теории языка, соотнесенной, как мы пытались показать, с наиболее важными вопросами устройства языковой системы. Эта теория кажется очень многообещающей. Но судьба разрешила И. И. Ревзину лишь частично заполнить языковым материалом пространство здания. Будущие исследователи, может быть, продолжат эту работу, основные направления и смысл которых четко раскрыты в его собственных исследованиях ¹⁹.

¹⁹ Неопубликованные работы И. И. Ревзина, посвященные категории определенности, вошли в монографию «Структура языка как моделирующей системы» (М., 1978).

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ШИФТЕРЫ

Вяч. Вс. Иванов

1. А. Норен, одним из первых исследовавший категорию определенности—неопределенности, названную им «категорией точки зрения» (*Spezies*)¹, в своем анализе определенных местоименных семем выделял два разных типа этих последних: анафорические семемы, связанные с памятью о прошлом или с ожиданием будущего, и деиктические, имеющие дело с настоящей ситуацией, внутри которой различаются говорящий, слушающий и третье лицо². Оба эти типа семем относятся к тем единицам языка, для которых Якобсон использовал предложенное Есперсеном название *shifters* «переключатели, сдвигатели,

¹ *Noreen A. Einführung in die Wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Beiträge zur Methode und Terminologie der Grammatik. Von Verfasser genehmigte und durchgesehene Übersetzung ausgewählten Teile seines Schwedischen Werkes «Vårt Språk», von H. W. Pollak. Halle (Saale), 1923, S. 254, 263.* В свете новейших исследований по лингвистической семантике особенно существенно то, что Норен рассматривает категорию определенности с точки зрения общей науки о значениях (*betydelslära*) или семологии (см. детально *Noreen A. Vårt språk, I—VII. Lund, 1903—1918*). В данной связи следует согласиться с включением Норена (хронологически перед Соссюром) в число ученых, исследовавших язык как иерархию кодов разных уровней: *Fleming I. Stratification theory: an annotated bibliography. — Journal of English linguistics, 1969, v. 3, p. 37; Lotz J. Plan and Publication of Noreen's Vårt språk. — Studia Linguistica, 1954, 8, p. 82—91*). Из поздних работ, в которых «определенность» («указательность») вводится как особая «понятийная» (*notional*) категория (в смысле Есперсена), следует отметить: *Collinson W. E. Indication. A study of demonstratives, articles and other «indicators» (Language Monographs, N 17). Baltimore, 1937, p. 14, 18.* Современное состояние исследования категорий изложено в кн.: *Резвин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978* (там же дальнейшая библиография).

² *Noreen A. Einführung, S. 260.*

шифтеры»³. Шифтеры определяются через ситуацию речевого общения, представляя собой такие кодовые элементы, которые в самом коде (в языке как системе) определяются отсылками к речевому сообщению (высказыванию). Принадлежность деиктических семем к шифтерам очевидна, анафорические же семемы связываются с актом речевого общения потому, что само прошлое или будущее определяются благодаря соотнесению некоторого события с моментом речи (speech event 'событие речи', по Якобсону).

Идея тождества автора высказывания (текста) самому себе, исключительно важная для связности текста (или серии высказываний) одного автора (которая организуется, в частности, благодаря шифтерам), близка к общенаучному принципу, сформулированному математиком Вейлем: «Предположим, что существует в момент t только один индивид в некотором состоянии S , существенно отличном от состояний всех других индивидов, если через некоторый промежуток времени, особенно если это очень малый промежуток, в момент t'' один и тот же индивид находится в состоянии S'' , мало отличающемся от состояния S , или «подобного типа» для состояния S , то это свидетельствует о справедливости предположения, что мы имеем дело с тем же самым индивидом и в момент t , и в момент t'' . . . Вместо t и t'' можно рассматривать целую последовательность моментов t, t', t'' . . . Это волна,двигающаяся по поверхности воды. Если отбросить внутреннюю уверенность в тождестве чьего-то «Я» и все связи, основанные на этой уверенности (Я тот же человек, который встречал вас тогда и сейчас), то нужно воспользоваться теми же средствами (вспомним знаменитые сцены узнавания в мировой литературе, начиная с «Одиссеи») ⁴.

В первых строфах стихотворения В. Ходасевича «Перед зеркалом» выражается сомнение в тождестве я, относящегося к автору стихотворения, и человека, который когда-то

³ Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. Пер. с англ. Под ред. О. Г. Ревзиной. М., 1972, с. 95—113.

⁴ Вейль Г. Дополнения. — В кн.: Прикладная комбинаторная математика. М., 1968, с. 315—316.

относил к себе это же слово. Несовпадение я, каким оно предстает в момент речи, и прежнего я поэта, составляет тему этих строф:

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желтосерого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал пруть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Принадлежность я только моменту речи, кажущаяся в большинстве случаев употребления этого шифтера обычной, в данном контексте оказывается источником страдания. В первой строфе я и *тот* — деиктические семемы, относящиеся соответственно к автору и его отражению в зеркале, в следующих же строфах *тот* — анафорическая детерминированная (определенная) семема, относящаяся и к автору и к его предшественнику во времени, с которым автор не хочет себя отождествлять: связность текста, предполагающая тождество этих анафорических семем, ставится под сомнение, как и возможность отождествления.

По замечанию Бенвениста, слова А. Рембо *je est un autre* 'я это кто-то другой', «представляет собой типичное выражение сумасшествия, умственного отчуждения (*aliénation mentale*), когда человек как личность лишается тождества с самим собой»⁵. Сопоставление с известными

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 264. — Несомненный интерес в этой связи представляет биографическое отсутствие тождества двух ипостасей Рембо (поэта в молодости и торговца в Африке в зрелые годы), см. подробно: *Laferrière D.* The subject and discrepant use of the category of person. — *Versus. Quaderni di studi semiotici*, 1976, N 14, p. 93—104.

клиническими случаями, характеризующимися тем, что больной постоянно твердит: «Я уже больше не я»⁶, в известной мере формально оправдано. Но по сути сопоставление правомерно лишь в тех бесспорно патологических случаях, когда из речи больного (в том числе и больного поэта — Гельдерлина⁷) полностью исчезает местоимение я и другие шифтеры. В других же случаях особенности употребления личных местоимений и вообще шифтеров в поэтическом языке (например, в приведенных словах Рембо и у Маяковского: я для меня мало, / Кто-то из меня вырывается упрямо — «Облако в штанах») прежде всего объясняются особой ролью этих элементов. Чаще всего (у поэтов, чей стиль можно считать «классическим») это обнаруживается не только в «острашении» значений шифтеров (как в приведенных примерах), но и непосредственно в употреблении самих личных местоимений⁸ и других связанных с ними шифтеров. Показательна роль деиктических семем, повторение которых определяет структуру всего стихотворения, в таких стихах Фета, как «Это утро, радость эта», принадлежащих к именному стилю.

2. Под именовым стилем имеются ввиду такие специфические построения, в которых последовательно избегаются личные формы глагола. В качестве предиката (или вершины дерева предложения) в таких предложениях выступает имя прилагательное (или причастие) или же имя существительное. Именные предложения в определенном смысле находятся вне временных противопоставлений: они относятся либо к утверждениям общего характера (*Поэзия — вся езда в незнание*), либо к конкретности данного момента речи, поэтому особенно часты они в диа-

⁶ Мейли Р. Структура личности. — В кн.: Пиаже Ж., Фресс П. Экспериментальная психология, вып. 5. М., 1975, с. 262. — Ср. детальный анализ проблемы «я» в психоаналитическом аспекте, (с. 260 и след.); Lacan J. *Ecrits*. Paris, 1966. Ср. Лурья А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста. М., 1968, с. 84.

⁷ Jakobson R., Lübbe-Grothues G. Ein Blick auf die Aussicht von Hölderlin. — In: Jakobson R. Hölderlin. Klee. Brecht. Zur Wortkunst dreier Gedichte. Eingeleitet und herausgegeben von E. Hohenstein. Baden-Baden, 1976, S. 27—96.

⁸ О стиле лирических стихотворений Пушкина см. интересные замечания в этой связи: Яковсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — В кн.: Poetyka. Поэтика. Poetics. /1/. Warszawa, 1960, с. 405—411.

логе⁹. С точки зрения такой логизированной трансформационной грамматики, которая ориентирована на язык исчисления предикатов, в именных предложениях этого типа можно видеть результат трансформации предложений со связкой: *Поэзия есть езда*. . . (глубинная форма) → *Поэзия — езда*. . . (конструкция с нулевой связкой). Такое толкование по существу представляет собой облеченный в современную терминологию вариант достаточно распространенной и в прежней грамматической литературе точки зрения¹⁰.

Альтернативная идея, утверждающая принципиальное отличие именных предложений от глагольных, была на материале разных индоевропейских, в том числе и славянских, языков развита Мейе¹¹ и получила поддержку в новейших синтаксических исследованиях¹². Трансформация, переводящая именное предложение в предложение с глаголом-связкой прошедшего времени (*Для Маяковского поэзия была ездой в неизвестное*), меняет самый характер высказывания. Утверждения общего характера по существу своему не отличаются от других высказываний говорящего лица, соотносящихся с данным моментом речи. Правильно построенное предложение S обычно может быть расширено вводящим его высказыванием Я *утверждаю, что S* (или *По-моему, S*). Это следует как из современной математической теории грамматик, так и из семантического и прагматического исследования акта речи¹³. Но в таком случае оказывается, что можно

⁹ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 167—183.

¹⁰ См., например, характеристику «атрибутивного предиката»: Карцевский С. О. Повторительный курс русского языка. М.—Л., 1928, с. 31.

¹¹ Meillet A. La phrase nominale en indo-européen. — Mémoires de la Société linguistique de Paris, 1906—1908, t. 14. Paris, p. 1—26.

¹² Lehmann W P. Proto-Indo-European Syntax. Austin—London, 1974, p. 115—116.

¹³ Том Р. Топология и лингвистика. Пер. с франц. с пред. Ю. И. Манина. — Успехи математических наук, 1975, т. XXX, вып. 1 (181), с. 201—202; Searle J. R. Speech acts. An essay into philosophy of language, London—New York, 1969; Faerch C. Deictic NPs and generative pragmatics. A possible derivation of deictic nominal expressions in English. — Foundations of language, vol. 13, N 3, 1975, p. 319—348 (работа представляет собой интерес для теории деиктических семем); Apostel L. Further remarks on the pragmatics of natural languages. — In: Pragmatics of natural languages. ed. by Y. Bar-Hillel, New York, 1971, p. 1—34.

объединить оба основных вида именных предложений — утверждения общего характера (если их глубинную семантику представить в более явной форме типа *По-моему*, *S*) и высказывания, относящиеся к моменту речи. По тонкой мысли Пешковского, в современном русском языке все именные предложения воспринимаются под знаком настоящего времени¹⁴. Все они связываются с той эгоцентрической субъективной установкой на момент речи, значимость которой в естественном языке выявлена исследованиями последнего времени¹⁵, подтвердившими точку зрения, намеченную еще В. Гумбольдтом и развитую другими исследователями логической структуры языка¹⁶. Согласно этим последним, основным шифтером-словом, локализирующим высказывание в плоскости пространственно-временных отношений между говорящим и слушающим¹⁷, можно считать указательное местоимение *это*. Соответственно можно истолковать и указательное слово *вот*, роль которого в именных предложениях русского языка была отчетливо выявлена тем же Пешковским¹⁸.

Поскольку лирическая поэзия ориентирована прежде всего на точку зрения говорящего субъекта, уже изложенная выше характеристика именных предложений позволяет предположить, что в поэтическом языке им должна принадлежать особая роль.

Не говоря о некоторых достаточно ранних примерах в поэзии XVIII в. (начиная с Ломоносова), следует отме-

¹⁴ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 344.

¹⁵ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 259—319; Kuryłowicz J. Esquisses linguistiques II (Internationale Bibliothek für allgemeine Linguistik, herausgegeben von E. Coseriu, Bd. 37). München, Wilhelm Fink Verlag, 1975, p. 129; Якобсон Р. Указ. соч.; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 146; Jakobson R. Sur la spécificité du langage humain. — In: L'Arc, 60. Roman Jakobson. Sémiologie, poétique, épistémologie, 1975, p. 5—6.

¹⁶ Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen, t. 1. Die Sprache, Berlin, Bruno Cassirer Verlag, 1923, S. 146—179; Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. Пер. с англ. М., 1957, с. 119—127; Russel B. An inquiry into meaning and truth. London, Penguin Books, 1973, p. 102—109; Bar-Hillel Y. Indexical expressions. — Mind, v. 63, 1954, p. 354—379; Reichenbach H. Elements of symbolic logic. New York, 1947, p. 284—287.

¹⁷ Том Р. Указ. соч., с. 215—216. — Об «указывающих словах» типа *это* ср.: Вейль Г. Структура математики. — Успехи математических наук, т. XXXI, вып. 4 (190), 1976, с. 231.

¹⁸ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 345.

тить, что по существу все основные типы использования именных предложений, развитые в позднейшей поэзии, были намечены Пушкиным. В батальных сценах в «Полтаве» обнаруживается то нанизывание имен существительных, которому предстояло широкое применение в поэзии нашего века: «Бой барабанный, клики, скрежет. . .»

Любопытно, что Пастернаку, особенно широко использовавшему подобное начисление имен, принадлежит характеристика пушкинского стиля, отмечавшая роль для Пушкина именно существительных—предметов¹⁹. Но в именных предложениях типа цитированной батальной сцены имя часто выступает эквивалентом глагола. Самому Пушкину принадлежит в высокой степени примечательное суждение о таких именах в нашем народном языке, высказанное по поводу знаменитого «Людская молвь и конский топ». В других, не динамических (как эти места «Полтавы» и «Евгения Онегина»), а статических последовательностях именных предложений Пушкин близок к метонимическому стилю XX в. с его предельным вниманием к детали, сближающим поэзию с прозой (ср. «Когда б не зной, не пыль, да комары, да мухи») ²⁰:

С перегородкою каморки —
Довольно чистенькие норки.

Не будет натяжкой связать начало этого отрывка с первыми строками пастернаковского «Коробка с красным померанцем — Моя каморка».-«Прозаические бредни, Фламандской школы пестрый сор» входили в пушкинский слог подобными начислениями конкретных деталей.

Развитое в стиховедческих исследованиях недавних лет соотнесение конкретных стихотворческих приемов с особой тематикой заставляет с вниманием отнестись к тому, что у Пушкина мы находим и последовательность строк имен-

¹⁹ Согласно воспоминаниям Н. Н. Вильям-Вильмонта, в 20-е годы Пастернак читал близким именно «Полтаву», поясняя изобразительное искусство Пушкина. Любопытную аналогию представляет разбор «Полтавы» у С. М. Эйзенштейна, см., в частности, о приведенных строках «Полтавы»: *Эйзенштейн С. М. Избранные произведения*, т. 2. М., 1964, с. 438, 439 и 450.

²⁰ Ср.: *Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.* М., 1938, с. 259—260; *Он же. Язык Пушкина.* М.—Л., 1935; *Он же. Стиль Пушкина.* М., 1941.

ного стиля, соотнесенную с темой Петербурга («Город пышный, город бедный» . . .)

По существу, в этом четверостишии уже содержится в зачатке все основное, что определило именно стиль в урбанистической поэзии Блока и последующих поэтов, испытавших его влияние. Во вступлении к «Медному всаднику» в связи с той же темой Петербурга представлен, по сути, тот же прием начисления имен существительных, но в обрамлении глаголов (Люблю . . .), впрочем, настолько отделенных от имен существительных, что те становятся как бы полусамостоятельными именными конструкциями (опять-таки в духе поэзии XX в.).

Те черты именно стиля, которые нашли непосредственное продолжение и развитие у Блока, наиболее отчетливо видны у Фета. Упомянутое уже выше «Это утро, радость эта» замечательно в двух отношениях. Во-первых, именно стиль выдержан во всем стихотворении, где нет ни одной личной формы глагола. Во-вторых, в каждой его строке повторяется (в 6 строках из 18, т. е. в одной трети всех строк — дважды, в остальных двух третях по одному разу, но всегда в начале строки)²¹ шифтер — указательное местоимение (деиктическая семема) *это*, делающее несомненным тот подчеркнуто субъективный характер высказывания, который и определяет суть именно стиля. Ритмически и отчасти структурно к этому стихотворению примыкают две начальные и две последние строки другого фетовского стихотворения²²:

Эти думы, эти грезы —
Безначальное кольцо!
. . . Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы — благодать!

Наконец, развитие той же ритмической темы с аналогичным вынесением шифтера-деиктической семемы *эти* в начало строки обнаруживается и во второй и третьей строках первого стихотворения «Мелодий»:

²¹ Ср.: Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969, с. 465—466, где отмечено, что в стихотворении нет «ни одного глагола».

²² Ср. там же, с. 462—463. — Об анафорическом *это* у Фета см. также: Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975, с. 458. О повторах у Фета ср. также: Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, с. 111.

Эти звуки — бред неясный,
Томный звон струны.

К именному стилю этих стихотворений примыкают и такие хрестоматийные стихи Фета (также хореические, как и все выше названные), как «Шопот. Робкое дыханье»²³ и «Чудная картина» (возможность тематического и синтаксического сопоставления последнего с «Край ты мой» А. К. Толстого, не менее хрестоматийным, показывает, что речь уже в это время идет не о тенденции, присущей только Фету, хотя и развитой у него в большей мере, чем у его современников).

В поисках поэтической родословной именного стиля Блока естественно обратить внимание и на отдельные четверостишия Аполлона Григорьева, например, первую и третью строфы второго хореического стихотворения цикла «Старые песни, старые сказки» с характерными противопоставлениями местоимений — личного, 2-го л. и притяжательного 1-го л.:

В час томительного бденья,
В час бессонного страданья
О тебе мои моленья,
О тебе мои стенанья.

У Блока характерные черты именного стиля обнаруживаются уже в последних стихах I тома, в частности, во втором и последнем четверостишиях стихотворения «В час, где пьянеют нарциссы» (1904 г.), где во втором четверостишии вопросительные предложения можно было бы истолковать как эллиптические, соотносящиеся с неопределенным местоимением *кто-то* в первой строфе. Но хотя именные конструкции последнего четверостишия тоже могут быть соотнесены с *кто-то* в предпоследнем четверостишии, их явная безглагольность (хотя отчасти и компенсирuема, как и во второй строфе, наличием причастий) несомненна.

Для становления урбанистического именного стиля Блока из стихотворений II тома особенно существенным

²³ См. детальный анализ: *Eng van der J.* Interplay of semantics, syntax and rhythm in Fet's poem: Whispers, timid breathing. — In: *Comparative poetics. In honor of Jan Kamerbeck Jr.* ed. by D. W. Fokkema, E. Kunna-Ibsch and A. J. A. van Zoest. Rodopi, p. 53—62.

представляется «Обман» (1904 г.), где уже есть ряды отрывочных именных предложений типа позднейшего знаменитого «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека»: в «Обмане» — «Хохот. Всплески. Брызги. . .», «Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки», «Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна». Вместе с тем уже в этом стихотворении 1904 г. встречаются именные предикативные конструкции, по семантике и лексике совпадающие с соответствующими местами в III томе: «Как страшно! Как бездомно!»

Для стихотворений Блока 1904—1907 гг. особенно характерны такие именные конструкции, которые выступают в составе восклицательных предложений-обращений, вводимых междометием «О!» Так построены две первые строфы стихотворения 1904 г. «Корабли идут», которые организуются повторением шифтера-притяжательного местоимения «ваш».

Особый интерес представляет выражение урбанистической темы в потоке таких именных восклицательных предложений в последнем трехстишии стихотворения «На серые камни ложилась дремота» (1906 г.).

Последняя его строка «Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!» может служить наглядным подтверждением связи именного стиля с ориентацией на говорящего, отмеченной выше. Предложение «Я здесь!» состоит из двух шифтеров-эгоцентрических слов (ср. лютеровское «Hier stehe ich», которое Рейхенбах разбирал в своей работе о логической структуре естественного языка как типичный пример использования эгоцентрических слов²⁴). Для обоснования этой семантической доминанты именного стиля показательны и такие строки стихотворения «Снежная вязь» (1907 г.):

Здесь — электрический свет.

Там — пустота морей.

Два противоположных шифтера, в языке обычно соотносимых с говорящим и слушающим, как бы проясняют эту постоянно присутствующую в именном стиле субъективную шкалу отсчета (ср. в том же стихотворении: «Ты — стихов моих пленная вязь»).

В стихах указанного хронологического периода именные восклицательные предложения, вводимые междоме-

²⁴ Reichenbach H. Op. cit.

тием «О!», особенно часто встречаются в концах стихотворений — чаще в предпоследних строках «О, стихи зимы среброснежной!» в предпоследней строке того же стихотворения «Снежная вязь», уже приведенные две предпоследние строки стихотворения «На серые камни ложилась дремота», параллель к которым представляет «О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска! . . .» в стихотворении «О, что мне закатный румянец») или же в начале стихотворения (хрестоматийное «О, весна без конца и без краю»; отдаленную аналогию могли бы представить такие примеры в поэзии XIX в., как «О, первый ландыш!» у Фета).

В стихах II тома о городе намечается и другой способ использования именных предложений в начале стихотворения. Первая строка как бы называет то, о чем будет идти речь дальше, служит прямым введением в повесть о городе: «Улица, улица. . .», «Веселье в ночном кабаке» (оба стихотворения 1905 г.). Иногда такие зачины повторяются кольцеобразно и перед концом стихотворения:

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.

В некоторых стихотворениях II тома, уже предвосхищающих тем самым стилистику позднего Блока, такие именные зачины (где отсутствие личных форм глагола иногда восполняется наличием причастий) продолжают и в следующих строфах:

Щлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор. . .

Именной стиль представляется одной из наиболее характерных стилистических характеристик определенной группы стихов Блока III тома. Этот стиль обнаруживается в тех стихотворениях, строфах, строках, где выступает запись ощущений поэта как таковая вне дискурсивных рассуждений. Характерно, в частности, что в стихотворении 1909 г. «Под шум и звон однообразный» перечисление предметов в именных предложениях следует за утверждением, что поэт «обрывает нить сознанья».

В стихотворении 1910 г. «Идут часы, и дни и годы» именные конструкции следуют за глаголом «я помню», но не как дополнения к нему (как существительные во вступлении к «Медному Всаднику»), а как отдельные

разорванные фрагменты, соответствующие деталям воспоминания.

Передачей воспоминаний, внезапно выпадающих из грамматического плана прошедшего времени, мотивируется серия именных конструкций и в стихотворении 1909 г. «Бывают тихие минуты», где рубеж личных форм глаголов, описывающих настоящее, и именных конструкций, воссоздающих как бы более реальное воспоминание, обозначен словами «и вдруг»:

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей. . .
О чем-то шелчущие струи,
Кружащаяся голова. . .
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова. . .

В последней строфе характерно неопределенное местоимение и два следующие за ним личных местоимения 2-го лица.

Сходным образом построено стихотворение 1908 г. «Я не звал тебя — сама ты», в двух (первой и предпоследней) строфах которого — сплошной поток именных предложений.

Отчасти аналогично и стихотворение «Все помнит о весле вздыхающем» (1908 г.), но в нем ряд именных предложений, начинающийся со второй строфы («Твои движения несмелые, Неверный поворот руля») продолжается однотипными конструкциями с причастиями (*уходящий, утопающий — тающий*, два последних причастия образуют дактилическую рифму), что ослабляет ощущение безглагольности этих строф.

Несколько наиболее характерных лирических стихотворений III тома характеризуется преимущественным использованием именного стиля: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» (1912 г.), «Черный ворон в сумраке снежном» (1910 г.), «Ночь — как века, и томный трепет» (1913 г.), «Была ты всех ярче, верней и прелестней» (1914 г.). Начальные части, характеризуемые именным стилем, представлены в стихотворениях «Вновь оснеженные колонны» (1909 г.), «Из хрустального тумана» (1909 г.; четвертая строфа стихотворения тоже выдержана в именном стиле),

«Унижение» (1911 г.), «Старый, старый сон. . .» (1914 г.), «На улице — дождик и слякоть» (1915 г.), «Вот он — ветер» (1908 г.; глагольная личная форма выступает только в предпоследней строке, контрастирующей с именным стилем предшествующих строк). Некоторые стихотворения и начинаются и кончаются именными конструкциями: «Перуджия» (1909 г.), «Весь день — как день» (1914 г.), «Вербы — это весенняя таль» (синтаксическая конструкция первой строки продолжается и в построении трех последних — «Это—рыжая ночь твоих кос?»); разительна аналогия с подобными строками у Фета: «Это все — весна» и т. п.). Из других стихотворений III тома характерные вкрапления именного стиля представлены в стихотворениях «Демон» (1910 г.; четверостишие «И в горном закатном пожаре»), «Авиатор» (1910—1912 гг.; строки «В бинокле, вскинутом высоко»), «Когда невзначай в воскресенье» (1913 г.; конец последнего четверостишия); «Похоронят, заруют глубоко» (1915 г.; вторая половина второй строфы); «Уж вечер холодной полосой» (1909 г.; последнее четверостишие); «Ветр налетит, завоюет снег» (1912 г.; вторая и третья строфы), «Ты — как отзвук забытого гимна» (1914 г; начало и 2-я строфа; стихотворение принадлежит к тому же циклу, что и названное выше «Вербы — это весенняя таль»; весь цикл открывается именным предложением «На небе — празелень»), «Посещение» (1910 г.; четверостишие «Я сквозь ночи, сквозь, долгие ночи»).

Соотношение именных предложений с другими синтаксическими типами можно рассмотреть на примере «Шагов командора». При скупости употребления личных форм глагола в этом стихотворении (как и во многих других, названных выше) преобладают чисто именные (например, в начале: «Тяжкий, плотный занавес у входа») или предложения с именными предикативными формами — краткими формами прилагательных (*глуха, пуста, безумна, бездонна, бледна, мутна, готов*), причастиями (*сочтены, отражены*), предикативными перечнями, относящимися к «категории состояния» (*холодно, пусто, сладко, страшно, странно*), а также *настежь* в предикативной функции. Поскольку все стихотворение (кроме прямой речи Командора) написано в плане настоящего времени, глагол-связка во всех этих случаях отсутствует (что можно противопоставить, например, наличию связки в прошедшем времени в стихотворении «А под маской было

звездно»). Поэтому предложения с этими видами именных предикатов совпадают с собственно именными предложениями. Стихотворение характеризуется сменой именных конструкций глагольными в наиболее трагических местах:

Настежь дверь. Из непомерной стужи
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин. . .»

Значительный интерес представляет выяснение того, в какой степени именной стиль Блока оказал влияние на крупнейших поэтов следующего поколения. Показательны начальные именные конструкции в целом ряде стихов Цветаевой в ее цикле, посвященном Блоку: «Имя твое. . .», «Зверю — берлога», «И тучи оводов. . .», «Не проломанное ребро». Это может удостоверить связь с традицией Блока именного стиля некоторых главок «Поэмы конца» (где есть и прямая цитата из Блока) и отдельных лирических стихотворений Цветаевой — вплоть до таких поздних, как «Ледяная тиара гор». У Пастернака можно найти интересный пример использования именного стиля для передачи ощущения времени (1905-го г.), которое в сознании Пастернака явно соотносилось с Блоком: в главке «Октябрь. Кольцо забастовок» в «Лейтенанте Шмидте» употреблен специфический для второго тома Блока, то есть для его стихов эпохи 1905-го г., вариант восклицательного именного стиля с повторяющимся междометием «О!» В самом этом отрывке дается как бы характеристика этого стиля: «Шадящий из связи на свете Одни междометья». Несколько десятилетий спустя этот же тип с опорой на стихи самого Блока был использован и в стихах Пастернака о Блоке: «Широко, широко, широко»²⁵. Фрагменты именного стиля у Пастернака существенны в отдельных лирических стихотворениях начиная с ранних сборников — уже в «Марбурге», в частности, в финале этого стихотворения, в стихотворениях «Скрипка Паганини (2)», «Ты в ветре, веткой пробуящем», «Может статься так, может иначе» и т. д. Из более поздних стихотворений следует отметить две первые строфы «Мертвецкая мгла» и «Окно, Юпитер, и как овраги эхом» во

²⁵ Ср.: *Баевский В. С.* Стихи Блока как текст и подтекст. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции. Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1975, с. 67.

«Втором рождении», «Скромный дом», «Дрозды» и многие другие из «На ранних поездах», из последующих циклов — «Эти ночи, эти дни и ночи» (с шифтером *этот*, как у Фета). У Ахматовой (как и у Мандельштама) акмеистическая установка на показ вещи как таковой может объяснить именную стиль в таких стихах, как «Хорошо здесь. . .» (где вторая строфа содержит личную форму глагола только в придаточном предложении). У Мандельштама именные конструкции обнаруживаются, в частности, в тех трех стихотворениях, которые и метрически и семантически сопоставимы с «Шагами командора»²⁶ («Венецкой жизни мрачной и бесплодной», «В Петербурге мы сойдемся снова», «Чуть мерцает прозрачная сцена»). Для раннего Маяковского продолжение блоковского именного стиля (в начале таких стихотворений, как «Улица. Лица. . .») явно связано с развитием урбанистической темы, намеченной уже в «Обмане», «Улица. Улица. . .» и других стихах II тома Блока. Наиболее типичные стихотворения именного стиля у Фета, Блока и последующих поэтов характеризуются, с одной стороны, нанизыванием друг на друга одинаковых шифтеров — детерминированных семем (*это — эта* и т. п.), определяющих связность текста, с другой, подбором исключительно (или преимущественно) именных предложений. В современном русском языке именные предложения воспринимаются обычно в плане настоящего времени. Иначе говоря, сама их конструкция представляет собой сложно построенный синтаксический шифтер, соотносящий все предложение с моментом речи, даже если словесный шифтер отсутствует.

Эта особенность «грамматики поэзии» не является исключительной чертой только русской поэзии конца XIX—первой половины XX в. Близкие явления обнаруживаются и в английской поэзии²⁷. Любопытно, что Т. С. Элиот — один из поэтов, для стиля которого характерно обособление именных конструкций, становя-

²⁶ Ср.: Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974, с. 395. См. также примечания Н. И. Харджиева в кн.: Мандельштам О. Стихотворения («Библиотека поэта»). Л., 1973, с. 279.

²⁷ Baker W. T. Syntax in English poetry 1870—1930 (Perspectives in Criticism 18), Berkeley—Los Angeles, 1967, p. 44—46, 48, 74, 129.

щихся в известной мере самостоятельными, в своих теоретических работах подчеркивает роль первого лица (говорящего) в поэзии и значимость «денотации» (прямо связанной с именным стилем)²⁸.

В шведской поэзии характерным примером именного стиля, в котором особую роль играет категория определенности, может быть одно из немногих рифмованных стихотворений Хаммаршельда:

Vägen,	Smärtan,
du skall följa den,	du skall dölja den.
Luckan,	Svaret,
du skall glömma den.	du skall lära det.
Kalken,	Slutet,
du skall tömma den.	du skall bära det.

Каждая строка начинается детерминированной деиктической формой существительного, обособленного от следующей глагольной фразы, внутри которой есть местоименная (анафорическая) отсылка к этому существительному: *den* — к существительным общего рода (*vägen*, *luckan*, *kalken*, *smärtan*), начинающим строки начального четверостишия, и *det* — к существительным среднего рода (*svaret*, *slutet*), начинающим строки заключительного двустишия. Отчетливый ритмико-грамматический параллелизм выделяет эти детерминированные формы с суффиксированным (постпозитивным) артиклем. Закономерность чередования форм двух родов делает особенно осязаемой грамматическую структуру стихотворения, строка которого начинается деиктической формой существительного и кончается анафорической местоименной формой.

Сходные явления можно обнаружить и в других европейских поэтических традициях XX в., в том числе и в ряде славянских.

В польской поэзии, где элементы именного стиля можно найти уже у Норвида (в «*Vademecum*»), этот стиль представлен (хотя бы фрагментарно) во многих стихотворных отрывках Тувима, ср.

Logofag! Dziwo! Okaz rzadkil
Fenomen! Czlowiek — wiesz! Unikat!

²⁸ Ср.: *Wimsatt W. K., Jr. The verbal icon. Studies in the meaning of poetry. The Noonday Press, 1965, p. 145—146.*

(в стихотворении «Hokus-rokus», где в конце между двумя подобными польскими именными восклицаниями содержится латинское глагольное предложение:

O hokus-pokus! Hoc est corpus!
Formulo bogów i poetów!);
I aromat w niej jak mirt rozarty,
Leśny szum i gwiazdarska kabała,
Cień mogilny, pięćdziesiąt dwie karty,
Pod kościelny dziad i mara biała.

О том, что и в польской поэтической традиции (как и в других названных) эта особенность «грамматики поэзии» не ограничивается каким-либо одним поэтическим направлением, наглядно свидетельствует структура таких фрагментов Лесьмяна, как

Między mną a tobą — czarna gródź —
Między mną a tobą — martura łódź. . .
. . . Między mną a tobą — obcy los —
Między mną a tobą — cudzy głos
. . . Między mną a tobą — drętwy czar,
Między mną a tobą — ciemny jar.

Если можно говорить о некоторых контурах того общего языка поэзии, о котором применительно к поэзии XX в. писал Г. М. Энциенсбергер, то, по-видимому, одной из его характерных черт в разных европейских языковых традициях окажется тенденция к именному стилю, в котором особенно отчетливо выступает роль местоимений и других шифтеров.

Лирическая поэзия всегда сосредоточена на выражении личности поэта в минуту самого акта поэтической речи. Место мига говорения между ему предшествующим прошлым и будущим, которое за ним следует, раскрыла Марина Цветаева с присущей ей поэтической силой проникновения в душу языка:

Да вот и сейчас, словарю
Предавши бессмертную силу —
Да разве я то говорю,
Что знала, — пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки. . .
И снова, во всей полноте,
Знать буду — как только умолкну.

Сами глагольные времена в этих заключительных строфах стихотворения обозначают миг речи (*вот и сейчас. . . я говорю*), предшествующее ему состояние (*Что знала, — пока не раскрыла рта*) и будущее время, наступающее сразу по окончании речи (*знать буду — как только умолкну*). К моменту речи относится и деиктическая семема, выражаемая относительным именным оборотом (*той — за которой осколки*).

3. В описанных особенностях поэтического языка находят свое отчетливое выражение доведенные до предела черты, характеризующие вообще естественный язык. Акт речи определяет по существу все основные категории естественного языка. Это делает их значение чрезвычайно подвижным. Каждый человек, произносящий высказывание, должен быть в состоянии приспособить слова и формы, обозначающие лицо, время, наклонение и другие шифтеры, зависящие от акта речи, к условиям речевого общения. Эти условия всегда различны, следовательно, значение таких слов и форм в определенном смысле «пустое»²⁹. В подобных явлениях отчетливо сказывается «антропоцентрическая установка человека, объясняемая из основной ситуации речевого общения»³⁰.

Идею Р. Якобсона о роли шифтеров развивает математик Р. Том в своей топологической модели естественного языка. Согласно этой модели, всякое языковое высказывание описывает пространственно-временной процесс. Шифтеры («локализаторы» у Тома) определяют ту область, в которой этот процесс разворачивается. Локализация дается по отношению к той пространственно-временной области, в которой находятся говорящий и слушающий³¹. В устном естественном языке такая локализация необходима в подавляющем большинстве высказываний. Поэтому не только в них всегда обнаруживаются шифтеры, но и более того — высказывание обычно локализовано с их помощью.

²⁹ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 288.

³⁰ Kuryłowicz J. Op. cit., p. 26. — Там же см. о соотношении с актом коммуникации разных видов деиктических схем.

³¹ Том Р. Топология и лингвистика. Пер. с фр. с пред. Ю. И. Манина. — Успехи математических наук, 1975, т. XXX, вып. 1, с. 215; Thom R. Modèles mathématiques de la morphogenèse. Recueil des testes sur la théorie des catastrophes, et ses applications. Paris, 1974.

Характеризуя причины, в силу которых стало необходимым возникновение математики, Нильс Бор утверждал, что «необходимая для объективного описания однозначность определений достигается при употреблении математических символов именно благодаря тому, что таким образом избегаются ссылки на сознательный субъект, которыми пронизан повседневный язык»³².

В своем логическом анализе естественного языка в сопоставлении его с научным Рассел одним из первых глубоко проанализировал эти особенности обоих языков. Он обратил при этом особое внимание на шифтеры, которые он называл «эгоцентрическими словами» (англ. *ego-centric particulars*, букв. 'эгоцентрические особенности'). Их значение он связал с категорией определенности. По Расселу, явно эгоцентрическими словами являются: «близко» и «далеко», «прошлое», «настоящее» и «будущее», «было», «есть» и «будет» и вообще все формы глаголов, изменяющихся по временам. «Этот» и «тот» явно эгоцентричны; действительно, слово «этот» есть единственное эгоцентрическое слово, не имеющее номинального определения. Мы могли бы сказать, что «я» обозначает «лицо, испытывающее это», «теперь» обозначает «время этого» и «здесь» обозначает «место этого». Слово «этот» является в каком-то смысле собственным именем, но оно отличается от настоящих собственных имен тем, что его значение непрерывно изменяется. Это не значит, что оно по значению неопределенно, как, скажем, «Джон Джоунз», которое в любое время является собственным именем многих различных людей. В противоположность словам «Джон Джоунз» слово «этот» в каждый момент является именем только одного объекта в речи говорящего. У данного говорящего, в данное время значение слова «этот» недвусмысленно, но когда говорящий и время речи неизвестны, мы не можем сказать, какой объект оно обозначает. По этой причине это слово больше на месте в устной, а не в письменной речи. Если вы слышите, что кто-то говорит: «Это век прогресса», то вы знаете, о каком веке он говорит; но если вы прочитаете то же утверждение в книге, то вы не узнаете, произнес ли его Адам, когда изобрел лопату, или какой-нибудь другой, более поздний опти-

³² Бор Н. Атомная физика и человеческое сознание. М., 1960, с. 96.

мист. Вы можете решить, что это утверждение значит, только узнав, когда оно было написано, да и в этом случае его значение не будет ясным из него самого, а будет нуждаться в посторонней информации. Целью как науки, так и обыденного здравого смысла является замещение изменчивой субъективности эгоцентрических слов нейтральными общественными терминами»³³. По мнению Рассела, «в этом процессе нашего избавления от субъективности истолкование эгоцентрических слов представляет собой один из существенных шагов»³⁴. Поэтому далеко за пределы лингвистики выходит значение достижений таких лингвистов, как Р. Якобсон, Э. Бенвенист, Ю. Курилович, исследовавших роль шифтеров в естественном языке³⁵.

Вместе с тем начиная с Гуссерля³⁶ систематически проводилось (особенно в польской логической школе³⁷) исследование логической структуры высказываний (как естественного, так и научного языка), содержащих шифтеры.

В логике мысль Рассела о характере эгоцентрических слов получила дальнейшее развитие у Х. Рейхенбаха, который в своей книге по математической логике первым из логиков посвятил целую главу опыту логико-математического анализа естественного языка³⁸.

Рейхенбах исходил из различия индивидуального «знака» (англ. token) и «знака-символа» (symbol), представляющего собой класс сходных друг с другом индивидуальных знаков. Слова и предложения естественного языка представляют собой индивидуальные знаки. Эгоцентрические слова соотносятся с соответствующим индивидуальным знаком, произнесенным или написанным во время индивидуального акта речи.

³³ Рассел Б. Указ. соч., с. 119—120.

³⁴ Там же, с. 124.

³⁵ Якобсон Р. Шифтеры; Бенвенист Э. Указ. соч.; *Kuryłowicz J.* Op. cit.; *Idem.* The role of deictic elements in linguistic evolution. → *Semiotica*, 1972, v. V, N 2, p. 174—183; ср.: *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.

³⁶ Ср.: *Brugmann G.* The ontology of Edmund Husserl. — *Methodos*, 1960, vol. XII, N 48, p. 380, 384, 387, 389.

³⁷ Ср., в частности, в связи с логическим исследованием артиклей: *Ajdukiewicz K.* Język i poznanie. Wybór pism, t. I. Warszawa, 1960, с. 197 (там же литература вопроса), т. II. Warszawa, 1965, с. 118; *Idem.* Logika pragmatyczna. Warszawa, 1965.

³⁸ *Reichenbach H.* Op. cit.

Вслед за Расселом Рейхенбах полагает, что слово *это* может служить для определения значения всех остальных эгоцентрических слов. Все их значения выводимы из сочетания «этот знак». Слово «я» означает «человека, который произносит этот знак». Слово «сейчас» означает «время, когда этот знак произносится». Следовательно, задача определения значений эгоцентрических слов сводится к определению значения сочетания «этот знак».

Функция этого словосочетания может быть объяснена посредством сопоставления его с употреблением кавычек в логическом языке. В этом последнем кавычки « » служат для обозначения такого употребления слова, когда слово относится к самому себе, например в предложении «*душа* состоит из четырех букв, где «душа» использовано не как обычное слово русского языка, а как название этого слова — «автонимное» употребление слова. Якобсон определяет такое употребление как «сообщение, относящееся к коду»³⁹. Если кавычки позволяют превратить слово естественного языка (*душа*) в наименование этого слова («душа»), то особые знаковые кавычки (обозначаются стрелками над строкой: (↘ ↙) позволяют превратить индивидуальный знак в другой индивидуальный знак, обозначающий сам этот индивидуальный знак.

В таком случае, например, предложение *На листе бумаги напечатали этот знак* можно заменить равнозначным ему предложением *На листе бумаги напечатали ↘*; *На листе бумаги напечатали этот знак ↙*.

При такой записи, по мнению Рейхенбаха, эгоцентрический характер утрачивается.

Необходимость различения логических кавычек « » и знаковых кавычек ↘ ↙ вызвана тем, что индивидуальный знак по определению не может повторяться — его можно употребить только однажды. Поэтому с помощью знаковых кавычек можно создать не имя индивидуального знака, а другой индивидуальный знак, его обозначающий (условно каждый такой новый знак обозначается как θ ; следовательно, приведенную фразу можно записать и так: на листе бумаги напечатали θ).

Предложенный Рейхенбахом способ описания значения эгоцентрических слов предлагает возможность всякий раз пользоваться такими индивидуальными знаками,

³⁹ Якобсон Р. О. Указ. соч.

обозначающими индивидуальные знаки. Например, в своей логической записи знаменитой фразы Мартина Лютера «Здесь я стою» (Hier stehe ich), сказанной на соборе в Вормсе в 1521 г., Рейхенбах заменяет все высказывание, произнесенное Лютером, посредством условного сокращения θ (иначе θ можно в данном случае записать с помощью знаковых кавычек как \sphericalangle Здесь я стою \sphericalangle). Тогда «здесь» определяется как «такое место, где произносится θ », «я» определяется как «тот человек, который говорит θ ». Но само высказывание Лютера, скрываемое под языковыми кавычками или под символом θ , все состоит из эгоцентрических слов и форм, остающихся внутри этого высказывания определяемыми опять-таки только через соотнесение его с самим этим высказыванием.

Для логической записи эгоцентрических высказываний Рейхенбах применил йота-оператор (оператор дескрипции)⁴⁰, что согласуется с пониманием им θ как индивидуального знака. Логический оператор дескрипции \imath в $(\imath x_S(x))$ означает «тот именно x , который обладает свойством S » (дескрипция обозначается перевернутой греческой буквой \imath — йотой, поэтому этот оператор называют «йота-оператором»). Область действия йота-оператора — все предложения с « x » в качестве свободной переменной. Например, $(\imath x)(Px \ \& \ \neg Qx)$ означает «тот индивидуальный объект, который обладает свойством P и не обладает свойством Q ». Дескриптом называется объект, для которого дается дескрипция. Если существует только один объект, удовлетворяющий условию, соответствующему области действия йота-оператора, то дескрипция и ее дескрипт удовлетворяют условию единственности. Согласно толкованию дескрипций в системе Гильберта и Бернайса, индивидуальные объекты которой — натуральные числа, дескрипции допускаются только в том случае, если они удовлетворяют условию единственности. Сходным образом в естественном языке предполагается обязательно существование и единственность объекта, о котором идет речь в определительных предложениях того типа, который соответствует дескрипции⁴¹. В предложе-

⁴⁰ См. о нем подробно: Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959, с. 70—71. Ср. также (в связи с математической теорией артикля): Френкель А. А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966, с. 176, там же литература.

⁴¹ Падучева Е. В. Семантика синтаксиса. М., 1974.

нии типа «Писатель, который написал «Юрия Милославского», жил во времена Гоголя» предполагается, что такой писатель был единственным автором «Юрия Милославского» и что факт его существования бесспорен.

В тех случаях, когда в определительных предложениях естественного языка речь идет не об индивидуализированных объектах, в передаче того же смысла на логическом языке используются переменные, связанные квантором общности (\forall) или существования (\exists). Этим объясняется то, что предложение на естественном языке Pick up a big red block 'Подними большой красный кубик' (т. е. 'кубик, цвет которого — красный') робот переводит в команду «Найди все большие красные кубики»⁴². На квантор общности (\forall) в этом предложении указывает неопределенный артикль a.

Если в предложении использован определенный артикль «the big red block» («Этот единственный большой красный кубик»), то можно в логической передаче того же смысла использовать йота-оператор⁴³, но лишь тогда, когда дескрипция удовлетворяет условию единственности. Именно по этой причине команду pick up the big red block «Подними этот (единственный) большой красный кубик» робот реализует сразу же в качестве операции с конкретным объектом (без предварительного выбора предметов из некоторого множества), но лишь в том случае, если имеется только один единственный такой объект. В противном случае робот остановится и попросит объяснить ему, какой именно предмет имеется в виду⁴⁴.

Йота-оператор используется и для передачи в логическом языке того смысла, который в естественном языке (например, английском) выражается определенным артиклем. Определенный артикль в естественном языке в большинстве случаев может рассматриваться как особого рода

⁴² Виноград Г. Программа, понимающая естественный язык. М., 1976.

⁴³ Френкель А. А., Бар-Хиллел И. Указ. соч., с. 176, прим. 3.

⁴⁴ Виноград К. Указ. соч., ср.: Minsky M. Frames. — In: The psychology of computer vision. New York, 1975; Орфеев Ю. В., Тюттин В. С. Мышление человека и «искусственный интеллект». М., 1978, с. 129 (ср. там же, с. 24, о работе и личных местоимениях).

эгоцентрическое слово, потому что определенность отсчитывается с точки зрения говорящего (или слушающего).

В предлагаемой Рейхенбахом логической записи высказывания Лютера используются, кроме обычной символики исчисления предикатов ($\exists z$ — «существует такой z , что» или «для некоторого z ») символ ι (йота-оператор) для дескрипций и условные обозначения конкретных предикатов st («стоять», немецкое *stehen*, английское *stand*), sp («говорить», немецкое *sprechen*, английское *speak*) и переменных x (человек), z (место).

Логическая запись $st(\iota x)(\exists z) sp(x, \theta, z), (\iota, z)(\exists x) sp(x, \theta, z)$ означает «тот человек x , которому принадлежит произнесенное в месте z высказывание θ (здесь я стою), стоит в том месте z , где человеком x сказано θ (здесь я стою)» (буквально: предикат «стоять» относится к индивидуальному объекту x , для которого выполняется условие, что x говорит θ в некотором месте z , и к индивидуальному объекту z , для которого выполняется условие, что в z некоторый x говорит θ).

Предложенная Рейхенбахом запись для эгоцентрических слов при всей ее кажущейся парадоксальности полезна в том отношении, что в ней явно раскрываются скрытые в значении каждого из этих слов ссылки на данный конкретный акт речи (передачу сообщения θ), вне которого понять их нельзя.

В высказывании «Я лжец» в явном виде парадокс еще не выступает (потому что лжец однажды и мог бы сказать правду). Но поскольку к каждому утверждению θ в естественном языке в силу его субъективности можно добавить «Я утверждаю, что θ », это высказывание по языковым правилам оказывается равнозначным «Я утверждаю, что я лжец». Из этого видно, что в естественном языке парадокс вызывается субъективностью языка, благодаря которой в самом высказывании содержатся отсылки к нему самому — в эгоцентрических словах. Поэтому и способ явной логической записи этой особенности эгоцентрических слов, предложенный Рейхенбахом, существен для уяснения причин возникновения парадоксов в высказываниях на естественном языке ⁴⁵.

⁴⁵ Подробно парадокс лжеца в связи с теорией артикля рассмотрен в статье: *Sampson G. Natural language and the paradox of the liar.* — *Semiotica*, 1972, v. V, N 4, p. 305—323.

Расселу принадлежит замечательное для своего времени рассуждение о возможности построения такой машины, которая могла бы употреблять шифтеры так же, как их употребляют люди. По его мысли, машина, которая добавляла бы к словесному описанию испытываемых ею воздействий слово *это* (*это — красный цвет, это — синий цвет* и т. п.), не воспроизводила бы существенных черт человеческого речевого поведения. В самом деле, в данном случае *это* — всего лишь добавления к последующим словам. По словам Рассела, с таким же успехом можно было бы построить машину, которая бы добавляла к тем же обозначениям цветов бессмысленное слово — *абракадабра красный цвет, абракадабра синий цвет* и т. п.⁴⁶. Можно заметить, то же самое справедливо и в отношении той модели естественного языка, согласно которой к каждому высказыванию можно добавить предшествующее ему «Я утверждаю, что. . .»

По Расселу машина приблизилась бы к моделированию человеческой речевой деятельности, если бы через некоторое время после первого опыта машина могла бы описать его словами *То был красный цвет*. «Предположим, что наша машина обладает этой именно способностью. Предположим, что красный цвет, падая на нее, приводит в движение аппарат, который сперва заставляет ее сказать «это — красное», а потом, после того, как в ней завершаются различные внутренние операции: «то было красное». Мы можем описать обстоятельства, при которых машина говорит «это», и те обстоятельства, при которых она говорит «то»; она говорит «это», когда впервые испытывает воздействие внешнего стимула, и она говорит «то», когда результат первого воздействия привел к определенным последующим явлениям в самой машине»⁴⁷. Соответствующий физиологический механизм, лежащий в основе употребления слова «то» человеком, Рассел описывает как отсрочку словесной реакции на стимул, оговариваясь (с полным на то основанием), что эта схема еще слишком груба.

При несомненной примитивности этой схемы следует, однако, заметить, что и некоторые из новейших опытов описания некоторого абстрактного автомата, который

⁴⁶ *Russel B.* Op. cit., p. 105.

⁴⁷ Там же.

мог бы моделировать понимание человеком определенного артикля, идут по сходному пути. Предполагается, что в памяти автомата осуществляется выбор из некоторого числа референтов, размещенных в абстрактном пространстве⁴⁸.

В ходе разговора человека с роботом, поднимающим кубики, в Лаборатории искусственного интеллекта произошел такой обмен репликами. На приказание *Grasp the pyramid* «Схвати эту пирамиду» робот, оставшийся бездейственным, возразил: *I don't understand, which pyramid you mean* «Я не знаю, какую из пирамид ты имеешь в виду»⁴⁹. Робот ничего не будет делать до тех пор, пока человек не объяснит ему, какую из трех пирамид (красную, синюю или зеленую) он должен взять. Определенный артикль *the* в английской фразе (как и указательное местоимение *эту* в русском переводе) — эгоцентрическое слово: говорящему ясно, какую из пирамид он имеет в виду, в устном разговоре он может пояснить это жестом, показать на предмет, но роботу эгоцентрическое слово неизвестно.

В этом разговоре машина понимает только те случаи употребления определенного артикля, где он относится к предметам, в данной ситуации единственным. По этой же причине машина правильно употребляет и понимает местоимения *I* «я» и *you* «вы», употребляя их то по отношению к себе, то по отношению к своему единственному собеседнику. Но в реальном общении *I* и *you* могут относиться к разным собеседникам, иногда достаточно многочисленным.

Для того чтобы машина правильно понимала естественный язык, должны были бы быть построены правила «переключения» всех эгоцентрических слов и форм на ситуацию каждого данного акта речевого общения. Каждый «индивидуальный знак» (θ) по-новому определяет другие зависящие от него по своему значению эгоцентрические слова. В рассуждении Рассела интересна мысль о роли времени и памяти для моделирования значений эгоцентрических слов. Можно попытаться выяснить, сколько таких индивидуальных знаков θ или высказываний хранится обычно в памяти человека.

⁴⁸ *Sampson G.* Op. cit., p. 318.

⁴⁹ *Виноград Г.* Указ. соч.

Для формализации значения определенного артикля одним из наиболее естественных подходов, развиваемым в последнее время в связи с грамматикой Монтэгью ⁵⁰, является исследование относительных предложений, обуславливающих наличие определенного артикля. Значительное число работ, связывавшиеся первоначально с порождающей грамматикой Хомского ⁵¹, а затем и порождающей семантикой ⁵², позволили четко определить некоторые проблемы функционирования элементов, выражающих категорию определенности, которые могут быть сформулированы в виде синтаксических правил, задаваемых комбинаторно ⁵³, и собственно семантических факторов, влияющих на проявление этой категории ⁵⁴.

Полученные в этих синхронных исследованиях результаты оказываются важными и для исследования эволюции языка как индивида, так и коллектива. По отношению к истории речевого развития отдельного человека оказывается возможным выделить те случаи, когда при афазиях нарушаются артикли и другие анафористические средства организации текста ⁵⁵. Для исследования языковой эволюции исключительный интерес представляют параллели, обнаруживаемые диахроническому развитию в исследовании глубинных структур — в частности, соотношение определенного артикля и указательного местоимения ⁵⁶,

⁵⁰ *Partee B.* Montague grammar and transformational grammar. — *Linguistic Inquiry*, 1975, vol. VI, N 2, p. 229—231.

⁵¹ *Smith C. S.* Determiners and relative clauses in a generative grammar of English. — *Language*, 1964, vol. 40, N 1, p. 37—52.

⁵² *Heringer J. T.* Indefinite noun phrases and referential opacity. — *Papers from the Fifth regional meeting*. Chicago, Linguistic Society. April 18—19, 1969. Chicago, 1969, p. 88—97; *Dahl O.* Some notes on indefinites. — *Language*, 1970, vol. 46, N 1, p. 33—41.

⁵³ Из наиболее успешных исследований ср. *Hetzron R.* Nonverbal sentences and degrees of definiteness in Hungarian. — *Language*, 1970, vol. 46, N 4, p. 899—927.

⁵⁴ *Cole P.* Indefiniteness and anaphoricity. — *Language*, 1974, vol. 50, N 4, pt. 1, p. 664—674.

⁵⁵ *Jakobson R.* Selected writings, vol. II. The Hague—Paris, 1971; *Schnitzer M. L.* Aphasiological evidence for five linguistic hypotheses. — *Language*, 1974, vol. 50, N 2, p. 308.

⁵⁶ *Sommerstein A. H.* On the so-called definite article in English. — *Linguistic Inquiry*, 1972, vol. III, N 2, p. 197—210 (работа выросла, по признанию автора, из наблюдений над древнегреческим артиклем).

неопределенного артикля и числительного «один»⁵⁷. В этом же плане чрезвычайно важным представляется и то, что закономерное соотношение артикля и относительного местоимения, используемого в функции деиктической семемы, в равной мере вскрывается и в истории языка, и в синхронном функционировании категории определенности—неопределенности. Можно поэтому надеяться на взаимное обогащение синхронных и диахронических исследований этой категории.

Широта и значимость проблем, связывающихся с исследованием категории определенности—неопределенности (различие между поэтическим, естественным и научным языком, языковое поведение роботов), делают особенно насущным развитие ее семантического анализа.

К числу наиболее важных направлений, подготовленных всем предшествующим исследованием категории определенности—неопределенности, относится выявление иерархии грамматических значений в пределах этой категории и других, с ней связанных, и соответствующей иерархии синтаксических и семантических правил, основанных, в частности, на параллелизме анафорических семем и связанных переменных в логических языках⁵⁸. В свою очередь для типологической проверки выводов этих построений порождающей семантики необходимо дальнейшее сопоставительное изучение категории определенности в разных языках⁵⁹, в том числе и в развитии речи ребенка (ср. преобладание определенных артиклей на ранних этапах освоения языка, соответствующее выводу о преимущественном распространении языков с опре-

⁵⁷ Yasui I. Can the indefinite article be derived from *one*. — *Linguistic Inquiry*, 1975, vol. VI, N 3, p. 511—512.

⁵⁸ Wasow T. Anaphoric pronouns and bound variables. — *Language*, 1975, vol. 51, p. 368—383; Harman G. Anaphoric pronouns as bound variables: Syntax or Semantics. — *Language*, 1976, v. 52, N 1, p. 78—81.

⁵⁹ Ср. о славянских и балканских языках: Kramský J. The article and the concept of definiteness in language. The Hague—Paris, 1972; Topolińska Z. The use of definite article in a generic noun phrase. — In: *Studia indoeuropeiskie*. Kraków, 1974, p. 255—260; *Idem*. The range of the use of the so-called definite article in the Balkan languages. — Македонски јазик, XXV, Скопје, 1974, p. 123—130; Kurzova H. Zum Charakter des griechischen Artikels. — *Listy filologické*, 1969, r. 92, N 3; Reiter N. Der Artikel in den Balkansprachen. — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1967, Hft 1.

деленным артиклем ⁶⁰). Наконец, можно надеяться на создание предпосылок для построения общей теории деиктических явлений, которая даст возможность связать широкий круг грамматических явлений (в том числе относящихся к категории определенности) со структурой акта коммуникации и тем самым выйти далеко за рамки традиционного языкознания, замкнутого в пределах языка как такового.

⁶⁰ *Petersson T.* Op. cit., p. 325; *Moravcsik.* Determination (Working Papers on language universals. Stanford, California, 1969, p. 94).

АКЦЕНТНО-ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Т. М. Николаева

1

Прямая связь значения определенности—неопределенности имени и его просодической выделенности (невыведенности), утверждалась неоднократно. При этом — от исследователя к исследователю — несколько менялась терминология, но суть оставалась неизменной: определенное (известное, упомянутое, детерминированное, тематическое) — безударно, неопределенное (неизвестное, новое, рематическое) — акцентно выделено. Правило это как бы включается в комплекс универсалий. Так, А. Шведек, описывая отношение кореферентности и фразового ударения, приписывает последнее всегда неопределенному имени в английском языке (*he was reading a book; he bought a book yesterday*), выводя правило «нормальная интонация помещает фразовое ударение на неопределенном имени, если таковое имеется»¹. Если же есть только определенное имя, то ударение падает на конечный элемент, а если само это имя конечно, то на глагол. Поэтому *The man was coming*, но *A man was coming*². В польском же языке существен и порядок слов, согласно которому неопределенное имя передвигается на конечную позицию, где получает автоматически-фразовое ударение»³, т. е. ударным становится опять-таки неопределенное имя.

¹ *Swedek A. The role of sentence stress in the interpretation of coreferentiality in English and Polish. Papers and studies in contrastive linguistics, v. 4. Poznań, 1976, с. 14.*

² Фразовое ударение обычно связывается с ремой. Поэтому (приводит Я. Фирбас наблюдение Г. Ильиша): *The door opened, and the young girl came in*; рема: появление девушки; *The door opened, and a young girl came in*. Рема (новое): она сама. (*Firbas J. Non-thematic subjects in contemporary English. — Travaux linguistiques de Prague, 1966, N 21.*

³ Там же, с. 18.

↑

Многие работы активного исследователя семантики и грамматики текста Р. Харвега строятся на этой же идее: в тексте есть имена новые, в дальнейшем заменяемые на местоимения или имена с определенным артиклем или местоименным детерминативом (это *Substituenda*), и имена замены, не впервые встретившиеся в тексте (*Substituentia*). Первый тип имен — ударен, второй безударен (по своему существу они *alt-* и *wiederaufgenommen*)⁴. Даже безартиклевые имена собственные различаются в тексте по этому принципу: в начале текста они ударны, в конце и в середине безударны⁵. Более того, именно по этому критерию мы можем отличить подлинное начало текста (ТА, т. е. «*Textanfang*» фразы) от начала с уже безударным именем типа «Петя все-таки пришел», которое как бы предполагает некоторую степень знакомства читателя с текстом⁶. В обычном предложении бывает, как правило, одно новое, ударное слово⁷.

Мысль об оппозиции ударности—безударности как формальном средстве передачи содержательного противопоставления известного—неизвестного высказывалась много лет назад Матезиусом; развивая понятие сильного ударения (*dûrag*), падающего на слова важной, новой информации, он отмечает неотмеченность этим ударением «односложных слов, уже известных из контекста или из

⁴ Эта идея содержится во многих работах Р. Харвега об ударении, см.: *Harweg R. Die textologische Rolle der Betonung. Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971.* — О трактовке Р. Харвегом семантики текста см.: *Николаева Т. М. Лингвистика текста и вопросы общей лингвистики.* — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1977, № 4. См., в частности, его положение: «*Sind die unbetonten nominalen Einheiten solche Einheiten, die textologisch alt und das heißt, wiederaufgenommen sind*» (*Harweg R. Zur Textologie des Vornamens. Linguistics, 1970, N 61, S. 16*).

⁵ *Harweg R. Zur Textologie des Vornamens.* — *Linguistics, 1970, N 61.*

⁶ Это различие собственных (эмических) начал и начал, как бы продолжающих, входит в общее различение Р. Харвегом текстов *Kleinraum* — в которых каждое следующее высказывание связано с предыдущим, и *Großraum* — «где отдельные части текста могут быть соотнесены не с непосредственно предшествующими, а с более дальними и даже — с другими текстами».

⁷ *Harweg R. Weil — haltige Begründungen in Textanfängsätzen.* — *Orbis, t. XXI, 1972, N 1.*

ситуации — Stryc nepřijel, Prah nemusite mýt»⁸. Из этой идеи родилась и более сложная теория коммуникативного динамизма (КД) Я. Фирбаса, в рамках которой просодические средства играют ведущую роль: они создают функциональную перспективу предложения, где просодически сильным ударением отмечено обычно имя с неопределенным артиклем или его эквивалентом в безартиклевом языке — см. I have read a *fine* book; Ich habe ein *schönes* Buch gelesen; Četl jsem *pěknou* knihu⁹.

Известные, определенные элементы легко связываются в теории с теми, которые в современной лингвистике принято называть пресуппозитивными, а новые — с утверждающими, асертивными; см. об этом в работах С. Р. Шмерлинг¹⁰ — в зависимости от смысла предложения сильное ударение (heavy stress) приписывается асертивным элементам и слабое (reduced stress) пресуппозитивным. Таким образом, анафорический элемент обычно произносится с reduced stress. Это распределение ударений помогает отождествить или различить имена в тексте:

(1) It was my punching Bill that annoyed him.

(2) It was my punching *Bill* that annoyed him.

Во втором случае him не относится к Биллу¹¹.

О русском языке в этой связи говорится в известной статье Н. С. Поспелова¹². Разбираются 4 возможности: *Поезд* *п р и ш е л* (это сообщение о приходе); *П о е з д*

⁸ Mathesius V. K dynamické linii české věty. — In: Mathesius V. Čestina a obecný jazykospyt. Praha, 1947, с. 267.

⁹ Firbas J. On the interplay of prosodic and non-prosodic means of Functional sentence perspective. — In: The Prague school of linguistics and language teaching. London, 1972.

¹⁰ Schmerling S. F. Presupposition and the notion of normal stress. — In: Papers from the seventh regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1976; *Idem*. Reexamination of «normal stress». — Language, v. 50, 1974, N 2.

¹¹ Bickerton D. Some assertions about presuppositions about pronominalization. — In: Papers from the parasession of functionalism. 1975, Chicago, 1975. — В работе подчеркивается связь с идеями С. Шмерлинг.

¹² Поспелов Н. С. О синтаксическом варианте категории определенности—неопределенности в современном русском языке. — В кн.: Исследование по современному русскому языку. М., 1970. — Анализ возможных французских эквивалентов выделения в таких примерах см. в статье: Гак В. Г. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке. — Филол. науки, 1975, № 5.

пришел (а не то, что ждали); *Пришел поезда* (какой-то, которого не ждали); *Пришел поезд* (которого очень ждали).

Н. С. Поспелов указывает на неопределенность имени во втором и третьем случае (разная степень неопределенности). Вывод — «определенность существительного возникает при отсутствии ударения на нем. При этом определенность значения неударного существительного подчеркивается при его инверсии, т. е. в положении после глагола-сказуемого.

Неопределенность имени существительного возникает при наличии ударения на существительном. При наличии ударения значение существительного оказывается более неопределенным при его инверсии»¹³.

См. также для русского языка мысль И. И. Ревзина: если в предложении с именем-сказуемым и связкой *был*, выделено *был*, то оба существительных детерминированы, определены, если ударно второе имя, то оно неопределенно¹⁴.

Если имена определенного содержания «требуют» безударности, то имена неопределенные требуют ударности и сопровождающие (их детерминативы) лишаются самостоятельной ударности. Именно по этому признаку мы отличаем артиклеобразный проводитель (см. у И. И. Ревзина обязательность безударности для болгарского члена *един*¹⁵, вопрос о безударности детерминатива в специальной Анкете о категории определенности—неопределенности¹⁶, а в обобщенном виде — это идея о том, что артикль — это безударные и редуцировавшиеся формы местоимений¹⁷.

¹³ Поспелов Н. С. Указ. соч., с. 189.

¹⁴ Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ревзин И. И. Анкета по категории определенности—неопределенности, п. 2.821. — Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы. М., 1973, с. 53.

¹⁷ См. об этом: Szwedek A. Pronouns as articles? Papers and studies in contrastive linguistics, v. IV. Poznań, 1976; Thorne I. P. On the notion «Definite». — Foundations of language, 1972, v. 8, N 4, s. 565.

Итак, имена неопределенные обычно ударны, имена определенные обычно безударны?

Учитывая трудности решения окончательной проблемы правомерности конфронтации языков безартиклевых и артиклевых, обратимся к обычному методу: анализу перевода текста с артиклевого языка на безартиклевый. При этом обратим внимание на просодическое оформление имен с неопределенным артиклем, имен с определенным артиклем и имен без артикля в языке перевода.

Un jeune homme. . . — traçons son portrait d'un seul trait de plume: figurez-vous don Quichotte à dix-huit ans, don Quichotte décorcelé, sans haubert et sans cuissards, don Quichotte revetu d'un pourpoint de laine dont la couleur bleue s'était transformée en une nuance insaisissable de lie de-vin et d'azur celeste. Visage long et brun; la pomète des joues saillante, signe d'astuce; les muscles maxillaires énormément développés, indice infailible auquel on reconnaît le Gascon, même sans béret, et notre jeune homme portait un béret orné d'une espèce de plume; l'oeil ouvert et intelligent; le nez crochu, mais finement dessiné; trop grand pour un adolescent, trop petit pour un homme fait, et qu'on oeil peu exercé eût pris pour un fils de fermier en voyage, sans sa longue épée qui pendue à un baudrier de peau, battait les mollets de son propriétaire quand il était à pied, et le poil hérissé de sa monture quand il était à cheval.

Car notre jeune homme avait une monture, et cette monture était même si remarquable, qu'elle fût remarquée: c'était un bidet de Béarn. . .¹⁸.

Молодой человек. . . Постараемся набросать его портрет: представьте себе Дон Кихота в восемнадцать лет, Дон Кихота без доспехов, без лат и набедренников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрел оттенок средний между рыжим и небесно-голубым. Продолговатое смуглое лицо, выдающиеся скулы — признак хитрости; челюстные мышцы чрезмерно развитые — неотъемлемый признак, по которому можно сразу определить гасконца, даже если на нем нет берета — а молодой человек был в берете, украшенном подобием пера; взгляд открытый и умный; нос крючковатый, но тонко очерченный; рост

¹⁸ Dumas A. Les trois mousquetaires. Paris, 1961, p. 12.

слишком высокий для юноши, недостаточный для зрелого мужчины. Неопытный человек мог бы принять его за пустившегося в путь фермерского сына, если бы не длинная пшлага на кожаной портупее, бившаяся о ноги своего владельца, когда он шел пешком, и ерошившая волос его коня, когда он ехал верхом.

Ибо у нашего молодого человека был конь, и даже столь замечательный, что был всеми замечен. Это был беарнский мерин»¹⁹.

Выпишем — в случае совпадения групп существительных в оригинале и в переводе — имена в сильных фразовых просодических позициях в русском языке (в принципе он соответствует модели польского языка, описанной А. Шведеком), поставив рядом французский эквивалент.

молодой человек	un jeune homme
его портрет	son portrait
без лат	sans haubert
без набедренников	sans cuissards
в шерстяной куртке	d'un pourpoint de laine
смуглое лицо	visage
выдающиеся скулы	la pommete des joues
признак хитрости	signe d'astuce
неотъемлемый признак	indice infailible
гасконца	le Gascon
нет берета	sans béret
в берете	un béret
подобием пера	une espèce de plume
для юноши	un adolescent
зрелого мужчины	un homme fait
фермерского сына	un fils de fermier
своего владельца	son propriétaire
кожаной портупее	un baudrier de peau
его коня	sa monture
конь	une monture
беарнский мерин	un bidet de Bearn

Выпишем имена русского перевода в слабой фразовой позиции:

Дон Кихота	don Quichotte
Дон Кихота	don Quichotte

¹⁹ Дюма А. Три мушкетера. Пер. В. С. Вальдман. М.—Л., 1952, с. 4.

синий цвет	la couleur bleue
оттенок	une nuance
молодой человек	notre jeune homme
взгляд	l'oeil
нос	le nez
в путь	en voyage
длинная шпага	sa langue épee
ноги	les mollets
он	il
волос	le poil
нашего молодого чело- века	notre jeune homme

Действительно, в сильной фразовой позиции, как правило, оказываются именные словосочетания с неопределенным артиклем или без артикля, в слабой позиции — с определенным артиклем или определенным детерминативом. Однако, рассмотренный отрывок представлял собой чисто описательную ткань повествования (по Харвегу). В тексте же с более сложными связями возникает интонационное выделение, не поддающееся описанному вначале простому дистрибутивному закону.

Возможно при этом и яркое выделение имен определенных и, напротив, слабое просодическое произнесение заведомо неопределенных имен. Например:

Я вчера вновь увидел своих приятельниц, блондинку и брюнетку. Б р ю н е т к а меня узнала.

Или: Это мог сделать либо Ваш сын, либо Ваш брат!

— Ну, за сына я ручаюсь.

Этот вид ударения описывался и описывается всеми, исследовавшими семантику фразового ударения. Оно называлось {эмфатическим, логическим, контрастным}. Как трактует его Р. Харвег, этот контраст — контраст парадигматический²⁰. При этом члены парадигмы могут перечислены в том же контексте (см. выше), могут быть известны из общего фонда знаний или из конситуации или — могут быть обобщены в некоторый член противопоставления типа «кто-то», «что-то», «другие» и т. д. Например:

²⁰ Р. Харвег (см. работы, указанные выше) анализирует акцентное выделение в тексте, пользуясь двумя видами подчеркивания: парадигматический и синтагматический контраст.

— *Петру понравилась Вера* (т. е. — другие не понравились) ср.: *Петру понравилась Вера* (а другим не понравилась).

Это контрастное ударение может быть наложено и на столь четкую интонационную фигуру как местоименный вопрос — *Когда поедете в Брно?* (т. е. состоялась поездка в другие города) ²¹.

Существенно при этом то, что контрастное ударение обязательно выделяет предмет из известного нам набора. См. у С. Куно ²²: «Использование в предложении контрастной темы предполагает, что сообщаемое в остальной части предложения не будет справедливо для остальных членов множества. . . Контрастные темы вводятся, когда то множество, из которого берется каждая тема, представляет информацию старую и предсказуемую (old predictable information)» и пример:

А — Among John, Bill and Tom, who teaches high school?

В — John does.

Об этом же пишет и А. Шведек (если наслоить на любой из элементов эмфатическое ударение, то возникает контраст, но кореферентность остается) — *Mezyczyna bił ja* — равно по кореферентности *Mezyczyna bił ja* ²³.

2. Известный элемент высказывания может быть выделен и другим контрастным ударением: *Петру понравилась Вера, а Сергею — Надя; Мы ездили с мужем и сыном к морю: муж — увлекался плаванием, а сын — прогулками* ²⁴.

3. Как принято считать, личные местоимения всегда кореферентны. Однако добавление особого рода частиц делает их выделенными (акцентирующие частицы). См. пример с же противопоставленным: *В ее семье все увлекались спортом. Она же к нему абсолютно равнодушна. И —*

²¹ Пример Я. Фирбаса (*Фирбас Я.* О функции вопроса в процессе коммуникации. — ВЯ, 1972, № 2).

²² *Kuno S.* Three perspectives in the functional approach to syntax. — Sound, Sign and meaning. Ed. L. Matejka. Ann Arbor, 1976, p. 119—120.

²³ *Swedek A.* The role of sentence stress in the interpretation of coreferentiality in English and Polish.

²⁴ Именно на синтагматическом выделении базируется определение анафорической соотнесенности в предложениях типа John hit Bill and then George hit him.

с же отождествительным: *Мария работала, обшивала детей, Она же готовила обеды.*

Возьмем примеры с многократно анализировавшейся лексемой *даже*²⁵: *Даже Ваш отец отнесся бы к этому терпимо; Даже Джон высок для ватуси* — высказывания подобного рода не имели бы места в том случае, если бы участникам коммуникации не были известны отец и Джон с существенными для данной темы характеристиками²⁶.

4. Еще В. Матезиус обратил внимание на два акцентных типа произношения фразы, сообщающей о приходе отца: *Tatinek jde; Tatinek už jde* (в первом случае сообщается о неожиданном приходе отца, подчеркнуто имя, обозначающее этого неожиданного приходящего; во втором случае — ожидаемый приход стал реальностью, о чем сообщает подчеркнутое слово)²⁷. Именно к такому выделению мы обращаемся в ситуациях, где требуется быстрая реакция — *Папа идет!* или *Тише, бабушка спит* — во всех этих случаях выделенное имя передает известный определенный объект. Примеры такого рода обсуждались и в рамках немецкого материала — Hör mal. *Paul ruft*, или *Mach mal die Tür auf. Paul kommt*. Р. Харвег считает, что такие ситуации возникают в случае короткого для данного узкого социума отсутствия носителя имени²⁸.

Известно и акцентное выделение темы, т. е. обычно детерминированной части высказывания (без подразумеваемого контраста): *Ну, как там солнце? Солнце — сверкает.*

6. Напротив, нельзя уловить никакого акцентного выделения неопределенного имени во фразах типа: *Одна женщина рассказала мне необычайную историю* (ср. *Эта женщина рассказала мне необычайную историю*); *Мимо*

²⁵ Fraser I. B. An analysis of *even* in English. — Studies in linguistic semantics. N. Y., 1970; Korn L. R. A presuppositional analysis of *only* and *even*. — Papers from the 5-th regional Meeting, Chicago linguistic society. Chicago, 1969; Anderson S. R. How to get *even*. — Language, v. 48, 1972, N 4; Крейдлин Г. Е. Лексема *даже*. — Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975.

²⁶ О семантике акцентирующих сопроводителей типа *даже* мы будем говорить ниже.

²⁷ Mathesius V. Zesilení a zdůraznění jako jevy jazykové. — In: Mathesius V. Čestina a obecný jazykospyt. Praha, 1947.

²⁸ Harweg R. Zur Textologie des Vornamens.

пробежал какой-то мальчик (ср. Мимо пробежал наш любимый племянник).

Число таких примеров можно легко умножить. Они говорят о том, что просодическое выделение не всегда однозначно связывается с дистрибуцией определенных и неопределенных имен, а по всей вероятности, существует — над этой оппозицией или параллельно с ней — система других содержательных категорий, определяющих тип акцентного выделения; выяснение этих категорий и их иерархии может явиться ответом на поставленный в начале вопрос.

Обратимся к отрывку связного текста на русском языке с целью проследить распределение сильных и слабых фразовых позиций у кореферентных имен.

«Николка завалился головой навзничь, лицо побагровело, из горла свист. . . Свист! . . . Снег и паутина какая-то. . . Ну, кругом паутина, черт ее дери! Самое главное пробраться сквозь эту паутину, а то, она, проклятая, нарастает, нарастает, нарастает и подбирается к самому лицу. И чего доброго, окутает так, что и не выберешься! Так и задохнешься. За сетью паутины чистейший снег, сколько угодно, целые равнины. Вот на этот снег нужно выбраться, и поскорее, потому что чей-то голос как будто где-то ахнул: «Никол!». И тут, вообразите, поймалась в эту паутину какая-то бойкая птица и застучала. . . Ти-ки-тики, тики, тики. Фью. Фи-у! Тики! Тики. Фу ты черт. Её самое не видно, но свистит где-то близко, и еще кто-то плачется на свою судьбу, и опять голос: «Ник! Ник! Николка!».

— Эх! — крикнул Николка, разодрал паутину и разом сел, всклокоченный, растерзанный, с бляхой на боку. Светлые волосы стали дыбом, словно кто-то Николку долго трепал.

— Кто? Кто? Кто? — в ужасе спросил Николка, ничего не понимая.

— Кто, кто, кто, кто, кто, кто, так! так! . . . Фи-ти! Фи-у! Фьюх! — ответила паутина, и скорбный голос сказал, полный внутренних слез:

— Да, с любовником!

Николка в ужасе прижался к стене и уставился на видение. Видение было в коричневом френче, коричневых же штанах-галифе и сапогах с желтыми жокейскими отворотами. Глаза, мутные и скорбные, глядели из глу-

бочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриженной. Несомненно, оно было молодо, видение-то, но кожа у него была на лице старческая, серенькая и зубы глядели кривые и желтые. В руках у видения находилась большая клетка с накинутым на неё черным платком и распечатанное голубое письмо. . .

«Это я еще не проснулся»; — сообразил Николка и сделал движение рукой, стараясь разодрать видение, как паутину, и преобильно ткнул пальцем в прутья. В черной клетке тотчас же, как взбесилась, закричала птица»²⁹.

1) Свист — свист!³⁰

2) Паутина + +
какая-то — паутина — эту — паутину — она —
 + - - +
паутины — эту паутину — паутину — паутину — пау-
 - - + +
тина — как паутину.

3) снег — чистейший снег — этот снег

4) чей-то + + -
голос — опять голос — скорбный голос

5) какая-то бойкая птица — ее самое — птица

6) видение — видение — видение-то — у видения — видение

Обращаясь к тексту, легко увидеть, что в реальном и содержательно сложном тексте, распределение имен новой и старой информации не происходит по модели: «В комнату вошел человек. Человек держал в руках вазу. Ваза была красивой», где упомянность / неупомянность строго соответствует как порядку элементов, так и их просодическому выделению.

С какими же комплексами связано выявление искомой корреляции?

1. Прежде всего — проблема корреляции типа просодического выделения имени и его места в категории определенности—неопределенности связана с более широкой проблемой, с которой она пересекается — с вопросом о полном описании семантики просодических средств, действующих внутри высказывания. До сих пор внимание

²⁹ Булгаков М. Избранная проза. М., 1966, с. 250.

³⁰ + отмечается сильная позиция, — слабая.

исследователей фразовой просодии в основном привлекало фонетическое описание так называемых коммуникативных видов (вопрос, ответ, переспрос и т. д.), типами же супер-сегментного выделения заинтересовались лингвисты-синтаксисты; пересечения интересов пока не произошло. А между тем настоятельная потребность в создании и разработке такого специфического раздела семантики, как семантика устного выделения, уже отмечалась многократно. Так, в частности, на более детальный анализ типов акцентного выделения синтаксистов толкает необходимость определения связей внутри предложения.

John writes his mother on Tuesdays and Max on Fridays³¹ — в зависимости от типов и места ударения фразы может иметь две трактовки:

(1) John writes his mother on Tuesdays and John writes Max on Fridays.

(2) John writes his mother on Tuesdays and Max writes his mother on Fridays.

Существенны при этом выводы автора о том, что назревшая необходимость изучения чисто «человеческого», реального способа коммуникации (*we're only human*) в первую очередь диктует обращение к исследованию просодических средств («тот факт, что обнаружившееся разнообразие способов восприятия оказывается связанным именно с интонационными ограничениями, говорит о том, что именно это и есть оптимальная отправная точка для исследований»³²).

Ниже мы постараемся показать, что пренебрежение собственно фонетической стороной вопроса и оперирование столь аморфным и различным по содержанию понятием как интонационный центр приводит синтаксистов к выводам самым противоречивым.

2. Во-вторых, трактуемый вопрос тесно связан со столь общим вопросом, как правомерность сопоставления формальных средств выражения некоторой категории у языков, где нет для нее специального средства, и языков, где такое средство есть. Большинство работ, описывающих способы выражения категории определенности —

³¹ *Cantrall W. R. Favored structures and intonational limitations. Papers from the parasession of functionalism, 1975. Chicago, 1975, p. 44.*

³² Там же, с. 45.

неопределенности в артиклевых языках в сопоставлении с безартиклевыми³³, обычно ограничивается описанием «способов передачи» этой категории в безартиклевом языке — на самом деле, вопрос о существовании этой категории в безартиклевом языке (не на понятийно-категориальном, а на собственно грамматическом уровне) даже и не ставится³⁴.

Между тем, если обратиться к такому сложному «конгломерату» языков, как славянские языки + неславянские языки балканского союза, нельзя их разделить с убедительной категоричностью на языки артиклевые и безартиклевые — здесь может быть только намечена единая шкала, на одном полюсе которой будут языки с меньшим развитием артиклеобразных элементов, на другом — признанно артиклевые языки БЯС, например, румынский³⁵. Существенным при этом оказывается и вопрос, поставленный по этому поводу К. ван Схонефельдом: почему языки БЯС избрали для своего единения именно этот пучок признаков, в частности, — формирование артикля в качестве одного из них?³⁶

³³ Ср. такие работы для славянских языков: *Стоянов Ст.* Грамматическата категория «определеност» в българския език и нейните соответствия в други славянски езици. — Славянска филология, X, 1968; *Дончева-Л.* Някои способи на изразяване категорията определеност—неопределеност в руските отрицателни изречения в сравнителен план с български език. — Език и литература, 1962, № 2; *Лашкова Л., Куява-Шверчек Л.* За някои функционални соответствия на българския определителен член в белоруски. — Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици, 1976, № 5 (София).

³⁴ «Артикль есть только одно из средств, выражающих некую широкую категорию, а именно — категорию определенности—неопределенности. Если мы будем рассматривать только артикли, то мы сможем исследовать только часть этой проблемы» (*Kramský I.* The article and the concept of definiteness in language. The Hague, 1972, с. 9).

³⁵ О разной степени обобщения артикля как категории в языках БЯС см.: *Reiter N.* Der Artikel in den Balkansprachen. Zeitschrift für Balkanologie, 1967, Hf. 1; Т. В. Цивьян указывает также на зыбкость правил употребления артикля в языках БЯС в отличие от западноевропейских языков (*Цивьян Т. В.* Морфо-синтаксические функции новогреческого артикля в аспекте грамматики балканского языкового союза. — Славянское и балканское языковедение. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976).

³⁶ *Van Schooneveld C. H.* A few remarks on the Balkan Sprachbound. — *Xenia slavica.* The Hague—Paris, 1975, p. 232.

3. Следующая проблема — как описывать саму категорию определенности—неопределенности, компоненты которой не противостоят друг другу столь жестко как члены парадигм собственно языковой системы. Эта категория — категория высказывания, относящаяся к сфере текстового употребления; как все эти категории, она формируется не привативными и эквиполентными, но градуальными оппозициями³⁷.

В частности, для русского языка можно наметить следующую шкалу детерминативов при имени; существенно, что семантика этих словосочетаний будет налагаться друг на друга:

Это — *всякий (любой, каждый) /какой-нибудь/ какой-то /некий/ некоторый /тот/ этот.*

Особое место — и для безартиклевых языков — занимает проблема семантики имени, сопровождающегося артиклем детерминативом, в отличие от имени без детерминатива. Как будет видно из дальнейшего изложения, детерминативы могут вступать в сложные компенсаторно-дополнительные отношения с просодическими средствами.

Итак, мы имеем дело с тремя рядами фактов, где каждый из рядов представляет собой шкалу градуальных явлений, поле, элементы которого соотносятся по принципу «более или менее», но не «да — нет». Это поле просодического выделения, поле категории определенности—неопределенности и поле «славяно-балканские языки».

3

I. Прежде чем рассматривать перечень категорий, в которые вовлекается определенность—неопределенность через просодические средства, необходимо попытаться упорядочить и представить в виде некоторой системы виды акцентного выделения. Несмотря на сказанное, опыт изучения фразовой просодии все же накопил достаточно обобщений — хотя бы для того, чтобы снять с рассмотрения некоторые факты, не имеющие отношения к исследуемой проблеме. Таким образом, просодия высказывания будет рассматриваться как многослойное образование,

³⁷ О градуальности оппозиций у категории текста см.: Николаева Т. М. Лингвистика текста и вопросы общей лингвистики; об организации категории определенности—неопределенности по «полевому признаку» см.: Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы.

отнюдь не все слои которого имеют отношение к содержа-
тельным категориям высказывания.

1. Первым из этих слоев можно считать слой ритми-
ческий. Так, в частности, уже говорилось о том, что лич-
ные местоимения есть анафорические образования, они
коррелятивны. Между тем они могут быть ударными
в большей или меньшей степени, и это не связывается
с содержанием высказывания. Экспериментально дока-
зано (для русского языка это показано Г. Н. Ивановой-
Лукьяновой)³⁸ что ударность — безударность местоимений
определяется: а) числом слогов в нем, б) местом во фразе,
в) соседством с местоимениями же, со служебными сло-
вами, г) соседством со словом, несущим логическое ударе-
ние, д) типом интонации, е) условиями ритма данного
текста — «все факторы действуют одновременно, нередко
перебивая друг друга, этим и объясняются колебания
в оценке ударности местоимений». Поэтому во фразе
«Порывисто протянул он мне страшно худую, словно
обглоданную руку», как указывает Г. Н. Иванова-
Лукьянова, *он* будет безударно, а *мне* — ударно³⁹.

2. Второй слой просодии — это слой экспрессивной
инверсии. А именно — «при нормальном словорасполо-
жении наиболее сильное ударение в любой конструкции
падает на ее последний член. Такая акцентная структура
синтаксических конструкций соответствует . . . ритму про-
заической речи»⁴⁰.

Таким образом, в сочетаниях с именем типа *длинный
вечер; почернело от дождей; кончаю институт; часто
падали звезды; под квартирой погреб* и т. д. (примеры
И. И. Ковтуновой) акцент на последнем слове автомати-
зирован, поэтому он коммуникативно нейтрален. Инвер-
сивное расположение меняет место акцента, он становится
«слышным»; при этом (если не выходить за пределы имени,
хотя правило это — общее) возможна полная инверсия
членов словосочетания (*Огород маленький от прежних
сторожей остался*) и частная — с дислокацией, один из
компонентов выносится в начало предложения, а другой

³⁸ Иванова-Лукьянова Г. Н. Об ударности динамически не-
устойчивых слов. — Развитие фонетики современного русского
языка. М., 1971.

³⁹ Там же, с. 189.

⁴⁰ Ковтунова И. И. Порядок слов в стихе и прозе. — Синтак-
сис и стилистика. М., 1976.

остаётся в конце; оба компонента, образующие акцентную рамку, экспрессивно выделяются⁴¹ (*Шумела в лесу дождевая метель*).

Эти явления не имеют отношения к кореферентности. Как представляется, именно к явлениям такого рода относятся описанные выше случаи типа — *Papa idet, Babuška spí, Tatínek jde* (пример В. Матезиуса), *Karl ist da* (пример Р. Харвега), эти примеры — инверсия примеров, описывающие нерасчленённую ситуацию типа *Спит бабушка, Идет отец, Das ist Karl* и т. д. Они сделаны более громкими, чтобы привлечь внимание адресата к ситуации, степень неопределённости имени при этом не меняется.

3. Оба описанных случая не связаны с распределением смысловых акцентов в высказывании. Как же обстоит дело с остальными типами просодического выделения? Сколько акцентированных слов может быть в высказывании и тождественны ли эти акценты или они отличаются — не только своей содержательной закрепленностью, но и фонетически?

Прежде всего необходимо отметить, что в теории доминируют сторонники одного акцента⁴². Этот акцент, по их мнению, есть интонационный центр, который помещается на самом важном слове, он наиболее громок; самое важное — это, как правило, новая информация, новое — это обычно рема, поэтому, «где громко — там и рема». Но так ли это?

Разберем один из примеров с так называемой частью ремалуатором *даже*.

*Даже Петр забыл нам позвонить*⁴³. Действительно ли *даже Петр* — это рема, действительно ли *даже Петр* — это интонационный центр? Действительно ли *даже Петр* — это самое важное?

⁴¹ Там же, с. 48.

⁴² Однако в новейших работах по синтаксической семантике все больше осознаётся многослойность функционально-фонологической структуры высказывания. Характерны — для сторонников связи интонационного центра с ремой, а ремы — с ярким выделением — примеры, приводимые Е. А. Абдалиной: *Dorian went back to his seat. Рема — to his seat. Но — A little water stood in his eyes. Рема water (Абдалина Е. А. Интонационные средства выражения ремы в простом предложении в современном английском языке. АКД. М., 1973).*

⁴³ Пример Г. Н. Крейдлина (*Крейдлин Г. Е. Указ. соч.*).

Прежде всего как будто бы считается принятым, что рема связывается с новым в высказывании. Между тем *даже Петр* предполагает известность имени и его атрибутов (именно Петр, как предполагалось, в первую очередь мог бы позвонить): слово *даже* не сочетается с новой, неизвестной информацией. Поэтому мы оспариваем рематичность сочетаний с *даже*. Далее. Известно, что интонационный центр — это та зона, которая определяет так называемый коммуникативный тип высказывания. См. *Даже Петр забыл нам позвонить; Даже Петр забыл нам позвонить, когда нас все покинули*. Тип синтагмы определяет слово *позвонить*, которое и является интонационным центром. В принципе этот интонационный центр может входить в состав ремы, т. е. того, что сообщается об исходной точке, которой является *даже Петр*. Итак, в нашей практике, это высказывание имеет членение *Даже Петр / забыл нам позвонить*.

Итак, может ли быть в предложении более одного интонационного центра? Нет, если интонационный центр понимать чисто просодически. Да, если понимать под этим акцентно выделенные компоненты.

Следующий вопрос — связан ли интонационный центр, понимаемый в указанном выше смысле, с самой важной частью сообщения? Представляется, что и в этом случае речь идет о явлениях разных уровней: с одной стороны, несомненно — особенно для славянских языков, — что высказывание располагается линейно от исхода (тем самым, менее новой части) к новому, т. е. важному. С другой стороны, как кажется, располагаемые элементы не соотносятся буквально со словами, но — с содержательными компонентами типа словосочетания. Поэтому: *книгу, эту книгу, книгу дяди, книгу дяди моей жены* — есть один и тот же компонент во фразах:

Я вчера купил книгу,

Я вчера купил эту книгу,

Я вчера купил книгу дяди,

Я вчера купил книгу дяди моей жены.

Фразовое же ударение будет падать на последнее слово буквально, таким образом, «просодическая гамма не совпадает точно с гаммой коммуникативного динамизма»⁴⁴.

⁴⁴ Firbas J. On the interplay of prosodic and non-prosodic means of FSP.

Этот вид выделения — фразовое ударение, или интонационный центр, мы будем в дальнейшем, по новой, но устанавливающейся традиции, называть «нормальным» ударением⁴⁵.

5. Ему противостоит контрастное ударение (по определению Н. Хомского, а *poorly understood sort*⁴⁶). В рамках этого понятия отчетливо выделяется тот его подвид, который иногда называется логическим ударением. Значение его можно передать как «а не»: «За сына я ручаюсь» (т. е. брат, может быть, это и сделал) или «Хороший человек так не поступает (Плохой так может поступить)».

Этот вид акцента Р. Харвег называет парадигматическим контрастом; в высказывании реализуется один член парадигмы из коммуникативного ясного набора. Контраст парадигматический называют иногда эмфатическим⁴⁷. В этом случае ему придается излишний эмоциональный вес; в русском языке эмфазой принято называть эмоциональное подчеркивание с продлением типа (*Ма-а-ленькая девочка*).

6. Синтагматический контраст выделяет два слова в высказывании, присутствие которых обязательно: *Петру не понравился спектакль, а Федя остался доволен; Джейн любит Мэри больше Билла* (при ином чтении было бы, что Билл любит Мэри меньше, чем Джейн⁴⁸).

⁴⁵ Против этого термина выступила С. Шмерлинг. Она считает, что, приняв термин «normal stress», лингвисты будут тем самым вынуждены считать другие виды ударений отклонениями, между тем как эти отклонения обязательны, ибо диктуются строем высказывания (*Even a two-year-old could do it*). Между тем «нормальное» ударение и контрастное есть, как мы считаем, акцентные выделения на разных уровнях (*Schmerling S. F. A re-examination of «normal stress»*. — *Language*, 1974, v. 50, N 1).

⁴⁶ *Chomsky N. Deep structure, surface structure and semantic interpretation*, p. 77.

⁴⁷ Именно так называет его А. Шведек (Указ. соч.), см. такое же употребление: *Kiefer F. On presupposition*. — *Generative Grammar in Europe*, Dordrecht, 1973.

⁴⁸ Иногда эти два вида контрастных акцентов не различаются и теперь. Так, А. И. Волик в интересной статье (существенно, что в ней прямо говорится об отсутствии связи между логическим ударением и субъектно-предикатной структурой высказывания) считает, что контраст может быть имплицитным (*I was in London, — not here*) и эксплицитным: *I was in London at that time. And he was in Edinburgh*. (Волик А. И. Семантические функции противопоставительного ударения в английском языке, — В кн.: Вопросы языковой структуры. Киев, 1976).

в таких типах фонологического выделения
вспомогательных слов

Как отмечалось, чем больше линейная протяженность, между словами, тем сильнее выражен синтагматический контраст⁴⁹.

Однако синтагматический контраст понимается часто не только как противопоставление двух компонентов в тексте, но и как сопоставление — *Продавать виски индейцам*; *Otto hat heute ein paar Mark gefunden* (пример Р. Харвега).

7. Следующий тип выделения мы предлагаем назвать «выделением темы» — его семантику примерно можно передать как «а что до...». Он отчетлив в диалогах типа — *А как Петр?* — *Петр отнесся к этому критически*, или — *А где Маша?* — *Маша — в комнате*. Тип этот близок к тому, который в словацкой лингвистике называется *vytušený vetný člen*⁵⁰.

8. Последний вид различаемого акцентного выделения назван нами «подчеркиванием». Семантика его может быть передана как «а именно; именно да, именно так». Например, «Это дома служащих, завод, конюшни, — отвечала Анна. — А это парк начинается» (Л. Н. Толстой, пример И. И. Ковтуновой).

А. — *Что это к вам все Х ходит?*

Б. — *Ему моя сестра нравится.*

*Не задерживайте меня: я на поезд опаздываю*⁵¹.

Этот тип по значению близок к контрастному парадигматическому⁵², но отличие, как нам представляется, в том,

⁴⁹ *Cantrall W. R. Favored structures and intonational limitations*, p. 38.

⁵⁰ Дискуссия на тему выделенного компонента продолжалась в течение 10 лет на страницах журнала «Slovenska reč»: *Ružička I. Vytušený vetný člen*. — SR, г. XIX, 1954, ч. 9—10; *Pauliny E. Vysunutý vetný člen*. — SR, г. XX, 1955, ч. 2; *Idem. O tzv. vytušenóm vetnom člene*. — SR, 1963, г. XXVIII, ч. 4; *Ružička J. O podstate vytušeného vetného členu*. — SR, 1961, г. XXVI, ч. 5; *Idem. Poznámka o vytušeného vetného členu*. — SR, 1963, г. XXVIII, ч. 6. — Чтение этих статей показывает, что обе спорящие стороны просто по-разному трактуют термин подчеркивание (*dôraz*). Для Е. Паулини это — контрастное усиление, вынесение части темы — совсем другое явление, оно может быть частью ядра, но это не *dôraz*. Для И. Ружички подчеркивание есть любое выделение элемента. Т. е. здесь имеет место разница первичных ценностей — форма (Е. Паулини), содержание (И. Ружичка).

⁵¹ Более сложен случай подчеркивания (без контраста) двух элементов — *He couldn't even sell whiskey to the Indians* (*Anderson St. How to get even*. — *Language*, v. 48, 1972, № 4).

⁵² Мы считаем, что Р. Харвег такого рода примеры также обозначает как парадигматический контраст: *De Gaulle ist ge-*

что в данном случае имеет место контраст всей ситуации, а не контраст имен, входящих в парадигматический набор с подчеркнутым *За сына я ручаюсь* (т. е. а за других нет, это контраст парадигматический); ср. — *Что вы такая грустная?* — *Я за сына беспокоюсь* (т. е. не поддаюсь настроениям просто так) или *Я на поезд опаздываю* (а не тороплюсь без причины) и т. п. Мы полагаем также, что приведенный выше пример Андерсона входит именно в этот тип. См. в этой связи полный вариант этой фразы в статье Андерсона: Jones claims that he could sell refrigerators to the Eskimos, but in fact he couldn't even sell whiskey to the Indians⁵³.

Однако в общем определении этого типа как акцентного подчеркивания ощущается большая доля упрощенности. А именно — фразы типа *Тише. Гроза начинается* и *А это парк начинается* (см. выше) интуитивно воспринимаются как различные. Во второй — *парк* противопоставляется всему остальному, непарку. В первой речь идет не о том, что именно начинается, а о том, что необходимо экстренное введение в ситуацию (*Гроза начинается* противопоставлено спокойно эпическому *Начинается гроза*). Исследование этого типа подчеркивания, как это видно по всем примерам такого типа, приводимым выше в настоящем разделе, необходимым образом связано с изучением контекста его функционирования, а именно с двумя вопросами:

1) Какова по своей структуре та контекстная ситуация (включая, возможно, и экстралингвистические факторы), в которых возникает необходимость введения такого рода акцентного подчеркивания?

storben; In München hat jemand seine Frau erschlagen, weil sie nicht rechtzeitig das Essen auf dem Tisch hatte. По нашему мнению, здесь выражено значение «именно» а не «а не» (*Harweg R. Zur Textologie der dass-Sätze. — Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1972, № 1; Idem. Weil-haltige Begründungen in Textanfangssätzen. — Orbis, 1972, t. XXI, № 1*).

⁵³ Именно этот тип, по-видимому, описывается В. Х. Багдасаряном в статье, пафос которой — в выдвигании той же идеи об отсутствии связи между логическим ударением и предикатом высказывания. В. Х. Багдасарян приводит пример фразы *Стакан разбился* (а не зазвенели оконные стекла). По нашему мнению, это и есть интонация подчеркивания (*Багдасарян В. Х. Логическое ударение и структура суждения. — Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976*).

2) Каков тип речевого функционирования, характерный для этого акцентного типа? Возможен ли он в письменном тексте? В монологе? Если в диалоге, — то какой структуры?

Для нашей же непосредственной темы этот тип акцентного подчеркивания интересен тем, что он допускает яркое выделение определенного имени.

Таким образом, нами выведено пять типов акцентных выделений, имеющих отношение к содержательной стороне высказывания и — тем самым — к выражению категории определенности—неопределенности:

- 1) фразовое, «нормальное» ударение;
- 2) контрастное парадигматическое, со значением «а не X, Y»;
- 3) контрастное синтагматическое, со значением «а X — Y»;
- 4) выделение темы, со значением «а что до X»;
- 5) подчеркивание, со значением «как раз X, именно X».

Поскольку еще недавно утверждалось, что подчеркивание может иметь «самые разные значения, а интонация одна»⁵⁴, и до сих пор часто считается, что есть два (максимум три) вида выделения (конкретное и нормальное; — контраст синтагматический и парадигматический; *dbraz* и обычное ударение и т. д.), мы можем прямо объявить этот список начальным и экспериментальным (их, ударений, как минимум, пять!). Существенно также, что право на это различие дает и формальный момент, каждый тип подчеркивания обладает фонетикой, отличной от других — однако, ее описание уместно в работах фонетического характера⁵⁵.

⁵⁴ Так, в частности, пишет И. Леков, говоря о дифференцированности подчеркивания за счет интонационных средств (*Леков И.* К вопросу о средствах выражения субъективной модальности в русском и болгарском языках. — *Otázky slovanské syntaxe*, III. Brno, 1973, с. 186).

⁵⁵ Как указывалось выше, на фонетическое различие указывали Паулини и Ружичка. Так же на словацком материале проводится различие между *dbraz* — обязательно на ядре, и подчеркнутым словом в основе, которое, становясь выделенным членом, приобретает восходящую интонацию. Например: A. *Kedy si kupíš dobrý kabat?* B. *D o b r ý k a b a t, ten si kupim z budúcej vuplaty.* — Здесь выделена основа. Иная ситуация: идет дождь. A. —

II. Вторым вопросом, требующим предварительного концептуального и терминологического уточнения, является трактовка категории определенности—неопределенности, принимаемая в данном разделе.

В этой связи важно прежде всего сказать, что эти содержательные единицы не понимаются нами так, как, например, их определяет Г. М. Габучан и исследователи, идущие за ним⁵⁶, а именно — «как минимальные единицы плана содержания — семы». Как указывалось выше, определенность—неопределенность понимается как смысловая зона, в рамках которой существуют сгущения, соответствующая тем или иным субкатегориям. В соответствии с этим зона определенности—неопределенности членилась нами следующим образом:

1. Собственно неопределенность (представлена двумя подклассами): 1) неопределенное имя со значением «какой-нибудь», «все равно какой»; 2) неопределенное имя, показывающее, что обозначаемый денотат есть представитель некоторого класса, и в нем сейчас важно именно это.

Пример первого типа: *Приходите. Бутылка вина в доме найдется.*

Пример второго типа: *Приходите. У меня есть бутылка вина.*

В первом случае предмет не идентифицирован ни для адресата, ни для адресанта (*всякий, любой*); во втором он обычно неизвестен для адресанта. Т. е. иными словами, это деление соответствует уже установившемуся делению неопределенных имен на специфические и неспецифические. З. Хлавса приводит аналогичные чешские примеры:

Vuřuž ě mi nejakou knihu (специфическое).

Итак, специфическое — -urĉenost, +urĉitost⁵⁷,
не специфическое — -urĉenost, — urĉitost.

Всего, кроме этих двух видов, различают еще два вида неопределенного имени — экзистенциональное и генера-

Ty si vzal daždnik? B. — Dobry kabat, ten si mal vziat, do tohto poĉasia. — Выделение ядра. (*Mistrík J. Slovosled a vetosled v slovenĉine*. Bratislava, 1966).

⁵⁶ Габучан Г. М. Теория артикля и проблема арабского синтаксиса. М., 1972.

⁵⁷ Hlavsa Z. K protikladu urĉenosti v ĉeřtině. — Slovo a slovesnost, 1972, ě. 3.

лизованное⁵⁸. Самое лучшее определение специфического неопределенного имени, как нам кажется, следующее: «Говорящий осуществляет акт референции по отношению к некоему объекту и тем самым детерминирует семантическую значимость специфического неопределенного выражения; слушатель же получает только частичное описание объекта и он может только понять ограничение, налагаемое на эту семантическую значимость, но не определить ее⁵⁹».

Различение специфических и неспецифических имен, действительно, связано с прагматическим аспектом.

Mary wants to marry a Swede — за конкретного или любого?

I talked with a magician and so did Uri — оба беседовали с одним и тем же?

John and Jack are looking for a pretty girl — ищут одну девушку или двух?⁶⁰

Есть и другое деление неопределенных имен: 1) генерализованные, 2) специфические, 3) атрибутивно-экзистенциальные, не перифразируемые через certain (Max is a doctor)⁶¹.

2. Собственно определенность (представлена тремя подклассами): 1) определенность уникальности (*Солнце, Земля*); 2) определенность ситуации (*закрой дверь* и т. п.); 3) определенность контекста⁶².

3. Генерализованность (распределяется в артиклевых языках очень сложным образом — в частности, может передаваться именем с определенным артиклем). Высказывались гипотезы о различии в смысле сочетаний каждого типа⁶³. Однако особенность этого вида

⁵⁸ Четырехчленную классификацию см.: Burton—Roberts N. On the generic indefinite article. — Language, 1976, vol. 52, № 21.

⁵⁹ Kasher A., Gabbay D. M. On the semantics and pragmatics of specific and non-specific indefinite expression. Theoretical linguistics, 1976, v. 3, N 1/2.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Heringer I. T. Indefinite noun phrases and referential opacity. — Papers from the 5-th regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1969.

⁶² На существенность различия между текстовой и ситуационной кореферентностью в просодическом плане указывает А. Шведек: ситуационно кореферентные слова могут вести себя как показатели новой информации (*Schwedek A. The role of sentence stress in the interpretation of coreferentiality in English and Polish*).

⁶³ См.: Иртеньева Н. Р. Родовой (обобщающий) артикль в английском языке. — В кн.: Проблемы языкознания и теория англий-

видна при передаче генерализованных конструкций с безартиклевого языка на артиклевый.

Например, Л. Дончева приводит в группе примеров, подлежащих употреблению артикля при переводе на болгарский, следующее предложение: *Кулаком правду не убьешь (С юмрук не можеш да убиеш правдата)*, а в группе примеров, не подлежащих введению артикля, — *Скръб в думите и Самгин не долови (Печали в ее словах Самгин не слышал* ⁶⁴). Эти примеры кажутся нам однотипными по смыслу в отличие от оппозиций типа *Я не вижу книгу* (опред.) и *Я не вижу книги* (неопр.). Поэтому, как представляется, наиболее адекватным по отношению к языковым средствам передачи зоны обобщения может являться положение Г: М. Габучана о том, что здесь «обнаруживается специфическая семантическая сфера, в которой определенное имя и неопределенное имя является абсолютно синонимичными» ⁶⁵. См. выше при анализе перевода А. Dumas, именно *le Gascon* в позиции сильного ударения оказалось в общем ряду имен с неопределенным артиклем.

III. К сожалению, отсутствие каких-бы то ни было попыток дать исчерпывающее описание поведения различных лексических классов при выражении категорий высказывания (и в том числе по отношению к категории определенности—неопределенности) не дает возможности пользоваться такой классификацией хотя бы для подбора примеров. Несомненно только, что отдельному анализу подлежат имена без артиклеобразного со-

ского языка, вып. 1. М., 1976. — По ее мнению, неопределенный родовой артикль показывает неизвестность признаков обозначаемого объекта и то, что эти признаки должны быть раскрыты; определенный артикль передает лишь указание на дополнительные признаки при известности. Р. Харвег считает, что с определенным артиклем в обобщающей функции связано понятие типа (*Der Bergmann hat ein schweres Leben*), а с неопределенным — класса (*Ein Bergmann hat ein schweres Leben*) (*Harweg R. Unbestimter und bestimmter Artikel in generalisierender Funktion. — Orbis, 1969, t. XVIII, № 2*).

⁶⁴ Дончева Д. Някои способи на изразяване категорията определеност—неопределеност в руските отрицателни изречения в сравнителен план с български език. — Език и литература, 1961, № 2.

⁶⁵ Габучан Г. М. Теория артикля и проблема арабского синтаксиса, с. 61.

проведения (в безартиклевых языках) и имена с таким сопровождением.

Что касается самих имен и их комбинации с просодическими выделителями и артиклеобразными детерминантами, то здесь возможны следующие ситуации.

1. Принципиальная несочетаемость. Например, имена неопределенности типа *jemand*, *eine Person*, *кто-нибудь* не могут принимать контрастное ударение⁶⁶, как указывалось выше, этот тип ударения предполагает известный и перечислимый набор элементов выбора.

По этой же причине невозможно сочетание выделителя *even* и *someone*⁶⁷ или *only + loves*⁶⁸.

2. Разница между тем значением, которое возникает при просодическом выделении. Например, *Морозу — ноль градусов*, *Квѣтив — море* есть бесконтрастное выделение темы. Но *Она — не придет* уже предполагает, что кто-то другой придет. Более подробно вопросы такого рода рассматриваются в связи с меной ассертивных и пресуппозитивных компонентов высказывания при изменении типа и места акцента — тема эта неизмеримо шире обсуждающейся в данном разделе.

4

Рассмотрим дистрибуцию пяти выведенных нами типов акцентов в ее отношении к содержательной структуре высказывания, в первую очередь — по отношению к содержанию имени. Поскольку в большинстве работ, трактующих данные артиклевых и безартиклевых славянских языков, бывают представлены «лингвистические», т. е. искусственно схематические, хотя и наглядные примеры (а в зарубежных работах по английскому и немецкому языкам только такие примеры и преобладают), в данной работе решено использовать более традиционный метод — обращение к реальным языковым текстам, с легким их

⁶⁶ См. об этом: *Harweg R. Ein Mensch, eine Person und jemand.* — *Zeitschrift für deutsche Sprache*, 1971, Bd. 27, Hf. 1/2.

⁶⁷ *Fraser I. B. An analysis of even in English.* — *Studies in linguistic semantics*. N. Y., 1970.

⁶⁸ *Only* не должно сочетаться со словом с максимальным по насыщенности значением свойства: * *only hates*, но *only dislikes*, * *only loves*, но *only likes* (это же относится и к русскому *только*, если оно не относится ко всему предложению. (См. *Horn L. R. A presuppositional analysis on only and even.* Papers from the 5-th regional meeting. Chicago linguistic society. Chicago, 1969).

сокращением⁶⁹. Сначала рассматриваются имена без артиклеобразного сопровождения.

1. «Н о р м а л ь н о е» у д а р е н и е

В приведенном в начале описании Д'Артаньяна, действительно, наблюдалась такая закономерность: имена, новые для контекста, сопровождаемые неопределенным артиклем, помещались в конец просодического отрезка, в позицию автоматизированного (нормального) ударения — т. е. именно так, как описывает ситуацию славянских языков А. Шведек (см. выше).

Примеров с таким распределением нормального ударения, на самом деле, очень много. Приведем некоторые из них:

Парадная дверь вдруг отворилась и из нее вышла старушка.

Самые же ужасные мучители его были извозчики, и он ненавидел извозчиков.

К моим лохмотьям непременно нужна фуражка.

Красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи.

Кибитка остановилась перед деревянным домиком.

К крыльцу подлетали поминутно новые тройки и пары, входили новые лица.

Я не трус, но ведь и сам черт напугается, если натолкнется в потемках на гроб.

С каким-то неопределенным чувством глядел он на дома, стены, забор и улицу.

Я не могу быть несчастлив оттого, что презренная женщина сделала преступление.

Мир сужается до предела: охотник, ружье и, еще невидимые, собака и заяц или лисица.

Я, признаюсь, сомневаюсь, чтобы моя беседа могла доставить вам удовольствие.

Ведь он был первым человеком, который ее понял и снова вдохнул в женщину уверенность.

Только сейчас Петя почувствовал голод.

⁶⁹ Весь языковой материал взят из картотеки Академического словаря ЛО АН ИЯ СССР, коллективу которого (и в первую очередь — Р. П. Рогожниковой) мы приносим искреннюю благодарность. Поскольку в ряде случаев примеры несколько упрощены, имена авторов (в основном — это классики XIX и XX вв.) приводиться не будут.

Во всех этих примерах фразовое ударение падает на слово неопределенной дескрипции, причем, как мы старались показать, что неопределенность может быть разных квалификаций: неопределенность конкретного индивидуализированного объекта, неопределенность при экзистенциальной связке, неопределенность абстрактного имени (последний случай — на грани зоны определенности).

Приведем и ряд контрпримеров: нормальным фразовым ударением отмечены имена определенной дескрипции:

Вечером, еще не успело солнышко сесть, как карась в третий раз явился к щуке.

Мимо еще раз прошел боцман.

Еще по звуку легких шагов на лестнице он почувствовал ее приближение.

Я только издали видел эту мрачную, сухую, загадочную фигуру, но о действиях его говорила вся округа.

Знаешь ли ты, что? Ведь это был Дубровский.

Сердце в ней замерло, когда государь заперся с ее отцом.

Речь шла о придворных интригах во время Сигизмунда третьего, в центре которых стояла куртизанка Урсула.

Какие-то злодеи украли у меня в санаторном поезде чемодан с бельем.

Много влиятельнейших критиков восторженно отозвались о пьесе. А Париж все-таки не пошел ее смотреть.

Он еще раз взглянул на солнце.

Итак, подударная позиция может распространяться на все виды определенных имен: определенность предупоминания, ситуации и уникальности⁷⁰.

Генерализованное имя также может распределяться в высказывании таким образом, что на него падает нормальное ударение:

Нравиться — закон для женщины.

Собаки всегда дружили с человеком.

2. Контрастное ударение парадигматическое

Контрастное парадигматическое ударение, как уже указывалось в литературе, не связано с определенностью

⁷⁰ Особенно часто определенное имя попадает под фразовое ударение не при описании, рассказе, а при ответной реплике. См.: Gunter R. On the placement of accent in dialogue. — Journal of linguistics, 1966, N 2, v. 2.

или неопределенностью имени, по крайней мере, не находится в этой категории в отношении простой зависимости.

Он еще раз взглянул на солнце (другие не посмотрели).

Он еще раз взглянул на солнце (ранее он уже смотрел на него).

Он еще раз взглянул на солнце (а не на другой объект).

Пойди купи себе книжку (неопределенный объект).

Пойди купи себе книжку (а не что-то другое, неопределенность остается).

Однако контрастное выделение в отличие от нормального ударения, не возникает автоматически, оно должно быть контекстно маркировано, обозначено.

Эта предписанность может диктоваться: а) контекстом, б) ситуацией, в) пресуппозитивным фондом общих знаний.

В контексте контрастное ударение может быть анафорическим и катафорическим.

Анафорическим: *Это могли сделать и сын, и брат. За сына я ручаюсь.*

Катафорическое: *Творчество его очаровало ее. А не красота и не титул.*

В этих случаях контрастным ударением выделяется не весь набор парадигматического противопоставления, а один его элемент, коммуникативно важный.

Ситуативная предписанность предоставляет участникам коммуникативного акта определить объем выбора объектов речи. При этом допустима гамма возможностей, от той, когда любой адресат восстановит всю парадигму (*Зиму я не люблю*, остальной набор — еще три времени года), до набора из двух компонентов X и не X: *Чтение мне не доставляет удовольствия* (А что доставляет?). При этом от степени коммуникативной близости общающихся зависит степень конкретности парадигмы выбора.

Итак, контрастное парадигматическое ударение не зависит от определенности — неопределенности имени, оно как бы накладывается сверху на приданную в высказывании ситуацию (т. е. это явление второй инстанции). Как уже говорилось выше, мы настаиваем на том, что введение конкретного парадигматического ударения не меняет членения высказывания на тему и рему, а также на том, что слово, выделенное этим видом, вовсе не яв-

ляется ремой, или ядром, или новой информацией. В противном случае не могли бы различаться высказывания типа *Дайте пальто* и *Дайте мне / п а л ь т о* (а не куртку, плащ и т. д.).

В собственно лингвистическом, а не только коммуникативном плане употребление контрастного парадигматического ударения определяется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами:

Первое — тип контрастоспособности данной лексемы. Например, *Деньги я получил*.

Деньги я получил (а не что-то другое, чего можно было бы ожидать скорее).

Деньги я получил (а не X, Y, Z).

Деньги я получил (а не ушел ни с чем).

Или — *Так бывало постоянно*.

Так бывало постоянно (а не иначе).

Так бывало постоянно (а не не бывало; здесь уже некоторая натяжка).

Так бывало постоянно (а не изредка).

Таким образом, диапазон контрастоспособности классов лексем различается; наложение контрастного ударения на разные компоненты высказывания меняет его семантику в целом, или, скорее, меняет его прагматику⁷¹.

Нами было сказано, что наложение контрастного парадигматического имени не меняет тип дескрипции имени. Однако соприкосновение с этими категориями имеется. Во-первых, неопределенные местоимения типа *некто*, *не-что*, *кто-то* и т. п. и полуместоименные слова типа *дело*, *вещь*, *лицо* и т. д. не подлежат наложению контрастного ударения. Во-вторых, наложение конкретного ударения на имя в неопределенной дескрипции меняет статус имени в рамках этой категории.

Например, *Джейн хочет выйти замуж за шведа* — пример читается двояко: 1) за какого-то конкретного человека, шведа по национальности, 2) за любого, но шведа.

⁷¹ Таким образом, контрастоспособность имени различна, в соответствии с этим различна их способность принимать ударение (см. *Harweg R. Ein Mensch, eine Person und jemand.* — *Zeitschrift für deutsche Sprache*, 1971, Hf. 1/2).

При наложении контрастного акцента семантика индивидуализации понижается, а семантика типизации увеличивает свой вес — т. е. имя приобретает значение неспецифической неопределенности, близкое к генерализации. *Я вижу женщину* (а не мужчину) — здесь важна принадлежность к классу.

Вторым лингвистическим фактором, определяющим введение контрастного парадигматического ударения, является фактор, который условно можно назвать общей семантикой высказывания. На этот фактор обычно внимание не обращалось. А именно — считается, что контрастное парадигматическое ударение может быть наложено на любое слово высказывания и ограничения могут идти только от контрастоспособности данного класса лексем (см. выше). Как мы утверждаем, это не только так: одно и то же слово может в рамках одного высказывания принимать контрастное парадигматическое ударение, в рамках другого — нет; в некоторых высказываниях могут быть выделены все слова, в других — часть слов, в третьих — ни одного слова.

Например, *Я не могу быть несчастлив оттого, что презренная женщина сделала преступление; я только должен найти наилучший выход из того тяжелого положения, в которое она ставит меня.*

Слова, для которых возможно наложение контрастного ударения со значением «а не»: *я; презренная женщина; найти; наилучший; того; тяжелого; она; меня.*

Слова, при акцентировании которых только усиливается их значение, но контраста не возникает: *могу, быть, несчастлив, должен.*

Слова, для которых наложение контрастного акцента звучало бы ненатурально: *сделала, преступление, только, выход, положения.*

Между тем, в других высказываниях для ряда этих слов допустимо введение контрастного ударения: *Нужно быть, а не становиться; Это не шалость, не игра, не розыгрыш, это — преступление; Вы ошиблись, вот выход, вход — рядом.*

Несомненно, что будущее внимательное изучение смыслового влияния на контрастоспособность лексем, взятых в системе, их модификации в рамках коммуникативных единиц, создаст более четкие модели коммуникативных смысловых единиц — высказываний.

Существенно только, что распределение этого акцента не определяется непосредственно типом определенности имени ⁷².

3. Контрастное ударение синтагматическое

От контрастного ударения парадигматического этот тип ударения отличается следующими признаками:

1) все члены противопоставления должны быть представлены в тексте;

2) все члены противопоставления отмечены этим ударением (а не один из них, как в предыдущем случае, когда введение в текст остальных лишь уточняет набор;

3) контрастное синтагматическое ударение не может наслаиваться на «нормальное».

При восприятии первого из них становится очевидным, что коммуникативная фраза не кончена. Этим контрастное синтагматическое ударение отличается от выделения темы и от подчеркивания.

Как и контрастное ударение, парадигматическое, данный тип ударения безразличен к определенности — неопределенности имени. Например:

Для отца каждый пустяк в тягость, а ради какого-то друга не жалко и родного ребенка.

У вас в городе рай и тишина, а по другим городам — содом.

Над чем товарищи просиживали по целому занятию, он приготавливал в полчаса.

Ветер свободно носился над морем, тучи были неподвижны.

Наталья Петровна еще спала, а Петр Софронович уже брился во дворе на завалинке.

О коряках рассказывают много хорошего, о тунгусах еще больше.

Если контрастное парадигматическое ударение, как мы указывали, не влияет на членение предложения, а как бы накладывается на него сверху, то контрастное синтагматическое ударение, несомненно, оказывает такое

⁷² Важно провести детальное исследование семантики глагола-предиката в его отношении к статусу имен в высказывании. Для болгарского языка на такую связь указывает В. Косеска-Тошева (*Koseska V. Uwagi o tzv. kategorii okrešloności. — Rocznik slawistyczny, t. XXCI, 1970, cz. 1*).

влияние: выделенные компоненты являются темами соответствующих высказываний.

Если парадигматическое контрастное ударение модифицирует тип неопределенного имени, повышая вес генерализации в его семантике, то контрастное синтагматическое ударение вообще не может быть наложено на специфическое неопределенное имя в единственном числе — оно становится либо определенным, либо генерализованным.

Например, *В прошлом году я купил шляпу, после, уже сейчас, жена купила пальто* → *Ш л я п у я купил в прошлом году, п а л ь т о — уже сейчас.*

В комнату вошла женщина. Из сеней вышел старик → *Ж е н щ и н а вошла в комнату, с т а р и к вышел из сеней.*

С о б а к а любит хозяина, к о ш к а — дом.

См. выше *о коряках . . . о тунгусах*. Здесь выступают коряки и тунгусы «вообще», т. е. объекты, близкие к генерализованным.

4. В ы д е л е н и е т е м ы

Этот тип акцентного выделения отличается тем, что внимание слушающего сосредоточивается на одном объекте, наличие сопоставленных ему объектов (в тексте или вне текста) не предполагается. Выше его семантика определялась как «а что до», при этом возможны и два, и более последовательных выделения темы, однако во всех случаях выделение темы есть как бы ответ на вопрос собеседника.

С о л н ц е только еще встало, в е с н а только еще начиналась.

Е щ е у т р о м имел я угол и кусок хлеба.

З а в т р а должен я буду оставить дом, где я родился.

Н е б о над нами тоже было темно, л у н ы еще не было.

Д о ж д ь стих. Но еще толпились в горах тучи.

Примечательно также, что и этот вид ударения не может быть наложен на неопределенный конкретный объект (неопределенный объект типа *Я увидел во дворе козу*), в этом случае он становится определенным — *К о з у я увидел во дворе*. Ударение темы может быть наложено на неспецифическую неопределенность (*какой-нибудь, любой*), и на генерализованный объект.

Пойди в город. Т е т р а д к у ты легко подыщешь в любом киоске.

Собака всегда приходит на помощь хозяину. С о б а к а не выдает.

5. У д а р е н и е п о д ч е р к и в а н и я

Как уже упоминалось выше, этот тип выделения — более редкий, чем предыдущие — имеет место в тех случаях, когда голосом подчеркивается одно слово, а противопоставляется (выделяется) вся ситуация в целом. При этом налагаются дополнительные оттенки пояснения и подчеркивания, что выбран именно этот объект ⁷³.

Молчу. В вашем присутствии ведь говорить громко нельзя: в г а з е т у тиснете.

Снова час и сорок минут я читал книгу. Потом опять пауза: п е ч ь испекла.

Как же так? Ведь ты д о к т о р о м хочешь быть.

Пока никто еще не хвалил и не бранил писателя, хвалил или бранил его на удачу — б а р о н Б р а м б е у с.

Так зачем же ты ему служишь? Зачем? Да, ведь о т е ц мой ему служил.

Дом как будто бы неплох: к о м н а т ы большие.

Этот тип выделения так же может налагаться на имена неопределенного и определенного объекта. В отличие от трех предыдущих типов, в данном случае возможно и выделение специфического неопределенного объекта.

— Ты что улыбаешься? — Д е в у ш к у к р а с и в у ю на улице встретил.

5

Тип акцентного выделения имени и само наличие такого выделения, рассмотренные в отношении к признаку неопределенности—определенности имени, как указывалось выше, связан и с тем, выступает ли имя в высказывании изолированно, или сопровождается артиклеобразным элементом. Существенно также и сочетание типа имени с особыми акцентирующими частицами (см. выше о *даже*).

⁷³ Выше указывалось, что подчеркиванию может подвергаться и хорошо известный определенный объект: *Tatinek jde*. Р. Харвег вводит еще и дополнительные параметры — часто обсуждаемый или недавно обсуждаемый объект. В этих случаях увеличивается вероятность его безударности (*Harweg R. Nachfolgeradjektive. Folia linguistica, 1969, t. III, № 3/4*).

При этом важно получить ответ на целый комплекс возникающих проблем, наиболее существенными из которых мы считаем следующие:

1) отличается ли тип акцентной структуры словосочетания в тех случаях, когда сопровождающий имя компонент выполняет артиклеобразную функцию, или акцентное выделение с этой функцией не связано (см. о лексеме *один* в начале этой главы?);

2) оказывается ли возможным наложение всех пяти рассмотренных типов акцентного выделения на сочетания имени с артиклеобразными и акцентирующими компонентами?

3) как сочетается вид акцентного выделения в этих случаях и тип признака определенности—неопределенности, передаваемый данным именем?

4) как соотносится схема акцентного выделения изолированных имен и имен, сопровождаемых артиклеобразными и акцентирующими показателями?

Рассмотрению подлежат: А. сочетания с неизменяемыми акцентирующими компонентами: *только, же, ведь, еще*; Б. сочетания с артиклеобразными изменяемыми компонентами поля неопределенности: *один, какой-нибудь, какой-то, какой-либо*.

Сочетания с *только*

Поскольку предмет рассмотрения в нашем случае составляют лишь сочетания с именами, анализу не подлежат сочетания *только* с другими частями речи, а также те случаи, когда *только* относится к высказыванию в целом. Вне анализа оказываются и фразеологические сочетания с *только*.

Таким образом, исключаются комбинации типа:

Вы бы только посмотрели, что он за письмо мне прислал.

А баба только кланялась и лезла за пазуху, где у ней лежали четыре яйца — только относится к безударному глаголу.

Тяжелый шорох волн, мертвый и однообразный, только подчеркивал недобрую настроженность тишины.

Мария Николаевна была уже на склоне, а муж ее только расцветал — только относится к ударному глаголу.

Из нее еще можно сделать все. Только надобно ее, пожалуй, вырвать из семейства.

*Я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу,
Чтоб хороша была красавица*⁷⁴ — только относится ко
всему высказыванию.

В сочетании имени с *только* обнаружены (в изученном
нами материале) следующие закономерности комбинации
акцентного выделения и определенного—неопределенного
имени.

Н о р м а л ь н о е ударение на имени. Соответ-
ствует именам неопределенным специфическим, именам
неопределенным неспецифическим, именам неопределен-
ным, соответствующим некоему абстрактному качеству.

*В настоящем труде они не найдут сплошного изложе-
ния всех событий, а только ряд эпизодов.*

*Ему было неловко вспомнить о надеждах, связанных
с молодым человеком, который оставил в памяти только
виноватую улыбку.*

*Недавно я смотрел на небо, а на нем ничего не было,
только белые полосы.*

*Она низко надвинула платок и видела из-под него только
крупные кусты картошки.*

*С собою Теркин захватил только маленький чемоданчик
да узел.*

Тихо на улицах. Только снега, одни снега.

*Звуки, похожие на заглушенные крики зайца, только
тоном выше.*

У ног твоих жду только приказанья.

*Ему было совестно раздеваться при старухе. Он снял
только сапоги.*

Я чувствую, что вокруг меня только туман.

*Она-то и есть настоящая злодейка, а дифтерит —
только ее сообщник.*

Во весь этот день я съел только несколько семечек.

В приведенных примерах имя отмечено нормальным
фразовым ударением и специально не выделено. Поэтому
не будет справедливым утверждать об абсолютности вы-
деления имени в сочетании с *только*. В принципе во всех

⁷⁴ Эти виды *только* (совпадающие по функции и дистрибуции
в восточнославянских языках) кратко перечисляются в книге:
Киселев И. А. Частицы в современных восточнославянских языках.
Минск, 1976, с. 20—25. — О частицах *только, же, один*, а также
о не анализируемых нами других акцентирующих частицах см.:
*Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном рус-
ском литературном языке.* АКД, Л., 1974.

этих фразах возможно специальное выделение самой лексемы *только* (в этих случаях смысл высказывания не меняется). Возможно специальное конкретное усиление имени или сопровождающего его прилагательного. Однако в этом случае факультативность этого вида выделения обеспечивается специальной коммуникативной установкой, не определяющейся непосредственным содержанием высказывания. *Он съел только несколько семечек* (очевидно, нужно было съесть их много).

Итак, нормальное ударение связывается с неопределенным именем в указанных разновидностях.

Необходимо заметить, что возможно и безударное включение в текст неопределенного имени с *только*.

Она видела из-под него только хрупкие кусты картошки и землю, покрытую тонкими морщинками.

Он снял только сапоги и укрылся овчинным тулупом.

Звуки, похожие на заглушенные крики зайца, только тоном выше и много слабее.

Но в случаях подобного типа существенно обратить внимание на то, что в примерах с безударным *только* и в примерах с *только* под нормальным фразовым ударением, как это можно видеть, имеет место неясность в разбиении высказывания на словосочетания: спорно, относится *только* к имени или к глаголу:

Теркин захватил / только маленький чемоданчик да узел или

Теркин захватил только / маленький чемоданчик да узел.

Она видела из-под него только / хрупкие кусты картошки да землю или

Она видела из-под него / только хрупкие кусты картошки да землю.

Контрастное ударение. Ударное имя в сочетании с *только* предполагает иную содержательную трактовку. . .

Прежде всего эта структура близка к той, которую представляет контрастное ударение вообще: выделяемое имя соотносится с некоторым известным и перечислимым набором актантов.

При этом возможно эксплицитное перечисление этого набора в самом тексте.

В этом случае обычно представлено определенное имя, т. е. единичный объект, противопоставленный остальным членам набора:

Все соседи на нашей лестнице радовались за Полину, и только жена капитана не разговаривала с ней.

Они напевали. Тоня была русская, из Нарвы, и Кристина научила ее только напеву латышской песни.

Она раздела его, уложила. И только глаза ее осуждали.

Все уже встали. И только старуха дремала на лавке.

Но все-таки большая часть товарищества уважала его, и только меньшинство ненавидело и боялось.

К этой группе примыкает и анафорическое подчеркивание кореферентного местоимения.

Он всегда думал, что это совсем особенное, только ему свойственное ощущение.

Особенности художника принадлежат только ему — они составляют часть его собственной природы.

Акцентированное неопределенное имя в сочетании с только имеет три воплощения.

1) Только множественное число — для существительных неопределенных специфического значения.

При жизни его в доме у нас только мухи жили свободно.

Никакой радости письмо не сулило, в нем могли быть только упреки и жалобы.

Он любил только коней и ничего больше.

Хвалить такие стихи можно только дуракам.

Во двор господского дома пускались только избранные.

2) Абстрактные имена в значении «вообще» — в единственном числе.

Неужели в жизни должно быть только горе?

И, видя это, все хотят им только счастья.

Только правдою можно было получить от него все.

Летом зной, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме ветра.

3) Имена генерализованного значения.

Только сердце нежной матери, желающей приданого дочерям, может изобрести все средства.

Только женщина способна на такой подвиг.

Таким образом, существенным является исключение неопределенного имени в единственном числе и специфическом значении: *кто*, став ударным, делается

либо определенным, либо генерализованным, либо неспецифическим.

Характерно, что ударные имена с *только* не допускают синтагматического контраста, ударения темы и ударения подчеркивания. Это объясняется ограничительным значением *только*.

В рамках актуального членения предложения сочетания с *только* могут входить и в состав темы:

Только маленький мальчик / чувствовал себя свободно, и в состав темы: Чувствовал себя свободно / только маленький мальчик.

Сочетания с *же*

Специфика этой частицы — во включении предупомнутости в состав семантики. *Же* предполагает либо тождество, либо противопоставление⁷⁵. И в первом, и во втором случаях существует первоупомнутое имя, по отношению к которому нечто утверждается⁷⁶.

Пример *же* отождествительного:

Человек неумолим, и он же так способен извинять, так снисходителен.

Вот выдвижное зеркальце, оно же пудреница, оно же кошелек.

Же противопоставительное:

Сергей по натуре — мечтатель, он весь в будущем. Семен же любит жизнь такую, какая она есть.

— *Страстно люблю архитрав и карниз.*

— *Я же — дорический орден.*

В собственно просодическом аспекте имя с *же* приобретает два вида акцентного выделения — акцент подчеркивания при *же* отождествительном, синтагматический контраст — при *же* противопоставительном.

⁷⁵ И. А. Киселев считает *же* в основном усилительной частицей, подчеркивающей слово логически. Отождествительную функцию он считает нетипичной, а сочетание с существительным или прилагательным — редким (Киселев И. А. Указ. соч., с. 129).

⁷⁶ По отношению к актуальному членению высказывания *же* отождествительное демонстрирует тождество темы при новой реме, в отличие от ударного *тоже*, подчеркивающего тождество ремы при новой теме (см. об этом Богуславский А. К. вопросу о вторичном обозначении определенного содержания в русском сводном тексте. — Филологические науки, 1969, № 6).

Как и в предыдущих случаях, имена определенной дескрипции могут входить во все сочетания с *же* и принимать все виды акцентного выделения.

Из категорий неопределенного имени акцентированному сочетанию с *же* принадлежит генерализованное имя: (*Мужчина обычно идет напролом, же н щ и н а же всегда старается отыскать лазейки*); имя неопределенное неспецифическое (*Ты очень долго пришиваешь воротник. Же н щ и н а же сделала бы это вдвое быстрее*). Может показаться, что специфические неопределенные имена также могут входить в акцентированные сочетания с *же* (*Пойду куплю себе тетрадь. Р у ч к у же куплю завтра; Розы уже отцвели, г л а д и о л у с ы же расцвели очень пышно*), однако, по нашему мнению, оба имени входят в некий либо вытекающий из текста, либо подразумеваемый комплекс предупомянутости — часто с ограничивающими локализаторами времени и пространства (*у нас в саду, вчера вечером* и т. д.).

Сочетания с *ведь*

Семантика *ведь* состоит в обращении высказывания в факт уже известный — *ведь* напоминает и одновременно утверждает: *Он же глуп*, кажется очень близким по смыслу к *Он ведь глуп*, однако в первом случае может предполагаться и незнание собеседником утверждаемого факта. *Ведь* может относиться ко всему высказыванию, не выделяя его отдельного компонента.

Ведь любовь пройдет — это уж пошлая истина. Ведь может при этом выполнять дополнительную функцию — выделения.

Б у м а г и, ведь, не мои, а казенные. Это выделение может создаваться разными способами: а) постпозицией *ведь* по отношению к имени — *Я ведь в молодости выписной красавец был*; б) графическим отделением существительного (с неизбежной паузой) *Ведь Летний сад — мой огород. Я в нем дома*; в) добавлением к имени других усилительно-выделительных частиц — *Ведь жених-то красавец и богач*; г) помещением имени в позицию перед обособлением или придаточным — *Что ты про Машу ничего не пишешь? Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи*; д) конечным отделением имени — *Нельзя не ворожить — барин ведь*. Однако, в отличие от сочетаний с *только*, *ведь* в высказывании всегда относится и

к пропозитивному факту в целом. См. различие: *Только / он не хотел этого* и *Только он / не хотел этого*, с одной стороны, и *Он ведь не хотел этого* и *Ведь он не хотел этого*, — с другой.

Верно, что в первом случае *он* оказывается акцентно подчеркнутым. Но, как мы считаем, в случаях такого рода на общее значение *ведь* наслаивается д о п о л н и т е л ь н о е значение контрастного подчеркивания.

Таким образом, *Он ведь не хотел этого*, по нашему мнению, равно: *Ведь / он не хотел этого* + *Он* (т. е. именно он, а не кто-то другой).

Эта, более цельная, семантика *ведь*, очевидно, и способствует большей свободе акцентной трактовки высказываний с *ведь*.

См. *Не подходите ко мне: ведь моя болезнь заразительная*.

Не подходите ко мне: ведь / моя болезнь заразительная.

Не подходите ко мне: ведь моя болезнь / заразительная — выделение темы.

Не подходите ко мне: ведь моя болезнь зара- зительная — выделение подчеркивания, со значением «именно».

Не подходите ко мне: ведь м о я б о л е з н ь (прикос- новение) заразительная — выделение контраста парадигматического.

Не подходите ко мне: ведь м о я болезнь заразительная, а в а ш а — безопасная — выделение синтагматического контраста.

Категория определенности — неопределенности не модифицируется этой частицей. Имена неопределенной дескрипции специфические могут вводиться в высказывание с *ведь*, относящимся только ко всему высказыванию: *Ведь я встретил сегодня красивую девушку*; при выделительном значении *ведь* неопределенные специфические имена не теряют своей категориальной принадлежности, но получают акцент подчеркивания: *Ведь к р а с и в а я д е в у ш к а мне сегодня встретилась*.

Остальные неопределенные имена подчинены той же закономерности: *Ведь д о к т о р о м хотел стать*; *Ведь к н и ж к у хотел купить*; *Ж е н щ и н а ведь всегда что-нибудь придумает*.

Различие в числе у неопределенных имен в данном случае нерелевантно ⁷⁷.

Сочетание с *еще*

Акцентно-просодическая структура словосочетаний имени с *еще*, рассмотренная с точки зрения передачи значений определенности—неопределенности, демонстрирует картину, обратную той, о которой говорилось в начале раздела. А именно: имена неопределенные — без выделения.

Рассмотрим тот фрагмент содержательной структуры *еще*, который становится очевидным при анализе сочетаний с именем. Последняя оговорка существенна, так как *еще* может, как и другие акцентирующие частицы, относиться ко всему высказыванию, а также вступать в сочетания с другими частями речи — чаще всего с глаголом — сказуемым и наречием.

В некоторых случаях возникает двусмысленность трактовки: *По семье тоскуете? — К этому привык. Еще заботы есть.* (Есть еще заботы, помимо других забот или есть заботы, помимо незабот); *Дергач поздно свил в лугу гнездо, и в покос еще самка сидела на яйцах* (из-за опоздания сидели две самки или сидела еще в покос, когда нужно было прекращать); *Не сетуй, к трону есть еще дорога* (одна дорога к трону уже не оправдала себя или есть одна дорога, но по ней еще можно идти).

Функция *еще* при имени — не выделительная, а классификационно-причислительная. Объект вводится в некий класс, в рамках которого он не составляет никакой специфики. Из этого легко вытекает, что *еще* есть некий оператор, формирующий неопределенное имя. В рамках этих сочетаний возможно употребление имени неопределенного специфического, неспецифического, экзистенциально-копулятивного, но — не генерализованного.

В сочетаниях с *еще* неопределенное имя становится безударным (по сравнению с *еще*, которое принимает на себя сильное ударение — на наш взгляд, подчеркивания

⁷⁷ Эта свобода в введении всех типов неопределенных имен в высказывании с *ведь* кажется странной, если считать, что *ведь* всегда указывает на связь с ранее высказанным. Представляется, что *ведь* в современном языке приобретает значение, близкое к союзу с усилительно актуализаторской семантикой причины.

в тех ситуациях, когда добавляется некий X_n к цепочке X_{n-1} , когда же X добавляется к Y , он становится ударным. В копулятивных сочетаниях *еще* тоже безударно.

При безударном — по отношению к *еще* — неопределенном имени — оно может оставаться в высказывании абсолютно безударным, но может попадать в ситуацию нормального фразового ударения. Последнее особенно характерно для экзистенциально-копулятивного имени (лексически эта группа имен ограничена):

Когда Екатерина Дмитриевна выходила замуж, Даша была еще девочкой.

Воспоминание о той весне, которую я провел там, будучи еще восьмилетним мальчиком.

Он вспомнил довоенные годы, себя еще рабфаковцем.

При неопределенном специфическом имени ударность *еще* несомненна:

Серый хребет, Черные горы, еще хребет и, наконец, снежные горы.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый.

Еще человека в Чехи послать надо, — сказал Хаджи-Мурат.

Еще признанья пан гетман требует.

Но в чем? Давно признался я во всем.

Он зачерпнул еще пригоршню ягод.

Еще стакан чаю, товарищ полковник.

Покамест у меня еще поэма готова или почти готова.

Потом опять пауза — печь испекла, вынули хлебы, посадили другие, замесили еще тесто, поставили еще опару.

Однако во многих случаях восприятие текста не дает возможности точно определить, вводится ли специфическое неопределенное имя как X_n по отношению к X_{n-1} или как X по отношению к Y — напоминаем, что в последнем случае ударным становится имя. *Еще стакан чаю* (был уже чай выпит или это — добавление к обеду); *Нам предстояло пересечь ее и проехать еще километров сто* (если сто уже проехали, ударным становится *еще*, если проехали, но не сто — ударным становится числительное).

Поэтому для высказывания подобного типа характерно вставление артиклеобразного определения со значением неопределенности:

Возникли голоса Тани, Котляровой и еще чей-то женский голос.

Шум моря поглотил еще какие-то приказания командира дивизиона.

Самым частым является вставление лексемы *один*:

Там, кажется, начинается еще одна изумительная картина.

Еще одно крепкое рукопожатие, еще одно объятие — и нужно переходить на корабль.

Еще одно последнее сказанье — и летопись окончена моя.

При всех артиклеобразных вставках ударность словосочетания ослабляется; возможно контрастное ударение на *один* — это относится уже к содержательной трактовке словосочетаний с *один*, которое в таких случаях выступает как числительное. Подобная модификация обычно бывает текстуально маркирована (о сочетаниях с *один* см. ниже).

Обратимся к сочетаниям с определенным именем.

Еще ужин не был подан, когда в залу вошла девушка.

В те дни, как Пресненское поле / Еще забор не заграждал.

И Аполлона лира еще согласьем дух поэта веселит.

А то еще каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растет.

Есть у меня еще бабушка в другом уголке — там какой-то клочок земли есть.

Ср. с этим генерализованные высказывания типа:

Еще женщина всегда что-нибудь придумает.

В высказываниях этого типа *еще* не относится к имени и не входит с ним в сочетания.

Мы утверждаем, что и в перечисленных выше примерах *еще* не относится к имени, а сочетается с ситуацией в целом. Выделение же имени характерно именно для такой коммуникативной установки, когда ситуация описывается как таковая (см. в начале: *Стакан разбился, а не окна зазвенели*). При установке этого типа возможны имена всех дескрипций, однако *еще* просодически остается в стороне от имени:

Еще / п а л ь т о я себе искал.

Еще / ф о т о а п п а р а т тогда мне подарили.

Еще / в р а ч о м я тогда работал.

Еще / э т о т ч е л о в е к пришел не вовремя.

Еще / м о я м а т ь заболела⁷⁸.

⁷⁸ Разумеется, эта трактовка спорна, если обратиться к сочетаниям временного характера — *еще Наполеон, еще Святослав*,

Таким образом *еще* не сочетается просодически с определенным именем и именем в генерализованном высказывании. Акцентно-содержательная структура сочетаний с *еще* кажется обратной структуре словосочетаний с *только*⁷⁹.

Сочетание имени с *какой-нибудь*, *какой-то*,
какой-либо

Не описывая различия в употреблении этих местоименных артиклевых сопровождений — а различия между ними существуют как отчетливые, так и очень тонкие — важно отметить их общее свойство: вводить сопровождаемое имя в некий класс предметов; при этом на первый план может выдвигаться безразличность выбора (*-нибудь*), повсеместность распространения признака (*-либо*), полужизвестность объекта (*-то*).

В сочетании с именем *какой-то* создает неопределенность специфическую (без введения этого компонента во многих случаях стало бы определенным), *какой-нибудь* и *какой-либо* — неопределенность неспецифическую⁸⁰. В со-

еще моя бабушка и т. д., где как бы несомненна связь *еще* с именем. В таких случаях, как кажется, реализуется некоторая застывшая обстоятельственная модель, несопоставимая с словосочетаниями типа *еще картофелину*.

⁷⁹ По функции — относиться к неопределенным именам — частица *еще* может быть противопоставлена и не описываемой нами частице *вот*, всегда связывающейся в тексте с детерминированными именами; интересно, что при этом они бывают непременно выделенными (см. об этом: Ревзин И. И. Структура языка как моделирующая система). Однако, как нам кажется, возможно и сочетание *вот* с генерализованным неопределенным именем — *Вот подлец бы этого не сделал!*

⁸⁰ Различие в семантике этих местоимений связано и с типом глагольного сказуемого — * *Ко мне пришла какая-нибудь старушка*. Л. Дончева предлагает различать проспекцию и ретроспекцию в значении сказуемого. В первом случае болгарские местоимения переводятся через русский эквивалент с *-нибудь*, во втором — с *-то*. (Дончева Л. Руските неопределителни местоимения и наречия от типа *-то*, *-нибудь* (*-либо*), *ни было* и техните еквиваленти в български език. — Български език, 1970, ч. XX, кн. 5). В Косеска обращает в этой же связи внимание на влияние на выбор неопределенного местоимения времени русского глагола — в болгарском языке этой зависимости нет (Koseska V. Указ. соч.).

четании с определенными и собственными именами этот модификатор придает значения типа, класса — «такого как» (какой-нибудь): *С восторгом прочитавши какую-нибудь «Анну Каренину», он опять принимался за статьи по общим вопросам, или значение полуживости (с пейоративным оттенком) — какой-то: Живет она где-то в какой-то Матросской улице, в небольшом неуклюжем домике.*

Во всех случаях сочетаний с именем особого типа акцентного выделения не возникает. Словосочетания этого типа чаще, чем неопределенные имена без сопровождения, могут быть помещены в безударное начало высказывания:

Какой-нибудь пиит армейский / Тут подмазнул стихок злодейский.

Какие-то странные звуки доходили до меня.

Какой-то человек в белой фуражке и в костюме из дешевой серой материи разговаривал о чем-то с Дымовым.

Начнет она рассказывать о каком-нибудь страшном приключении с нею на дороге, я спрашиваю ее. . .

И если произносил какое-либо суждение или замечание, то оно было и дельно, и веско, и очень кратко.

Чувствуется какое-то изнеможенное бессилие и беспричинная степная апатия.

В позицию нормального фразового ударения:

Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.

Кошанский попросил его прочесть какое-либо стихотворение.

Белый свет лег на руки, торопливо искавшие какой-то мешочек.

Парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла какая-то старушка.

Таким образом, эти сопровождения входят в зону неопределенности. Сам этот сопроводитель может сопровождаться конкретным ударением, тогда подчеркивается и индивидуализируется его семантика: *Не к а к а я - н и б у д ь, а настоящая, природная барышня.*

В сочетаниях с этими сопровождениями оказывается возможным наложение:

ударение темы — *Какие-то п т и ц ы / неумолимо кричали вокруг.*

Ударение подчеркивания — *Душа здесь у меня каким-то г о р е м сжата.*

*И бури немолчному вою / С какой-то радостью
внимал.*

На потолке какой-то призрак бродит.

Оба контрастных ударения не представляются в данном случае возможными.

Сочетание с лексемой *один*

Как уже указывалось в начале статьи, именно сочетание имени с лексемой *один* послужило основанием (в рамках разного языкового материала) для более пристального внимания к акцентной модели словосочетаний. В самом упрощенном виде эта модель трактуется следующим образом: ударение в словосочетании падает на *один* — словосочетание есть словосочетание имени с числительным; ударение падает на имя — *один* выступает в артиклевой функции.

Однако в русском языке семантика словосочетаний с *один* гораздо сложнее — и это манифестируется в сложности и многообразии реализуемых акцентных моделей⁸¹.

Русская акцентно-семантическая структура словосочетаний с *один* не совпадает не только с принимаемой за образец моделью немецкого языка, но и с моделями славянских языков, в особенности славянских языков БЯС⁸².

В формировании акцентно-семантических моделей словосочетаний с *один* участвует не только тип лексемы, но и семантическая структура остальной части высказывания — т. е. именно те ограничивающие языковые факторы, которые упоминались в начале данного раздела.

При анализе словосочетаний имени с *один* существенно разграничивать три совокупности фактов: 1) размещение ударения и его тип внутри именного словосочетания,

⁸¹ Проблема полного описания акцентно-семантической структуры словосочетаний шире не только проблемы статуса имени в высказывании, но и вообще вопроса об именных сочетаниях. Опыт полного описания функций этой лексемы см. в статье: *Мишина К. И.* Значение и употребление слова «один» в русском языке». — Учен. зап. МГПИ, 1960, вып. 148.

⁸² Некоторые данные об употреблении этого слова в украинском и белорусском языках см. в книге И. А. Киселева (Указ. соч.), в частности, указание на наличие в белорусском языке специфической частицы *адно*. О слове *један* и его артиклевом статусе см. подробную статью М. Ивич: *Ивич М.* Лексема *један* и проблем неопределенног члана. — Сборник за филологију и лингвистику, XIV/I, Нови Сад, 1971.

2) возможность / невозможность дополнительного наложения на эту модель одного из акцентных выделений, 3) иерархия контекстной маркированности каждой акцентно-семантической модели.

Исходными моделями служат: *один + S*; *один + S*; *один + S*; *один + S*, где одна черта показывает слабое выделение, две черты — сильное акцентное выделение.

1. Соответствуя общераспространенной гипотезе, *один + S* соответствует артиклеобразному употреблению *один*⁸³. Во всех этих употреблениях имя выступает в значении специфической неопределенности:

Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери.

Я был поражен еще необыкновенным сходством, которое Вы имеете с одной женщиной, мне когда-то знакомой.

Я сегодня подала грош одной нищей.

Там меня одна болгарка ножом ударила в грудь.

Я только что кончил курс учительской семинарии и отправился на лето на урок к одному помещику.

Тут, сударыня, одна полоумная попрошайка все тащется.

Генерал решил не ехать домой, а захватить к одной знакомой даме.

Мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в пределах специфической неопределенности, не все лексемы могут вступать в сочетания с *один*: как представляется, сфера действия этого слова — слова обобщенно-родового значения (*человек, знакомая, старушка, операция* и т. д.); маловероятны высказывания типа **Съел я вчера одно я б л о к о*; *Я купил одну т е т р а д к у* — здесь повышение обобщенности будет обеспечено добавлением слова *такой*, отчего конструкция приобретает сравнительное значение (*одно такое яблоко*); не добавляют *один* в этом значении и имена неотчуждаемой принадлежности и им близкие; (однако, точные грани установить трудно —

⁸³ К. И. Мишина (указ. соч.) считает *один* в этой функции неопределенным местоимением. Разумеется, считать его подлинным артиклем было бы бездоказательно. И. И. Ревзин, описывая подобные артиклеобразные функции *этот* и *тот*, пользуется термином «местоимение-артикль».

Я купила одну книжку, но *Я съела один помидор). Причина этого, как кажется, коренится в изначальном текстовом функционировании таких словосочетаний с *один* — *Жил-был один царь* в качестве компонентов инициальных высказываний с ожидаемым дальнейшим развертыванием. Специфика законов нарративности ограничивает набор лексем при *один* ⁸⁴.

2. Сочетание *один* + *S* соответствует числительному ⁸⁵.

Стой! Пали. Пусть каждый сбросит / Черного рца одного.

Отец мой имел дело с одним бородачем, а я — с тысячами.

С одного вола две шкуры не дерут.

Он вытащил пачку денег, одну радужную бумажку положил обратно в карман, а все остальные кинул Гавриле.

Каждый народ выражает собою одну какую-то сторону жизни человечества.

Его сопровождала свита из четырех миссионеров, из которых двое были испанские монахи, один француз и один китаец.

Одной бедой не кончилось.

Чуть справились с бесхлебицей — / Рекрутчина пришла.

Таким образом, в пределах одного высказывания вполне возможно сочетание с *один* разных типов:

А я в то время уж успел тиснуть в одной маленькой газетке рассказ с двумя убийствами и одним самоубийством ⁸⁶.

⁸⁴ По интересному мнению А. Вежбицкой, такие инициальные фразы не есть собственно фразы, в них присутствует элемент раскэчика -ja, а затем *Pewien król miał syna.* (*Wierzbicka A. Dociękania syntantyczne. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, с. 150*).

⁸⁵ См. у З. Хлавса — если *jeden* числительное, то на нем *důraz*. *Jeden* — есть средство специфической неопределенности. *Jedenu jakýsi* по функции эквивалентны, но степень знания говорящего в первом случае положительная, во втором — отрицательная (*Hlavsa Z. K protikladu určnosti v češtině*).

⁸⁶ Однако на своеобразии акцентной модели числительного во множественном числе обращалось неоднократно. Так, М. И. Чураева считает, что поскольку во множественном числе числительное безударно, то указание на неопределенность — определенность здесь отсутствует (*Чураева М. И. К вопросу о неопределенности имени существительного. — Учен. зап. Горьковского Гос. пед. ин-та иностр. яз., 1967, вып. 32*); Р. Харвег, говоря о немецком языке, считает, что безударным не в единственном числе существительное будет не при всяком числительном, а примерно до 6.

3. Сочетание один + S характеризуют два типа лексем и, соответственно, два типа значений словосочетания.

S_1 — выражает имя конкретного значения, чаще всего, лексемы с семантикой совместного пребывания — в широком смысле, *Noten loci*.

Будете жить со мной на одной квартире.

Шум в трактире сливался в одну ноту.

Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем.

С тех пор, как я стал себя чувствовать, мы жили с нею одною жизнью, совокупно радовались одними и теми же радостями.

Замечено, что медведь, живя долгое время в одном месте, ходит на жировку одной и той же тропой.

S_2 — носитель абстрактного значения, в этом случае словосочетание приобретает значение «только это и ничего больше», конкретные имена, помещенные в эту схему, также приобретают это абстрактное значение.

У них и маменька. Одна серьезность и строгость.

Лесная трава мягкая и жирная, косить ее одна забава.

Что в сердце вашем я нашла? / Какой ответ? Одну суровость.

Сытому и одетому — мороз одно удовольствие.

— Хорошее именище? — Дрянь совершенная: один песок.

Привык он тучи видеть под ногами, / А над собой один лазурный свет.

Он отвечал ей одной улыбкой.

.. И вместо роз, / Один растопленный навоз.

4. Сочетание один + S.

Это сочетание ограничительного характера, в группу лексем входят имена собственные, имена определенной дескрипции, местоимения, имена генерализованного значения, имена неопределенные специфические во множественном числе, имена неопределенные специфические в единственном числе.

Поэтому *Ich habe gestern zwölfe Eier gegessen* (*Harweg R. Grundzahlwort und unbestimmter Artikel. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung, 1973, Bd. 26, Hf. 3/4*). По нашему мнению, требование акцентной последовательности у числительного при всех формах числа лишено целесообразности, так как во множественном числе нет конфронтации числительного с местоимением-артиклем.

Все спали или молчали. Одна Е л е н а не закрывала глаз.

Он не раз уверял нас всех, что одному е м у, Ф о м е, доверял он сокровеннейшие тайны своей души.

Хорошо ему было с одной К а т е й.

Все наши давно уже были во Владычине. Один п а п а, как всегда оставался в Туле.

И тут никому княгиня не жалобилась, с одной п о д у ш к о й горевала.

Золота мне не нужно, я ищу одной и с т и н ы.

И полно, свет, одну т е б я он любит.

Свобода! Он одной т е б я / Еще искал в пустынном мире.

Почвы тоже есть разные: там рядок в рядок, а там одни о г р е х и.

Любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один ч е л о в е к.

Если заря свободы восходит для всех, ужели одна ж е н щ и н а останется рабой?

5. Сочетание один + S.

В данном случае ограничительное значение сосредоточивается на слове один (один и только один), имя становится конкретным, приобретает значение определенности:

О д н о м у мужу надо жить с о д н о ю женою, с которой он обвенчан.

Бедный помещанный человек считал во всем мире только о д и н талант, только о д н о г о артиста, и этот артист, конечно, он сам.

Критика должна быть о д н а, и разносторонность взглядов должна выходить из о д н о г о общего источника, из о д н о й системы.

Странно, сколько лет ждали мы, чтобы Иванов кончил свою картину, свою о д н у картину и как-то мысль свыклась с тем, что о д н а только и будет картина от него.

Иметь влияние на симпатический круг гораздо легче, чем иметь влияние на о д н у женщину; проповедовать с амвона, увлекать с трибуны гораздо легче, чем воспитывать о д н о г о ребенка.

Сочетания о д и н + S не всегда имеют однозначную акцентную трактовку, контекст может представлять различные решения;

В людях, которых сильно и постоянно занимает одна мысль или одна страсть, заметно что-то общее, какое-то внешнее сходство в обращенье (одна мысль — не более или — одна и та же мысль?).

Она дала себе слово пройтись сто раз по одной аллее, и прошла сто раз (по какой-то аллее или по одной и той же?).

В моей ссыльной карьере была, между прочим, одна черта, которая, пожалуй, могла подать повод к сближению с толстовством (некая черта или — только одна черта?).

А в некоторых случаях многозначным является само синтагматическое членение высказывания:

Играли какую-то разудалую пьесу, живо, остроумно, изящно. Только одну арию, довольно скабрёзного содержания, героиня сопровождала уж очень сильными жестами (Только / одну арию . . . или только одну арию?).

Хотя значение лексемы *один* в артиклеобразной функции кажется для родственных языков типологически близким, в русском языке для *один* противопоставлены как раз те значения, которые М. Ивич (указ. соч., с. 120) считает характерными для *један*. Это — значения типового представителя (*Имао је лице једног Квазимоде*) и подчеркивания достоверности квалификации — *Ти си један безобразник*. В первом случае в русском языке возможно, со сдвигом значения, употребление *какой-нибудь*, *какой-то*, во втором — характерно употребление без детерминатива⁸⁷.

Маркированность контекста и маркированность лексем квалифицируется следующим образом: 1) значение числительного всегда определяется контекстом — явно или имплицитно; 2) в сочетании с именами собственными, местоимениями, определенными членами и конкретными существительными во множественном числе выступает ограничительное значение «только»⁸⁸; 3) имена абстракт-

⁸⁷ См. употребление неопределенного артикля во французском языке не в значении «какой-нибудь» («Какой-нибудь Петров»), т. е. партикуляризации, а «такой, как»: *L'Irlande moderne est riche d'écrivains. Un Jonathan Swift, un James Joyce, un Georg Russell, un Yeats et un Beckett, un Flaherty, un Padraig Pearcé n'ont fait que boire une gorgée de cette eau (Markale J. L'épopée celtique d'Irlande. 1971, p. 17).*

⁸⁸ К. И. Мишина (указ. соч.) включает в эту группу и существительные типа *Singularia tantum*.

ные со значением абсолютного воплощения («и ничего более») чаще всего выступают при предикате, особенно в бессвязочных предложениях (*Воздух — одно удовольствие*), для усиления оценочно-эмоционального момента в таких высказываниях часто употребляется инверсивный вариант (*Пыль одна стоит! Грязь одна!*); 4) при мене акцентного выделения у сочетаний *один* с именем неопределенным специфическим происходит самая отчетливая мена содержания: *Пришла одна старуха* → *Пришла о д н а старуха* (а не две) → *Пришла одна с т а р у х а* (только старуха, имя становится конкретным и определенным). Поэтому именно неопределенные специфические имена являются наиболее уязвимыми при изменении акцентной модели в их сочетаниях со словом *один*.

На сочетания со словом *один*, не меняя его акцентной структуры, могут наслаиваться все виды акцентного выделения, специфика состоит в том, что ударение должно в разных случаях располагаться то на имени, то на слове *один* (см. *Одному Петрову хорошо*, т. е. другим плохо, но — другим вообще или другим Петровым?).

6

Попробуем сделать некоторые выводы.

I. Непосредственной и прямой зависимости между определенностью — неопределенностью имени и акцентным выделением в безартиклевых языках нет⁸⁹.

Тип и семантика акцентного выделения определяются совокупностью особых синтактико-семантических категорий, характеризующих именно коммуникативный синтаксис, т. е. синтаксис высказывания.

Построить грамматику этих категорий, т. е. выявить

⁸⁹ Создается впечатление, что синтактико-семантические наблюдения последних лет успешно разрушают стремление свести все сложные и разнонаправленные коммуникативные оппозиции к одному однонаправленному пучку: т е м а, она же известное, она же неважное, она же определенное, она же определенный артикль, она же безударна, она же данное, р е м а — все обратные качества. См. в этой связи: *Dahl O. Topic-comment structure revisited.* — In: *Topic and comment. Contextual boundness and focus. Papiere zur Textlinguistics. Bd. 6. Hamburg, 1974* (статья, где подробно обсуждается лингвистическая наивность и иллюзорность такого подхода); *Шевякова В. Е.* Является ли артикль безусловным показателем данного и нового? — *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М., 1976.*

и набор и иерархию внутренних отношений — вот задача, решение которой явится ответом на вопрос о том, как же именно распределяются определенные и неопределенные имена в контексте. Эта, еще не построенная грамматика, грамматика линейных отношений, только отчасти базируется на акцентно-просодических средствах, в ее организацию входит и порядок слов, и набор особых «мелких» словечек типа частиц, союзов и т. п.

II. Внутри соотношения категории определенности — неопределенности с акцентными средствами выделения наблюдается неоднородность реакции имен обоого типа на наложение ударения. А именно — неопределенность представляется более сложной и тонко организованной категорией, чем определенность. Эти выводы согласуются с ранее высказывавшимися идеями о маркированности неопределенности, о ее ином текстовом поведении, с одной стороны⁹⁰, и о большей рациональности в рассмотрении неопределенности и определенности как двух особых категорий, а не как двух членов одной оппозиции, — с другой.

III. Внутри категории неопределенности, как выяснил конкретный анализ, выявляется расслоение: особенно специфичной является коммуникативная нагрузка имен специфической неопределенности. Дополнительно, внутри этого класса, наиболее уязвимыми оказываются имена в единственном числе⁹¹.

⁹⁰ Так, именно число неопределенных артиклей может служить мерой связности текста (*Ревзин И. И.* Структура языка как моделирующей системы). Т. В. Цивьян отмечает также, что «появление каждого нового объекта с *Art. ind.* является своего рода *Grenzsignale* более или менее законченных по смыслу отрезков текста. . . *Art. ind.* как наиболее отмеченного и связанного с особыми текстовыми ситуациями» (*Цивьян Т. В.* Морфо-синтаксические функции новогреческого артикля, с. 182 и 192). А именно — в тексте неопределенный артикль маркирован, он носитель «прединформации», поэтому число его появлений должно быть небольшим (3 : 1 по сравнению с определенным артиклем). См. об этом: *Weinrich H.* Textlinguistik. Zur Syntax des Artikles in der deutschen Sprache. — *Jahrbuch für internationale Germanistik*, 1969, Jg. 1, Hf. 1. — На специфику неопределенности обращает внимание и автор часто цитируемой статьи Н. Рейтер («у неопределенного артикля своя собственная сфера, он не имеет ничего общего с определенным артиклем» (*Reiter N.* Der Artikel in den Balkansprachen. — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1967, Hf. 1, S. 111).

⁹¹ Интересны в этой связи исследования И. И. Ревзина о роли числа в старославянских текстах. Множественное число, как ука-

1. Если рассматривать изолированные имена, то возможно следующее распределение акцентов выделения:

	Нормальное ударение	Контраст.-парадигматическ.	Контраст.-синтагматическ.	Ударение темы	Подчеркивание
Имена неопределенные специфические	+	-	-	-	+
Прочие неопределенные и определенные	+	+	+	+	+

Таким образом, выявляется крайне интересная вещь: имена неопределенные специфические в основном выделяются двумя видами акцентного выделения: нормальным и акцентом подчеркивания. Если обратиться к приведенному в начале описанию Д'Артаньяна, то станет ясно, что выделение нормальным акцентом ложится на имена неопределенные специфические. Они, как правило, располагаются в конце высказывания. Акцент же подчеркивания, как мы уже неоднократно говорили выше, есть знак «перевертывания» (в целях привлечения внимания) нормальной ситуации: *Спит бабушка; Начинается гроза; Пришел отец* и т. д.

Все это говорит о том, что обе ситуации в принципе сводимы к одной: специфическое неопределенное имя тяготеет к нормальному акценту. Более точно: 1) нормальным ударением характеризуется обычно конец высказывания; 2) повествование (описание) есть очень распространенный способ сообщения; 3) в повествовании часто вводятся специфические, т. е. конкретные, неопределенные имена; 4) по

зывает И. И. Ревзин, оказывается в большей степени связанным с определенностью (*Ревзин И. И.* Структура языка как моделирующей системы). Однако есть и иное мнение: А. Вежбицка, связывая неопределенность в первую очередь с экзистенциональностью (так же считает и И. И. Ревзин), видит в экзистенциональности связь в первую очередь с множественным числом (*Wierzbicka A.* *Dosiekania semantyczne*, с. 146—150). Возможно, что в примерах, подлежащих действию «закона Потемби», есть оппозиция не числа, но множественности / безличности.

правилу славянского порядка слов они обычно помещаются в конце высказывания; 5) таким образом, они связываются с нормальным ударением; 6) акцент подчеркивания есть как бы экспрессивный вариант сообщения; 7) поэтому (по законам экспрессивного синтаксиса) слово неопределенной специфической дескрипции меняет свое место и приобретает яркое ударение; 8) оба эти типа в коммуникации связаны с глобальным введением ситуации; 9) высказывания с контрастным ударением обоих типов и с ударением темы больше (в большей степени) включены в предшествующий текст, причем часто не глобально, а поэлементно (*Петр сделает это; Кошка — убежала* и т. д.).

2. В сочетании с акцентирующими частицами и артиклеобразными детерминантами имена неопределенные специфические могут либо сохраняться (+), либо терять свое качество (-):

только	же ₁	же ₂	ведь	еще	какой-то	какой-нибудь	один
-	-	-	+	+	+	-	+

Эти данные суммируют факты, анализирующиеся в разделе, посвященном частицам: *только* и *же* подчеркивают имя, выделяют его из класса, делают определенными или генерализованными; *еще* — вводит имя в множество равных ему объектов; *какой-то* и *один* по сути своей являются показателями именно специфической неопределенности.

IV. Генерализованные имена в изолированном виде допускают любые наложения акцентов. При комбинации с акцентирующими частицами оказывается, что имена такого типа не терпят добавления *еще*, что естественным образом связывается с указанной выше семантикой *еще*.

Таким образом, генерализованное имя (в изолированном виде) сближается по акцентным возможностям с определенным.

V. Определенные имена в изолированном виде могут допускать наложение любого типа акцентов.

VI. Конкретный лексический анализ показал необходимость выделения абстрактных имен, а внутри определенных имен — различение имен собственных, место-

имений и конкретных нарицательных: каждая группа имен по-разному реагирует на мену акцента.

VII. В пределах собственно просодической сферы анализ выявил некоторые мелкие факты и укрепил исходные исследовательские позиции. А именно: не всякое яркое просодическое усиление есть интонационный центр; не всякое акцентное выделение связано с ремой; построение полной грамматики устного синтаксиса есть еще факт будущего, но актуальность исследований в этом плане несомненна; определенность—неопределенность не есть две минимальных семы, но пучки содержательных признаков, сложным образом коррелирующих с другими семантико-синтаксическими категориями.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ В АНАФОРИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

А. В. Головачева

1. Общие замечания

Сопоставление функций указательного местоимения и определенного артикля в анафорических структурах позволяет выделить три группы контекстов: 1) контексты, в которых повтор обязательно сопровождается указательным местоимением; 2) контексты, в которых местоимение и артикль взаимозаменяемы; 3) контексты, в которых возможен только артикль.

Основная функция артикля — индивидуализация, указание на объект, уникальный в данной коммуникативной ситуации (в частном случае — указание на объект, уникальный вне зависимости от коммуникативной ситуации)¹. Основная функция указательного местоимения — идентификация, соотнесение имени (наименования) с его референтом (либо непосредственно — при дейксисе, либо опосредованно, путем отождествления с другим наименованием — при анафоре). В контекстах первого типа идентификация обязательна, опущение указательного местоимения или замена его на артикль приводит к разрыву контекстных связей, а, следовательно, к разрыву связи между именем и его референтом. Функция указательного местоимения может быть названа в этом случае функцией сильной идентификации. В контекстах второго типа ко-референтность антецедента и повтора в большинстве слу-

¹ Ср. также определение общего инвариантного значения артикля, данное И. И. Ревзиным: «имеются в виду все объекты данного рода, предполагаемые коммуникативной ситуацией, в которой участвует произнесенный экземпляр знака». — Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. — Вопросы философии, 1972, № 11, с. 101.

чаев бывает обусловлена общностью коннотативных признаков (в частном случае антецедент и повтор тождественны), в силу чего повтор, как правило, сам «в состоянии» идентифицировать объект. В таких контекстах возможен как артикль, так и указательное местоимение — в зависимости от интенции отправителя, желающего подчеркнуть, что имеется в виду либо объект, единственно возможный в данной ситуации, либо объект, упомянутый выше. Функцию указательного местоимения можно назвать в этом случае функцией слабой идентификации. В контекстах третьего типа, как и в контекстах второго типа, имя, употребленное в повторе, способно само идентифицировать объект, с той разницей, что такая идентификация осуществляется не по коннотации, а посредством обращения к смыслу, к референту. При этом повтор обозначает как бы «объект, вытекающий из ситуации» и может сопровождаться только артиклем. Следует заметить, что повтор в анафорических структурах всегда служит для обозначения индивидуализированного объекта, т. е. объекта определенного. Об определенности объекта сигнализирует либо указательное местоимение (в контекстах первого и второго типов), либо определенный артикль (в контекстах второго и третьего типов). В безартиклевых языках индивидуализация осуществляется всем контекстом.

Исследование проводилось в основном на материале польского, чешского и русского языков. Указательное местоимение *ten* и в польском, и в чешском языках, в отличие, например, от русского *этот* и немецкого *dieser* выполняет функции, выходящие за рамки идентификации и служит в ряде случаев для выражения категории определенности². Поэтому для сравнения были использованы соответствующие тексты на русском языке, как безусловно безартиклевом, и в некоторых случаях — тексты на немецком языке, как безусловно артиклевом. Работа имела целью вскрыть ряд факторов, обуславливающих обязательность, факультативность или отсутствие указательного местоимения в повторе, а также выявить некоторую зави-

² Для такого рода местоимений И. И. Ревзин предложил термин «местоимение-артикль» (см. Ревзин И. И. Займенник-артикль у говірці села Олгуша Брестської області. — Українська діалектна морфологія. Київ, 1969).

симось между этими факторами и установить (по мере возможности) их иерархию. Анализу подвергались польские и чешские художественные тексты и их переводы на русский язык, а в некоторых случаях — русские тексты, составленные автором. Кроме того, были использованы оригиналы и переводы следующих произведений: Ф. Кафка «Процесс» (на немецком, польском и русском), К. Чапек «Первая спасательная» (на чешском и русском), М. Зоценко «Повести и рассказы» (на русском и чешском)³.

2. Факторы, обуславливающие употребление указательных местоимений в анафорических структурах

В ходе исследования было установлено, что сочетаемость повтора с указательным местоимением в анафорических структурах зависит от следующих факторов: от семантических отношений антецедента и повтора — семантический фактор; от синтаксической структуры предложения, содержащего повтор, — синтаксический фактор; от принадлежности повтора к той или иной лексической группе — лексический фактор; от определенности — неопределенности антецедента; от ситуации — внешней и внутренней по отношению к данному контексту; от того, является ли данный текст стилистически нейтральным — стилистический фактор.

Выяснилось также, что употребление указательных местоимений в трех типах контекстов распределяется

³ Поскольку в большинстве случаев в качестве оригинальных текстов были использованы тексты на польском и чешском языках, то все приводимые в работе примеры построены по следующему единому принципу: первыми даются польские и чешские тексты, ниже — тексты на немецком и русском языке, вне зависимости от того, какой текст в данном примере является оригинальным. Переводы польских и чешских текстов на русский язык, сделанные автором, заключены в кавычки, художественные переводы даются в скобках. В скобках приводится также индекс произведения и номера соответствующих страниц текстов, расположенные в том же порядке, что и цитируемые параллельные тексты. При цитировании сплошного русского текста курсив не используется, т. к. он служит для выделения интересующих нас элементов текста.

в рассматриваемых языках следующим образом:

Тип кон- текста Язык	1 тип — сильная идентификация объекта в повторе	2 тип — слабая идентификация объекта в повторе	3 тип — индиви- дуализация объекта в повторе
Русский	этот	этот/Ø	Ø
Немецкий	dieser	dieser/der	der
Польский	ten	ten	Ø
Чешский	tento, tenhle (ten)	ten	Ø

Типы контекстов устанавливались на основании данных русского и немецкого языков, в которых указательное местоимение лишь в редких случаях употребляется для выражения категории определенности как таковой. В первом и третьем типах контекстов, т. е. в контекстах, обуславливающих сильную идентификацию или индивидуализацию объекта в повторе, между русским, немецким, польским и чешским языками нет существенной разницы. Во всех четырех языках контексты первого типа характеризуются обязательностью указательного местоимения, в контекстах третьего типа указательное местоимение не употребляется. Существенные различия между русским и немецким языками, с одной стороны, и польским и чешским — с другой, наблюдаются в контекстах второго типа. В последних двух языках тексты с опущенным указательным местоимением встречаются крайне редко, в подавляющем большинстве случаев опущение местоимения приводит к тому, что тексты воспринимаются носителями языка как дефектные. Это объясняется, по-видимому, расширением функций местоимения *ten* в этих языках. В чешском языке различие между контекстами первого и второго типов проявляется в том, что в функции слабой идентификации может употребляться только местоимение *ten*, а в функции сильной идентификации — преимущественно местоимения *tento* и *tenhle*⁴.

⁴ В связи с этим представляет интерес тот факт, что чешское местоимение *ten* в действительской функции не употребляется изолированно, а только в сочетании с локализирующим определением, т. е. в контекстах типа: *vidíš ten strom tamhle na kopci?* 'видишь дерево вон там на горке?'

Поскольку перечисленные факторы действуют в тексте не изолированно, а в тесной связи друг с другом, они будут рассмотрены нами не в порядке их значимости, а в порядке, наиболее удобном для изложения. Последним будет рассмотрен стилистический фактор, представляющий собой использование закономерностей, определяемых остальными факторами, и отклонения от этих закономерностей.

2.1. Лексический фактор

Все существительные в зависимости от их сочетаемости с указательным местоимением могут быть разделены на три группы: 1) существительные, обычно требующие сильной идентификации; 2) существительные, сочетаемость которых с указательным местоимением колеблется в зависимости от других факторов; 3) существительные, обычно не употребляемые с указательным местоимением (внутри этих групп возможны и более тонкие градации).

Сочетаемость имен различных лексических групп с указательным местоимением зависит от степени индивидуализации объекта в самом имени (а тем самым и от его способности однозначно идентифицировать объект). Имена первой группы характеризуются наименьшей степенью индивидуализации объекта. (К первой группе относятся, прежде всего, имена «предикатного характера»⁵ — обобщенные наименования событий, действий, состояний и явлений действительности, ср.: польск. *Mogła już tylko odjechać, i przez ten fakt, nieobecna duchem i ciałem, przywrócić Wiesnerowi spokój, wolność i życie.* 'Ей оставалось только *уехать*, и самим этим фактом, отсутствуя духом и телом, вернуть Виснеру покой, свободу и жизнь' (S. W. 184); чешск. *Vabka zmizela, a Marie využyla této příležitosti.* 'Старуха исчезла, и Мария воспользовалась этим обстоятельством' (V. N. 99); чешск. *Rýtu se nebal, neboť znal tuto chorobu jen podle jména.* 'Насморка он не боялся, поскольку знал об этой болезни только понаслышке' (V. N. 164). К первой группе следует отнести также обобщенные имена предметов и лиц, ср.: польск. *Czyżby dyrektor*

⁵ См.: Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М., 1974, с. 145—146.

zle zrozumiał podaną przez *Włocha* godzinę? Jak można było w samej rzeczy zrozumieć dobrze tego człowieka? (. . . Wie konnte man auch diesen Menschen richtig verstehen? — . . . Да разве можно было понять этого типа? — F. K. 226, 245, 285); чешск. Od řeky přicházel přísně a prkenně suchý *pan Tomáš*. Léta letoucí jméno tohoto muže zdobilo vývěsní štít krámu proti kostelu. 'Со стороны реки приходил строгой деревянной походкой высохший *пан Томаш*. Много лет имя этого человека украшало вывеску лавки напротив костела' (J. S. 30).

Во всех приведенных примерах опущение указательного местоимения привело бы к разрыву связи между именем и его референтом. Однако что касается существительных общего характера со значением лица, то при некоторых условиях они приобретают способность однозначной идентификации объекта, как, например, в тех случаях, когда между предложениями, содержащими антецедент и повтор, стоит еще одно предложение, в котором называется другое лицо: польск. Przed prawem stoi odźwierny. Do tego odźwiernego przychodzi *jakiś człowiek ze wsi* . . . odźwierny powiada, że nie może mu . . . udzielić wstępu. C z ł o w i e k zastanawia się i pyta. . . (. . . Vor dem Gesetz steht ein Türhüter. Zu diesem Türhüter kommt *ein Mann vom Lande* . . . Der Türhüter sagt, daß er ihm jetzt den Eintritt nicht gewähren könne. Der Mann überlegt und fragt. . . /У врат закона стоит привратник. И приходит к привратнику *поселянин* . . . Привратник говорит, что . . . он пропустить его не может. П р о с и т е л ь . . . вновь спрашивает. . . — F. K. 236, 255, 294). В таком контексте идентификация не только излишня, но и может привести к ошибочному прочтению текста (ten człowiek — odźwierny). Само различие наименований, обозначающих объекты одного вида, выполняет здесь выделительную (идентифицирующую) и индивидуализирующую функцию⁶. Если такого рода имя детерминировано определением или суффиксом, то оно, как правило, также

⁶ Ср. пример, приводимый Е. В. Падучевой: *Ты увидишь мальчика и девочку. Дай мальчику машину, а девочке куклу*, где указательное местоимение невозможно, по-видимому, по аналогичным причинам (Падучева Е. В. Анафорические связи и глубинная структура текста. — Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, с. 105).

не нуждается в указательном местоимении: польск. *Drobny człowiek, umazany smarami, wyszedł na ich spotkanie. . . Człowieczek zanurkował pod maskę. . .* 'Маленький человек, перемазанный машинным маслом, вышел им навстречу. . . *Человечек нырнул под капот'* (Р № 1685).

К этой же группе следует отнести названия единиц времени, а также имена с количественным значением ('время', 'день', 'месяц', 'год', 'число', 'количество' и т. п.): польск. *Żydzi ostatniego dnia roku według ich kalendarza gromadzili się po bóżnicach i modlili całą noc. Dzień ten nazywał się sądnym dniem.* 'Евреи в последний день года по их календарю собирались в синагоге и молились целую ночь. Этот день назывался судным днем' (Т. К. (s.) 350); польск. *Już od miesiąca tak kuja. Przez ten czas u nas wymarło trochę ludzi.* 'Уже месяц так бьют. За это время у нас умерло несколько человек' (Т. В. 14); чешск. *V srpnu. . . překrásně rozkvětly pomněnky. . . a v tomto měsíci se také naplnil čas.* 'В августе. . . чудесно расцвели незабудки. . . и в этом месяце пришел срок' (V. N. 46); чешск. *Ona se začala desítky pověřivě bát. . . paní Marie se nepamatovala, jakou úlohu toto číslo hrálo v jejím manželství se Štydlíkem.* 'Она стала суеверно бояться *десятки*. . . пани Мария не вспоминала, какую роль играло это число в ее браке с Штыдликом' (V. N. 140).

Сильной идентификации обычно требуют имена действия или признака, чаще всего представляющие собой номинализацию предиката предшествующего высказывания или повтор номинализации, содержащейся в предшествующем высказывании. При этом указательное местоимение служит субститутотом притяжательного, указывая как на само действие, так и на его субъект; ср. польск. *Niecierpliwie się, to prawda, ale ta niecierpliwosć da się bardzo łatwo usunąć przez to, że pan nas opuści.* (*Ich bin ungeduld, das ist richtig, aber diese Ungeduld wird am leichtesten dadurch zu beseitigen sein, daß Sie uns verlassen* / Да, вы правы, *мне не терпится*, но мое нетерпение проще всего прекратить тем, что вы нас оставите — F. K. 66, 73, 125); чешск. *Celý můj poligamní život nevyplýnul z ničeho jiného, než z napodobování ostatních mužů;* *непопírám, že jsem v tomto*

пародовání nenašel zalíbení. 'Вся моя полигамная жизнь объясняется не чем иным как *подражанием другим мужчинам*, я не отрицаю, что в этом подражании я не нашел наслаждения' (М. К. 14). В русском языке имеется тенденция к употреблению в таких структурах притяжательного местоимения во всех случаях кроме тех, когда на номинализации делается логическое ударение, и тех, когда данное предикатное имя с притяжательным местоимением несочетаемо (например, когда номинализации подвергается многоместный предикат, теряющий в повторе свои актаны, ср. русские переводы вышеприведенных текстов). Та же тенденция обнаруживается и при повторах других слов «неполной семантики»⁷, требующих указания на субъект, к которому они относятся, ср. польск. Dr. X. zechciał zapoznać się z konspektem naszej przyszłej gramatyki i wyrazić o nim *opinię*. Było by dla nas bardzo cenne móc... przedyskutować z nim *tę opinię*. 'Доктор X. выразил желание ознакомиться с конспектом нашей будущей грамматики и высказать о нем *мнение*. Для нас было бы очень ценно получить возможность... обсудить с ним его точку зрения' (из деловых бумаг); чешск. — *Vy jste zlej sám na sebe, Andreši, to je ta chůba.* (— *Вы и на себя злитесь, Андрес, вот в чем ваша беда* — К. С. 85, 364). Как известно, артикль западноевропейских языков включает в себя притяжательность⁸. По-видимому, указательное местоимение может обладать таким же свойством.

Ко второй группе относится большинство предметных существительных. Их сочетаемость с указательным местоимением целиком зависит от свойств контекста и экстралингвистических факторов, которые будут рассмотрены ниже (п. 2.1.—2.5.).

Имена третьей группы обычно всегда выступают в тексте как определенные. Это, в первую очередь, имена, обозначающие класс, состоящий из одного объекта и поэтому вообще не способные сочетаться с указательными местоимениями, во всяком случае в текстах, стилистически нейтральных: имена типа *Unica*, определенные

⁷ Вольф Е. М. Указ. соч., с. 145.

⁸ Москальская О. И. К вопросу о генезисе категории артикля. — Труды Военного института иностранных языков. М., 1945, с. 89.

дескрипции, предикаты, выражающие однозначную функцию⁹. В большинстве случаев однозначно идентифицируют объект имена собирательные и абстрактные, а также имена собственные, хотя последние не обладают такой идентифицирующей способностью, как, например, имена типа *Unica*, ср.: чешск. — *Ten Martínek. . . to bude ten tesař Martínek nebo ten Martínek lhotecký? — To bude snad ten tesař. Ten lhotecký je marod.* (— Мартинек. . . какой это, крепильщик или тот, льготецкий Мартинек? — Да вроде крепильщик. . . Льготецкий болен — К. С. 115, 393).

Обычно не сочетаются с указательными местоимениями имена, обозначающие категории родства. Такие имена, как правило, всегда выступают в тексте как определенные, даже в тех случаях, когда называются впервые, например: польск. *Johan zbudził się o szóstej. . . Wielkie buty ojca, stawiane na noc przed skrzynką, zniknęły stamtąd już dawno. 'Йоганн проснулся в шесть часов. . . Большие отцовские башмаки, хранящиеся ночью под сундуком, исчезли оттуда уже давно'* (Р № 1683). Ср. также контекст, где два таких существительных образуют анафорическую пару: польск. *U wylotu ulicy ukazuje się ojciec w tym swoim «sakpalcie», z białą paczuszką dyn-dająca na guziku. O j c i e s idzie jak zwykle, leciutko przzygarbiony. — 'В конце улицы появляется отец в своем «сакпальто», с белым свертком, болтающимся на пуговице. Отец идет, как всегда, слегка сторбившись'* (J. V. 11).

К третьей группе следует отнести и некоторые другие одушевленные имена — и в первую очередь существительные, часто служащие в тексте субститутами собственных имен: названия профессий и некоторые другие имена лиц, характеризующие объект по какому-либо признаку, релевантному в данном контексте; такую же функцию выполняют в тексте и названия животных. Сочетаемость этих имен с указательным местоимением сильно ограничена, что объясняется специфичностью их семантики в сочетании с другими факторами, обуславливающими индивидуализацию объекта в повторе (см. ниже п. 2.2. и 2.3.).

⁹ Падучева Е. В. Указ. соч., с. 105.

2.2. Определенность—неопределенность антецедента

Фактор определенности—неопределенности антецедента существен только для одушевленных имен третьей группы и в некоторых случаях — для имен второй группы; остальные существительные третьей группы всегда обозначают индивидуализированный объект и поэтому несочетаемы с указательным местоимением; существительные первой группы в анафорических структурах, как правило, всегда употребляются с указательным местоимением и фактор определенности—неопределенности антецедента для них несуществен.

Если антецедент обозначает неопределенный объект, то имена второй группы и одушевленные существительные третьей группы в большинстве случаев употребляются с указательным местоимением в функции сильной или слабой идентификации в зависимости от синтаксических условий (см. п. 2.4); под влиянием ситуации и экстралингвистических факторов возможна индивидуализация объекта в повторе (см. п. 2.3).

При определенном антецеденте одушевленные имена третьей группы обычно не сочетаются с указательным местоимением. Часто в роли определенного антецедента выступает имя собственное, например: польск. *Kiedy Wilcox udał się wieczorem do swego bungalowu, Dundee posłał po niego z zaproszeniem na kieliszek. Powaga i spokój d z i e n n i k a r z a* były nieco wymuszone (P № 1695) 'Когда Вилькоккс вечером направился к своему бунгалло, Данди послал за ним, чтобы пригласить его на рюмку вина. Серьезность и спокойствие журналиста казались несколько принужденными'; чешск.: *Jen se postavil na pohy, a už se dív nezakousl do Martínka. — Co, — vyjekl, — vy tady jenom kibicujete? — No jo, řekl klídně t e s a ě. . .* (Едва встав на ноги, он прицепился к *Мартинку*. — Вы что, глазеть сюда пришли? — Ага, спокойно отвечает *Мартинек* — К. С. 56, 334). Такой контекст предполагает, что получателю сообщения известно, что Данди — журналист, а Мартинек — крепильщик; оба имени объекта выступают в тексте как однозначно идентифицирующие объект, т. е. равноправные, о чем свидетельствуют примеры, где в роли антецедента выступает название профессии, а в роли повтора — имя собственное, ср. чешск.: *Bylo slyšet Andrese, jak si tamhle dál vyjíždí na tesaře; M a r t í n k ů v hlas mu*

odpovídá tence a spokojně. (Слышно, как Андрес отводит душу на *крепильщике*; тот спокойно отвечает высоким голосом. — К. С. 53, 329).

Для анафорических структур, в которых антецедентом является имя собственное, а повтором — имя, подобное названию профессии, несущественно, обусловлена ли кореферентность двух наименований предшествующим текстом или знанием 'картины мира', ср. известный пример: 'Бертран Рассел сегодня опоздал к обеду. Профессор сел не в тот поезд' и другой пример: 'Сидоров сегодня опоздал к обеду. Профессор сел не в тот поезд', где кореферентность имен 'Сидоров' и 'профессор' должна следовать из текста или из «фонда общих знаний» участников коммуникации. Впрочем, если допустить, что получателю сообщения неизвестно, что названное лицо (Бертран Рассел или Сидоров) является профессором, он все равно поймет оба текста правильно, т. к. только при условии кореферентности этих имен текст вообще может быть воспринят как связный.

Постоянным наименованием объекта в тексте могут служить также и некоторые другие имена лиц, характеризующие объект по какому-либо признаку, который в данном тексте является отличительным — пол, возраст, национальность и т. п., и тем самым идентифицирующие его по этому признаку: чешск. — Co, — ptál se *Suchánek* nechápavě. — Do hospody, jako parta. — A jo, to jo, — souhlasil se dědek pln horlivosti. (— Куда это? — не поняв переспросил *Суханек*. — В трактир собираемся всей командой. — А, ну да, ну да, — согласился обрадованный дед — К. С. 71, 348); польск. Gdy *Johan* ześliznął się w dół, mógł jeszcze rozróżnić swój dom poprzez drgającą zasłoneż rozpalonego powietrza. . . Chłopiec usadowił się w świeżej trawie i teraz dom zniknął już z jego oszu. 'Когда *Иоганн* соскользнул вниз, он мог еще различить свой дом сквозь дрожащую завесу раскаленного воздуха. . . Мальчик уселся на свежую траву и тогда дом уже скрылся из глаз' (Р № 1683).

Индивидуализация объекта имеет место и в таких анафорических парах, где повтором является название животного, а антецедентом — имя собственное: чешск. Zahvízdal . . . Odpověděl mu *Rikiho* štěkot, ale pes se neobjevoval. 'Он засвистел . . . В ответ прозвучал лай *Рики*, но пес не показывался' (К. J. В. 31).

В качестве определенного antecedента может выступать также имя, тождественное повтору: польск. *Przy obiedzie spytałem inżyniera: Panie, czy tutaj zawsze tak wieje? — Zawsze, — powiada inżynier. 'За обедом я спросил инженера: — Скажите, у вас тут всегда так дует? — Всегда, — отвечает инженер'* (Р № 1687). Поскольку в приведенном примере объект уже упоминался прежде, то в antecedенте он выступает как определенный, и поэтому в повторе невозможно было бы: *ten inżynier*. Следует заметить, что при определенном antecedенте тождественный ему повтор употребляется сравнительно редко. Обычно определенное имя заменяется в повторе другим наименованием того же объекта или личным местоимением, ср. польский текст, где определенный объект называется тремя различными наименованиями: *Pchnęła drzwi do pokoju syna . . . był pusty. Rozrzucone na podłodze książki dowodziły, że dziesięć próbowało wybrać jakiś prezent dla Billa. Zeszła do salonu . . . ale chłopa tam także nie było. 'Она толкнула дверь, ведущую в комнату сына . . . Комната была пуста. Разбросанные на полу книжки показывали, что ребенок пытался выбрать подарок для Билла. Она спустилась в гостиную . . . Но и там мальчика не было'* (Р № 1698). Употребление повтора, тождественного antecedенту, в примере, приведенном выше, объясняется специфичностью контекста (описание диалога). В большинстве же случаев при тождественности antecedента и повтора antecedент обозначает неопределенный объект, и при этом в повторе чаще всего имеет место сильная или слабая идентификация: чешск. *Venta . . . porazil stařenu. Ta stařená byla hluchá. 'Вента . . . сбил старуху. Эта старуха была глухая'* (К. Я. В. 22). Если имя третьей группы со значением лица не является в данном тексте постоянным наименованием объекта, то способность такого имени к однозначной идентификации объекта даже при определенном antecedенте зависит от внутренней и внешней по отношению к данному контексту ситуации.

Фактор определенности antecedента может оказаться существенным и для имен второй группы, ср. польск. *Szli uliczkami aż do placu, gdzie znajdował się główny kościół miasteczka, biały, podparty kolumnami z szarego granitu i z takim samym portalem. Drzwi kościoła*

były otwarte, ale kiedy się zbliżyli, zamknęły się bezszelestnie. . . 'Они шли улочками до самой площади, где находился *главный костел городка*, белый, с колоннами из серого гранита и с таким же порталом. Двери к о с т е л а были открыты, но когда они приблизились, двери бесшумно закрылись. . . ' (Р № 1685). Однако сочетаемость таких имен с указательным местоимением в большей степени обусловлена другими факторами — ситуацией, синтаксическими условиями и семантическими отношениями антецедента и повтора.

2.3. Влияние ситуации и экстралингвистических условий

Во многих случаях явление индивидуализации объекта в повторе возникает под влиянием ситуации, описанной данным контекстом, вне зависимости от определенности—неопределенности антецедента: польск. . . *znalazła sklep z rybkami i wróciła z karpim w plastikowym czerwonym wiadrze*. Р у б а мiotała się wściekle i Elinor musiała jechać wolno, by nie wywrócić w i a d r a. ' . . .она нашла магазин, где продается рыба и вернулась с *карпом* в *красном пластмассовом ведре*. Р ы б а отчаянно металась, и Элино́р должна была ехать медленно, чтобы не перевернуть в е д р о ' (Р № 1698). В приведенном примере оба повтора обозначают объекты, индивидуализированные ситуацией (та единственная рыба, которую Элино́р везла в своей машине; то единственное ведро, в котором Элино́р везла рыбу), ср. также польск. — *Mamy ogród*, Chris. . . *Tym razem Elinor oglądała ogród oczyma Chrisa*. 'У нас есть *сад*, Крис. . . На этот раз Элино́р смотрела на с а д глазами Криса' (Там же).

Если антецедент обозначает категорию родства, то сочетаемость повтора с указательным местоимением может определяться тем, находится ли данное лицо, обозначенное повтором, в отношении родства к участникам акта коммуникации, ср. 'Мой (ваш) сын опоздал к обеду. М а л ь ч и к с е л н е в т о т п о е з д ' и 'Сын моей соседки опоздал к обеду. (Э т о т) м а л ь ч и к с е л н е в т о т п о е з д '. Во втором случае возможно выделение объекта из класса однородных объектов и его идентификация по коннотативным семам ('этот мальчик' — т. е. 'тот мальчик, о котором упоминалось выше'). В первом случае выделение и идентификация невозможны, т. к. повтор

обозначает объект, уникальный в данной коммуникативной ситуации. Следует заметить, что весьма ограниченное количество имен может служить в таких контекстах в качестве повтора. Если для обозначения «детей» тут могут употребляться имена «мальчик», «девочка», «ребенок», то при обозначении других родственных отношений может выступать либо имя, тождественное повтору «(мой) муж, отец, брат» и т. п., либо личное местоимение, либо имя собственное. Кроме того, повтором может служить имя с экспрессивно-оценочным значением, согласующееся по смыслу со всем содержанием контекста. В этом случае указательное местоимение необходимо, ср.: 'Мой сын сегодня опоздал к обеду. Э т о т р а с т я п а с е л н е в т о т п о е з д'.

Фактор родственной близости к объекту участников коммуникации обуславливает невозможность сочетания повтора с указательным местоимением и в том случае, когда антецедент является именем собственным. При этом фактор родственной близости представляет собой элемент ситуации, внешней по отношению к данному контексту, ср. два примера: 'Хочу поговорить с вами о *Пете*. М а л ь ч и к стал плохо учиться' и 'Хочу поговорить с вами о *Пете*. (Э т о т) м а л ь ч и к стал плохо учиться'; в первом примере речь идет о сыне (внуке, брате и т. п.) одного из участников коммуникации (например, в беседе учителя с кем-либо из родственников мальчика); во втором примере речь идет о чужом сыне (например в диалоге двух учителей) и здесь возможна идентификация ('этот мальчик' — т. е. 'тот мальчик, о котором я говорил выше, Петя').

Как уже отмечалось (п. 2.2.) имена, обозначающие профессии, обычно не сочетаются с указательным местоимением. Исключение представляют ситуации, в которых данная профессия не является отличительным свойством объекта (токарь — на заводе, студент — в вузе и т. п.). Ср.: 'Ко мне подошел *Сидоров*. С т у д е н т был чем-то расстроен' и 'Ко мне подошел *Сидоров*. Э т о т с т у д е н т был чем-то расстроен'. В первом случае имеет место индивидуализация — в данной коммуникативной ситуации Сидоров является единственным представителем класса студентов. Во втором случае обязательна идентификация ('этот студент' — т. е. 'тот студент из всего множества студентов вуза, о котором упоминалось выше').

2.4. Синтаксический фактор

Этот фактор существен в первую очередь для таких анафорических структур, в которых антецедент обозначает неопределенный объект, а повтор является существительным второй группы или существительным третьей группы со значением лица.

Так, необходимость сильной идентификации возникает обычно в тех случаях, когда второе предложение имеет структуру N_1 есть N_2 и при опущении указательного местоимения может быть воспринято как общее суждение¹⁰, напр.: 'Ко мне подходит *маленький мальчик*. Э т о т м а л ь ч и к — сын моих друзей'. (Ср.: 'Ко мне подходит *маленький мальчик*. (Э т о т) м а л ь ч и к просит перевести его через улицу', где возможна слабая идентификация). Ср. также пример, где антецедентом является определенное существительное, а второе высказывание представляет собой общее суждение: чешск. . . . *podívejte se, jak těžko se mi chodí po schodech*. Т у с ч о д у jsou hlavní příčinou toho, že nevycházím na ulici. (. . .но вот я по *лестнице* затрудняюсь ходить. В о т л е с т н и ц а - т о и является главной причиной моего невыхода на улицу — М. З. 104, 118). В этом случае повтор употреблен в генерализованном значении и поэтому идентификация здесь невозможна. Местоимение *ten* в чешском переводе служит показателем определенности с экспрессивным оттенком, характерным для данного стиля речи. В русском языке, в тексте стилистически нейтральном, повтор в этом случае не должен был бы сопровождаться ни указательным местоимением, ни усилительными частицами (т. е. в нейтральном тексте было бы: 'Лестница является главной причиной. . .').

Разновременность предложений, содержащих антецедент и повтор, как правило, обуславливает необходимость сильной идентификации. В таких контекстах второе высказывание является отступлением от общего хода повествования, содержащим дополнительную информацию об объекте, ср.: 'Ко мне подошел *маленький мальчик*. Э т о т м а л ь ч и к когда-то просил перевести его через улицу', или 'Э т о г о м а л ь ч и к а я потом не раз

¹⁰ Вольф Е. М. Указ. соч., с. 143—144.

переводил через улицу'. Опускание указательного местоимения в такого рода контекстах привело бы к разрыву контекстных связей. Ср. также польск. . . wieże koralů wyduchały *dym*, który snuł się nisko. . . T e d y m u zawsze zdobiły i po dziś dzień zdobią krajobraz moich stron rodzimych./^с. . . копры шахт выдыхали *дым*, который стелился низко. . . Э т о т д ы м всегда украшал и по сей день украшает пейзаж моего родного края' (S. W. 149); чешск. O *našem platanu* je w maltézských archívech záznam už z patnáctého století. T e n s t r o m něco zažil a dá pánbůh, že výdrží i tohle. 'О *нашем платане* есть запись в архивах уже с пятнадцатого столетия. Э т о д е р е в о кое-что пережило на своем веку и даст бог, выдержит и это' (J. S. 31).

Сильная идентификация в большинстве случаев необходима при рематическом употреблении повтора — для указания на то, что имя, употребленное в составе ремы, обозначает тем не менее объект уже упоминавшийся: польск. Siedziało się, siedziało, aż tu *amnestia*. . . Myślisz, że mnie ucieszyła t a a m n e s t i a? — 'Сидел я, сидел, как вдруг *амнистия*. Ты думаешь, меня обрадовала э т а а м н и с т и я? (J. K. 21); чешск. V delegaci byla i *jedna asistentka, velice pohledná žena na vysokých nohách* . . . Podíval jsem se tady na t u t o ž e n u . . . — 'в . . . делегации была и *одна ассистентка, весьма привлекательная женщина с длинными ногами* . . . Я посмотрел на э т у ж е н щ и н у . . .' (M. K. 31—32). Ср. другой пример, где при тематическом употреблении повтора имеет место слабая идентификация: чешск. Vedle mne sedí *starsí žena*. . . Pak se t a ž e n a rojednou obrací ke mně. . . (Со *мною* рядом сидит *пожилая женщина* . . . Потом вдруг (э т а) ж е н щ и н а обращается ко мне — M. 3. 5, 133).

Указательное местоимение обязательно также в том случае, если повтор входит в состав предложной конструкции, обособленной от глагола¹¹, ср. пример, где необходимость сильной идентификации повтора объясняется его употреблением в такой конструкции и одновременно в реме высказывания: чешск. Byla v *zahradě* . . . úřední komise . . . — Proč v *zahradě*? — Lid si přeje chleba a hry. . . , a chce se v t é t o z a h r a d ě bavit. 'В *саду*

¹¹ Вольф Е. М. Указ. соч., с. 145.

была . . . официальная комиссия . . . — Почему в саду? — Народ желает хлеба и зрелищ . . . и хочет в этом саду развлекаться' (J. S. 31).

2.5. Семантические отношения антецедента и повтора

С этой точки зрения можно выделить семь типов анафорических структур, в которых повтор выражен существительным: 1) антецедент и повтор представляют собой тождественные наименования; 2) антецедент и повтор выражены одним и тем же существительным, но антецедент имеет при себе определения, указывающие на дополнительные признаки объекта; 3) антецедент и повтор — разные существительные, связанные общностью коннотативных признаков и при этом повтор соответствует более общему понятию; 4) антецедент и повтор выражены одним и тем же существительным, но повтор имеет при себе определения, указывающие на дополнительные признаки объекта; 5) антецедент и повтор — разные существительные, не имеющие общих сем; 6) антецедент представляет собой предикат, выраженный глаголом в личной форме, качественным прилагательным или наречием, а повтор — имя действия или признака; 7) антецедентом является часть предложения, все предложение или весь предшествующий контекст в целом, а повтором служат обобщенные наименования событий или явлений и некоторые другие имена неполной семантики.

В первом типе анафорической связи в роли антецедента и тождественного ему повтора выступают имена всех трех групп за исключением некоторых имен неполной семантики, которые не могут быть употреблены в качестве антецедента без соответствующего уточнения. Для этого типа связи характерна, в основном, слабая идентификация: *W lesie zakwitała paproć. Przez tę paproć szła wojtówna pod rękę z synem organisty.* — 'В лесу цвел папоротник. Через (э тот) папоротник шла дочь войта под руку с сыном органиста' (Т. N. 38). Сильная идентификация может возникнуть под влиянием синтаксического и лексического факторов (п. 2.1. и 2.4.). Возможна и индивидуализация объекта в повторе — под действием лексического фактора и фактора ситуации, а также при условии определенности антецедента (п. 2.1., 2.2. и 2.2.).

Второй тип анафорической связи характеризуется тем, что здесь употребляются, в основном, имена первых двух групп, причем элементами анафорической структуры часто являются имена «неполной семантики», напр.: чешск. *Zdálo se mu vždycky, že její bytost je skutečná jen uvnitř hranic věrnosti a čistoty a že za těmi to hranicemi prostě neexistuje.* 'Ему всегда казалось, что ее существование реально только в *пределах верности и чистоты* и что за этими и пределами ее просто нет' (М. К. 72). Необходимость сильной идентификации при данном типе связи возникает под действием лексического и синтаксического факторов. Кроме того, само сокращение семантических признаков в повторе по сравнению с антецедентом может вызвать необходимость сильной идентификации этих двух наименований: польск. *Musiął przejść. . . przez rókoj sąsiedni do następnego. . . Ten rok ój. . . zamieszkiwała. . . niejaka panna Bürstner. (. . . mußte er. . . durch das Nebenzimmer in das folgende Zimmer gehen. . . Dieses Zimmer wurde. . . von einem Freulein Bürstner. . . bewohnt. / . . . Виллем . . . провел его через пустую гостиную в *следующую комнату* . . . в этой комнате недавно поселилась некая фрейлейн Бюрстнер — Ф. К. 15, 19, 76).* Здесь указательное местоимение необходимо для выделения и идентификации объекта. В некоторых случаях возможна слабая идентификация, напр.: польск. *Pod tapczanem zostaje znaleziony młotek z włamanym trzonkiem. Nasuwa się hipoteza, że młotek ten był narzędziem zbrodni.* 'Под тахтой был найден *молоток с отломанной рукояткой*. Возникает гипотеза, что (этот) молоток был орудием убийства' (К. К. 54). Под влиянием ситуации или определенности антецедента может возникнуть значение уникальности объекта (ср. примеры, приводимые в п. 2.2. и 2.3.).

При третьем типе анафорической связи также имеет место сокращение числа семантических признаков от антецедента к повтору; при этом повтор выражен, как правило, существительным первой группы и представляет собой обобщенное наименование одушевленных или неодушевленных предметов, а также действий или качеств. Поэтому такой тип связи характеризуется в большинстве случаев сильной идентификацией объекта в повторе: польск. *Pan Irving miał bardzo zły wzrok. . . Kiedy nadeszła wojna. . . chciał. . . wstąpić do wojske, ale nie przyjęli*

go właśnie ze względu na tę wadę. ‘У господина Ирвинга было *очень плохое зрение* . . . Когда пришла война . . . он хотел . . . пойти на фронт, но его не взяли именно из-за этого недостатка’ (J. A. 242); чешск. *Vypadal nezvykle v nedělních šatech a v kravatě s umělou perličkou a znázorňoval tímto ústrojem velmi nepřívznivě svou nedávnou proměnu. ‘Он выглядел необычно в выходном костюме и в галстукe с искусственной жемчужиной и этим нарядом весьма неуместно демонстрировал свое недавнее превращение’ (V. N. 44). (См. также выше п. 2.1.). Если различие в объеме понятия между антецедентом и повтором невелико, то возможна и слабая идентификация: польск. *Pierwsze zebranie. . . odbyło się. . . w kamienicy przy ulicy Kołłątaja. Kámen znał ten dom, a raczej to podwórze. ‘Первое собрание . . . состоялось . . . в (каменном) доме на улице Коллонтая. Кáлмен знал этот дом, а точнее этот двор’ (S. W. 54) (при другой синтаксической позиции повтора в русском возможно опущение указательного местоимения: ‘Дом был Кáлмену известен’). Индивидуализация при этом типе связи также возможна, — в основном под влиянием ситуации (ср. первый пример в п. 2.3., в котором антецедент и повтор обозначают соответственно видовое и родовое понятия (‘кари’ и ‘рыба’) и повтор индивидуализирован контекстом). К третьему типу следует отнести также большинство контекстов, в которых антецедентом является имя собственное. При этом возможна как сильная или слабая идентификация, так и индивидуализация — в зависимости от лексических, синтаксических и ситуативных условий.**

Четвертый тип анафорической связи характеризуется тем, что во втором предложении сообщается дополнительная информация об объекте, понятие сужается и конкретизируется. В таких контекстах между первым и вторым предложением подразумевается некоторое высказывание, содержащееся в пресуппозиции говорящего, чем объясняется необходимость сильной идентификации повтора вне зависимости от остальных факторов, напр.: польск. *Z tyłu. . . szedł ku nam zwolna patrol żandarmów. . . T u s h t r z e c h ż a n d a r m ó w z t y ł u z a g r a ż a ł o n a m z n a c z n i e b a r d z i e j, n i ż c a ł a z m o t o r y z o w a n a d y w i z j a (=T y c h ż a n d a r m ó w b y ł o t r z e c h i o n i z a g r a ż a ł i n a m. . .) ‘Сзади . . . к нам медленно приближался жандармский патруль. . . Э т и т р и ж а н д а р м а с з а д и у г р о ж а л и n a m*

гораздо сильнее, чем целая моторизованная дивизия'. (= 'Жандармов было трое и они угрожали нам...') (S. W. 26), чешск. ...nejít na *májovou komisi* jsem... nemohl. *Tato dobrovolná komise, jak je obecně známo, má připravovat na každém pracovišti oslavu Prvního máje... (= Tato komise je dobrovolná a má připravovat...)* '...не идти на собрание *майской комиссии* я... не мог. Эта добровольная комиссия, как известно, должна подготовить на каждом предприятии первомайский праздник...' (= Эта комиссия добровольная и должна подготовить...) (М. К. 36). Опускание указательного местоимения в таких контекстах привело бы к нарушению связности текста.

Пятый тип анафорической связи объединяет такие контексты, в которых повтор представляет собой метафорическое наименование объекта. Повтором служат при этом, как правило, имена-предикаты, иногда сопровождаемые качественными прилагательными и содержащие качественную оценку объекта (часто с экспрессивным и пейоративным оттенком и переносом смысла). Такая оценка возникает в тексте не случайно, а связана по смыслу с предшествующим (или последующим) контекстом либо с 'фондом общих знаний' участников коммуникации; ср. пример из Чапека, где метафора появляется в конце довольно продолжительного описания: чешск. *Z davu se tlačí někdo mohutný a upírá krví podlité oči na Andrese... Ja jdu taky... Matula František, zedník... «Pomoz bůh, soudí Standa znechuceně, tohle ožralé prase půjde s námi...!»* (Толпу расталкивает силач, не спуская с Андреаса налитых кровью глаз... — Я тоже иду... Матула Франтишек, каменщик... «Боже мой, недоволено рассуждает Станда, и этот пьяный боров пойдет с нами!...») — К. Č. 36—39, 311—314). При метафорическом обозначении объекта в чешском языке употребляются местоимения *tento* и *tenhle* обычно в тех случаях, когда в момент речи объект находится перед глазами (ситуация близкая к дейксису), ср. также «*Tak só, Máňo?... Nic srdečnějšího, nic chytřejšího nedovedl tento vuz áblý čahoun říci po roce odloučení...*» — Ну чего, Мань?... — Ничего более сердечного, ничего более умного не сумел сказать этот с у х о п а р ы й в е р з и л а после года разлуки' (V. N. 61). Если объект в момент речи отсутствует, то, как пра-

вило, употребляется *ten*, ср. чешск. . . . *nemusí snášet, aby i nadále ztracela hlavu, kdykoli se objeví ten u líčnick z Věrád.* — ' . . . она уже не позволит себе потерять голову, когда снова появится этот шалопай из Верад' (V. N. 158).

Повтор, содержащий метафору, часто входит в состав предикативного приложения: польск. *W głodzie, w chłodzie, diabelskich nocnych marszach szło bractwo z całego świata na odsiecz Madrytowi.* Теј hiszpańskieј Warszawa 1936 року. 'В голоде, в холоде, чертовски трудными ночными переходами шли братья всего мира на помощь *Мадриду*. (Этой) испанской Варшаве 1936 года' (J. B. 52); чешск. *Ve hřbitovní čtvrti byly celé kopce květů, těch poslů lásky.* — 'на кладбище были целые горы *цветов*, (этих) посланцев любви' (M. M. 102); чешск. *Ale v této sezoně se mu narodila holčička. A tu si umyslil dát pokřtít. Přesněji — jeho žena, ta malodušná matka a její kratkozrací rodiče ho přiměli, aby to udělal.* — (Но у него в этом сезоне родилась девочка. И вот ее-то он и задумал окрестить. Вернее, *его жена*, эта малодушная мать, и ее недалековидные родители подбили его это сделать. — M. 3. 13, 124). Тесная синтаксическая связь антецедента и повтора в таких контекстах снижает необходимость идентификации, что подтверждается предпочтительностью местоимения *ten* в чешском и возможностью опущения местоимения *этот*, — особенно в первых двух примерах, где смысл метафоры следует не из контекста, а из знания «картины мира». Таким образом, метафорический повтор представляет собой сложный тип анафорической связи, при котором идентифицируется не только объект, но и смысл самой метафоры, соотносимый с контекстом или экстралингвистическими данными.

Шестой тип анафорической связи, при котором повтор выражен номинализацией глагола, прилагательного или наречия, характеризуется, как правило, сильной идентификацией объекта в повторе. Если антецедентом является глагол в личной форме, то повтор представляет собой имя действия от этого глагола: польск. *Zaczął mi . . . opowiadać o sądzie. Zdziwiony byłem tymi opowiadania mi.* (Und nun erzählte er mir von dem Gericht . . . erstaunt ich über diese Erzählungen war / И он рассказал мне об этом суде . . . , меня удивил его рас-

сказ — F. K. 149, 164, 208); чешск. A přese . . . si Blažena někdy povzdechla, a ten vzdech se vydral jakoby ze zavalené studny. — ‘И все-таки Блажене случилось иногда вздохнуть, и ее вздох вырывался как из заваленного колодца’ (М. М. 143); чешск. Včerejší výstup . . . nezdaril se . . ., ale Karel se aspoň dal tímto nezdařením poučit, že násilím nic nezmuže. ‘Вчерашняя попытка не удалась. . .; но эта неудача по крайней мере научила Карела, что силой тут не возьмешь’ (V. N. 162). Если antecedent выражен прилагательным или наречием, то повтор представляет собой имя качества: польск. Ojciec urodził się *daleko na wschodzie* i ciągle tęsknił do tej *dalekości*. ‘Отец родился *далеко на востоке* и все тосковал об этой (своей) *дали*’ (Т. К. 53).

В седьмом типе анафорической связи повтор может соотноситься либо с предшествующим высказыванием (или его частью), либо с предшествующим отрезком текста. При этом повтор часто представляет собой имя действия или состояния или обобщенное название события: польск. *Było bezwzględnie konieczną rzeczą, by K. interweniował osobiście . . ., przekonanie to stawało się coraz bardziej nieodparte. (Es war unbedingt nötig, daß K. selbst eingriff . . ., war diese Überzeugung unabweisbar / Нет, К. непременно должен был сам вмешаться, он был в этом убежден. — F. K. 139, 152, 198); чешск. Ale to všechno se vám objasní, až se seznámíte s našim domem. Jenže zatím nutno tuto slavnost odložit pro indisposici našich tetiček. — . . .Но все это станет вам ясно, когда вы познакомитесь с нашим домом. Только это торжество придется на время отложить из-за болезни наших тетушек’ (К. J. В. 52). Повтором может быть и обобщенное наименование явления или факта, о котором говорилось в предшествующем высказывании: чешск. *Zeman byl jejich vzdalený příbuzný* a jedině teta Anna znala nazpamět’ vsecky spletitosti toho vztahu. ‘Земан был их дальним родственником и только тетя Анна могла разобраться в этих запутанных родственных отношениях’ (К. J. В. 45). В повторе может даваться качественная оценка действия, события или явления: чешск. Jen *Martin chyběl*, ale toho si tetičky hned nevšimly. Unikl jejich pozornosti tento *kaz v uvítání*. ‘Только *Мартина* не было, но*

этого тетушки сразу не заметили. От их внимания ускользнуло такое несоблюдение традиций семейной встречи' (К. J. В. 46). К седьмому типу следует отнести также такие «анафорические пары», в которых антецедентом служит прямая (или внутренняя) речь, а повтором — имя, относящееся к акту коммуникации (или мыслительному процессу), например, «эти слова», «этот вопрос», «эта фраза», «это замечание», «эти мысли» и т. п.: чешск. *Odjel a do večera se vrátí . . . , několikrát sama pro sebe tu větu opakovala. 'Uexal u k večeru vrátí se. . . , она несколько раз повторяла про себя эту фразу' (V. N. 73); чешск. *Proč, Jožko, proč? . . . — jí připadalo, že tuto otázku vyslovila polohlasem. ' — Почему, Йожка, почему? . . . — ей казалось, что она произнесла этот вопрос вполголоса' (V. N. 148). И, наконец, повтор может соотносить во времени предшествующее и последующее высказывания и выполнять при этом в предложении функцию обстоятельства времени («в этом году», «до этого времени», «в ту ночь» и т. п.): чешск. — *Připomínáte mi někoho, koho jsem znala před léty; od té doby jsem si s nikým, s nikým nerozuměla . . . (— Вы напоминаете мне одного человека, я знала его несколько лет назад; с тех пор никто, никто меня не понимает. . . — К. С. 23, 297). При седьмом типе анафорической связи в русском языке опущение местоимения *этот* недопустимо, в чешском предпочтительно местоимение *tento*, но встречается и *ten* (в первую очередь в повторах временного значения). Функция указательного местоимения в таких структурах всегда является функцией сильной идентификации.***

Анализ типов анафорической связи показывает, что фактор семантических отношений антецедента и повтора оказывается решающим в первую очередь в случае четвертого типа связи, при котором в повторе сообщается дополнительная информация об объекте, не связанная с предшествующим или последующим контекстом, и указательное местоимение заменяет собой предикативное высказывание. Очень существенен этот фактор и для пятого типа связи, в котором повтор хотя и соотносится в большинстве случаев с контекстом, но эта связь обычно слаба и расплывчата (за исключением предикативных приложений); поэтому здесь также требуется сильная идентификация: Что касается шестого и седьмого типов, то в этом

случае фактор соотношения антецедента и повтора тесно связан с лексическим фактором, так как в качестве повтора употребляются, как правило, имена первой группы, требующие сильной идентификации. При втором и третьем типе связи в некоторых случаях оказывается существенной семантическая близость антецедента и повтора, обуславливающая возможность слабой идентификации. В большинстве же случаев сочетаемость повтора с указательным местоимением определяется здесь другими факторами — лексическим, синтаксическим и фактором ситуации. При первом типе связи, т. е. при тождественности антецедента и повтора, сочетаемость повтора с указательным местоимением целиком зависит от действия всех остальных факторов.

2.6. Стилистический фактор

Изложенные выше закономерности употребления указательных местоимений могут быть использованы в художественных текстах. Так, строгое чередование темы и ремы, при котором рема предшествующего высказывания становится темой последующего, причем тема-повтор каждый раз сопровождается указательным местоимением, характерно для сказового стиля. Ср., например, такой отрывок: польск. *Jechali z muzyką. Słuchać było klarnet i skrzypce. Spiewali. W ten śpiew, w tę muzykę sypał się śnieg. Z tego śniegu wyskakiwały ogromne łby końskie uplecione z konopi. . . Te łby końskie osadzone na plecionych z wiklin kufrach, kłusowały na bielejących kołkach zginających się podwójnie: w kolanach i w ręcinach.* 'Ехали с музыкой. Были слышны кларнет и скрипка. Пели. В это пение, в эту музыку сыпался снег. Из этого снега выскакивали огромные лошадиные головы, сплетенные из конопли. . . Эти лошадиные головы, надетые на плетеные ивовые сундуки, бежали рысью на белеющих колышках, сгибающихся дважды: в коленях и в щиколотках' (Т. Н. 141). Такая структура придает тексту особую мелодию, создает эффект неторопливости, обстоятельности, последовательности повествования.

Несоблюдение закономерностей употребления указательных местоимений — в первую очередь употребление указательного местоимения при индивидуализированном

имени — всегда стилистически релевантно. В большинстве случаев такие отклонения характерны для разговорной речи и особенно для просторечия — например, употребление указательного местоимения при имени собственном: польск. *Opowiem o starym Mazurku. . . Sąsiad tego Mazurka, Grabarek Stefan, wyjechał w dwudziestym trzecim roku do Brazylii. 'Расскажу о старом Мазуреке. . . Сосед этого Мазурека, Грабарек Стефан, в двадцать третьем году в Бразилию уехал'* (J. O. 31). Ср. другой пример, где имя собственное при первом употреблении снабжается показателем неопределенности, а в повторе сопровождается указательным местоимением: польск. *Ten w okularach jak się okazało jakiś Dorian. . , więc ten Dorian w okularach szalenie był dumny. 'Тот очкастый, как оказалось, какой-то Дориан. . . Так вот, этот очкастый Дориан ужасно задавался'* (Т. К. 197). В чешском языке, помимо указательного местоимения, в просторечии может быть употреблено в таких случаях и личное местоимение: чешск. . . *řekli mu lidé, u Adamů budou mít volný pokoj; on Adam je taku lamačem na Krístině (. . . Люди сказали, что у Адамов, кажется, освобождается комната; этот Адам тоже забойщик на «Кристине» — К. С. 17, 289)*. Ср. также пример из польского текста, где повтор, состоящий из указательного местоимения и имени собственного, входит в состав предикативного приложения, а антецедентом является личное местоимение: польск. *Byłam u przyjaciółki. . . Она, та Казя, dobra dla mnie jak zawsze. 'Я была у подруги. . . Она, эта Казя, как всегда, добра ко мне'* (Т. К. (s.) 360).

Такова же функция указательного местоимения и при других именах, лексически определенных, — при именах типа *Unica*, определенных дескрипциях, а также при именах отвлеченных, ср.: польск. *Właściwie nie należy kończyć opowiadania morałem. . . ; o wiele lepiej, jeśli mogał ten sam wyjdzie z bajki, jak szydło z worka. 'Собственно говоря, не следует кончать рассказ моралью. . . ; гораздо лучше, когда эта мораль сама вылезает из сказки, как шило из мешка'* (A. S. 41).

Если повтор индивидуализирован контекстом, то употребление указательного местоимения может создать впечатление чрезмерной обстоятельности, свойственной людям недалеким и воспринимаемой юмористически.

Ср. отрывок из рассказа М. Зоценко «Показательный ребенок», где местоимение *этот* употреблено трижды: в первых двух случаях — в функции слабой идентификации (возможной также и при дейксисе) и в третьем случае — для указания на индивидуализированный объект: '— Э т о т м а л ь ч и к держит в ручке *письмо*. Наверно на э т о м п и с ь м е написан *адрес, где он живет*. Мы прочтем э т о т а д р е с и доставим ребенка домой' (М. З. 252). В чешском переводе местоимение сохранено только в первых двух случаях, где оно выполняет функцию слабой идентификации; при индивидуализированном имени местоимение отсутствует, что делает текст стилистически нейтральным: чешск. T e n c h l a p e s má v ručičce *dopis*. To jistě je na t o m d o p i s e napsána *adresa, kde bydlí*. Přečteme a d r e s u a dopravíme dítě domů (М. З. 119). Видимо, в переводе полностью адекватном стояло бы: tuto adresu, а также tento chlapec, na tomto dopise. Употребление местоимения *tento* в функции слабой идентификации вообще характерно для разговорного стиля речи: чешск. — Nastala . . . *detonace* . . . Bohužel, t a t o d e t o n a s e . . . si vyžádala několika obětí. (— Произошел *взрыв* . . . К сожалению, (э т о т) *взрыв* повлек за собой несколько жертв — К. С. 32, 306).

Таким образом, в разговорной речи и особенно в просторечии имеет место смещение описанных выше типов контекстов: контексты третьего (и второго) типов фигурируют в речи как контексты первого типа. Следует отметить, что употребление указательных местоимений для обозначения индивидуализированного объекта (объекта, определенного ситуацией, известного участникам коммуникации и т. п.) вообще в той или иной степени свойственно разговорной речи, и анафорические структуры представляют собой частный случай такого употребления.

3. Заключение

Выше было показано, что сочетаемость имен существительных с указательным местоимением в анафорических структурах зависит от ряда факторов, тесно связанных между собой и представляющих сложный механизм, движущей силой которого является категория определенности—неопределенности и семантика существительных.

Ни одно из условий, определяемых этими факторами, не является полностью независимым. Однако есть ряд условий, которые можно считать почти независимыми. Такими условиями являются: принадлежность имени к первой лексической группе; принадлежность имени к третьей лексической группе; наличие дополнительных признаков объекта в повторе; влияние контекста и ситуации.

Принадлежность имени к первой лексической группе является условием сильной идентификации, действующим почти без исключений. В редких случаях под влиянием контекста и ситуации возможна бывает слабая идентификация или индивидуализация объекта в повторе (один из таких случаев, касающихся обобщенных имен со значением лица, описан выше на с. 180).

Принадлежность имени к третьей лексической группе (кроме одушевленных имен этой группы) в большинстве случаев является условием, достаточным для индивидуализации. Исключения представляют контексты, в которых повтор имеет при себе определения, указывающие на дополнительные признаки объекта. Взаимодействие этих двух сильных условий обуславливает возможность слабой идентификации, ср.: 'Взошло *солнце*. (Э т о) г о р я ч е е ю ж н о е с о л н ц е сразу согрело и море, и землю'.

Наличие дополнительных признаков объекта в повторе для всех существительных, кроме имен третьей группы, является условием сильной идентификации.

Действие контекста и ситуации является условием индивидуализации объекта для всех существительных, кроме имен первой группы, где такое влияние проявляется редко, и для всех контекстов, кроме тех, где повтор содержит дополнительные признаки объекта.

Остальные условия находят более ограниченное применение и потому более зависимы. Так, например, определенность antecedента может обусловить индивидуализацию объекта только при условии, что повтор является одушевленным существительным третьей группы (и в редких случаях — именем второй группы) и при этом объект должен быть определен контекстом или ситуацией.

Синтаксические условия могут вызвать необходимость сильной идентификации только для имен второй группы, а для одушевленных имен третьей группы — только при условии неопределенности antecedента.

Фактор соотношения семантики антецедента и повтора, как уже говорилось, оказывается решающим только в случае четвертого и пятого типа связи.

Влияние категории определенности—неопределенности на сочетаемость имен с указательным местоимением сказывается не только в действии лексического фактора, факторов ситуации и определенности—неопределенности антецедента, но также и в действии синтаксического фактора. Так, необходимость идентификации в случаях, когда второе высказывание имеет структуру N_1 есть N_2 объясняется тем, что субъект таких высказываний при отсутствии идентификации приобретает генерализованное значение. Необходимость идентификации при одновременности предложений и при рематическом употреблении повтора объясняется тем, что отсутствие указательного местоимения в этих случаях в безартиклевом языке привело бы к тому, что имя воспринималось бы как неопределенное. В языках с предполагаемым местоимением-артиклем действие этой категории проявляется еще и в обязательности местоимения в позиции слабой идентификации, а в чешском языке — также и в дифференциации функций между местоимениями *ten* и *tento* (*tenhle*). Таким образом, категория определенности—неопределенности функционирует в безартиклевых языках как скрытая категория, тесно связанная с другими категориями высказывания и играющая важную роль в построении связного текста.

Принятые сокращения

- A. S. — *Stern A.* Opowiadania starego szpaka. Warszawa, 1957.
 F. K. — *Kafka F.* Der Prozess, Frankfurt a. M. — Hamburg, 1963. *Kafka F.* Proces. Warszawa, 1966.
Kafka F. Романы, новеллы, притчи. М., 1965.
 J. A. — *Alex Joe.* Jesteś tylko diabłem. Kraków, 1973.
 J. B. — *Broniewska J.* O człowieku który się kulom nie kłaniał. Warszawa, 1959.
 J. K. — *Kolano J.* Opowieść rodzinna. Gdynia, 1964.
 J. L. — *Lad'a J.* Vzpomínky z dětství. Praha, 1962.
 J. O. — *Ofierski J.* Cie choroba. Warszawa, 1964.
 J. S. — *Smetanová J.* Koncert pod platanem. Praha, 1960.
 J. S. S. — *Stawiński J. S.* Pogoń za Adamem. Warszawa, 1964.
 K. Č. — *Čapek K.* První parta. Praha, 1958.
Čapek K. Первая спасательная. — В кн.: *Čapek K.* Сочинения, т. 5. М., 1958.
 K. J. B. — *Beneš K. J.* Kouzelný dům. Praha, 1963.

- K. K. — *Kąkolewski K.* Umarli jeżdżą bez biletu. Warszawa, 1965.
 K. Ż. — *Żywulska K.* Przeżyłam Oświęcim. Warszawa, 1960.
 M. K. — *Kundera M.* Druhý sešit směšných lásek. Praha, 1966.
 M. M. — *Majerová M.* Robinsonka. Praha, 1962.
 P. — *Przekrój*, номер 1683—1698.
 S. W. — *Wygodzki S.* Basy. Warszawa, 1965.
 T. B. — *Borowski T.* Wybór opowiadań. Warszawa, 1964.
 T. K. — *Konwicki T.* Zwierzoczłəkoupiór. Warszawa, 1972.
 T. K. (s.) — *Konwicki T.* Sennik współczesny. Warszawa, 1970.
 T. N. — *Nowak T.* Obcoplemienna ballada. Warszawa, 1963.
 V. N. — *Neff Vl.* Marie a zahradník. Praha, 1966.
 M. З. — *Zoščenko M.* Staří a noví lidé. Praha, 1960.
 Зошценко М. Повести и рассказы. Л., 1959.

СЕМАНТИКА ЛИЧНЫХ И УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

М. И. Лекомцева

В старославянском языке категория определенности не имела специального морфологического выражения. Это был язык без артикля и других регулярных средств¹, с помощью которых обычно передаются значения этой категории². Таков вывод, сделанный И. Курцем³ на

¹ В грамматике старославянского языка есть традиция, согласно которой семантическое противопоставление родительного и винительного падежей рассматривается как оппозиция по определенности—неопределенности см.: *Томсон А. И.* К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса, 1903, с. 56; *Деянова М., Минчева А., Станишева Д.* О нейтрализации синтаксических оппозиций — Славянская филология, т. 10, София, 1968, с. 27; *Ходова К. И.* О неоднородности понятия «падежное значение» (на материале старославянского языка). — *Studia paleoslovenica*. Praha, 1971, s. 154. — Однако в этой традиции термин «определенность» понимается как определенная пространственная форма денотата, т. е. является омонимом категории определенности—неопределенности (см. сноску 2).

² *Kramsky I.* The article and the concept of deiniteness in language. The Hague—Paris, 1972. Idem. Some ways of expressing the category of determinedness. — *Papers in general linguistics*. The Hague—Paris, 1976, s. 181—198.

³ *Kurz I.* K otázce členu v jazycích slovanských, se zvláštním zřetelem k staroslověnině. — *Byzantinoslavica*, VII, 1937—1938, Praha, с. 212—340; VIII, 1939—1946, с. 172—288. *Он же.* Проблема члена в старославянском языке. — Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 121—182. Впервые на это было указано Я. Вакернагелем в 1926 г.: *Wackernagel J.* Vorlesungen ueber Syntax mit besonderen Beruecksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch. Basel, 1926, s. 127. В работе 1938 г. Й. Курц исследовал и гипотезу Э. Швицера: *Schwyzler E.* Die nominale Determination in der indogermanischen Sprachen. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, v. 3, 1936, s. 145—167, согласно которой противопоставление полных и кратких форм прилагательных связано в старославянском языке с выражением категории определенности. Несмотря на фун-

основании анализа всего корпуса данных, предоставляемых исследователю старославянским языком.

Поэтому можно думать, что категория определенности относится в этом языке к разряду лексических (как, например, наиболее общий способ выражения этой категории с помощью дейктических слов и собственных имен⁴ и/или скрытых грамматических категорий)⁵.

Хотя представление о способах выражения категории определенности в старославянском языке необходимо для изучения развития этой категории и для определения основных типологических инвариантов ее выражения в славянских языках, ряд особенностей старославянского языка препятствует получению такого представления.

Действительно, современные методы анализа значения предполагают или исследователя, активно владеющего языком (так как включают интроспекцию в качестве необходимой части исследовательской техники), или информанта, который мог бы ответить на вопросы, связанные

даментальные результаты Курца гипотеза Швицера получила распространение (*Vaillant A. L'article en vieux slaves — Revue des études slaves*, XX, p. 5—12, 1942; *Holk A. G. F. van. Definite and indefinite in old church Slavonic. — Dutch contributions to the Fifth International Congress of slavists. The Hague, 1963, p. 93—123.* Действительно, ряд примеров подтверждает такое понимание полных и кратких прилагательных (*Lunt H. G. Old church Slavonic grammar, 6th ed. The Hague — Paris, 1974, p. 125.*)

Однако с точки зрения совокушности всех данных старославянских текстов противопоставление полных и кратких форм прилагательных не соответствует выражению категории определенности, а скорее является противопоставлением по эмфазе. Сходную с И. Курцем точку зрения занимал А. М. Селищев (Старославянский язык. М., 1952, с. 127). Выделительную функцию в значении полных прилагательных отметил Н. И. Толстой (Значение полных и кратких прилагательных в старославянском языке. — Вопросы славянского языкознания, М., 1957, 11, с. 43—122). Специфическую детерминацию, близкую к эмфазе, видит в полных прилагательных М. Гоновска (*Geneza złożonej odmiany przymiotków w świetle faktów języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1963.*)

⁴ *Russell B. An inquiry into meaning and truth. L., 1963; Morris Ch. Pragmatics. Foundations of the theory of signs. The Hague—Paris, 1971, s. 35—42; Heger Kl. Monem, Wort und Satz. Tübingen, 1971, s. 169—183; Bogusławski A. Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.*

⁵ *Whorf B. L. Grammatical categories. — Language, thought and reality. Cambridge 9 (Mass.), 1964, p. 87—101.*

с эквивалентностью разных выражений — грамматической отмеченностью и семантической приемлемостью экспериментально построенных последовательностей. Старославянский язык не дает возможности применять не только интроспективные методы экспликации значений и методы тождественных преобразований, предполагающие живых носителей языка в качестве информантов, но и те способы анализа текста, которые требуют для проверки достаточного расширения исходного корпуса данных⁶. Тем не менее контекстный анализ, выработанный на основании изучения древних текстов⁷, остается единственным способом описания семантики таких языков, как старославянский. Только для соблюдения общего правила относительно предварительной гипотезы и ее дальнейшей проверки необходимо взять часть того корпуса данных, которым располагает старославянский язык, и на основании анализа этой части сформулировать гипотезы, которые должны быть проверены на всем материале старославянского языка.

В настоящей работе в роли такой части текстов, которая считается исходным корпусом данных, берется Мариинское Четвероевангелие⁸.

Задачей работы является предварительное определение значения личных и указательных местоимений, составляющих, наряду с собственными именами, логический костяк категории определенности. Проверка полученных результатов на всем материале старославянского языка оставляется для будущего исследования.

При текстовом анализе такого типа значение не должно заменяться этимологическим смыслом, как предостерегал еще Бенвенист⁹. Из данных этимологического анализа

⁶ *Ružička R.* Betrachtung zur Lehnsyntax im Altslavischen. — *Studia palaeoslovenica*. Praha, 1971, s. 303—306.

⁷ Как он сформулирован, например: *Lyons J.* Structural semantics. Oxford, 1963.

⁸ *Ягич И. В.* Мариинское Четвероевангелие. СПб., 1883.

⁹ *Benveniste E.* Problèmes sémantiques de la réconstruction. — *Word*, v. X, 1954, p. 251—264.

Ср. реконструкцию значения членных форм прилагательных в работе: *Kurz J.* K problematice funkční geneze a původního významu slovanských složených adjektiv. — *Kapitoly ze syntaxe a z morfologie staroslověnského jazyka*. Praha, 1972. Там же обзор литера-

старославянских *га* или *гъ* нельзя сделать вывод относительно значения этих местоимений, но независимо полученное значение этих элементов должно быть согласовано с их этимологической природой.

Вторая оговорка касается данных перевода. Поскольку сам исходный материал представляет собой перевод текста с древнегреческого (а для ряда мест можно предположить учет переводов на латинский и готский языки) и стоит в ряду переводов на другие языки, то значение каждого элемента текста оказывается приравненным некоторому набору значений такого «трансляционного ряда» (снъ ~ он же ~ *il* ~ *he* ~ *eg* ~ . . .).

Однако нерегулярность таких соответствий показывает, насколько своеобразны семантическая система взятого языка и интерпретация переводимого текста¹⁰.

Точкой отсчета в таком ряду переводов (или точкой «приведения к нормальному виду»), как показывает практика описания значений в живых языках, удобно считать перевод на логический язык исчисления предикатов¹¹. Так, Г. Райхенбах, классифицируя части речи с этой точки зрения, выделяет обозначения аргументов с помощью собственных имен, с помощью самоотносимых определений (я, ты, мы, вы) и т. п., далее выделяет обозначения логических термов, указывающих на переменные (типа он, который, какой-то, всякий), на функции, на аргументы и функции (как, напр., в английском союз *that*) и т. д.¹² У. Куайн показал значимость для естественного языка кванторных выражений¹³. Исследования

туры. Значение определенности, реконструируемой для полных прилагательных в праславянскую эпоху, уступает место в эпоху древнейших памятников комплексу значений, несвязанных непосредственно с выражением категории определенности—неопределенности. На этом этапе категория определенности оказывается сопоставимой, по мнению Ф. М. Мареша, с категорией личности в имени, категории вида в глаголе и с противопоставлением предикативных и непредикативных прилагательных. См. его ответы в: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М., 1958.

¹⁰ *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974; *Baldinger K.* La synonymie — problèmes sémantiques et stylistiques. — *Probleme der Semantik.* Wiesbaden, 1968, s. 41—61.

¹¹ *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N. Y., 1948.

¹² Там же, гл. VII.

¹³ *Quine W.* From a logical point of view. Harvard Univ. Pr., 1953.

в чисто лингвистическом русле приводят к сходной картине, на что в свое время обратил внимание Э. Бах¹⁴.

Стоит отметить, может быть, более удобную для лингвистов форму интерпретации кванторов всеобщности и существования, предложенную А. Тарским¹⁵. Исходя из того, что отрицание квантора всеобщности дает квантор существования и наоборот, он ввел один квантор — квантор тождества, или единственности. Понятно, что в естественном языке слова, соответствующие терму под таким квантором единственности, обозначают «нечто единственное в своем роде», а при появлении во второй, третий и т. д. раз — предполагают, что «это — то же самое» (т. е. выражают отношение кореферентности¹⁶). Однако в настоящей работе используется традиционное представление с двумя кванторами.

Если в математике фиксация элемента производится с помощью числовой нумерации или более абстрактного представления с помощью произвольных знаков, то в естественном языке эту роль выполняют собственные имена и слова в функции индексальных знаков.

Однако, если с логической точки зрения собственные имена вполне обеспечивают жесткую фиксированность обозначаемых ими денотатов и тем самым представляют базис категории определенности¹⁷, с точки зрения естественного языка структура и роль собственных имен не так прозрачна.

Можно оставить в стороне вопрос о смысле собственного имени, хотя старославянский язык связан с культурой, в которой запечатлелось представление об эссенциальном значении собственного имени и в связи с этим — представление о его функционально-определяющей роли.

¹⁴ *Bach E.* Nouns and noun phrases. — *Universals in linguistic theory*. N. Y. e. a., 1968, p. 108—118.

¹⁵ *Tarski A.* Appendix E. — In: *Woodger J. H.* The axiomatic method in biology. Cambridge, 1937, p. 161—172.

¹⁶ Ср. *Виноград Т.* Программа, понимающая естественный язык. М., 1976, с. 129.

¹⁷ Числительные в таком случае понимаются как собственные имена, см.: *Russel B.* On denoting. *Mind*, XIV (1908); *Pelc E.* O użyciu wyrażeń. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971, s. 69 и далее; *Strawson P. F.* Philosophy and ordinary language, ed. *Ch. E. Caton*. Urbana, 1963, p. 108—127; *Bar-Hillel J.* Indexical expressions. *Mind*, LXIII (1954), p. 359—379.

Особенностью сакральных текстов, к которым относится и исследуемый здесь, является, в частности, то, что в них происходит установление тождества различных собственных имен (Иоанн Креститель — не Христос, Иисус — Христос, Иоанн Креститель — Илия; ср. переименование Симона в Петра).

Обратная ситуация, когда одно имя определяет не одно лицо, а имеет несколько референтов, также не так уж редка. Так, среди двенадцати учеников Иисуса оказывается три пары тезок: два Симона, два Иакова и два Иуды (Л VI 13—16). Две женщины, которые пришли ко гробу, имеют одинаковое имя Мария: *приде маріє магдалинѣ и другає маріє кидѣтъ грѣба** (Мт XXVIII 1).

Таким образом, структура собственного имени в языке такова, что должны быть средства, компенсирующие часто возникающую у него неоднозначность. Обычно в таких случаях в состав имени включаются дополнительные определители («*другає маріє*» или «*симона его же именска петра... и симона нарицаемаго злста*») (Л VI 14—15). Поэтому собственное имя действительно оказывается «сокращенным определением», по Расселу, втягивающим в себя все более и более широкий контекст, в конечном счете предполагающий всю данную культуру.

Другим способом однозначного определения собственного имени в естественном языке является отождествление их с «эгоцентрическими частицами» или личными и указательными местоимениями¹⁸.

Любое обозначение в языке предполагает акт речи, который в свою очередь обозначается высказыванием «я говорю тебе» (ср. *азъ есмь глаи съ тьсвоѣ* (И IV 26)). Процесс определения «я» происходит в акте коммуникации и через него¹⁹ — парадоксальность такого определения связана с отсылкой — прямой или косвенной — к самому высказыванию, т. е. с самоотносимостью его

* Здесь и далее ст.-слав. ѣ передается ё.

¹⁸ *Russel B. Egocentric particulars. An inquiry into meaning and truth.* L., 1963. О необходимости существования в языке элементов типа местоимений см.: *Church A. The need for abstract entities in semantic analysis. Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, N 1 (1951); Copi J. M. Artificial languages. Language, thought, and culture, ed. P. Henle, Ann Arbor, 1958.*

¹⁹ *Бенвенист Э. Природа местоимений. Общая лингвистика.* М., 1974, с. 285—291.

определения (как в парадоксе лжеца, например)²⁰. Однако лингвистически это имеет другой смысл. В языке существует презумпция акта коммуникации²¹, для которого уже имеются определенные роли²², как в драме — список действующих лиц. В логике для моделирования такой ситуации вводится «пустое» определение (так, у К. Поппера²³ Сократ бормочет нечто невнятное, относительно которого происходит идентификация ролей, и таким образом снимается самоотносимость).

Список ролей элементарного акта речи, который был выявлен на основании изучения семантики глаголов речи в описываемом Мариинском кодексе²⁴, предполагает кроме широко распространенной в теории информации и в лингвистике схемы «отправитель — получатель сообщения» также следующие роли: роль подлинного автора сообщения, роль косвенного или скрытого адресата и роль свидетеля, который может быть свидетелем «отправителя сообщения», «получателя» и т. д. Так, глаголы противопоставляется *решти* по признаку совпадения автора сообщения и его отправителя — при *решти* автор и отправитель сообщения не совпадают (типа англ. to report), *влагскѣстиги* и *прспокѣдати* отличаются в этом тексте тем, что последний глагол предполагает 'передать всем' — скрытого адресата, которым может быть любое лицо; *свѣдѣтельствовати* и *сбличати* предполагают соответственно речь при «свидетелях» и «наедине».

Учет глаголов типа *нарешти* или *именовати* (напр. I избрѣкъ отъ нхъзъ дѣла на дѣлате. ѡже и апостоли нарече. симона евоже именовѣ петра... Л VI 13—14) и других

²⁰ *Fraassen B. C. van*. Inference and self-reference. *Semantics of natural language*. Dordrecht, 1972, p. 695—708; *Popper K. R.* Self-reference and meaning in ordinary language. *Conjectures and refutations*. N. Y.—L., 1962, p. 304—311.

²¹ *Katz J. I. and Langendoen D. T.* Pragmatics and presupposition. *Language* (1976), v. 52, N 1, p. 1—17; *Gordon D. and Lakoff G.* Conversational postulates, 1971. *Papers from the 7th regional meeting, Chicago Linguistic Society*, p. 63—84; *Morgan J. L.* Conversational postulates revisited. *Language* (1977), v. 53, p. 277—284.

²² Ср. в другом аспекте: *Fillmore Ch. I.* Subjects, speakers, and roles. — *Semantics of natural language*. Dordrecht, 1972, p. 1—24.

²³ *Popper K.* Op. cit.

²⁴ *Лекомцева М. И.* К семантической характеристике глаголов говорения в Мариинском кодексе. — *Труды по знаковым системам*, V (1971). Тарту, с. 437—463.

обозначений дескриптивной функции требуют введения в минимальную схему еще двух ролей: лица, о котором говорится, и лица, относительно которого производится акт его отождествления. Так, в следующем отрывке начатъ глти къ народомъ о иоаннѣ... съ естъ о немъже писано естъ. се азъ послалъ англъ мои прѣдъ лицемъ твоимъ (Л VII 24—27) производится отождествление Иоанна с ангелом говорящего.

В принципе такой «антропоморфизм» можно распространить и на определение времени («при ком» — ср. къ дани ирода цѣсѣрѣ иудейска Л I, 5), къ дани носкы (Л XVII 26)²⁵, определения места, образа действия и т. п.

В дальнейшем роли в эксплицитном представлении акта коммуникации будут обозначаться следующим образом: S_1 — отправитель сообщения; S_2 — получатель сообщения; S_3 — подлинный автор сообщения или источник информации; S_4 — лицо, о котором идет речь; S_5 — содержание сообщения, в частности, элементарный акт отождествления лица S_4 : $S_4 = S_5$ или $S_4 \neq S_5$; S_6 — скрытый адресат сообщения; S_7 — свидетель говорящего; S_8 — свидетель слушающего; S_9 — свидетель скрытого адресата.

Понятно, что эта схема может реализоваться не полностью — правила этикета, как и правила построения литературного текста с его жанровыми ограничениями, определяют типы сокращения в составе ролей данного коммуникативного акта.

При определяемой таким образом ситуации общения «я» — это тот, кто говорит в данный момент «я», или, как определяет Б. Рассел, «я — сейчас». В другой момент речи исполнители ролей могут быть другими (ты₁, ты₂, ...), и, в частности, «я» может исполнять любую из представленных ролей (ты говоришь мне...).

Для всего класса местоимений существенно различие между «я — сейчас» и «я — тогда»²⁶ — различие, из ко-

²⁵ Характерно, что древнейшая хронология ориентируется на антропоцентрический способ определения дат: будь то по годам жриц Геры в Аргосе или по «Царскому канону» в Ассири-Вавилонии. См.: Бижерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

В таком случае описание значения таких соотносимых форм как *сейчас — тогда, здесь — там* и под. может быть аналогичным проводимому в настоящей работе.

²⁶ Russell B. Указ. соч.

того можно вывести противопоставление «здесь» и «там», «сейчас» и «тогда», «этот» и «тот»²⁷ и т. п.

Значение Δ_{33} 'я' как S_1 дополняется значением $S_1 \cup S_3$ или $S_1 = S_3$: $\overline{\text{поздлабкы ма отцыз, тз манё запокёда дастз что рекж и что възгмж}}$ (И XII 49).

$\overline{\text{ты}} - S_2$: $\overline{\text{ги аште ты еси: покели ми прити к тебе по водамз}}$ (Мт XIV 28).

$\overline{\text{ты}} - S_2 = S_3$ о себе ли ты $\overline{\text{глещи се}}$ (И XVIII 34).

Значение первого лица двойственного числа может быть

1) $\overline{\text{кё}} - S_1 \cup S_7$: так, родители слепого на вопрос, как их сын стал видеть, $\overline{\text{стзкёщгасте же имз родителё его и рёстте кё не кёкё}}$ (И IX 21) — видимо, говорит отец и его свидетельница — мать.

2) $\overline{\text{кё}} - S_1 \cup S'_1$ («хоровое произнесение»); так, двое слепых $\overline{\text{гасте емоу ги, да отврззете са нюу очи}}$ (Мт XX 33);

Значение второго лица двойственного числа $\overline{\text{ка}}$, $\overline{\text{кзи}}$ будет соответственно: $\overline{\text{ка}}$, $\overline{\text{кзи}} - S_2 \cup S'_2$ и $S_2 \cup S_5$: $\overline{\text{анһ лз рече женама: не вошта кзи са}}$ (Мт XXVIII 5); $\overline{\text{тзгда кощж ё кз очи гла, по кёрё вау бжди кама}}$ (Мт IX 29).

Значение первого лица множественного числа в принципе может быть объединением «я» разных участников акта коммуникации²⁸ в роли S_1 , т. е.:

$\overline{\text{мы}}: S_1 \cup S'_1 \cup S''_1 \cup \dots$

Такое значение предполагает «хоровое» или «репрезентативное» произнесение, как в случае по $\overline{\text{чзто мы не възмогомз изгнати его}}$ (Мт XVII 19).

$\overline{\text{мы}}: S_1 \cup S_3 \cup S_7 \cup S_9 \cup S'_9 \cup \dots$

$\overline{\text{тогда притзжпиша кз немуу оученици иуданки гаше по что мы и фарисёи постимз са мзного}}$ (Мт IX 14);

$\overline{\text{мы}}: S_1 \cup S_2 \cup S'_7 \cup S_8 \cup S'_7 \cup S'_8 \cup \dots$

$\overline{\text{шкцакз же изз рече к немуу шстани ннё, тако во подобно намз кертз. испзнити кёкж правдз}}$ (Мт III 15).

²⁷ Левин Ю. И. О семантике местоимений. — Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, с. 108—120, — где приводятся соответствующие семантические пропорции для определительных, отрицательных, указательных и неопределённых местоимений. Характерно введение признака времени и в эту систему.

²⁸ «Мы» и «вы» — это не «много я», «много ты», как было замечено еще Францем Боппом: *Bopp Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechisch, Lateinisch, Litthauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen*, 1833, S. 472.

Значение второго лица множественного числа будет выражаться следующим образом:

кы: $S_2US'_2US''_2U...$

тако субо калѣкъ отъ калъ иже не отъречетъ сѧ калего
скаго имѣннѣ не можетъ мои быти оученикъ (Л XIV 33).

кы: $S_2US_8US'_8U...$

Так, Авраам говорит богачу: между нами и вами. пропаде
келиѣ оутвръди сѧ, ёко да хотѧ штеи минжти отъ сѧдоу
къ камъ не възмагажатъ, ни иже отъ тѧдѧ къ намъ прѣ-
ходатъ (Л XVI 26).

На фоне этой универсальной схемы личные местоиме-
ния в старославянском языке характеризуются рядом
особенностей.

Как и в ряде других языков, глагольные личные
формы в старославянском однозначно определяют лицо
субъекта, в связи с чем местоимение при глаголе в роли S_1
может отсутствовать²⁹: видите смоквадницѧ (Л XXI 29)
I глѧж сѧмоу иди (Мт VIII 9); i кечероу вывѧшоу приде сѧ
обѣма на десѧте (Мт XIV 17).

Появление личных местоимений в этой позиции можно
связать с такими факторами:

1) конструкция с личным местоимением построена как
антитеза конструкции, субъект которой выражен номи-
нативно, в связи с чем возникает отношение контраста:
колико наимъникъ отъца моего избыважатъ хлѣби азъ же гла-
домъ глѧвѧж (Л XV 17).

Глѧшасте яко рѣно въз^ѣ древнимъ, не оубиешѧ... азъ
же глѧж камъ. яко ксѣкъ гнѣкѧ сѧ на вратѧ скагого безоума
покиненъ нестѧ сѧдѧ... (Мт V 21—22);

2) конструкция с одним личным местоимением по-
строена как антитеза конструкции с другим личным
местоимением, в связи с чем в центре внимания оказы-
вается противопоставление ролей в акте общения. Рема-
тический характер этого противопоставления подчерки-
вается частицами, эллипсисом второго глагола и т. п.:
обаче не ёко азъ хотѧ, нѧ ёкоже тѧ (Мт XXVI 39) азъ

²⁹ Типологически незначимый характер обязательности эк-
сплицитного выражения субъекта в таких случаях подчеркивал
Ч. Филмор (*Fillmore Ch. J. The case for case. Universals in lingui-
stic theory. N. Y. et al., 1968, p. 56—57.*)

требуѡж ѿ тебе крѣтити сѧ, а тѣи ли градеши кѡ мнѣ (Мт III 13—14). Они же рѣца что естѡ намѡ тѣи оубрѣши (Мт XXVII 4);

3) в вопросительных предложениях, требующих идентификации персонажа в роли: и кѡпроси и пилатѡ тѣи ли еси цѣрѣз индѣнкѡ (М XV 2); рече емоу, тѣи ли еси градѣин (Мт XI 3), и в соответствующих ответах: і исповѣдѣ ёко нѣсма азѡ хѣз (И I 20), онѡ же отѡвѣштѡвѡ рече емоу тѣи глѡши (М XV 2); і ашгѣ се оуслышѡно вѡдетѡ оу йѣмона, мѡи оутолимѡи — и і кѡи бес печали сѡтворимѡ (Мт XXVIII 14)³⁰.

4) для ряда компонентов можно предположить подчеркнуто индексальный характер употребления личных местоимений («смотри, это я говорю») — часто перед ними стоит се или подразумевается соответствующий жест: сего ради се азѡ сѡлѡж кѡ камѡ прѣкѡи и прѣмудрѡи. і кѡнижѡникѡи. (Мт XXIII 34) — ср. нем. Darum siehe, Ich sende zu euch Propheten und Weise und Schriftgelehrte; или і се азѡ истазѡвѡ прѣдѡ камѡи не обрѣтѡ ни единѡж же о чѡка сѡма винѡи (Л XXIII 14) — ср. англ. «... and, behold, I, having examined him before you, have found no fault in this man»... дадите имѡ кѡи ёсти (Мт XIV 16), і глѡ емоу иѡз азѡ пришедѡ ицѣлѡж и (Мт VIII 7);

5) с последним тесно переплетается модальное значение уверенности, «ассертивности», как это видно уже в предыдущем примере или в таких контекстах, как: немѡи і глаоухѡи дѡше, азѡ ти кѡлѡж изити из него (М IX 25); шѣдше испѡтѡгаите изѡвѣстѡно ѡ отрѡчати иѡгда же ѡбращѣте и кѡзѡвѣстите ми да и азѡ шѣдѡ поклонѡ сѧ юмоу (Мт II 8); кѡси же кѡи братрѡдѣ есте (Мт XXIII 8), кѡи есте солѡ землѡи (Мт V 13); кѡи друѡзи мои есте ашгѣ тѡворите еинко азѡ заповѣдѡвѡж камѡ (И XV 14); ... азѡ сѡлѡж кѡи ёко оѡкѡца по срѣдѣ вѡзѡкѡ (Мт X 16);

6) возможно, особый случай представляют в рассматриваемом тексте выражения типа азѡ есма. Прежде всего,

³⁰ Ср. ситуацию в иберо-романских языках, где в «диалоге местоимение употребляется чаще, чем в повествовании» (Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974, с. 29).

за исключением Иисуса никто не употребляет этот оборот — так, сотник говорит: «азъ члвкъ есмь подъ влксѣ имъ подъ совѣжъ воины (Мт VIII 9). В речи Иисуса этот оборот иногда употребляется в дейктическом значении, как можно понимать из следующего отрывка: и видѣхъше и оученици ходашѣхъ по морю съмаша сѧ глѣжше ёко призракъ естъ и отъ стѣраха възвѣща двие же рече имъ иъзъ гла дрзвѣиго азъ есмь не боите сѧ (Мт XIV 26—27). Ср. франц. c'est moi..., нем. Ich bin's, англ. it is I.

Другие употребления этого оборота иногда также трактуются как эллиптическое сокращение дейксиса: ср. франц. Le souverain sacrificateur l'interrogea encore, et lui dit: Es-tu le Christ, le Fils de Celui qui est béni? Et Jésus lui dit: Je le suis. Старославянский текст в описываемом памятнике пакъ архiereи възпроси и и гла емоу чъзи ли еси хъ инъ блгскнаго. иъзъ же рече азъ есмь (М XIV 61—62), как и греческий (Ἐγὼ εἰμι), и латинский (ego sum) могут трактоваться и как принципиально не дополняемые, «чистые определения» Самосущного — ср. и запрѣштѧ не дѣше имъ гла ти ёко вѣдѣхъхъ хъ самого съштѧ (Л IV 41). Возможно, неограниченность «я» в этом контексте играет особую роль в системе отождествления ролей, определяемых актом коммуникации.

Простейшая схема отождествления ролей в процессе речи представляется преобразованием $S_1 \leftrightarrow S_2$ («я» ↔ «ты»). Во всех остальных ролях исполнители остаются теми же самими.

Операторами такого преобразования можно считать глаголы речи с указанием S_1, S_2 и S_4 . Так, в диалоге раба (А) и его хозяина (В) «я» и «ты» отождествляются и соотносятся с рабом и хозяином следующим образом: А: «гн (В): потрѣпи на мнѣ (А) и влсѣ въздам ти (В) (Мт XVIII 26). В: влсѧ дѣлѣ твоеи (А) отъпоустихъ тебѣ (А), понеже оумоли ма (В) (Мт. XVIII 32). Это соотношение отождествлений может быть описано как перестановка (S_1, S_2).

Это — универсальное преобразование, характерное для диалога.

В речи Иисуса выделяется подсистема, где вы отождествляется или свободно варьируется с ты: канемлѣге милостѣина вѣшея не творити прѣдъ члвкъи да видими вѣдете

ими... егда оубо твориши милостыниѣ. не въстрѣжи прѣдъ
 себѣ (Мт VI 1—2); егда же посетите еѣ, не вѣдѣте ёко и
 ѹпокрыти... тѣи же поста еѣ помажи глабѣ своѣи і лице
 твоё оумзѣи (Мт VI 16—17); елико аще сѣвѣжете на земли.
 вѣдетѣ сѣвѣзано на небесах і елико аште раздрѣшиши на земли
 вѣдетѣ раздрѣшено на небѣхъ (Мт. XVIII 18), где парал-
 лельность синтаксической конструкции подчеркивает экви-
 валентность «ты» и «вы». Тождественность ты (S_2) и вы
 (как $S'_2 \cup S''_2 \cup S'''_2 \cup \dots$) в соответствующих текстах про-
 является и в идентичности «вашего отца» и «твоего отца»:
 аще оубо отъпоуцаете члѣкмъ сѣгрѣшеніе ихъ отъпоуститѣ
 и камъ отъца вашъ небескы... да не двѣши еѣ члѣкмъ поста
 еѣ нъ отъцоу тѣсему иже естѣ въ тайнѣ... (Мт VI 14, 18).
 Поэтому «ты» в прошлагоу оу тебе дан і хоташаго
 отъ тебе сѣлѣти не отъврати (Мт V 42) можно описать
 как

(ты = $\{S_2 \cup S'_2 \cup S''_2 \cup \dots\}$) так же, как и вы в при-
 дѣте къ мѣнѣ къси троуждѣштитѣ і сѣрѣменени і азъ
 поксѣ вы (Мт XI 28).

В описываемой подсистеме очевидно противопоставлены
 я — вы \approx ты — и остальные (прочие) (ср.: камъ дано естѣ
 разоумѣти тайнаа цѣрствѣ небнаго. Онѣмъ же не дано естѣ
 (Мт XII 11). Однако описываемый текст строится так, что
 наступает отождествление и «вы» \approx «они»: ёко аште дѣла
 отъ васъ сѣвѣшталте на земли о васѣкои кешти еѣ же
 колиждо просите вѣдетѣ има. отъ отъца моего (Мт XVIII 19),
 где в противопоставлении *вы просите* — *будет ѹм* вряд ли
 можно рассматривать *ѹм* как эналлагу *вам* ср.: идеже во
 естѣ дѣла ли трое сѣврани къ има мое, тоу есмъ по срѣде
 ихъ (Мт XVIII 20). Затем включаются отождествления
 отправителя сообщения (S_1), адресата сообщения (S_2) и подлин-
 ного автора сообщения (S_3), правда, выраженные только
 лексически: иже вы приемлетѣ ма приемлетѣ і иже прием-
 летѣ ма приемлетѣ поглавшаго ма (Мт X 40).

$$S_2 \approx S'_2 \cup S''_2 \cup \dots$$

$$S_2 \approx S'_2 \cup S''_2 \cup \dots \approx S_1 \approx S_3$$

$$S_2 \approx S'_2 \cup S''_2 \cup S_3 \approx S_1 \approx S_3 \approx S_4$$

Дальнейшие взаимные отождествления видны в таких
 примерах как васѣ мѣнѣ прѣдана сѣлѣтѣ отъцъ моимъ. і ник-
 тоже не знаетѣ сѣна тѣкмо отъца (Мт XI 27).

$$S_1 \approx S_4 \approx S_5$$

Эта система поддерживается как эквивалентностью $S_2 = S'_2 \cup S''_2 \cup \dots$ что при $S_1 \leftrightarrow S_2$ ведет к $S_1 \rightarrow S'_2 \cup S''_2 \cup \dots$ и $S'_2 \cup S''_2 \cup \dots \rightarrow S$,

так и соотношением «азз есмд» без ограничивающего определения. Таким образом подготавливается в описываемой подсистеме возможность универсального взаимного отождествления ролей основного акта коммуникации и представления о сакральном «все во всем» и «все во всех» — или идентификации любого участника акта общения с любой из ролей, предполагаемых этим актом. Понятно, что эта подсистема строится как уникальная на основе использования основной системы значений местоимений, в которой запрещены отождествления типа $S_1 \approx S_2$ или $S_2 \approx S_4$. Вернее, такие соотношения здесь определяются по-другому: если в «уникальной» подсистеме отождествление ролей происходит относительно одной и той же ситуации общения, то в основной системе это возможно только относительно различных актов коммуникации (обычно — следующих друг за другом). Такое отождествление ролей относится к лингвистическим универсалиям. Согласно К. Л. Пайку³¹, основными преобразованиями при этом являются следующие:

I: (я → я, ты → ты, он / не — я, не — ты / → он)

г: (я → ты, ты → я, он → он)

с: (я → я, ты → он, он → ты).

Эти преобразования ролей следующих друг за другом актов общения можно проиллюстрировать такими примерами:

I: я спрашиваю у тебя про него: «Почему ты мне не говоришь о нем!»

г: ты сказал мне про него: «О нем я тебе расскажу потом»

с: я говорю ему: «Ты мне сказал об этом».

Все остальные преобразования получаются из указанных последовательным выполнением приведенных преобразований. Так, гс дает: я → ты → он, ты → я → я, он → он → ты. я → он, напр.: он сказал про меня: «Она уже была здесь».

³¹ Pike K. L., Lowe J. Pronominal reference in English conversation and discourse — a group theoretical treatment. — *Folia Linguistica*, N 3 (1969), p. 68—106.

sg: я → я → ты или я → ты (пример выше), ты → он → он или ты → он (пример выше), он → ты → я или он → я (пример: он сказал: «Я здесь»)

rsg: я → ты → он → он или я → он и т. д.

Такая система преобразований может быть описана как группа в алгебраическом смысле (а именно симметрическая группа порядка 3). Используя результаты, полученные в теории групп, К. Л. Пайк и И. Лоуе получают классификацию типов общения³² и способ определения референта любого личного местоимения в бесконечной последовательности вставляемых друг в друга цитат или в последовательности актов коммуникации типа диалога, если в нем определены в качестве операторов преобразования местоимений глаголы речи с указанием актантов.

Учитывая значения местоимений, выраженных формами личных глаголов, можно определить, напр., референты местоимений в следующем диалоге Иисуса (А) со слепорожденным (В) о сыне божием (С): Ис (А) ...рече емоу (В). ты (В) кѣроуеши ли кз сна вжиё (С). откъщгта онз (В) и рече. кто естз (С) ги (А) да кѣрж имж кз (В) него (С). рече же емоу (В) ис (А). видѣлы-и (С) еси і глаи гз тсвсж (В) естз (С = А). онз (В) поклони гз емоу (С = А) (И IX 35—38). Очевидно, что это преобразование может охватить не только взятые К. Л. Пайком для примера три роли (кто=кому=о ком), но и все 9 ролей, необходимые для акта коммуникации.

При этом существенно, чтобы для каждой роли был указан ее исполнитель. Отсюда вытекает важность представления «себя», обращения (ср. мартз мартзта печеши гз и мзкши о манозѣ... (Л X 41) и под. Важно помнить в связи с этим, что в указанном классе текстов модель К. Л. Пайка дает возможность определить референциальное тождество и всех местоименных обозначений «3-го лица».

Так, в диалоге «одного законника» с Иисусом последовательность из 5 местоимений онъ определяется благодаря упомянутым операторам преобразования однозначно, что подтверждается соответствующим собственным именем

³² Ср. основания для выделения замещенной прямой речи у В. Н. Волошинова (Марксизм и философия языка). Л., 1930, с. 136).

на 6-м месте: ...законаникз етерз кзсга кз иски. искоушда и (А) ...онз же (А) рече... онз же (В) отъкешгакв рече... рече (А) же емоу (В) ... онз же (В) ... рече ибви (А) (Л X 25—29).

Однако в старославянском, как и в ряде других языков, для семи ролей (S_3 — S_9) имеется всего три местоимения: онз, љ, тз, которые с помощью категориальных значений падежно-предложной системы обозначают все эти роли. Но поскольку согласование в старославянском возможно по роду и числу, но невозможно по падежно-предложным значениям, то при развертывании акта коммуникации возникает омонимия. Эта омонимия может быть разрешена с помощью идентификации ролей «общего вида»: тот, при ком ты говорил, сказал. . . тот, кому ты хотел передать эти слова, сказал, и т. п. Таким же образом происходит и отождествление собственных имен — ср. бѣ же единз бола лазарь. отъ витаниа градзца мариина. и марты сестры љ. Бѣ же маріе помазакзшиѣ га мврсж (И XI 1—2).

При описании относительно одного акта коммуникации возникают дополнительные трудности, связанные с тем, что тождественное обозначение одной роли или ее исполнителя с помощью имени приводит к эффекту расщепления ее на две и более: ср. напр., когда Кассий в «Юлии Цезаре» Шекспира говорит:

Cassius from bondage will deliver Cassius (I, 3),
то это воспринимается как 3 различных Кассия (или один, но в необычной семиотической ситуации).

В европейских языках для сохранения отношения референциального тождества необходимо введение в текст элементов метаязыковой природы. В принципе косвенная речь может рассматриваться как частный случай прямой речи — а именно как форма, определяющаяся тождественным преобразованием, где «я говорю тебе» вынесено за скобки.

Местоимения 3-го лица оказываются выполняющими двойную функцию — «экстралингвистическую», т. е. указания на роль в акте коммуникации, и «интралингвистическую», т. е. указания на систему отождествления исполнителей ролей в этом акте коммуникации и тем самым указания на то, что они относятся к одному тексту³³.

³³ Характерно, что это разграничение было получено также логиками. См., напр., четкое представление этих функций у

Прежде чем перейти к непосредственной характеристике указательных и личных местоимений 3 лица, интересно вспомнить классификацию местоимений, данную в первой печатной грамматике старославянского языка³⁴ — грамматике Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого в этом отношении целиком следуют за грамматикой Львовского братства.

В описании местоимений старославянского языка, как и дающегося параллельно греческого, эта грамматика продолжает традицию Дионисия Фракийского и Аполлония Дискола³⁵.

Местоимения (ἀντωνυμια) делятся здесь на «первообразные» (πρωτοτυπα) — азъ, ты, он, «указательные» (δεικτικα) — сей, она и «наносные» (ἀναφορικα) — той³⁶ — «свойственно же сему триличное значение αὐτός ἄζъ, αὐτός τῷ, αὐτός ὄн»³⁷.

Согласно этой традиции «онъ» оказывается 1) личным («первообразным») местоимением, «эгоцентрической частицей» аналогичной азъ и ты³⁸. Если «я» здесь обозначает лицо, которое произнесло именно этот экземпляр знака³⁹, то «ты» и «он» равным образом определяются через ситуацию, в которой было произнесено «я» — это роль S_2 для «ты» и S_3 — S_9 для «он». Метаязыковой характер этих слов можно приравнять «к собственно словам в соединении с определенной операцией, а именно операцией «взятия именно этого экземпляра знака». ⁴⁰ Если в этом значении местоимение — это знак знака (ситуации), то в смысле «указательном» и «наносном» это — индексальный знак, относящийся или к внетекстовой ситуации общения (указательные формы, которые в идеальном случае различают и роли S_7 — S_9), или к внутритекстовым связям (анафорические местоимения)⁴¹.

McIver A. M. Demonstratives and proper names. — Analysis, 1936, v. III, № 6.

³⁴ Adelphotos. Львов, 1591.

³⁵ Непосредственным образом в представлении системы местоимений послужила, вероятно, грамматика: *Lascaris C. De octo partibus orationis. Grammatika Graeca. Venetiis, 1512.*

³⁶ Adelphotos, p. 53—58.

³⁷ Там же, с. 58.

³⁸ *Russell B.* Указ. соч.

³⁹ *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1948, гл. VII, 5, 49.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Падучева Е. В.* Указ. соч., с. 249.

При этом дейктические формы предполагают существование некоторого определения — дескриптора, хотя бы только в пресуппозиции, относительно которого и происходит отождествление. Ср. в русском языке: *Ведь я такой только один и есть* (Ф. Достоевский. Подросток) или в старославянском: гла же емоу жена самарѣнзѣни како тзи юдеи сзи от мене пити прошиши жени самарѣнзина сжштга (И IV 9).

Таким образом, анафорические и дейктические значения являются частными случаями значения «первообразных» и исчерпывают их.

Чаще всего выступающее в старославянском анафорическое местоимение онз (в косвенных падежах выступает супплетивная основа и) с помощью категорий рода и числа дает возможность выразить кореферентность соответствующего обозначения: так, в иакоскз же роди Иосифа мжжа Мариина из неѣ же роди са изъ нарицаемый х̄сз (Мт. I 16) форма неѣ определяет кореферентное имя Марии, а не Иосифа, свидетельствуя о переходе патрилинейной родословной в данном случае к матрилинейной.

Это местоимение может находиться и в катафорической позиции: не оубои са прихти са Мариѣ жены твоѣѣ, рождашюю во са къ менѣ ѿ дха ста юстз (Мт I 20).

Выраженный собственным именем антецедент («замещаемое» по Харвегу⁴²) встречается очень часто: прииде изъ ѿ галилеѣ на иуданз к иудансу критити са ѿ него иуданз же възвратиаше юмоу (Мт III 13—14).

Анафорическое местоимение может относиться и к дейктической формуле: кзто са еста ёко кѣтри и море послосущаштга его (Мт VIII 27) или: не са ли еста тектоновз онз не мати ли его нарицаетз са Мариѣ (Мт XIII 55).

В старославянском языке анафорическое местоимение «онз» может соотноситься и с антецедентом, имеющим квантор всеобщности (в современном языке обычно в таких случаях местоимение оказывается некорреферентным⁴³,

⁴² Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1968, S. 14—19. Типы замещения: стр. 20—35.

⁴³ Ross J. R. On the cyclic nature of English pronominalization. To honor Roman Jakobson, v. III. The Hague—Paris, 1967, s. 1666—1682.

хотя встречаются отдельные случаи типа русского *Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек* (Гоголь), где он имеет наряду с некорреферентным и корреферентное значение): *кылакъ во дѣлаи злѣа неакидитъ свѣта і не приходитъ къ свѣтоу. да не о/бличатъ са дѣла его* (И III 20), *показа юмоу ксе цр҃твѣа ксега мира и слакж ихъ* (Мт IV 8).

Контекстно определены (в артиклевых языках — с определенным артиклем) антецеденты в случаях типа: *сзвѣштѣа же сз дѣлателы по пѣнавоу на день послѣа ѣа киногрдъ* (Мт XIX 2), т. е. послал всех тех рабочих, с которыми договорился, ср. во французском: *Etant convenu avec les ouvriers...; il les envoya a sa vigne*. Или: *пришедъше же раби гина рѣша емоу... (Мт XIII 27), цр҃стѣие (небеское) иждитъ са і иждѣици к[зсхы]гажтъ е* (Мт XI 12), *кзныи са оубо олгаремъ кланетъ са имѣ и сжшггими врзхоу его* (Мт XXIII 20).

Онъ может быть консеквентом термина, находящегося под квантором существования: *слѣпецъ егеръ сѣдѣаше... і прѣдиджшггеи прѣшггадхъ емоу* (Л XVIII 35—39), *і оузрѣкъ емоковѣицъ единъ при пжти. приде къ неи* (Мт XXI 19) — ср. англ. *and when he saw a fig tree in the way, he come to it,...*

или: *і абѣе обрѣштѣа ослѣа приѣзано и жрѣба сз нимѣ* (Мт XXI 2) — ср. *and straightway ye shall find an ass tied, and a colt with her*. Что касается «указательного местоимения онъ» (в приименной позиции), то надо обратить внимание на то, что предполагаемые три степени удаления⁴⁴ в описываемом тексте не встречаются в одной ситуации.

В атрибутивной конструкции в Мариинском кодексе онъ встречается в трех контекстах: 1) в постоянном примере третьей степени удаления онъ полъ / исъ покеле ити на

⁴⁴ См. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 189—193; Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1952. Вайан считает, что сѣ и онъ противопоставляются как указание на близкий и удаленный предметы, а тѣ имеет чисто анафорический характер: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 168—169. Типологический характер анализа указательных местоимений в связи с анафорическим обозначением 3-го лица см.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 224.

онъ полъ (на другой берег) (Мт VIII 18) и аналогичных (Мт XVI 5 и др.), 2) въ время оно оуслышавъ иродъ тетрархъ слоухъ икъвъ (Мт XIV 1) и 3) събраша сѧ архиереи и фарисеи къ пилатосу гмѣште ги помѣнжхомъ ёко мѣстецъ онъ рече. еште сѧ живъ (Мт XXVII 63). В последнем случае значение онъ легче всего соотнести с дескриптивным высказыванием в пресуппозиции: «тот обманщик» — это «обманщик, которого вчера...»; такого же типа антецедент можно предположить и в предшествующем примере: время оно — это время, о котором ведется рассказ. Первый пример не дает возможности для такой интерпретации, но и значение указания на самый отдаленный берег кажется здесь не единственно возможным. Здесь обращает на себя внимание разнообразие трактовки в переводах: гр. «на противоположный берег» εἰς τὸ πέραν, лат. «через переправу» trans fretum, англ. «на другую сторону» onto the other side, нем. hinüber ienseit des Meeres и т. п.

В противоположность этому местоимение съ часто встречается в контекстах, где имеет непосредственно указательный характер: ꙗ просгтеръ ржкж на оученикы сксѣ рече. се мати мое и братрѣ мое (Мт XII 49). Интересно, что эта же ситуация, но без непосредственного указания — мать и братья как бы задаются определением, описывается с помощью местоимения тѣ: иже во аще ткоритѣ комж отца моего..., тѣ братрѣ мои и сест(р)ѧ и мати естѣ (Мт XII 50). Ситуацию с указательным жестом предполагают такие примеры, как: кѣто оубо сѧ естѣ ёко и кѣтромъ великтѣ и кодѣ (Л VIII 25), идеже аште проповѣдѣно вждетѣ ебѣние се въ всемъ мирѣ речетѣ сѧ иже створи си въ паматѣ еѣ (Мт XXVI 13), дѣка мѣжа свѣдѣтелѣ рѣcite. сѧ рече мож разорити црква бжнѣж (Мт XXIV 62), примѣте едите се естѣ тѣло мое (Мт XXVI 26), Ѧ естѣ онъ мои къзюблены о немъ же благокоихъ (Мт XVII 5) и многие другие. Во всех этих случаях сѧ соотносится с каким-то конкретным денотатом как знак-индекс.

Но в старославянском языке наблюдается употребление сѧ в дейктическом смысле и по отношению ко всей ситуации, описываемой соответствующим предложением. Этому значению соответствует в переводе на русский язык

вот, на английский behold, на немецкий siehe, на французский voici и т. п. Так, ср. ги се мы оставихомъ всѣ (Мт XIX 27), ср. англ. behold, we have forsaken all, нем. соответствие siehe, wir haben alles verlassen, франц. voici, nous avons tout quitté. і се акисте имъ мози ииѣ съ нима глѣща (Мт XVII 3) — ср. нем. Und siehe, da erschienen ihnen Moses und Elias, франц. Voici, Moise et Elie leur apparurent и т. п.

Иногда съ употребляется в высказывании о реально невидимом в данный момент и, возможно, является своеобразным прагматическим модификатором, аналогичным введению глаголов зрения или указательных частиц в ситуациях, требующих особенного внимания. Это явление особенно характерно для языка притч: напр. и глѣ имъ мзного пригачами глѣ. се изиде сѣи да сѣетъ — ср. немецкий вариант Siehe, es ging ein Säemann aus zu säen и высказываний, требующих особого внимания: се късходимъ къ имъ. и сконачитъ съ всѣ писана пркы. о снѣ члвчцѣма (Л XVIII 31) или: ...се азъ послѣмъ анѣла мои (Мт XI 10).

В приименной позиции съ всегда играет роль непосредственного указания на денотат соответствующего имени: рѣци каменю сему да вждитъ хлѣби (Мт IV 3), рѣци да сждете сѣ сны моѣ един о деснѣжъ тебе и единъ о шнѣжъ тебе (Мт XX 21), хсштъ же сему послѣдномуу дати ёко и тебѣ (Мт 14). Если это имя относится к обозначениям времени или речи, то съ указывает на ближайшее время или известие относительно момента действия: іегда сконачиъ всѣ словеса си. диклѣхъ съ народи о оучении его (Мт VII 28) или: лице небоу и земли оумѣате искоушати. а крѣмене сего не искоушадте (Л XII 56), вѣси вы съблзните съ о манѣ къ съжъ ноштъ (Мт XXVI 31).

В атрибутивной позиции съ выступает и в функции указания на объект, уже определенный в данном контексте, — т. е. замещает его дескрипцию: ср. родъ же съ не исходитъ тѣкмо молитвѣж и постомъ (Мт XVII 21) — «этот вид (сумасшествия)» — это вид, который наблюдался и теперь обсуждается, і пады на камене сема сконроушитъ съ (Мт XXI 44) — «камень этот» — камень, о котором читали, и теперь дается намек на его интерпретацию. Употребление демонстративов при повторе — обычный способ

предотвратить то расщепление значения имени на некорреспондирующие денотаты, о которых говорилось выше. Здесь местоимение *са* выступает в роли анафоры предложения со значением дескриптора, будь это предложение в тексте или только в пресуппозиции.

В позиции субъекта или объекта местоимение *са* может быть анафорически связано с собственным именем: *исходацие же обрѣтѣтѣ чѣка кѣринѣиска. именема симона сему дадеша понести крѣста его (Мт. XXVII 32), приде чѣкѣ когатѣ отѣ ариматѣѣ. именема исифѣ. . . са пристѣпѣ кѣ пилатѣу проси тѣла исѣа (Мт XXVII 57—58).*

В этой же позиции *са* часто используется для анафорической связи с предложением в функции дескриптора: *а сѣднее на камени. са естѣ слышан слово. ябие са радостѣ приемла е. . . (Мт XIII 20) камня егоже не крѣдоу сътвориша зажа жити. са бытѣ кѣ глѣж жгѣлж (Мт XXI 42), прѣтрѣпѣкѣ же до конца са спнѣ вѣдетѣ (Мт X 22). Предшествующее высказывание или сверхфразовое единство анафорически связывается с этим местоимением в таких случаях, как: *а еже сѣсти о деснѣ и о шжѣ мене нѣстѣ манѣ сего дати (Мт XXIV 23), разоумѣете ли вѣсѣ си (Мт XII 51), побѣжда намѣ когда си вѣдѣтѣ (Мт XXIV 3), отѣ чѣкѣ се неказможно естѣ (Мт XIX 26).**

Местоимение *тѣ* выступает в дейктической функции как указание на невидимый в данной ситуации денотат в случаях: ср. *азѣ оубо крѣстѣхѣ кѣ водоѣ. а тѣ крѣститѣ кѣ аѣомѣ стѣамѣ (М I 8) или начѣтѣ исѣ гѣти народомѣ. о исѣнѣ. . . тѣ (е) естѣ илиѣ хотѣи прѣти (Мт XI 7—14), да съвѣдетѣ са реченое пророкомѣ исѣиема гѣжѣемѣ. тѣ не-дѣжѣ. наша прѣчѣтѣ и болѣзни понесе (Мт VIII 17).*

Дейктическая функция при этом часто сливается с анафорической, — указание на таком расстоянии естественно поддерживается выраженным или предполагаемым определением или каким-то высказыванием дескриптивного характера: напр. *прѣдѣте и видѣте чѣка. їже рече ми вѣсѣ елико сътворихѣ. еда тѣ естѣ хѣ (И IV 29), его же аште лѣбѣжж тѣ естѣ имѣте и (Мт XXV 48), і свѣрѣщенѣи стѣатѣирѣ тѣ вѣземѣ дажда имѣ за ма и за са (Мт XVII 27).*

Аналогична картина для тз в приименной позиции: тз родз ничимзже не можетз изити ткмо молиткож и постомз (М IX 29) — указание уже на невидимый («когда вошли в дом, наедине...») объект сливается с определенным в контексте видом и соотносится с некоторым дескриптором. Ср. тзгда взсташа дѣкы ты влса (Мт XXV 7), падз оубо работз кланѣше са емоу гла (Мт XVIII 26), егда же оубо придетз гна кинограда чато сътворитз дѣлтелемз тѣма (Мт XXI 40).

Чаще всего тз выступает в роли анафоры определенных высказываний: блажени чистии срцема яко ти бга оузратз (Мт V 8), омочни съ мзнокж ржкж въ солило тз ма прѣддстз (Мт XXVI 23), иже створитз и научитз тз велии нарет са въ црствии небснжма (Мт V 19).

Анафорически связано местоимение тз с аргументом (в частности, с именем собственным) в таких случаях, как съ естз иоднз крзтителъ. тз въскресе отз мртвѣыхз і сего ради силы дѣйтз са о немъ (Мт XIV 2), ги воу твоемоу поклониши са и томоу единомуу послужиши (Мт IV 10), і бѣша люде жиджце захариа. і чюждоухъ са еже кзшнѣше тз въ црквѣ (Л I 21).

Если местоимения анафорически связаны с двумя противопоставляющимися antecedентами, то первый и последний передаются соответственно через са и тз: ...отз десатзсткоуете матж и копрз. і куминз, і оставите тажаша закона сждз и милостз и вѣрж. си же подоваше сътворити. і тѣхъ не оставите (Мт XXIII 23), хотя одна из этих форм может опускаться: си сътз скврнштгад чакд еже не оумзвенами ржками ѣсти, не скврзнитз чѣкд (Мт XV 20) или: не въходящее въ оустз скврзнитз чѣкд нз исходящее из оустз то скврзнитз чѣкд (Мт XV 11).

Местоимение оза, традиционно считающееся указательным, в рассматриваемом тексте в дейктической функции не встретилось. С помощью этого местоимения здесь оформляется анафорическая связь antecedента, обозначающего класс денотатов, и консеквента, указывающего на член этого класса. Например: ...чѣкд отзхода призвкв скож рабы. і прѣддстз имз имѣние свое. і окомоу же дстз патз таландзтз окомоу же дзба. окомоу же единз. комоуждо

проти́коу силѣ сво.ей (Мт XXVI 14—15), емзше же делате́ле рабаы его окого виша окого же оубиша. окого же камене́ма псвиша (Мт XXI 35), дру́гда же (часть семян) па́дѣ на земи доврѣ, і ддѣхъ плодъ. око что. око шестѣ де́латѣ. око три де́лати (Мт XIII 8) — последний контекст имеет аналогию с око... дру́гое: изиде се́би се́дѣтъ се́мене свсего. і егда се́аше око па́де при пѣти... а дру́гое па́де на камене... а дру́гое па́де по сре́дѣ тръниѣ... (Л XIII 5—7).

На основании данных Мариинского кодекса предварительно можно считать, что местоимение *оу* целиком относится к сфере анафорических связей. Значение *оу* связано с представлением отношения указанного в antecedенте класса и входящего в него подкласса. Специальное оформление анафорической связи отношения включения в класс могло бы быть поддержано в старославянском языке сохранившейся категорией собирательности, отличающейся от множественного числа именно отношением представления класса элементов в смысле иерархии типов.

Если обратиться теперь к выражению референциального тождества в последовательности большей длины, то следует заметить два способа введения в текст нового референта и две разновидности оформления повтора.

Обозначение нового термина может даваться соответствующим именем: *рече же отцѣ къ рабомъ своимъ. изнесете одеждѣ прѣвѣж... дадите прѣтѣна на рѣкѣ его. і сапогы на носѣ* (Л XV 22) или вводиться с помощью указательного местоимения: *кто же еста съ о немъже азъ слышѣ таковаа* (Л IX 9) или: *съ еста онъ мои възлюблены о немъже близкоушѣ. того послушайте* (Мт XVII 5).

Местоименные повторы строятся или на использовании всех или некоторых анафорических элементов, как в примере выше или, напр., в: *і се приде мжжѣ къ исоу. емоу же вѣ има идиръ. і тѣ князѣ съзнамишту вѣ* (Л VIII 41) или — чаще всего — на основе многократного использования местоимения *онъ* (ср. *ітъ же рече... вѣдѣвши же жена ёко не оутѣи сѣ. трепещѣщи приде. і падѣши предѣ нимъ. за нжже винѣ прикоснѣ сѣ емъ. повѣдѣ емоу прѣдѣ вѣсѣми людьми. і ёко исцѣлѣ двие. онъ же р(е)че еи... еше емоу глѣ штоу. приде единъ отъ архисѣнагога гла емоу...*

(Л VIII 46—49), где после собственного имени шесть раз повторяется анафорическое *онз*.

Как указывалось выше, последовательности местоимений *онз* могут быть некореферентны (см., например Л X 25—30, 37), но в случае перемежающихся с ними глаголов речи эти местоимения могут быть идентифицированы.

Однако даже одно анафорическое *онз* может оказаться относящимся не к ближайшему согласованному с ним имени: так, в тексте . . . *и приидѣ къ ѿбви. и свретѣ сѣдѣшѣ чѣка. из негоже бѣси изидѣ. обѣзчена и сѣмыслашѣ при погоу ѿскоу. и оубоешѣ сѣ. къзкъстишѣ же имѣ и видѣкъшѣи како сѣпаге сѣ бѣсзнокѣкѣ. и молишѣ и късѣ народѣ области гадагинскѣ. отити отѣ ниѣз. . . онз же кълезѣ къ корѣвъ къзкрати сѣ. Молѣше же сѣ емоу мѣжѣ. из негоже изидѣ бѣси (Л VIII 35—38). В тексте: и дѣне текѣ единѣ отѣ ниѣз, и приемѣ гѣжѣ, испльнѣ оцѣта. . . напѣше и. . . друугѣ же приемѣ копие прѣводе емоу ребра. . . (Мт XXVII 48—49) «емоу» отстоит от своего имени не только на два предложения, но и «на три действующих лица» (ср. Мт XXVII 46—47). Такого рода явления были отмечены в английском и японском языках⁴⁵. Пока нет языка для описания этих фактов, можно предположить здесь тематическую связь со смысловым центром предшествующего высказывания.*

Однако это не исчерпывает трудностей определения референтов анафорических местоимений. Так, только знание внеязыковых реалий дает возможность решить, с чем соотносятся местоимения в таких случаях, как: чѣкъ бѣ домобитѣ иже насади виноградѣ, и оплотомѣ и огради, и ископа къ немѣ точило. и созда къ немѣ стѣлпѣ. и къдѣстѣ и дѣлѣтелѣмѣ (Мт XXI 33) — отдал хозяин виноградарям весь виноградник или только башню, как предполагается распределением в нем местоимений, становится ясным из реальлексикона и этого текста в целом. . . *анѣл бо гнѣ отѣкали камень отѣ дѣрен грѣба, и сѣдѣше на немѣ (Мт XXVIII 2)* — то, что ангел сидел на камне, а не на гробе, следует только из нашего знания об этом типе захоронений. . .

⁴⁵ Ср. Akmajian A. and Kitagawa C. Deepstructure binding of pronouns and anaphoric bleeding. *Language* (1976), v. 52, s. 61—79.

Но и после исключения подобных примеров остаются случаи типа: *і се мжжа исплзна прокаженнѣ. і видѣкз нса падз ницз моми са емоу. . . і ёби/би/е проказа отиде отз него, і тз запрѣти емоу никомоуже не гати* (Л V 12—14), где отз него и тз относятся к разным субъектам, устроен аналогично тексту: *і знамаах ж са народи малеси слышати и цѣлити са отз него. отз неджугз сксихз: Тз же бѣ охода к поуcтына. . .* (Л V 15—16), где отз него и тз относятся к одному лицу. Как и в языках с артиклем, здесь можно видеть существенную зависимость отождествления местоимений от внеязыкового знания⁴⁶.

Итак, старославянский язык благодаря представленной в нем структуре глаголов речи дает возможность постулировать наличие 9-ти актантных глаголов, т. е. предположить, что акт коммуникации включает в себя в минимальном передупрощенном виде девять ролей. Принятая со времен Теньера трехактантная модель оказывается недостаточной не только для описания значения глаголов речи, но и для экспликации представления двойственного и множественного числа в системе местоимений. В языках, где имеется категория инклюзива—эксклюзива, необходимость более чем трехактантной модели акта коммуникации особенно очевидна.

Единое определение всех личных местоимений относительно акта коммуникации говорит в пользу традиционного в старославянской грамматике единства трактовки местоимений — как 1—2 лица, так и 3 лица (т. е. как в первых грамматиках старославянского языка). Различие между этими двумя подгруппами местоимений связано с планом их выражения: если значения 1—2 лица вводятся только местоименными формами и при повторном употреблении сохраняют тождество обозначения, в связи с чем они не представляют трудности для определения их исполнителей, то значения местоимений для остальных ролей часто выражаются омонимично и в связи с этим чаще вводятся с помощью имен для их исполнителей. Это в свою очередь требует особого механизма отождествления исполнителя каждой роли, что и осуществляется с помощью системы анафорических связей.

Предварительное изучение местоименной анафоры в старославянском языке показывает, что в нем существовало

⁴⁶ *Hamilton G. R. The tell — tale article. London, 1949.*

различие в анафорическом связывании высказывания, с одной стороны, и аргумента, говоря языком Г. Райхенбаха, — с другой. Характерно в этой связи то, что онз используется только для связи с именами, соответствующими аргументам, а и(же), от которого образуются формы косвенных падежей, — только для связи с высказываниями (тем самым и(же) выходит из пределов системы личных и указательных местоимений).

В старославянском языке существовало особое выражение для отношения элемента и представляющего его класса (окз).

Различие кванторов, под которыми выступают термы — antecedentes, не сказывается на их анафорических связях — вероятно, это обусловлено достаточным количеством прямых обозначений кванторов. При этом наблюдается характерное и для других языков неразличение характеристик, непосредственно данных в тексте и данных только в пресуппозиции.

В сплошных цепочках местоимений выделяется подсистема, где возможно однозначное определение отношений референциального тождества — а именно подсистема, устроенная как последовательность вставляемых друг в друга цитат.

С другой стороны, есть цепочки местоимений, antecedentes для которых не могут быть однозначно определены в пределах собственно лингвистических.

Система указательных местоимений дает возможность предположить противопоставление сферы видимого или ближайшего к моменту речи сфере невидимого и более отдаленного от данной ситуации общения (с_л — т_з). Три степени удаления в значении дейктических местоимений обнаружить не удалось.

Все указательные местоимения используются в старославянском языке и в качестве анафорических, но их удельный вес меньше, чем у местоимений онз.

Однако при анафорическом связывании противопоставленных antecedентов используется только пара с_л — т_з.

Особую задачу представляет исследование категории времени в системе личных и указательных местоимений, однако целесообразнее рассматривать эту проблему во всей системе местоимений сразу.

Все эти выводы нуждаются в проверке по текстам всего корпуса памятников старославянского языка.

**КАТЕГОРИЯ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
ПРИ ОДНОМ ВИДЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ**

(конструкции с отглагольным именем)

Т. Н. Свешникова

В задачу данной работы входит описание румынских номинализованных конструкций¹, которые представляют собой различные типы сочетаний глагола в личной форме с именами действия², выступающими в функции прямого или косвенного дополнения с предлогом и обладающими свойством трансформации в личную форму глагола в конъюнктиве³.

Двойственный характер отглагольных имен, их принадлежность к классу существительных, с одной стороны, и их соотносительность с классом глаголов — с другой, ставит перед исследователем ряд задач, которые, по-видимому, можно разрешить лишь при сопоставлении именной конструкции с эквивалентной ей глагольной конструкцией.

Одна из таких задач тесно связана с проблемой опре-

¹ Определение этого понятия см.: *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, с. 193—195.

² Ср.: *Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948, p. 64, 111; см. также: *Carabulea E., Popescu-Marin M.* Exprimarea numelui de acțiune prin substantive cu forma de infinitiv lung și supin. — *Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor în limba română. IV.* București, 1967, p. 275, — где, в частности, дается определение понятия имени действия.

³ Ср.: *Canarache A.* Folosirea infinitivului lung. *Limba română*, 1962, N 3, p. 314—317; *Mării I.* Infinitivul lung cu valoare verbală. *Cercetări de lingvistică*, 1968, N 2, p. 327—331; ср. также: *Ivić M.* Problematika srpskohrvatskog infinitiva. Сборник за филологију и лингвистику, XV/2. Нови Сад, 1972, с. 120. — где отмечается возможность замены сербскохорватского инфинитива да-конструкцией и отглагольным именем; ссылки на другие работы, посвященные данной проблеме, приводятся в тексте статьи.

деленности—неопределенности и состоит в выявлении тех средств, с помощью которых в конструкциях с конъюнктивом отражается неопределенная форма отглагольных имен, соотнесенных с этими конструкциями ⁴.

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению материала, необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, мы принимаем точку зрения ⁵, согласно которой: а) исходным моментом для образования конструкций с конъюнктивом является «склеивание в одно предложение двух ядерных конструкций, одна из которых в глубинной структуре рассматривается как подчиненная по отношению к другой»; б) при этом возможна номинализация подчиненной конструкции, частным случаем которой является введение в поверхностной структуре группы с глагольным именем. Кроме того, предполагается, что подчиняющая ядерная конструкция содержит соотнесительное слово, с помощью которого вводится

⁴ В данной работе мы опираемся, прежде всего, на многочисленные исследования И. И. Ревзина, посвященные категории определенности. Ср., в частности: *Ревзин И. И.* Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1976; *Он же.* Анкета по категории определенности—неопределенности. Публикация и предисловие О. Г. Ревзиной. — Там же; *Он же.* Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. — Проблемы грамматического моделирования. М., 1973; *Он же.* Semnificații cuantificate ale articolului și pronumelui—articol în limba bulgară. — *Studii și cercetări lingvistice*, 1974, N 3. Из румынских работ см.: *Coteanu I.* Contribuții la teoria articolului. — *Studii și cercetări lingvistice*, 1958, N 1; *Guțu Romalo V.* Unele valori ale articolului în limba română actuală. — *Omagiu lui I. Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani.* [București], 1958; *Copceag D.* Contribuție la definirea articolului în limba română. — *Studii și cercetări lingvistice*, 1966, N 1; *Vasiliu E.* Problema articolului și a funcțiilor sale în limba română. — *Limba română*, 1952, № 1. — Из более ранних работ об артикле ср., в частности: *Graur A.* Notes sur l'article postposé en roumain. *Romania*, 1934, t. LX, N 237; *Idem.* Autour de l'article postposé. — *Bulletin linguistique*, V. Paris—București, 1937.

⁵ *Иванов В. В.* К типологии инфинитива в балканских языках. — *Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков.* М., 1976, с. 217.

подчиненная ядерная конструкция ⁶. В дальнейшем, при номинализации, соотносительное слово и подчиненная конструкция замещаются отглагольным именем ⁷. Во-вторых, мы придерживаемся той точки зрения, что у каждого отглагольного имени может быть свой семантический субъект и объект ⁸. С этой целью мы вводим, основываясь на известной работе В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской ⁹ разграничение понятий: а) подлежащее и дополнение (глагола в личной форме) и б) субъект и объект (отглагольного имени).

Важно отметить, что соотносительное слово может иметь две формы: определенную (*faptul*) и неопределенную (*un fapt*) ¹⁰. Соотносительное слово в о п р е д е л е н-

⁶ Pană^{*} Dindelegan G. *Sintaxa transformățională a grupului verbal în limba română*. București, 1974, p. 30, ссылка 30; p. 44, 80, 217; ср. также: Ciobanu F. Unele aspecte ale corespondenței dintre elementele prepoziționale și cele conjuncționale, cu referire specială la locuțiuni. — *Studii de gramatică*. III [București], 1961, p. 71—72, — где анализируется употребление соотносительных слов *faptul* и *aceea* в современном румынском языке; о роли соотносительных слов при образовании русских сложноподчиненных предложений см. в работе: Карпинская О. Г., Юлдашева Г. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений в русском языке. — Структурная типология языков. М., 1966, с. 185—193; ср. также: Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения. — Семиотика и информатика. М., 1975, с. 59, 63.

⁷ Ср., в частности: Pană Dindelegan G. Указ. соч., с. 153, ссылка 22.

⁸ См., в частности: Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.—Пг., 1923, с. 66 (*действие и его субъект; действие и его объект*); ср. также: Lombard A. *L'infinifitif de narration dans les langues romanes*. Uppsala—Leipzig, 1936, p. 223 (*l'idée de sujet; l'idée d'objet*); эта традиция восходит, по-видимому, еще к латинским грамматикам; ср., например: *Grammaire générale et raisonnée de Port—Royal*. Paris, 1846, p. 158—159, где с этой точки зрения анализируются фразы с латинским инфинитивом.

⁹ Сидорова В. Н., Ильинская И. С. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4, с. 343—354.

¹⁰ Ср.: Pană Dindelegan G. Указ. соч., с. 31, *passim*, где при помощи соотносительного слова в определенной форме (*faptul*) вводятся конструкции а) с глаголом в конъюнктиве (ср.: *Doresc faptul să vii*); б) с глаголом в индикативе и союзами *că, dacă* (ср.: *Știi faptul că ai venit; El mă întreabă faptul dacă am obosit*), в то время как соотносительное слово в неопределенной форме (*un fapt*) вводит подчиненные конструкции с глаголом в индикативе и соединительными словами *unde, cu cine, cînd, ce* (ср.: *El cercetează un fapt unde am plecat; Știi un fapt cu cine ai plecat*); проблема соотноси-

и о й ф о р м е и подчиненная конструкция, которую оно вводит, замещаются при номинализации отглагольным именем с определенным артиклем, в то время как соотносительное слово в неопределенной форме и соответствующая ему подчиненная конструкция замещаются отглагольным именем с неопределенным артиклем. Ср., например, две следующие фразы: (1) *O editură ajută la limpezirea culturii naționale* (Luceaf., 25 apr. 1970) досл.: 'Всякое издательство способствует выявлению национальной культуры'; (2) *O editură ajută la o limpezire a culturii naționale* досл.: 'Всякое издательство способствует [некоторому] выявлению национальной культуры'. (1) содержит отглагольное имя в определенной форме; трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется при помощи соотносительного слова *faptul* с определенным артиклем. Ср.: *O editură ajută [la faptul] să se limpezească cultura națională* ↔ *O editură ajută să se limpezească cultura națională*. (2) отглагольное имя стоит в неопределенной форме; трансформация в конструкцию с конъюнктивом происходит с помощью соотносительного слова *un fapt* в неопределенной форме. Ср.: *O editură ajută [la un fapt] să se limpezească cultura națională* ↔ *O editură ajută să se limpezească [oarecum] cultura națională*. Отметим введение неопределенного наречия *oarecum* 'как-то, в какой-то

тельных слов, по-видимому, очень занимала И. И. Ревзина, у которого существует, в частности, совершенно особое осмысление соотносительного слова *to*, вводящего дополнительные предложения в русском языке (ср.: *Я обратил внимание на то, что ребенок мало спит*). Он подчеркивает, что 1) *to* не связано с предыдущим текстом; 2) оно не выделяет объект из класса и не идентифицирует его; 3) *to* можно считать с у б с т а н т и в а т о р о м, который превращает придаточное предложение в наименование некоторого нового объекта; 4) *to* можно сопоставить с артиклем в генерализующей функции (см.: *Ревзин И. И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. — Проблемы грамматического моделирования, с. 124—125*). Все эти положения во многом применимы и к рассматриваемым здесь румынским фактам. В то же время, румынский материал, по-видимому, дает возможность сделать ряд дополнительных наблюдений, связанных, в частности, с тем, что соотносительное слово *fapt* в румынском, как мы уже говорили, может иметь как о п р е д е л е н н у ю, так и н е о п р е д е л е н н у ю форму и что поэтому соответствующие номинализации могут противопоставляться по о п р е д е л е н н о с т и — н е о п р е д е л е н н о с т и.

степени' во фразе с конъюнктивом (это явление будет нами рассмотрено отдельно).

К тому, что уже было сказано, необходимо сделать несколько дополнительных замечаний об употреблении артикля в конструкциях с отглагольными именами (речь идет только о тех конструкциях, которые рассматриваются в данной работе).

1. Наблюдения над употреблением артикля в конструкциях с отглагольными именами позволяют утверждать, что в большинстве случаев имена действия стоят в определенной форме. В этом смысле характерным является тот факт, что в различных трансформациях с отглагольными именами, прежде всего, устанавливается соответствие между отглагольным именем в определенной форме и соответствующей личной формой глагола. Таким образом, определенная форма для отглагольного имени как бы является немаркированной. Ср., например: *Ne recomandă să tăcem și să rostim la timpul potrivit* ↔ *Ne recomandă tăcerea și rostirea la timpul potrivit* (Vianu, 241) досл.: 'Рекомендует нам *молчание* (=молчать) и *говорение* (=говорить) в определенное время', где употребление отглагольных имен в определенной форме не обусловлено грамматически (например, наличием определения в форме существительного в генитиве или притяжательного местоимения)¹¹.

Кроме того, для целого ряда отглагольных имен (с у б с т а н т и в и р о в а н н ы й с у п и н) единственно возможной является о п р е д е л е н н а я ф о р м а. Ср.,

¹¹ Ср. также интересный пример в работе: *Carabulea E., Popescu-Marin M.* Op. cit., p. 302: *Nu mai înceta cu sărutatul / Nu mai înceta cu sărutarea, a săruta, să sărute*, где приводится целый ряд синтаксических эквивалентов (субстантивированный супин; субстантивированный полный инфинитив; инфинитив со своим показателем; конъюнктив), причем отглагольные имена стоят в определенной форме (правда, это можно объяснить также и тем, что отглагольным именам предшествует предлог *cu*, но если заменить глагол *a înceta* глаголом, который не требует предложного управления, отглагольные имена по-прежнему будут стоять в определенной форме); ср. аналогичный пример в работе: *Hansen A. R.* *Artikler systemet i rumænsk.* København, 1952, p. 142: *Necesitatea cititului a devenit la ei egală cu necesitatea de a respira și de a minca.* — *Acum se adaugă pe lângă celelalte și citirea*, где также содержится целый ряд синтаксических эквивалентов: субстантивированный супин; инфинитив; субстантивированный полный инфинитив, причем отглагольные имена стоят в определенной форме.

например: Terminînd *cusutul* Ioanide merse la comutator (Căl., 30) досл.: 'Кончив *шутье*, Иоаниде подошел к выключателю'; A buchisit o vară întregă deprinzînd *cititul* (R. lit., 15/74, 9) досл.: 'Он читал по слогам целое лето, учась *чтению*'; Trebuia să înceară *cititul* și *scrisul* (Lumea, 14/74, 24) досл.: 'Он должен был начать *чтение* и *писание*'.

Для многих фраз с субстантивированным полным инфинитивом в определенной форме также не существует соответствующих пар с отглагольным именем в неопределенной форме. Причину такой несимметричности не всегда легко обнаружить. По-видимому, это в значительной степени объясняется семантикой соответствующего отглагольного имени. Например: . . . consiliul Universității a propus și a votat *includerea* . . . lui Charles Diehl (Diehl, I, XI) досл.: 'Совет Университета предложил и проголосовал [за] *включение* Шарля Диля [в списки ученых, представленных к званию доктора *honoris causa*]'.

Отглагольное имя в этом примере, по-видимому, не может стоять в неопределенной форме (ср. нелепость такого сочетания, как: **o includere* a lui Charles Diehl 'какое-то, некоторое *включение* в списки Шарля Диля'). Ср. также следующую фразу, в которой употребление отглагольного имени с неопределенным артиклем, в равной степени, невозможно: Iulia solicită mereu *ieșirea* din mănăstire a Angelicăi (R. lit., 22/75, 19) досл.: 'Юлия настойчиво требует *выхода* Анжелики из монастыря' (ср.: **o ieșire* din mănăstire a Angelicăi 'какой-то, некоторый *выход* Анжелики из монастыря'). Ср. также: Notele particulare ale grafului individual nu îngreuiază *înțelegerea* limbii (Pușc., 81) досл.: 'Частные особенности индивидуального выговора не затрудняют *понимание* языка' (*o înțelegere* a limbii 'некоторое, какое-то, частичное *понимание* языка' в данном контексте, видимо, невозможно); ср. также: Bunica însăși cere *internarea* lui la reeducare досл.: 'Сама бабушка требует *помещения* его в исправительную колонию' (где, по-видимому, невозможно *o internare*, т. е. 'какое-то, некоторое, частичное *помещение* кого-то куда-то').

Наконец, те фразы, в которых отглагольное имя стоит в неопределенной форме, имеют соответствующую пару с отглагольным именем в определенной форме (за исключением одного случая, который будет рассмотрен отдельно). Ср., например, следующую пару: (1) Redarea unei expresii

într-o limbă străină cere de multe ori o schimbare a structurii însăși (Pușc., 10); (2) Redarea unei expresii într-o limbă străină cere de multe ori schimbarea structurii însăși.

Все это еще раз подтверждает ту мысль, что для отглагольных имен (по крайней мере, для тех отглагольных имен, которые здесь рассматриваются, и для тех позиций, в которых они стоят) основной формой является определенная, а неопределенная производной¹². Немаркированность определенной формы и маркированность неопределенной, по-видимому, характерны и для древних языков¹³.

2. Наибольший интерес представляют, как нам кажется, случаи употребления неопределенной формы отглагольного имени. При этом следует различать 1) грамматически и 2) семантически обусловленное употребление неопределенного артикля.

Употребление неопределенного артикля обусловлено грамматически, если отглагольное имя определяется прилагательным, стоящим после него. Это правило действует,

¹² В этом смысле чрезвычайно интересны наблюдения О. Денсушану (ср.: *Densustanu O. Opere. Lingvistica. Histoire de la langue roumaine*, II. București, 1975, p. 575—577) над некоторыми формами полного инфинитива в румынском языке XVI в. В примерах Денсушану полный инфинитив имеет, в равной мере, черты глагола (показатель инфинитива; прямое дополнение в аккумулятиве) и имени (наличие определенного артикля). Эта последняя черта, по мнению Денсушану, свидетельствует о переходе полного инфинитива в класс имен. Для нас интересно то, что полный инфинитив в примерах Денсушану стоит в определенной форме. Ср.: а) полный инфинитив с показателем инфинитива и определенным артиклем: *să n'aibă a judecarea*, *peci adărea*, *nici aluarea*; *să ne dea Măria Lui aștirea*; с показателем инфинитива, возвратным местоимением и определенным артиклем: *să nu iasă a se judecarea*; с показателем инфинитива, определенным артиклем и прямым дополнением: *pre răbdare și a rățirea chin pot intra în slava lui*; б) полный инфинитив с предлогом *de*, показателем инфинитива *a* и определенным артиклем: *lăsa de a grăirea*; *în a șaptea dzi tu răzună de a ațarea și de a sesegarea*; с предлогом *de*, показателем инфинитива, возвратным местоимением и определенным артиклем: *nu va fi folos de a ne căirea*; с предлогом *de*, показателем инфинитива, определенным артиклем и прямым дополнением: *e vremea de a grăimirea bunăitatea*.

¹³ Ср. наблюдения В. В. Иванова над выражением категории определенности—неопределенности в хеттском языке, где немаркированной является определенная форма (Иванов В. В. О связи относительности с определенностью. — Доклад, сделанный в секторе в декабре 1976 г.).

по-видимому, особенно жестко тогда, когда прилагательное употреблено в сравнительной степени. Например: *A înlesnit celor doi evadați o intrare m a i ru ț i n p r i t o r e a s c ă în Toulouse* (R. lit., 18/75, 19) досл.: 'Облегчил двум беглецам менее красочное вступление в Тулузу'. Ср. также: *Putem ajunge la o înțelegere m a i p r o f u n d ă a faptelor de limbă analizate* (Coteanu, 23) досл.: 'Мы можем прийти к более глубокому пониманию анализируемых языковых фактов'.

Во всех остальных случаях¹⁴ употребление отглагольного имени с неопределенным артиклем несет особую семантическую нагрузку¹⁵. Интересно, что семантика отглагольного имени в неопределенной форме выявляется не только при сопоставлении с соответствующим отглагольным именем в определенной форме, но и в процессе трансформации конструкции с отглагольным именем в конструкцию с конъюнктивом, когда, по нашим наблюдениям, рядом с глаголом в конъюнктиве появляется некий семантический эквивалент неопределенного артикля, имеющий форму сложного наречия.

Далее рассматриваются два типа таких эквивалентов: а) сложные неопределенные наречия *cumva* 'как-нибудь'; *oarecum* 'как-то, как-нибудь; до некоторой степени'; *întrucîtva* 'в какой-то степени'; *într-un fel, într-un mod* 'каким-то образом'; *într-o măsură* 'в какой-то степени'¹⁶; б) сложное наречие *o dată* 'один раз, однажды'¹⁷. Ср.,

¹⁴ Речь идет лишь о тех конструкциях с отглагольным именем, которые рассматриваются в данной работе.

¹⁵ По-видимому, это одно из важных свойств румынского неопределенного артикля. Ср., например, наблюдения над семантикой этого артикля в работах: *Dimitrescu F. Observații asupra valorilor afective ale articolelor nehotărîte în limba română. — Studii și cercetări lingvistice, 1954, N 1—2, p. 93—97; Onu L. Valoarea stilistică a articolului nehotărît. — Steaua, 1955, N 3, p. 120—122; Zdrenghea M. Articulat-nearticulat. — Cercetări de lingvistică, 1956, N 1—4, p. 137—140.*

¹⁶ Тесную семантическую связь этих наречий подтверждают данные толковых словарей. Ср., например: *cumva* = *într-un fel oarecare*; *oarecum* (DLRLC, I, p. 605; DLRM, p. 206); *cumva* = *oarecum, întrucîtva* (Candrea, Adamescu, p. 368); *oarecum* = *întrucîtva*, *într-o măsură oarecare* (DLRLC, III, p. 235; DLRM, p. 551); *întrucîtva* = *într-o măsură oarecare* (DLRLC, II, p. 677; DLRM, p. 429).

¹⁷ Ср. семантические эквиваленты, которые приводятся в некоторых словарях для толкования этого адверба: *o dată* = *într-un singur rînd, o singură dată* (DLRM, p. 215); *o dată* = *într-un singur rînd, nu de mai multe ori* (DLRLC, II, p. 14); в румынской грамма-

например: (1) *Mă voi gândi... la o înpoiște a mijloacelor de expresie* (Sor., 106) досл.: 'Я подумаю о [некотором] обновлении выразительных средств' (1) имеет соответствующую парную фразу с отглагольным именем в определенной форме. Ср.: (1') *Mă voi gândi la înpoiște a mijloacelor de expresie* 'Я подумаю об обновлении выразительных средств'. Нетрудно заметить, что (1') имеет несколько иной смысл, чем (1), хотя точное значение отглагольного имени в определенной форме не вполне ясно. Трансформация (1) в конструкцию с отглагольным именем дает следующий результат: *Mă voi gândi să înpoiștesc [oarecum, într-un fel, întrucîtva] mijloacele de expresie* 'Я подумаю [о том], чтобы [как-то, каким-то образом, в некоторой степени] обновить выразительные средства', где наречия *oarecum, într-un fel, întrucîtva* служат эквивалентом неопределенного артикля при отглагольном имени. Ср. также: (2) *Încercă el timid o ieșire din cercul fatal* (Pard., 202) досл.: 'Попробовал он робко [какой-то] выход из фатального круга'. (2) соответствует следующая фраза с отглагольным именем в определенной форме: (2') *Încercă el timid ieșirea din cercul fatal* досл.: 'Попробовал он робко выход из фатального круга', где отглагольное имя в определенной форме имеет значение 'любой, какой угодно выход'. (2) следующим образом трансформируется в конструкцию с конъюнктивом: *Încercă el timid să iasă [oarecum, într-un fel] din cercul fatal* досл.: 'Попробовал он робко [как-то, каким-то образом] выйти из фатального круга'.

Особый интерес представляют фразы, в которых неопределенному артиклю при отглагольном имени соответствует в трансформе с конъюнктивом адverb *o dată*. Ср., например, следующие две фразы, противопоставленные друг другу по определенности—неопределенности: (1) *Așteptam în tîlnire a cu însuși Richter* (Cont., noiembrie., 69) 'Я ждал(а) встречи с самим Рихтером'; (2) *Așteptam o întîlnire cu însuși Richter* 'Я ждал(а)

тической традиции *o dată* носит название адverbиального числительного (*numeral adverbial*), см. в этой связи: *Iordan I. Limba romînă contemporană*. București, 1956, p. 364, § 6; p. 471; *Graur Al. Gramatica azi*. București, 1973, p. 84, § 59; p. 165; *Gramatica limbii romîne, I*. București, 1963, p. 194—195, § 188.

[какой-нибудь] в встречи с самим Рихтером'. (2) следующим образом преобразуется в конструкцию с конъюнктивом: (2') *Așteptam să mă întâlnesc [o dată] cu însuși Richter* 'Я ждал(а), что [как-нибудь однажды] в встречу с самим Рихтером', где *o dată* служит семантическим эквивалентом неопределенного артикля. Отметим также пример, в котором неопределенному артиклю при отглагольном имени соответствует в трансформе с конъюнктивом адverb *o singură dată* 'единственный раз': *A acceptat o întâlnire cu presa (Cont., noiembrie, 1969) ↔ A acceptat să se întâlnească [o singură dată] cu presa* 'Согласился встретиться [один-единственный раз] с представителями печати'.

Отметим также примеры, где фраза с отглагольным именем в определенной форме имеет соответствующую пару с глаголом в личной форме, в то время как конструкции с отглагольным именем в неопределенной форме соответствуют два трансформа: 1) с *cumva*; 2) с *o dată*. Ср.: (1) *Bormann a hotărît să încerce tresegea prin liniile sovietice (Lumea, 50/75, 31) ↔ (1') Bormann a hotărît să încerce să treacă prin liniile sovietice* досл.: 'Борман решил попытаться перейти советскую [демаркационную] линию'; (2) *Bormann a hotărît să încerce o tresege prin liniile sovietice ↔ (2') Bormann a hotărît să încerce să treacă [cumva, oarecum, într-un fel] prin liniile sovietice* досл.: 'Борман решил попытаться перейти [как-нибудь, каким-то образом] советскую демаркационную линию'; (2) ↔ (2'') *Bormann a hotărît să încerce să treacă [o dată] prin liniile sovietice* досл.: 'Борман решил попытаться перейти [как-нибудь однажды] советскую демаркационную линию'.

Рассмотренные примеры лишней раз доказывают трудность (или даже невозможность) разграничения в румынском языке неопределенного артикля, порядкового числительного и неопределенного местоимения, которые омонимичны в единственном числе и частично совпадают в своем значении¹⁸. Мы видели, что 1) каждой

¹⁸ См. в этой связи: *Jordan I. Limba română contemporană*, p. 330, § 4, где отмечается семантическое сходство между существительным в неопределенной форме и существительным с неопреде-

фразе с отглагольным именем в неопределенной форме соответствует фраза с отглагольным именем в определенной форме; это свидетельствует, по-видимому, в пользу того, что и в том, и в другом случае мы имеем дело с артиклем; 2) с другой стороны, фразе с отглагольным именем в неопределенной форме соответствует трансформ с глаголом в личной форме и сложным наречием, которое служит семантическим эквивалентом неопределенного артикля отглагольного имени. Характер семантических эквивалентов, — неопределенного наречия, в одном случае, и адвербиального числительного во втором, — дает основания предполагать, что в первом случае мы имеем дело в именном трансформе с неопределенным местоимением, а во втором — с числительным. Но это предположение увело бы наше исследование в другую область. Здесь для нас важно, прежде всего то, что фразы, которые мы рассматриваем, противопоставлены по определенности—неопределенности. В первом случае это фраза с отглагольным именем в определенной форме, во втором — фраза с от-

ленным местоимением или порядковым числительным, которое объясняется генетической общностью этих элементов; ср. также интересный пример, который приводит О. Денсушану в своем описании румынского языка XVI в.: *întru o de acelea vreme* досл.: В одно из тех времен', где, по мнению автора, неопределенный артикль *o* ошибочно употреблен вместо числительного *una* (*Densusianu O. Istoria limbii române*, II. București, 1961, p. 247, § 117); ср. также: *Zdrenghia M. Un, o—articol, numeral, pronume. Limba română*, 1960, № 5, p. 37—39, где указывается на то, что элементы *un, o* сохранили в современном языке то же тройное значение, которое имели *unus, una* в поздней латыни, а именно, значение числительного, неопределенного местоимения и неопределенного артикля и отмечается, что 1) числительное и неопределенный артикль противопоставляются друг другу по признаку ударность—безударность и что 2) в словосочетаниях с числительным входят лексемы, которые не могут употребляться в словосочетаниях с неопределенным артиклем (например: *pe câmp ară un plug=pe câmp ară un plug* п и ш а і. 'В поле работает один плуг=В поле работает т о л ь к о один плуг'); в грамматике С. Попа также подчеркивается трудность разграничения неопределенности артикля, неопределенного местоимения и числительного. В качестве одного из возможных способов идентификации неопределенного артикля предлагается противопоставление ему определенного артикля. Ср., например: *mi-am cumpărat un ceas de aur* 'Я купил себе золотые часы'; *mi-am cumpărat ceasul de aur* (см.: *Pop S. Grammaire roumaine*. Verne, 1948, p. 172).

глагольным именем, которому предшествует какой-то неопределенный показатель¹⁹.

3. Употребление нулевого артикля (иначе говоря, опущение артикля) возможно в конструкциях с отглагольными именами только в том случае, когда отглагольному имени предшествует предлог (любой, кроме *cu*) и при этом нет определения²⁰. Ср.: *Porniseră la plimbare* (Z. um., 304) 'Отправились на прогулку'; *Peștii nu renunță la scăpare* (Voic., I, 28) досл.: 'Рыбы не отказываются от спасения'; *Se pregătea de plecare* (H. Z., 277) 'Он(а) готовился(-ась) к уходу (отъезду)'.

* * *

Все изложенное выше учитывается в дальнейшем при более детальном анализе конструкций с отглагольными именами.

Беспредложные конструкции рассматриваются отдельно от конструкций с предлогом.

В качестве одного из оснований для классификации считается способ выражения субъекта отглагольного имени²¹.

Беспредложные конструкции с отглагольным именем.

1. В современном языке порядок расположения элементов рассматриваемой конструкции — строго определенный: на первом месте стоит глагол в личной форме, на втором — отглагольное имя. Ср., например: *Începuse publicarea unui roman* (Chor., 144) 'Он(а) начал(а) публикацию нового романа'.

¹⁹ Ср. употребление этого термина: Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974, с. 64.

²⁰ Ср. замечание, высказанное в работе: Hansen A. R. Artikel systemet i rumænsk. København, 1952, p. 163: «Les prépositions experiment une relation concrète et, devant un substantif isolé, elles suppléent l'article enclitique»; употребление неопределенного артикля в данном случае возможно, ср.: *Porniseră la o plimbare*; проблемы взаимодействия предлога и неопределенного артикля рассматриваются также в работах: Ghegariu L. Articularea substantivului după prepoziție în limba română. — *Limbă și literatură*, 1957, N 3; *Coja Ion Z. Articularea substantivelor precedate de prepoziții. — Studii și cercetări lingvistice*, 1968, N 4.

²¹ См. в этой связи: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, I—II. М., 1958, с. 341—342; ср. также: Frîncu C. Încuiera infinitivului în limba română veche. — *Anuar de lingvistică și istorie literară*, XX, 1969, p. 82.

2. Отглагольное имя может располагаться контактно и дистантно по отношению к глаголу. Примеры контактного расположения: *De ce refuz colaborarea cu studiourile americane?* (R. lit., 17/76, 23) 'Почему я отвергаю сотрудничество с американскими студиями?'; *Așteaptă trecerea și întoarcerea avioanelor* (Вăп., 65) досл.: 'Ждем пролета и возвращения самолетов'. При дистантном расположении элементов между глаголом в личной форме и отглагольным именем встречаются следующие лексемы: а) различные адverbьы, такие, как, например, *aici* 'здесь', *astfel* 'таким образом', *parcă* 'словно', *pe cât se poate* 'насколько возможно', *pe deplin* 'полностью' и др.; б) личные местоимения в функции подлежащего глагола в личной форме. Ср., например: *Încercă el timid o ieșire din cercul fatal* (Pard, 202) досл.: 'Предпринял он робко выход из фатального круга'; в) существительные в дативе²² (в функции косвенного дополнения глагола). Например: *Bunin a săutăt să înlesnească lui Briusov și Balmont publicarea poeziilor lor* (Nic, 76) досл.: 'Бунин попытался облегчить Брюсову и Бальмонту публикацию их стихов'.

Синтаксические свойства глагола в беспредложных конструкциях с отглагольным именем.

Глагол в рассматриваемых конструкциях должен обладать, по крайней мере, двумя синтаксическими свойствами: 1) он должен быть переходным глаголом с объектной валентностью, реализованной при помощи отглагольного имени. Ср.: *Încercase în gând rostirea lecției de a doua zi* (Teod. L, 188) досл.: 'Он попробовал мысленно произнесение завтрашней лекции'²³; 2) кроме того, он должен принадлежать классу глаголов, обуславливающих конъ-

²² Проблема румынских падежей настолько сложна, что, как известно, заставляла такого тонкого лингвиста, каким был С. Пушкиариу, сомневаться в самом существовании морфологической категории падежа (см.: *Pușcariu S. Limba română, I. București, 1940, p. 141—142*). Тем не менее, большинство современных румынских исследователей в своих работах придерживается традиционного деления на *номинатив, генитив, датив, аккузатив и вокатив* (ср., например, *Guțu Romalo V. Sintaxa limbii române. Probleme și interpretări. 1973, p. 92—107; Vasiliu E., Golopenția-Ereescu S. Sintaxa transformățională a limbii române. București, 1969, p. 246, 247 passim*). Мы в нашей работе также следуем этой традиции.

²³ Для конструкций с отглагольными именами не всегда легко найти русский эквивалент. Иногда приходится прибегать к непривычным, а порой и заведомо неправильным оборотам.

юнктив. Ср.: *Încercase în gând să rostească lecția de a doua zi* 'Он попробовал мысленно произнести завтрашнюю лекцию'.

Типы отглагольных имен, которые встречаются в рассматриваемых конструкциях.

Возможно употребление следующих типов *nomina actionis*: 1) так называемый субстантивированный полный инфинитив (*infinitivul lung*); 2) субстантивированный супин; 3) другие типы отглагольных имен.

Первый тип образуют весьма употребительные и продуктивные имена действия на *-re*²⁴. Они обладают всеми свойствами существительного, т. е. могут изменяться по числам и падежам, употребляться с артиклем, иметь определение в форме прилагательного, притяжательного местоимения и существительного в генитиве, и в то же время сохраняют некоторые черты глагола, в частности, способность сочетаться с наречием, ср.: *plecarea acasă* 'уход (отъезд) домой'.

Ко второму типу *nomina actionis* относятся отглагольные имена на *-t* и *-s*, которые, по мнению большинства современных исследователей, представляют собой субстантивированный супин²⁵. Эти отглагольные имена, в не-

²⁴ Из литературы, посвященной этому типу отглагольных имен, см., прежде всего, уже упоминавшуюся работу: *Carabulea E., Popescu-Marin M.* Op. cit., p. 275—320; ср. также: *Gramatica limbii române*, I, p. 224, 228; *Sandfeld Kr., Olsen H.* *Syntaxe roumaine*, I. Paris, 1936, p. 272—274; *Diaconescu I.* *Infinitivul în limba română. Rezumatul tezei de doctorat.* București, 1971, p. 19—23. Данный тип отглагольного имени, как отмечают исследователи (ср., в частности, *Asan F., Vasiliu L.* *Unele aspecte ale sintaxei infinitivului în limba română.* — *Studii de gramatică*. I, 1956, p. 110—111; *Diaconescu I.* *Infinitivul lung în secolul al XVI-lea.* — *Studii și cercetări lingvistice*, 1967, N 4, p. 436), существует уже в первых дошедших до нас памятниках румынской письменности. В это время полный инфинитив выступает в двух функциях — именной и глагольной, причем уже в XVI в. доминирующей является именная функция. Интересно, что, по недавно опубликованным данным, то же соотношение существует в современном мегленорумынском, который, в отличие от дакорумынского, почти полностью утратившего полный инфинитив в глагольной функции, сохранил обе функции полного инфинитива (см.: *Atanasov P.* *Infinitivul meglenoromân.* — *Studii și cercetări lingvistice*, 1976, N 2, p. 137—150).

²⁵ Ср., например: *Carabulea E., Popescu-Marin M.* Op. cit., c. 279—289; *Gramatica limbii române*, I, p. 233—234; *Iordan I., Guțu Romalo V., Niculescu A.* *Structura morfologică a limbii române contemporane.* București, 1967, p. 208—209.

которых случаях, по-видимому, противопоставляются именам на *-re* по признаку факт / процесс. Об этом свидетельствуют, например, данные толковых словарей, в которых имена на **re* сопровождаются термином *acțiune* 'действие', в то время как имена на *-t*, *-s* — термином *fapt* 'факт'²⁶.

Другие типы имен действия значительно реже встречаются в конструкциях с отглагольным именем. Отметим некоторые случаи: а) имена с суф. *-ție*, ср.: *Se grăbi să înceară discuția* (=să discute) (Pard., 112) 'Поспешил начать разговор'; б) имена без суффикса, образованные от основы глагола, ср.: *Prietenul meu sfârși povestea* (=să povestească) (Voic., I, 321) 'Мой друг кончил рассказ'; в) имена, образованные от глагола простым отсечением окончания, ср.: *A început colindul străzilor* (=să colinde străzile)²⁷. Досл.: 'Начал обход улиц'; г) имена, унаследованные из латыни или заимствованные из других романских языков, ср.: *Au început fuga* (=să fugă)²⁸ досл.: 'Начали бегство'. Следует отметить, что эти случаи являются единичными и что большинство отглагольных имен, которые встречаются в рассматриваемых конструкциях, относятся к первому и второму типам.

* * *

Далее рассматриваются различные виды беспредложных конструкций с отглагольными именами в зависимости от способов выражения их субъекта. При этом выделяются следующие типы: 1) субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме; 2) субъект отглагольного имени соотносится с его определением в форме существительного в генитиве; 3) субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола в личной форме.

Субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме.

²⁶ См., например: *Dicționarul limbii române moderne* [Buc.], 1958, p. 787; *Spălare, spălări*, s. f. — *Acțiunea de a (se) spăla; Spălat, uri*, s. n. — *Faptul de a (se) spăla*.

²⁷ Пример взят из книги: *Jordan I. Limba română actuală. O gramatică a greșelilor*. București [1947], p. 245—246.

²⁸ Пример заимствован из: *Gramatica limbii române*, II, p. 243. § 726.

Необходимым условием этого тождества является принадлежность Vfin к семантически строго определенному классу глаголов. Сюда относятся, по нашим данным, глаголы со следующими значениями: а) 'начинать', 'продолжать', 'кончать'; б) 'рисковать'; в) 'стремиться, пытаться'; г) 'избегать'; д) 'выучивать, усваивать' и некоторые другие.

Тождеством субъектов объясняется ряд важных особенностей анализируемых структур. Так, например, существительное в генитиве, определяющее отглагольное имя, может быть только генитивом объекта²⁹. Ср., например: (1) *El înceriu tipărirea unui nou memoriu de lucrări* (Căl., 152) досл.: 'Он начал печатанье нового списка работ'. Кроме того, при трансформации в конструкцию с конъюнктивом лицо и число глагола в конъюнктиве совпадает с лицом и числом Vfin. Ср.: (1') *El înceriu să tipărească un nou memoriu de lucrări (înceriu — III л. ед. ч. и să tipărească — III л. ед. ч.)*.

Рассматриваемые конструкции обычно состоят из глагола в личной форме (с подлежащим, — выраженным или подразумеваемым) и отглагольного имени в функции прямого дополнения глагола. Отглагольное имя может иметь определение в форме существительного в генитиве или притяжательного местоимения, которые играют роль объекта. Кроме того, как мы отмечали, в целом ряде случаев для отглагольного имени возможна как определенная, так и неопределенная форма.

²⁹ О генитиве субъекта и объекта см., прежде всего, в работе: Бенвенист Э. К анализу падежных функций: латинский генитив. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 162—164; ср. также: Pușcariu S. *Limba română*. I. București, 1940, p. 189; Богородицкий В. Н. Синтаксис родительного падежа в русском языке. — Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, с. 211; Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. — Selected writings. II. Word and Language. The Hague—Paris, 1971, p. 37—44; Watkins C. Remarks on the genitive. — To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday, III. The Hague—Paris, 1967, p. 2197—2198; ср. также: Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — Новое в лингвистике. V. М., 1970, с. 145; Резвин И. Трансформационное исследование конструкций с субъективным и объективным приименным дополнением (genitivus subjectivus и genitivus objectivus). Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, с. 88—96.

В первом случае определение в генитиве присоединяется к отглагольному имени без генитивного артикля, во втором случае при помощи него³⁰. Ср., например: (1) *Începuseră reeditarea istoricilor* (Diehl, 1, 4); (2) *Începuseră o reeditare a istoricilor*. Если отглагольное имя соотносится с непереходным или возвратным глаголом, оно не имеет несогласованного определения. Ср.: *Imediat ce termină povestirea se simți prost* (Ivas., 21) досл.: 'Как только он(а) кончил(а) рассказ, он(а) почувствовал(а) себя плохо'.

Трансформацию всех видов рассматриваемых здесь конструкций в конструкцию с конъюнктивом, видимо, целесообразно, производить в два этапа. Характер преобразований на каждом этапе зависит от двух факторов: 1) наличие—отсутствие определения в генитиве; 2) форма отглагольного имени с точки зрения определенности—неопределенности.

Ср., например, следующую пару фраз, которые противопоставлены по определенности—неопределенности и в которых отсутствует определение в генитиве: (1) *Începe cu o laboara la revista Convorbiri literare* (Alecs., I, XXV) досл.: 'Он начинает сотрудничество в журнале Литературные беседы'; (2) *Începe cu o laboara la revista Convorbiri literare* досл.: 'Он начинает [некоторое, какое-то] сотрудничество в журнале Литературные беседы'. (1) следующим образом трансформируется в конструкцию с конъюнктивом: 1) на первом

³⁰ В большинстве современных исследований по румынскому артиклю генитивный артикль четко отделен от определенного и неопределенного артиклей. Многие авторы отрицают его принадлежность к числу языковых единиц, связанных с категорией определенности. Ср., например: *Hansen A. R. Artikelele sistemete i rumaensk*, p. 165; *Guțu Romalo V. Articolul și categoria determinării în limba română actuală. — Elemente de lingvistică structurală*. București, 1967, p. 230; ср. также: *Iordan I., Guțu Romalo V., Niculescu A. Structura morfologică a limbii române contemporane*. București, 1967, p. 177; ряд исследователей относят его к разряду местоимений, ср.: *Manoliu M. Articolul posesiv în româna contemporană. — Studii și cercetări lingvistice*, 1964, N 1, p. 69; *Zdrengea M. Articol sau pronume? — Omagiu lui A. Rosetti*. București, 1965, p. 1029—1032; С. Пущкариу рассматривает генитивный артикль в разделе, посвященном различным анафорическим элементам (см.: *Puşcariu S. Limba română*, I. București, 1940, p. 119). Румынский генитивный артикль, как известно, имеет соответствующую параллель в албанском языке. Ср., в частности: *Воронина И. И. К вопросу о системе артиклей в албанском языке. — Грамматический строй балканских языков*. Л., 1976, с. 126, 130.

этапе отглагольное имя замещается соотносительным словом *faptul* и превращается в личную форму глагола в конъюнктиве, который согласуется в лице и числе с подлежащим *Vfin* (ср.: *Începe [faptul] să colaboreze la revista Convorbiri literare*); 2) на втором этапе соотносительное слово опускается, образуется фраза естественного языка (ср.: *Începe să colaboreze la revista Convorbiri literare*). Трансформация (2) в конструкцию с конъюнктивом осуществляется несколько иначе: 1) на первом этапе вводится соотносительное слово *un fapt*, которое замещает отглагольное имя в неопределенной форме; отглагольное имя заменяется глаголом в конъюнктиве, который согласуется с подлежащим *Vfin* в лице и числе, и неопределенным наречием, которое служит семантическим эквивалентом неопределенного артикля отглагольного имени (ср.: *Începe [un fapt] să colaboreze [oarecum] la revista Convorbiri literare*); 2) на втором этапе соотносительное слово опускается (ср.: *Începe să colaboreze [oarecum] la revista Convorbiri literare* досл.: 'Он начинает сотрудничать [в какой-то степени] в журнале Литературные беседы').

Следующие две фразы также противопоставлены по определенности—неопределенности; кроме того, в них имеется определение в генитиве. Ср.: (1) *A căutat singur de z legea marilor probleme instrumentale* (Chop., 142) досл.: 'Он сам искал решения важных инструментальных проблем'; (2) *A căutat singur o dezlegea a marilor probleme instrumentale* досл.: 'Он сам искал [какого-то] решения важных инструментальных проблем'. Трансформация (1) в конструкцию с конъюнктивом осуществляется следующим образом: 1) на первом этапе место отглагольного имени заполняется соотносительным словом *faptul*; отглагольное имя переходит в личную форму глагола в конъюнктиве, который согласуется с подлежащим *Vfin* в лице и числе; определение отглагольного имени в форме существительного в генитиве становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *a căutat singur [faptul] să dezlege marile probleme instrumentale*); 2) на втором этапе соотносительное слово опускается (ср.: *a căutat singur să dezlege marile probleme instrumentale*).

При трансформации (2) в конструкцию с конъюнктивом: 1) на место отглагольного имени ставится соотноси-

тельное слово в неопределенной форме *un fapt*; отглагольное имя превращается в личную форму глагола в конъюнктиве с неопределенным наречием в функции семантического эквивалента неопределенного артикля отглагольного имени; глагол в конъюнктиве согласуется с подлежащим *Vfin* в лице и числе; несогласованное определение в форме существительного в генитиве с генитивным артиклем превращается в прямое дополнение в аккузативе (ср.: *a căutat singur [un fapt] s ă de z lege [oarecum, într-un fel, intrucitva] marile probleme instrumentale*); 2) соотносительное слово опускается (ср.: *a căutat singur s ă de z lege [oarecum, într-un fel, intrucitva] marile probleme instrumentale*).

Семантическим эквивалентом неопределенного артикля отглагольного имени может быть, как уже говорилось, наречие *o dată*. Отметим в этой связи следующие две фразы, противопоставленные по определенности: (1) *Monica acceptase p l e s a rea la Paris pe socoteala Olguței* (Teod., M., 132); (2) *Monica acceptase o p l e s a re la Paris pe socoteala Olguței*. При трансформации (2) в конструкцию с конъюнктивом отглагольное имя в неопределенной форме превращается в личную форму глагола с наречием *o dată*. Ср.: *Monica acceptase o p l e s a re la Paris pe socoteala Olguței* ↔ *Monica accepuase [un fapt] s ă p l e s e [o dată] la Paris pe socoteala Olguței* ↔ *Monica acceptase s ă p l e s e [o dată] la Paris pe socoteala Olguței* 'Моника согласилась поехать [как-нибудь однажды] в Париж за счет Ольгуды'.

Интересный результат дает трансформация отглагольного имени в неопределенной форме с префиксом *re-*, имеющего значение повторного действия, в глагольную конструкцию. Значение, которое сообщают отглагольному имени неопределенный артикль *o* и префикс *re-*, передается в конструкции с конъюнктивом с помощью наречия *încă o dată* 'еще раз, снова, опять'. Ср.: (1) *Începuseră reeditarea istoricilor* (Diehl, I, 4); (2) *Începuseră o r e e d i t a r e a istoricilor* ↔ *Începuseră s ă r e e d i t e z e [încă o dată] istoricii* 'Они начали [еще раз, снова] переиздавать историков'.

Субъект отглагольного имени соотносится с его определением в форме существительного в генитиве.

В эту группу входят конструкции, которые по своей структуре совпадают с теми из рассмотренных выше

конструкций, где отглагольное имя сопровождается несогласованным определением в форме существительного в генитиве. Однако в отличие от этих конструкций, в которых может употребляться только генитив объекта, здесь возможен лишь генитив субъекта. Ср., например: (1) *Începuse publicarea unui roman* (Chor., 144) и (2) *Aşteptau trecerea orelor în care veneau* (Băn., 66). Обе фразы можно представить при помощи одной и той же структурной формулы: $V_{fin} + Subst_a + Subst_g$ ³¹. Однако, если в (1) отглагольное имя соотносится с переходным глаголом, а его несогласованное определение является генитивом объекта (ср.: *publicarea unui roman* ↔ *sineva publică un roman*), то во (2) отглагольное имя соотносится с непереходным глаголом, а его определение представляет собой генитив субъекта (ср.: *trecerea orelor* ↔ *orele trec*).

Характер трансформаций, как и в предыдущем разделе, зависит от того, в какой форме — определенной или неопределенной — стоит отглагольное имя.

Рассмотрим две следующие фразы, противопоставленные по определенности—неопределенности: (1) *Aşteptînd venirea basileului* (Diehl, 1, 330) 'Ожидая *прихода* императора'; (2) *Aşteptînd o venire a basileului* 'Ожидая [*какого-то, какого-нибудь*] *прихода* императора'. Отметим, что во (2) существительному в генитиве, определяющему отглагольное имя, предшествует генитивный артикль *a*, который согласуется с отглагольным именем в роде и числе. Появление генитивного артикля вызвано неопределенной формой отглагольного имени. Трансформация (1) в конструкцию с конъюнктивом осуществляется в два этапа: 1) на первом этапе вводится соотносительное слово *faptul*, которое занимает место отглагольного имени; отглагольное имя замещается личной формой глагола в конъюнктиве; определение в генитиве становится подлежащим глагола в конъюнктиве; этот последний согласуется с подлежащим в лице и числе (ср.: *Aşteptînd [faptul] să vină basileul*); 2) соотносительное слово опускается, и образуется фраза естественного языка (ср.: *Aşteptînd să vină basileul* 'Ожидая, чтобы *пришел* император'). При трансформации (2) в конструкцию

³¹ Мы используем следующие символы: V_{fin} — глагол в личной форме; $Subst$ — существительное; a — аккузатив; g — генитив.

с конъюнктивом 1) отглагольное имя в неопределенной форме замещается соотносительным словом также в неопределенной форме; отглагольное имя превращается в личную форму глагола в конъюнктиве с наречием *o dată*; определение в форме существительного в генитиве с генитивным артиклем становится подлежащим глагола в конъюнктиве; этот последний согласуется с подлежащим в лице и числе (ср.: *Așteptînd [un fapt] s ă v i n ă [o dată] basileul*); 2) соотносительное слово опускается (ср.: *Așteptînd s ă v i n ă [o dată] basileul*). Ср. также трансформацию в конструкцию с конъюнктивом следующих двух фраз, противопоставленных по определенности—неопределенности: (1) *Hotărînd p l e s a r e a ștafetei* (Voic., 1, 85) досл.: 'Решив отъезд гонца' *Hotărînd [faptul] s ă p l e s e ștafeta* ↔ *Hotărînd s ă p l e s e ștafeta* 'Решив, чтобы гонец уехал'; (2) *Hotărînd o p l e s a r e a ștafetei* ↔ *Hotărînd [un fapt] s ă p l e s e [o dată] ștafeta* ↔ *Hotărînd s ă p l e s e [o dată] ștafeta*.

Субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола в личной форме.

Можно выделить три вида косвенных дополнений Vfin: 1. существительное в дативе; 2. местоимение в дативе; 3. существительное с предлогом.

1. Субъект отглагольного имени соотнесен с косвенным дополнением глагола, выраженным существительным в дативе. Здесь, как и в предыдущих случаях, структура конструкций с отглагольными именами и характер их преобразований зависят от наличия или отсутствия определения в генитиве, а также от того, в какой форме — определенной или неопределенной — стоит отглагольное имя. Заметим, что в рассматриваемых конструкциях не может быть генитива субъекта.

Конструкции с определением в генитиве обычно состоят из глагола в личной форме (с подлежащим выраженным или подразумеваемым), отглагольного имени в функции прямого дополнения и существительного в дативе в функции косвенного дополнения. Отглагольное имя определяется существительным в генитиве. Порядок следования элементов обычно такой: *подлежащее—сказуемое—косвенное дополнение—прямое дополнение—определение*. Например: *Porunceau hașarului tăierea capului* (Teod., L., 162) 'Приказывали арапу отсечь голову (досл.: отсе-

чение головы)'. Трансформация таких конструкций в конструкции с конъюнктивом осуществляется в два этапа: 1) на место отглагольного имени в определенной форме ставится соотносительное слово *faptul*; отглагольное имя преобразуется в личную форму глагола в конъюнктиве; в подчиненную конструкцию вводится существительное в номинативе, которое служит подлежащим глагола в конъюнктиве и соотнесено с косвенным дополнением глагола подчиняющей конструкции; глагол в конъюнктиве согласуется в лице и числе со своим подлежащим; существительное в генитиве, выступающее в роли несогласованного определения отглагольного имени, принимает форму аккузатива и становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *Poruncseau h a g a r u l u i [faptul] să taie [h a g a r u l] capul*; 2) на втором этапе соотносительное слово и подлежащее глагола в конъюнктиве опускаются. В результате этого получается следующая фраза естественного языка: *Poruncseau harapului să taie capul*.

Структура фразы, которая будет рассмотрена ниже, отличается тем, что в ней отсутствует определение отглагольного имени в форме существительного в генитиве. Однако отглагольное имя может сопровождаться обстоятельством, что указывает на его тесную связь с глаголом. Ср.: *Interzicea Zoei intrarea în locuința imperială* (Diehl, I, 350) досл.: 'Запрещал Зое *вход* в императорские покои' (где отглагольное имя *intrarea* сопровождается обстоятельством *în locuința. . .*). Трансформация этой фразы в конструкцию с конъюнктивом полностью совпадает с рассмотренным выше преобразованием. Отсутствует лишь правило, по которому определение в генитиве переходит в дополнение в аккузативе. Ср.: *Interzicea Zoei intrarea în locuința imperială* ↔ *Interzicea Z o e i [faptul] să între [Z o e] în locuința imperială* ↔ *Interzicea Zoei să între în locuința imperială* 'Запрещал Зое *входить* в императорские покои'. Ср. также пример, который является другой реализацией той же структуры: *A înlesnit celor doi evadați o intrare mai puțin pitorească în Toulouse* (R. lit., 18/75, 19) досл.: 'Облегчил д в у м б е г л е ц а м менее живописный *вход* в Тулузу'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом: *A înlesnit celor doi evadați [faptul] să între [cei doi evadați] mai puțin pitoresc în Toulouse* ↔ *A înlesnit celor doi*

evadați să între mai puțin pitoresc în Toulouse, Отметим превращение согласованного определения отглагольного имени, выраженного прилагательным (o intrare mai puțin pitorească) в обстоятельство, выраженное наречием (să între mai puțin pitoresc).

В данном разделе первые две фразы с отглагольным именем в определенной форме не имеют соответствующих пар с отглагольным именем в неопределенной форме. Что же касается третьей фразы, то она, напротив, содержит отглагольное имя в неопределенной форме, причем употребление неопределенного артикля обусловлено грамматически, — наличием прилагательного в сравнительной степени, которое служит определением отглагольного имени. Эта фраза 1) не имеет соответствующей парной фразы с отглагольным именем в определенной форме; 2) ее трансформ в конъюнктиве не содержит неопределенного наречия в функции семантического эквивалента неопределенного артикля отглагольного имени.

2. Субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола, выраженным местоимением в дативе. Как и в предыдущих случаях, здесь выделяется два типа конструкций: а) с определением в генитиве; б) без определения в генитиве.

Структура этих конструкций отличается от рассмотренных выше тем, что косвенное дополнение глагола в личной форме выражено в них не существительным, а местоимением. Соответственно, порядок следования элементов несколько другой, а именно: *подлежащее—косвенное дополнение—сказуемое—прямое дополнение—определение* (для конструкций с определением в генитиве). Ср.: Le recomand citirea scrisorii datate 18 mai (R. lit., 12/75, 14) 'Я советую им *прочитать* письмо (досл.: *чтение* письма) от 18 мая'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом и в этом случае выполняется в два этапа: 1) место отглагольного имени в определенной форме заполняется соотносительным словом *faptul*; отглагольное имя превращается в личную форму глагола в конъюнктиве; в подчиненную конструкцию с конъюнктивом вводится личное местоимение в номинативе, которое соотносится с косвенным дополнением глагола подчиняющей конструкции и выполняет функцию подлежащего этой конструкции; глагол в конъюнктиве согласуется со своим подлежащим в лице и числе; несогласованное определение отглаголь-

ного имени становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *Le recomand [faptul] să citească [ei, ele] scrisoarea*); 2) соотносительное слово и личное местоимение, выступающее в роли подлежащего подчиненной конструкции, опускаются. Ср.: *Le recomand să citească scrisoarea datată 18 mai*. Ср. также следующую трансформацию: *Vizita teatrului leningrădean ne-a prilejuit cunoașterea citorva actori de mare clasă* (R. lit., 46/74, 16) 'Приезд ленинградского театра дал нам возможность знакомства с несколькими актерами высокого класса' *Vizita teatrului leningrădean ne-a prilejuit [faptul] să cunoaștem [n o i] cîțiva actori de mare clasă* ↔ *Vizita teatrului leningrădean ne-a prilejuit să cunoaștem cîțiva actori de mare clasă* 'Приезд ленинградского театра дал нам возможность познакомиться с несколькими актерами высокого класса'.

Рассмотрим следующие фразы, противопоставленные по признаку определенности — неопределенности: (1) *...facilitîndu-ne astfel i n t u i rea preocupărilor sale* (Cont., noiembr., 1969) досл.: 'Облегчая нам таким образом понимание его задач'; (2) *facilitîndu-ne astfel o i n t u i r e a preocupărilor sale* 'Облегчая нам таким образом [некоторое] понимание его задач'. Трансформация (1) в конструкцию с конъюнктивом осуществляется описанным выше способом, при помощи соотносительного слова *faptul*. Что же касается трансформации (2) в конструкцию с конъюнктивом, то она состоит в следующем: 1) на первом этапе вводится соотносительное слово в неопределенной форме (*un fapt*), которое замещает отглагольное имя в неопределенной форме; отглагольное имя заменяется глаголом в конъюнктиве и неопределенным наречием; в подчиненную конструкцию с конъюнктивом вводится личное местоимение в номинативе, которое соотносится с косвенным дополнением глагола подчиняющей конструкции и выполняет функцию подлежащего глагола в конъюнктиве; глагол в конъюнктиве согласуется со своим подлежащим в лице и числе; определение отглагольного имени в форме существительного в генитиве с генитивным артиклем принимает форму аккузатива и становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *facilitîndu-ne astfel [un fapt] să intuim [n o i] [oarecum, într-un fel] preocupările sale*); 2) на втором этапе соотносительное слово и подлежащее глагола в конъюнктиве опускаются. Ср.: *facilitîndu-ne*

astfel să intuim [oarecum, într-un fel] preocupările sale.

В конструкциях без определения в генитиве отглагольное имя соотносится с непереходным глаголом. Ср., например: Ne recomandă tăcerea și rostirea la timpul potrivit (Vianu, 241) досл: 'Рекомендует нам *молчание* и *говорение* в определенное время'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется способом, который был изложен выше, за исключением того правила, которое переводит существительное в генитиве из одной падежной формы в другую. Ср.: Ne recomandă [faptul] să tăcem și să rostim [n o i l] la timpul potrivit ↔ Ne recomandă să tăcem și să rostim la timpul potrivit 'Рекомендует нам *молчать* и *говорить* в определенное время'. Заметим, что у этой фразы нет соответствующей пары, которая бы противопоставлялась ей по определенности.

3. Субъект отглагольного имени соотносится с косвенным дополнением глагола в форме существительного с предлогом. Этот тип конструкций почти полностью соответствует тому, который был рассмотрен в разделе 1. Различие заключается в форме косвенного дополнения. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется способом, изложенным в том же разделе. Ср.: Ioanide așteaptă de la musafir *motivarea* vizitei matinale (Căl., 43) досл.: 'Иоаниде ждет от гостя *объяснения* утреннего визита' Ioanide așteaptă de la musafir [faptul] să motiveze [m u s a f i r u l] vizita matinală ↔ Ioanide așteaptă de la musafir să motiveze vizita matinală. Отметим, что в данной фразе отглагольное имя стоит в определенной форме (ср.: m o t i v a g e a vizitei matinale 'объяснение [*любое, какое угодно*] утреннего визита'). Но отглагольное имя в данном случае может стоять и в неопределенной форме. Ср.: Ioanide așteaptă de la musafir o m o t i v a g e a vizitei matinale 'Иоаниде ждет от гостя [*какого-то, какого-нибудь*] о б ъ я с н е н и я утреннего визита'. Трансформация этой фразы в конструкцию с конъюнктивом состоит в следующем: 1) на место отглагольного имени в неопределенной форме вводится соотносительное слово *un fapt*; отглагольное имя переходит в личную форму глагола в конъюнктиве с неопределенным наречием в роли семантического эквивалента неопределенного артикля отглагольного имени; в подчиненную конструкцию с глаголом в конъюнктиве вводится существительное в номина-

тиве, которое служит подлежащим этого глагола и соотносено с косвенным дополнением глагола подчиняющей конструкции; глагол в конъюнктиве согласуется в лице и числе со своим подлежащим; существительное в генитиве с генитивным артиклем, выступающее в роли определения отглагольного имени, переходит в аккузатив и становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *Ioanide așteaptă de la musafir [un fapt] să motiveze [m u s a f i r u l] [oarecum, într-un fel] vizita matinală*; 2) на втором этапе соотносительное слово и подлежащее глагола в конъюнктиве опускаются (ср.: *Ioanide așteaptă de la musafir să motiveze [oarecum, într-un fel] vizita matinală* 'Иоаниде ждет от гостя, чтобы [он] объяснил [как-нибудь, каким-то образом] утренний визит').

Отглагольное имя присоединяется к глаголу при помощи предлога.

1. Предлоги, присоединяющие отглагольное имя: *cu* După ce termina cu număratul, deschidea ușa căruței (Barbu, 212); *de* Se pregătea de plecare (H. Z., 277); *în* Ele vin în întâmpinarea ta; *întru* Le ieșise întru întâmpinare (Z. um., 313); *la* Voi pleca la plimbare (Pard., 145); *pentru* Începînd să se pregătească pentru intrare în facultate (Femeia, 3/74, 19).

2. Порядок следования элементов конструкции, как правило, фиксированный: глагол в личной форме предшествует отглагольному имени с предлогом. Ср.: *Am purces în căutarea străzii* (Blaga, 244) 'Я двинулся на поиски улицы'. Однако, в отличие от конструкций с отглагольным именем без предлога, возможны случаи обратного порядка следования элементов, когда отглагольное имя с предлогом предшествует глаголу в личной форме. Ср., например: *În căutarea lor a plecat Damian* (Pard., 75) 'На их поиски отправился Дамиан'.

3. По нашим данным, глагол и отглагольное имя с предлогом чаще всего располагаются контактно. При дистантном расположении между глаголом и отглагольным именем с предлогом вставляются различные адverbы, такие, как: *iarăși* 'снова', *încă* 'еще', *în multe cazuri* 'во многих случаях', *mult* 'много, очень', *niciodată* 'никогда', *o clipă* 'на минуту', *ulterior* 'в дальнейшем, впоследствии' и др.

4. В роли отглагольного имени выступают уже упоминавшиеся *nomina actionis*.

5. В качестве *Vfin* употребляются, в частности, следующие группы глаголов: а) глаголы движения *a veni, a plesa, a se duce, a merge, a ieși*; б) глаголы с общим значением 'начинать' (*a începe, a porni*), 'продолжать' (*a urma*), 'кончать' (*a termina, a isprăvi*); в) глаголы с общим значением 'собираться, готовиться' (*a tinde, a se pregăti*); г) глаголы со значением 'отказываться' (*a renunța*); д) глаголы с общим значением 'каузировать' (*a ajuta, a îndemna, a împinge, a obliga* и др.).

Далее рассматриваются различные виды предложных конструкций с отглагольными именами, в зависимости от способов выражения их субъекта. Различаются следующие типы: 1) субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме; 2) субъект отглагольного имени совпадает с прямым дополнением глагола в личной форме.

Семантический субъект отглагольного имени совпадает с подлежащим глагола в личной форме.

Большая часть собранного материала относится к данному типу. При этом, так же, как при анализе конструкций с отглагольным именем без предлога, различаются случаи: а) когда отглагольное имя определяется существительным в генитиве или притяжательным местоимением и б) когда отглагольное имя не имеет определения. Заметим, что в конструкциях этого типа возможен лишь генитив объекта.

Кроме того, следует отметить, что среди конструкций этого типа выделяются такие, в которых отглагольное имя может употребляться как в определенной, так и неопределенной формах. Во втором случае определение в генитиве присоединяется к отглагольному имени при помощи генитивного артикля. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом также осуществляется по-разному, в зависимости от формы отглагольного имени.

Конструкции с определением в генитиве обычно состоят из глагола в личной форме (с подлежащим или без него), отглагольного имени с предлогом в функции косвенного дополнения *Vfin* и существительного в генитиве, которое определяет отглагольное имя. Ср.: *Livia nu renunțase la continuarea studiilor* (Pard., 122) досл.: 'Ливия не отказалась от продолжения занятий'. Трансформация в конструкцию с конъюнктивом осуществляется в два этапа: 1) во фразу вводится соотносительное слово

faptul, которое замещает отглагольное имя в определенной форме; отглагольное имя заменяется соответствующим глаголом в конъюнктиве, который согласуется с подлежащим Vfin в лице и числе; определение в генитиве становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *Livia nu renunțase [la faptul] să continue studiile*); 2) соотносительное слово с предлогом опускается (ср.: *Livia nu renunțase să continue studiile* досл.: 'Ливия не отказалась продолжать занятия').

Отметим случай, когда определение в генитиве выражено собственным именем: *Pornise în căutarea Jeaninei* (Sim., 77) 'Он отправился на поиски Жанины'. При трансформации в личную конструкцию существительное в генитиве принимает форму аккузатива с предлогом *pe*; в то же время между показателем конъюнктива и глаголом появляется местоименный антецедент, согласованный с существительным в аккузативе. Ср.: *Pornise s-o caute pe Jeanina*.

Отглагольное имя может иметь определение в форме притяжательного местоимения, которое при трансформации именной конструкции в глагольную превращается в личное местоимение в аккузативе. Например: *Am terminat cu extragerea materialului și cu prelucrarea lui* (Pușc., V) досл.: 'Я покончил с извлечением материала и с его обработкой' *Am terminat [cu faptul] să extrag [eu] materialul și [cu faptul] să-l prelucrez [eu]* ↔ *Am terminat să extrag materialul și să-l prelucrez* досл.: 'Я кончил извлекать материал и его обрабатывать'³².

Рассмотрим также следующие две фразы, противопоставленные по определенности—неопределенности: (1) *Mă voi gândi la înnopiere mijloacelor de expresie* 'Я подумаю об обновлении выразительных средств'; (2) *Mă voi gândi la o înnopiere a mijloacelor de expresie* (Sor., 106) 'Я подумаю о [некотором] обновлении выразительных средств'. Трансформация (1) в конструкцию с конъюнктивом осуществляется способом, который был изложен в начале данного раздела. При трансформации (2) в конструкцию с конъюнктивом 1) на первом этапе вводится соотносительное слово *un fapt*, которое за-

³² Ср. наблюдения над аналогичными фактами испанского и португальского языков в работе: Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений, с. 78—84.

мещает отглагольное имя в неопределенной форме; отглагольное имя заменяется личной формой глагола в конъюнктиве с неопределенным наречием; глагол в конъюнктиве согласуется с подлежащим глагола в личной форме; несогласованное определение в генитиве с генитивным артиклем становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве (ср.: *Mă voi gândi [la un fapt] să înnobilesc [oarecum, într-un fel, întrucîtva] mijloacele de expresie* 'Я подумаю [о том], чтобы [как-то, каким-то образом] обновить выразительные средства'. Ср. трансформацию двух других фраз, также противопоставленных по определенности—неопределенности: (1) *Nu se mulțumește cu gerrodusea cuvintelor profetului* досл.: 'Он не довольствуется воспроизведением слов пророка'; (2) *Nu se mulțumește cu o gerrodusea cuvintelor profetului* досл.: 'Он не довольствуется [некоторым, каким-то] воспроизведением слов пророка'. Трансформация (1): *Nu se mulțumește [cu faptul] să gerroduscă cuvintele profetului* ↔ *Nu se mulțumește să gerroduscă cuvintele profetului* досл.: 'Он не довольствуется [тем], чтобы воспроизвести слова пророка'. Трансформация (2): *Nu se mulțumește [cu un fapt] să gerroduscă [oarecum, într-un fel, întrucîtva] cuvintele profetului* ↔ *Nu se mulțumește să gerroduscă [oarecum, într-un fel, întrucîtva] cuvintele profetului* досл.: 'Он не довольствуется [тем], чтобы [как-то, каким-то образом] воспроизвести слова пророка'.

Среди конструкций без определения в генитиве различаются 1) конструкции с отглагольными именами, образованными от непереходных глаголов, и 2) конструкции с отглагольными именами, которые образованы от переходных глаголов, но у которых, по той или иной причине, не реализована валентность на существительное в генитиве. К первому типу относится, например: *Cornelia se ridică, se pregătește de plecare* (Blaga, 187) досл.: 'Корнелия встает, готовится к уходу', где отглагольное имя соотносится с непереходным глаголом *a pleca* 'уходить' и поэтому не может иметь определения в генитиве. Трансформация конструкций этого типа в конструкцию с конъюнктивом ничем не отличается от рассмотренных выше преобразований. Ср.: *Cornelia se pregătește [de faptul] să plese* ↔ *Cornelia se pregătește să plese* 'Кор-

нелия готовится у й т и'. Ко второму типу можно, по-видимому, отнести такой пример: După ce termina cu pușcăritul [banilor], deschidea ușa căruței (Barbu, 212) досл.: 'После того, как он кончал со счетом [денег], он открывал дверцу повозки'. Здесь существительное в генитиве, определяющее отглагольное имя, восстановлено из контекста.

Субъект отглагольного имени соотносится с прямым дополнением глагола в личной форме.

Конструкции этого типа состоят из глагола в личной форме (с подлежащим или без него), существительного или местоимения в функции прямого дополнения глагола и отглагольного имени с предлогом в функции косвенного дополнения. Отглагольное имя может иметь определение в форме существительного в генитиве. Ср., например: Те-a ajutat la redactarea lucrării³³ 'Он(а) помог(ла) тебе в написании работы'. При трансформации этой фразы в конструкцию с конъюнктивом 1) на первом этапе отглагольное имя в определенной форме замещается соотносительным словом *faptul*; отглагольное имя заменяется соответствующим глаголом в конъюнктиве; в подчиненную конструкцию с конъюнктивом вводится существительное или местоимение в номинативе, которое соотносится с прямым дополнением *Vfin* и выполняет функцию подлежащего глагола в конъюнктиве; глагол в конъюнктиве согласуется с подлежащим в лице и числе; определение в генитиве становится прямым дополнением глагола в конъюнктиве. Ср.: Те-a ajutat [la *faptul*] să redactezi [t u] lucrarea; 2) на втором этапе соотносительное слово и подлежащее глагола в конъюнктиве опускаются (ср.: Те-a ajutat să redactezi lucrarea 'Он(а) помог(ла) тебе написать работу').

Отметим также две следующие фразы, противопоставленные по определенности—неопределенности: (1) Confruntarea cu datele materialului ne-a obligat în multe cazuri la reconsiderarea teoriei (Pană Dind., 8)³⁴ досл.: 'Столкновение с данными материала много раз склоняло нас к пересмотру теории'; (2) Confruntarea cu datele materialului ne-a obligat în multe cazuri la o reconsiderare a teoriei досл.: 'Столкно-

³³ Пример взят из кн.: Gramatica limbii române, II, p. 60.

³⁴ Пример несколько видоизменен в сравнении с оригиналом.

вение с данными материала много раз склоняло нас к [некоторому] пересмотру теории'. При трансформации (2) в конструкцию с конъюнктивом вводится соотносительное слово *in fapt*, которое замещает отглагольное имя в неопределенной форме, а отглагольное имя переходит в личную форму глагола в конъюнктиве с неопределенным наречием, которое служит эквивалентом неопределенного артикля отглагольного имени. Ср.: *Confruntarea cu datele materialului n e-a obligat în multe cazuri [la un fapt] să reconsiderăm [n o i] [oarecum, într-un fel, intrucîtva] teoria* ↔ *Confruntarea cu datele materialului n e-a obligat în multe cazuri să reconsiderăm [oarecum, într-un fel, intrucîtva] teoria* досл.: 'Столкновение с данными материала много раз склоняло нас [к тому], чтобы пересмотреть [как-то, каким-то образом, в какой-то степени] теорию'.

В следующей паре фраз, противопоставленных по определенности—неопределенности, трансформация в конструкцию с конъюнктивом дает в обоих случаях один и тот же результат. Ср.: (1) *Nu l-a împins niciodată la influența rea decisivă asupra cuiva* досл.: 'Он никогда не побуждал его к решительному воздействию на кого бы то ни было'; (2) *Nu l-a împins niciodată la o influență re decisivă asupra cuiva* досл.: 'Он никогда не побуждал его к [какому бы то ни было] решительному воздействию на кого бы то ни было'. (1) и (2) соответствует следующий трансформ с глаголом в конъюнктиве: *Nu l-a împins niciodată să influențeze decisiv asupra cuiva* досл.: 'Он никогда не побуждал его [к тому], чтобы он решительно воздействовал на кого бы то ни было'. По-видимому, здесь происходит нейтрализация противопоставления по определенности—неопределенности.

Подлежащее глагола в личной форме не совпадает с субъектом отглагольного имени, причем этот субъект формально не выражен.

Сюда, в равной мере, относятся как предложные, так и беспредложные конструкции с отглагольным именем. Ср., например: (1) *Ajuta la aducerea farfuriilor* (Barbu, 41) 'Помогал(а) приносить тарелки (досл.: в принесении тарелок)' и (2) *Scrisorile au permis descoperirea adresei soției* (Lumea, 51/74, 30) досл.: 'Письма позволили обна-

ружение адреса жены'. Заметим, что (1) и (2) соответствуют конструкции с формально выраженным субъектом отглагольного имени. Ср.: (1') *Mă ajuta la aducerea farfuriilor* 'Он(а) помогал(а) мне приносить тарелки (досл.: в принесении тарелок)' и (2') *Scrisorile au permis poliției descoperirea adresei soției* досл.: 'Письма позволили полиции обнаружение адреса жены'. (1') и (2') имеют другую трансформационную историю, чем (1) и (2). Различие состоит в том, что (1') и (2') образованы путем склеивания двух структур, из которых вторая имеет активную форму (ср.: *El mă ajuta [la faptul] + Eu aduceam farfuriile*), в то время как в основе (1) и (2) лежат две структуры, вторая из которых является пассивной (ср.: *El ajuta [la faptul] + Farfuriile erau aduse [de cineva]*).

Пассивные конструкции, с которыми соотносится рассматриваемая здесь конструкция с отглагольным именем, обычно называются конструкциями с неопределенным субъектом (*subiectul nedefinit*)³⁵. В самом деле, структура *aducerea farfuriilor* образуется следующим образом: *cineva aduce farfuriile* ↔ *farfuriile sînt aduse (=se aduc) de cineva* ↔ *aducerea farfuriilor (de cineva)* ↔ *aducerea farfuriilor*³⁶, где исходная конструкция подвергается сначала пассивной трансформации, затем трансформации номинализации.

При трансформации конструкции с отглагольным именем в конструкцию с конъюнктивом необходимы еще две операции: 1) перестановка элементов: *farfuriile sînt aduse (=se aduc) ↔ sînt aduse (=se aduc) farfuriile*; 2) перевод глагола из индикатива в конъюнктив: *sînt aduse (=se aduc) farfuriile ↔ să fie aduse (=să se aducă) farfuriile*. Полная трансформация: *Ajuta la aducerea farfuriilor ↔ Ajuta [la faptul] să fie aduse (=să se aducă) farfuriile ↔ Ajuta să fie aduse (=să se aducă) farfuriile*.

³⁵ См. об этом в работе: *Ionescu L. Generarea construcțiilor cu subiect nedeterminat. — Studii și cercetări lingvistice, 1967, № 4, p. 413—434, особенно, p. 427—429; ср. также: Vasiliu E., Golopenția-Erețescu S. Sintaxa transformățională a limbii române. București, 1969, p. 276—281.*

³⁶ Правило порождения таких конструкций см.: *Резвин И. И.* Трансформационное исследование конструкций с субъектным и объектным приименным дополнением (*Genitivus subjectivus* и *genitivus objectivus*). — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, с. 89.

По нашим данным, среди фраз этого типа довольно часты случаи противопоставления по определенности — неопределенности. Ср., например: (1) *Autoritățile portului s-au opus, interzicînd întreruperea muncii* (DLRLC, II, 536) досл.: 'Портовые власти воспротивились, запретив прекращение работы'; (2) *Autoritățile portului s-au opus, interzicînd o întrerupere a muncii* досл.: 'Портовые власти воспротивились, запретив [какое бы то ни было] прекращение работы'. Трансформация (1) в конструкцию с конъюнктивом осуществляется при помощи соотносительного слова *faptul*, которое вводится на место отглагольного имени в определенной форме. Ср.: *Autoritățile portului s-au opus, interzicînd [faptul] să se întrerupă* (= *să fie întreruptă*) *munca* ↔ *Autoritățile portului s-au opus, interzicînd să se întrerupă* (= *să fie întreruptă*) *munca*. При трансформации (2) в конструкцию с конъюнктивом отглагольное имя в неопределенной форме замещается соотносительным словом *un fapt* и одновременно переходит в личную форму глагола с конъюнктивом и неопределенное наречие. Ср.: *Autoritățile portului s-au opus, interzicînd [un fapt] să se întrerupă* (= *sa fie întreruptă*) [*oarecum, într-un fel, întrucîtva*] *munca* → *Autoritățile portului s-au opus, interzicînd să se întrerupă* (= *să fie întreruptă*) [*oarecum, într-un fel, întrucîtva*] *munca*.

Некоторые дополнительные наблюдения над конструкциями с отглагольным именем.

1. Прежде всего отметим примеры, в которых отглагольное имя соотносится с возвратным глаголом. Здесь можно выделить несколько случаев. А. Возвратность глагола никак не выражена в конструкции с отглагольным именем. Ср.: (1) *Aștepta ivirea zorilor* (Barbu, 11) досл.: 'Ждал(а) появления зари' ↔ *Aștepta să se ivească zorile*; (2) *Așteptînd reîntoarcerea prințului* (Min., 40) досл.: 'Ожидая возвращения князя' ↔ *Așteptînd să se reîntoarcă prințul*. Однозначность преобразования здесь обусловлена тем, что глагол, с которым соотносится отглагольное имя, может быть только возвратным (в первом примере *a se ivi*, во втором — *a se reîntoarce*). Поэтому и существительное в генитиве, выступающее в роли определения к отглагольному имени, понимается также одно-

значно, как генитив субъекта (ср.: *ivirea zorilor* ↔ *zările se ivesc*; *reîntoarcerea prințului* ↔ *prințul se reîntoarce*). Б. Отглагольное имя сохраняет синтаксические свойства и характер управления того возвратного глагола, с которым оно соотносится. Например: *Așteptam întâlnirea cu însuși Richter* (Cont., noiembr. 1969) досл.: 'Я ждал(а) *встречи* с самим Рихтером' ↔ *Așteptam să mă întâlnesc cu însuși Richter*. Здесь на возвратность глагола указывает сочетаемость отглагольного имени с предлогом *cu* (ср.: *a se întâlni cu Richter*, но не **a întâlni cu Richter*). В. На возвратность глагола указывает притяжательное местоимение, которое определяет отглагольное существительное. Отметим, что в функции притяжательного местоимения может выступать личное безударное местоимение в дативе. Ср., например: (4) *Îmi continui plimbarea pînă în fața Universității* (Vianu, 16) досл.: 'Я продолжал свою прогулку до самого Университета' ↔ *Continui să mă plimb pînă în fața Universității*; (5) *Își pregătește retragerea* (Gib Mih., 77) досл.: 'Он(а) готовит свое отступление' ↔ *Se pregătește să se retragă*. Интересно, что в этом примере при трансформации в конструкцию с конъюнктивом переходный глагол *a pregăti* становится возвратным. Г. На возвратность глагола, с которым соотносится отглагольное имя, указывает отсутствие несогласованного определения в форме существительного в генитиве или притяжательного местоимения. Ср., например: (6) *Vărbatul acela cu viitorul concret se pregătea de apărare* (Pop., 78) досл.: 'Этот человек с ясным будущим готовился к защите' ↔ *Vărbatul acela cu viitorul concret se pregătea să se apere*. Д. Возвратность глагола, с которым соотносится отглагольное имя, выясняется из контекста. Например: (7) *Lina nu terminase cu spălatul și dichisitul* (Barbu, 29) досл.: 'Лина еще не кончила с мытьем и одеваньем'. (7) может в равной степени трансформироваться в (7'): *Lina nu terminase să spele și să dichisească* и в (7''): *Lina nu terminase să se spele și să se dichisească*, т. к. глаголы, с которыми соотносятся отглагольные имена, могут быть и переходными (*a spăla*, *a dichisi ceva*, *pe cineva*), и возвратными (*a se spăla*, *a se dichisi*). Из контекста выясняется, что рассматриваемая фраза входит в описание одевания невесты и что она однозначно интерпретируется как (7'').

2. В конструкциях с отглагольными именами, как известно³⁷, часто оказываются не выраженными некоторые смысловые противопоставления, обязательные для конструкций с глаголом в личной форме. Так, например, предложению с отглагольным именем: *Sperau riperea în vânzare a citorva bilete* (R. lit., iulie 1970) досл.: 'Они надеялись на поступление в продажу нескольких билетов' соответствуют два трансформа — один с глаголом в конъюнктиве, который вводится при помощи своего показателя *să*, другой — с глаголом в индикативе и союзом *să*. Ср.: (1) *Sperau să se ripă în vânzare cîteva bilete* 'Они надеялись [на то], чтобы поступили в продажу несколько билетов'; (2) *Sperau că se vor ripi în vânzare cîteva bilete* 'Они надеялись [на то], что поступят в продажу несколько билетов'.

Возможен и обратный случай, когда в конструкциях с отглагольными именами выражается противопоставление, которое не находит своего формального соответствия в конструкции с глаголом в личной форме. Отметим в этой связи два примера нейтрализации противопоставления по кратности: (1) *Evitam întîlnirile cu acești derbedei* (Blaga, 79) досл.: 'Я избегал встреч с этими бездельниками'; (2) *Evitam întîlnirea cu acești derbedei* досл.: 'Я избегал встречи с этими бездельниками'. Обе фразы трансформируются в одну и ту же конструкцию с конъюнктивом: *Evitam să mă întîlnesc cu acești derbedei* 'Я избегал встречаться с этими бездельниками'. Ср. также: (3) *Amicul nostru înceru iarăși cu întrebările* (Z. um, 12) досл.: 'Наш друг снова приступил с вопросами' и (4) *Amicul nostru înceru iarăși cu întrebarea* досл.: 'Наш друг приступил снова с вопросом (т. е. с тем же самым вопросом)'. (3) и (4) соответствует трансформ: *Amicul nostru înceru iarăși să întrebe* 'Наш друг снова начал спрашивать'.

3. Рассмотренные примеры представляют большой интерес еще и потому, что среди фраз с отглагольными именами, которыми мы располагаем, почти нет случаев, когда отглагольное имя употребляется во множественном числе, и поэтому все наши наблюдения над выражением катего-

³⁷ Ср., например: Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, с. 203—204.

рии определенности—неопределенности в конструкциях с отглагольными именами относятся, в основном, к формам единственного числа.

Отметим, что для (1) возможно следующее противопоставление по определенности: (1') *Evitam întâlniri cu acești derbedei*, где отглагольное имя стоит в неопределенной форме мн. числа. Возможна также фраза с отглагольным именем в определенной форме единственного числа: (2) *Evitam întâlnirea cu acești derbedei*. Эта фраза не имеет соответствующей пары с неопределенным артиклем.

Ср. также следующий пример: *Înclinarea sa... spre noile direcții din literatură și știință i-a îngăduit sondări la mari adâncimi* (Birlea, 3) 'Его интерес к новым направлениям в литературе и искусстве позволил ему проникнуть (досл.: проникновение, мн. число, неопр. форма) в большие глубины'. В эту фразу можно подставить следующие формы отглагольного имени: *sondările* (мн. число, опред. форма); *sondarea* (ед. число, опред. форма); *o sondare* (ед. число, неопред. форма)³⁸.

* * *

Таким образом, анализируя конструкции с отглагольными именами, мы выделяем среди них пары, противопоставленные по признаку определенности—неопределенности. Эти пары трансформируются в конструкции с конъюнктивом при помощи соотносительных слов, которые противопоставлены друг другу по тому же признаку. Трансформы с конъюнктивом также оказываются противопоставленными по определенности—неопределенности: отглагольному имени в определенной форме соответствует личная форма глагола в конъюнктиве без какого бы то ни было определения в форме наречия, в то время как отглагольному имени в неопределенной форме соответствует личная форма глагола в конъюнктиве с неопределенным наречием в функции семантического эквивалента неопределенного артикля отглагольного имени. Таким образом, мы можем говорить о наличии у глагола лексических средств для выражения категории определенности—неопределенности.

³⁸ Автор выражает глубокую признательность своему информанту — студентке Московского Университета Адине Николеску.

Принятые сокращения

- Alecs. — *Alecsandri V.* Poezii populare ale românilor. I—II. București, 1973.
- Barbu — *Barbu E.* Groapa. București, 1970.
- Băn. — *Bănulescu Șt.* Iarna bărbaților. [București], 1965.
- Bîrlea — *Bîrlea O.* Ovid Densusianu promotor al cercetării stilului folcloric. Sinaia, 1973.
- Blaga — *Blaga L.* Hronicul și cîntecul vîrstelor. [București], 1965.
- Candrea, Adamescu — *Candrea I. A., Adamescu Gh.* Dicționarul enciclopedic ilustrat. București, 1931.
- Căl. — *Călinescu G.* Bietul Ioanide. [București], 1965.
- Chop. — *Balan Th.* Chopin. [București], 1960.
- Cont. — Contemporanul.
- Coteanu — *Coteanu I.* Elemente de dialectologie a limbii române. București, 1961.
- Diehl — *Diehl Ch.* Marile probleme ale istoriei bizantine. Figuri bizantine. I—II. [București], 1969.
- DLRLC — Dicționarul limbii romîne literare contemporane. I—IV. București, 1955—1957.
- DLRM — Dicționarul limbii romîne moderne. București, 1958.
- Ivas. — *Ivasiuc A.* Păsările. [București], 1971.
- Luceaf. — Luceafărul.
- Lumea — Lumea.
- Gib Mih. — *Mihăescu Gib I.* Teatru. Cluj, 1973.
- Min. — *Minulescu I.* Cetiți-le noaptea. Cluj, 1973.
- Nic. — *Niculescu T. I. A.* Bunin. București, 1971.
- Pană Dind. — *Pană Dindelegan G.* Sintaxa transformățională a grupului verbal în limba română. București, 1974.
- Pard. — *Pardău P.* Ore de dimineață. [București], 1972.
- Pop — *Pop Sinziana.* Nu te lăsa niciodată. București, 1966.
- Pușc. — *Pușcariu S.* Limba română. I. București, 1940.
- Pușc., St. istr. — *Pușcariu S.* Studii istroromâne. I. București, 1906.
- R. lit. — România literară.
- Sim. — *Simenon G.* Cazul Luise Laboine, tr. de Al. Mirodan. [București], 1969.
- Sor. — *Sorescu M.* Insomnii. [București], 1971.
- Teod., M. — *Teodoreanu I.* La Medeleni. I—IV. București, 1971.
- Teod., L. — *Teodoreanu I.* Lorelei. București, 1970.
- Vianu — *Vianu T.* Jurnal. București, 1961.
- Voic. — *Voiculescu V.* Povestiri, I—II. [București], 1966.
- Z. um. — Zece umoriști români. Antologie, 1974.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РЯДУ СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ ГРАММАТИКИ

(на материале русского языка)

Ю. П. Князев

В языках, подобно русскому, лишенных морфологической категории артикля, противопоставление по признаку определенности—неопределенности играет роль существенного контекстного различия («скрытой категории», по Б. Л. Уорфу¹), влияющего на функционирование грамматических категорий (таких, как число, степень сравнения, лицо) и обнаруживающегося в этом влиянии. Как свойство контекста, определенность—неопределенность в безартиклевых языках входит в общую перспективу семантического взаимодействия грамматической категории и контекста. В качестве одного из возможных результатов этого взаимодействия, в тот же круг явлений вовлечена и нейтрализация. В намеченной таким образом линии соприкосновения определенность—неопределенность (совместно с другими активными факторами контекста) и нейтрализация (наряду с конкуренцией и, в известном смысле, транспозицией) соотнесены как потенциальные причина и следствие.

Воздействие контекста на значение грамматической категории не исчерпывается созданием позиционных семантических вариантов морфологических единиц. Несколько схематично можно выделить два глубоко различных типа соотношения категории и контекста.

С одной стороны, в силу большой обобщенности грамматических значений, члены морфологических категорий в преобладающем большинстве случаев употребляются в контекстах, семантически с ними совместимых (ср. ка-

¹ Уорф Б. Л. Грамматические категории. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 47—51.

тегорию числа при назывании конкретных предметов). Роль контекста при этом является двойкой. Прежде всего происходит выделение, отбор одного из частных значений члена категории, если он, подобно императиву, многозначен (на этом этапе возникают транспозиции), а затем избранное значение может быть конкретизировано и уточнено до желаемой степени (что является неисчерпаемым источником конкуренций). В совокупности выделительных контекстов для данной грамматической категории полностью реализуется семантический потенциал ее членов, ради чего, собственно, эти языковые единицы и существуют. Парадигматически релевантное в их значениях служит основой для установления дифференциальных признаков, фиксирующих содержательную сторону грамматического противопоставления, а соответствующие контексты составляют для этого противопоставления «сильную» позицию.

С другой стороны, контекст может выполнять и противоположную функцию подавления смысловых различий между членами категории, что неизбежно в тех случаях, когда эти различия несовместимы со значением контекста, в котором эта категория выступает (ср. категорию числа в неисчисляемых существительных). Естественно, что вне специфических условий художественной речи появиться в контексте, противоречащем ее значению, языковая единица может лишь в том случае, если она употребляется принудительно, независимо от окружения. Воздействие контекста приводит к тому, что в этой позиции различия между членами грамматического противопоставления перестают быть коммуникативно значимыми и выбор того или другого из них уже не обуславливается потребностями номинации. А это, бесспорно, указывает на нейтрализацию оппозиции, определяемую как «отсутствие использования данного противопоставления в определенном контексте»² («слабой» позиции).

Говоря о нейтрализациях в морфологии, нельзя не подчеркнуть, что само их наличие является закономерным и необходимым следствием обязательности выражения, характеризующей грамматические значения в рус-

² Маслов Ю. С. Заметки по теории графики. — Philologica, Л., 1973, с. 224.

ском и типологически сходных с ним языках³. Обязательность требует, чтобы слово в качестве синтаксической автономной единицы номинации было бы грамматически оформлено, т. е. обладало бы показателями одного и только одного члена каждой из морфологических категорий, присущих данному слову как представителю определенного словоизменительного класса. Это требование, однако, наталкивается на разрыв между ограниченностью языковых средств и бесконечным многообразием действительности, отражаемой этими средствами⁴, — разрыв, особенно значительный в морфологии.

Классы слов, в которых представлены те или иные грамматические категории, и — тем более — возможности их употребления, открыты и в количественном, и в семантическом отношениях. Достаточно вспомнить о продуктивности словообразовательных переходов из одной части речи в другую, сопровождаемых заменой одних грамматических категорий другими. Напротив, значения грамматических категорий представляют собой замкнутый набор заранее заданных семантических характеристик, заведомо далеко не универсальных уже в силу своей замкнутости, а потому приложимых лишь к части предметов или ситуаций, для обозначения которых используются слова данного класса. В результате для любого грамматического противопоставления существуют не только сильные позиции, но и слабые, в которых парадигматические различия между членами оппозиции, подавляясь контекстом, снимаются, нейтрализуются. Таким образом, вопреки распространенному мнению, что нейтрализация в морфологии «представляет собой явление чрезвычайно редкое»⁵, она принципиально не может не со-

³ Ср. детальный анализ обязательности как свойства инвариантных грамматических значений применительно к русскому языку: *Бондарко А. В.* Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 183—199.

⁴ См. об этом: *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. — Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, с. 364; *Общее языкознание. Формулы существования, функции, история языка.* М., 1970, с. 152—156.

⁵ *Кржижкова Е.* О понятии нейтрализации. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 291.

п у т ь с т в о в а т ь в с я к о й г р а м м а т и ч е с к о й о п п о з и ц и и ⁶.

Заметим попутно, что обязательность и обуславливаемая ею нейтрализуемость возможны, по-видимому, и за рамками значений, выражаемых грамматическими категориями. Так, есть основания полагать, что особенности обозначения пространственных отношений в русском языке (и прежде всего отсутствие беспредложных локативных падежей) делают обязательным выражение семантического признака «контактности», различающего, в частности, предлоги *в*, *на* и *у*. При всей разнице в масштабе, обязательность признака и в этом случае приводит к нейтрализации соответствующих противопоставлений, что проявляется, например, в немотивированном закреплении одного из предлогов (ср. *в переулке*, но *на улице*), либо в их синонимии (ср. *в поле* — *на поле*), а кроме того, влечет за собой включение в систему предлогов движения сочетаний типа *по направлению к*, не имеющих параллелей среди предлогов местоположения ⁷.

Хотя обязательность, очевидно, не является специфической отличительной чертой значений грамматических категорий, различия между обязательностью в грамматике и за ее пределами сохраняются. Обязательные грамматические значения имплицитно также обязательными значениями: обязательность выбора одного из лиц глагола и выражения соответствующих значений обуславливается присутствием определенных форм глагольного времени, обязательность выбора одной из временных форм — формой изъявительного наклонения и т. д., вплоть до общекатегориального значения глагольности ⁸. Напротив, обязательные значения в лексике (например, упомянутое значение «контактности») имплицитно в ко-

⁶ Князев Ю. П. Привативные оппозиции и грамматические значения. — Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение, лингвистика. Тарту, 1972, с. 192—194.

⁷ На возможность связи между обязательностью и нейтрализуемостью впервые обратил внимание Б. Трнка (*Trnka B. Morfológické protiklady. — O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958, s. 103*).

⁸ Об обязательности общекатегориальных значений частей речи см.: Бульгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке. — В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970, с. 13—15.

нечном счете необязательными значениями (в данном случае — значением «пространственности», выделяющим локативные конструкции из числа прочих).

Семантическая несовместимость дифференциального признака морфологической оппозиции и контекста, приводящая к нейтрализации, в зависимости от конкретных условий имеет различные формы.

Нейтрализация может проявляться либо в закреплении в слабой позиции одной из противопоставленных форм (фиксирующие нейтрализации), либо — гораздо реже — в асемантическом варьировании форм, четко различающихся в других, сильных позициях (вариативные нейтрализации)⁹. К вариативным относятся нейтрализации оппозиции чисел в родовых наименованиях (ср. *белки* водятся в *лесу* — *белка* водится в *лесах*), где варьирование происходит в рамках одной лексемы, и в неисчисляемых существительных типа *кефир*, *сливки*, *ботва*, *коренья*, *борьба*, *выборы*, где форма числа варьируется в пределах лексико-грамматического разряда, будучи закрепленной в отдельной лексеме. Типичным примером фиксирующей нейтрализации может служить закрепление форм числа, лица и рода в безличном глагольном сказуемом (типа *его знобит*, *вечерело*).

Семантический признак, нейтрализующий оппозицию, может содержаться как в значении слова, так и в более широком контексте. Лексически обусловлены нейтрализации числа в неисчисляемых существительных; лица при обозначении действий, субъектом которых не может быть человек (типа *ржавеет*)¹⁰; залога в непереходных глаго-

⁹ В концепции Кржижковой фиксирующим нейтрализациям соответствуют обязательные, а вариативным — факультативные. Характерное терминологическое различие точно отражает различие в понимании природы нейтрализации. Для Кржижковой, как и вообще для традиции Пражской школы, нейтрализуемость обуславливается как бы изнутри и состоит в том, что в силу равноценности членов морфологической оппозиции вместо маркированного может обязательно или факультативно употребляться немаркированный. Для нас же, напротив, нейтрализация вызывается семантическим воздействием извне и связана с тем, что всякое обязательно выражаемое различие неизбежно вступит в противоречие с контекстом. См.: *Křížková H. Pojetí neutralizace v morfologii. — Slovo a slovesnost, 1965, t. 26, № 1.*

¹⁰ Употребление форм типа *ржавею*, *ржавеешь* требует семантического преобразования глагола или его субъекта, т. е. устранения нейтрализующего признака.

лах; рода в названиях детенышей и неодушевленных предметов; степени сравнения в относительных прилагательных¹¹. Эти нейтрализации отражают взаимодействие морфологических значений с лексическими и могут быть названы парадигматическими¹². Нейтрализации, вызываемые общим значением высказывания (иначе — синтагматические¹³), наблюдаются для числа в родовых наименованиях в конструкциях, «выражающих суждение всеобщности»¹⁴; для лица и числа глагола — в неопределенно-личных и безличных предложениях; для времени — при обозначении постоянных явлений, не соотносенных с моментом речи (типа *лежащего не бьют, бумага хорошо горит*).

Один и тот же контекстный признак может привести и к парадигматической, и к синтагматической нейтрализации. Так, парадигматической нейтрализации противопоставления по числу в вещественных существительных соответствует синтагматическая нейтрализация числа при исчисляемых существительных в конструкциях, называющих материал, из которого сделано изделие: *здание из кирпича, из камня* (ср. вещественное *из алюминия*); *пюре из репы, из яблок* (ср. *из клубники*); *заливное из рыбы, из щуки* (ср. *из осетрины*); *шуба из норки, из соболей* (ср. *из каракуля*). Аналогичной двойственностью (лексико-грамматический разряд, с одной стороны, и семантико-коммуникативный тип высказывания — с другой) отличаются также собирательность и безличность. Парадигматические нейтрализации оппозиций по числу в собирательных существительных (*буржуазия угнетает пролетариат*) и безличных глаголах (*светало, не спится*) находят свои параллели в синтагматических нейтрализациях в родовых

¹¹ Нейтрализации этого типа следует отличать от явлений, подобных неизменяемости глаголов прошедшего времени по лицам, где нередко также усматривают нейтрализацию (см., например: *Воложская З. Н., Молошная Т. Н., Николаева Т. М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964, с. 45).

¹² Парадигматические нейтрализации всегда вызываются смысловым воздействием извне, тогда как неразличение лиц в прошедшем времени семантически немотивировано.

¹³ Ср. более узкое понимание парадигматических и синтагматических нейтрализаций у Б. Трки (*Trnka B.* On some problems of neutralization. — *Omagiu lui Iorgu Iordan*. București, 1958).

¹⁴ *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 31.

Наименованиях (*буржуа угнетает пролетария*) и безличных предложениях (*ветром гонит пыль; из щели дует*). В то же время, например, нейтрализация числа в позиции «неопределенно-личности» может быть только синтагматической, поскольку глаголов, которые выступали бы только в неопределенно-личных предложениях, в русском языке нет¹⁵.

Наконец, третьим основанием для классификации нейтрализаций может служить соотношение между нейтрализующим признаком и контекстом. Нейтрализующий контекст либо вообще несовместим с дифференциальными признаками грамматической категории (эксклюзивные нейтрализации), либо, будучи совместим с признаком в целом, не допускает различения его отдельных значений (инклюзивные нейтрализации). Эксклюзивной является нейтрализация лица и рода в принципиально безагенсном глагольном безличном предложении, но инклюзивной — в предложениях неопределенно-личных. По признаку эксклюзивность—инклюзивность различаются и нейтрализации рода в неодушевленных существительных, с одной стороны, и в наименованиях детенышей, с другой, а также нейтрализации числа в абстрактных существительных и в существительных собирательных.

Разнородность нейтрализаций морфологических оппозиций и их явная функциональная неравноценность¹⁶ не должны заслонять того факта, что по своему механизму нейтрализации в грамматике единообразны. Все они обуславливаются тем, что диапазон употребления грамматической категории неизбежно значительно превосходит сравнительно узкие и вполне определенные границы приложимости семантического дифференциального признака категории. Границы эти определены настолько, что знание признака, предположительно релевантного для морфологической оппозиции, и класса слов, в которых эта оппозиция представлена, позволяет, пусть в общих чертах, наметить распределение сильных и слабых позиций. Можно, например, заранее сказать, что для

¹⁵ См., впрочем: *Гаспаров Б. М.* Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке. — Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 275, 1971, с. 11—12.

¹⁶ См. об этом подробнее: *Буланин Л. Л., Князев Ю. П.* Нейтрализация и привативность морфологических оппозиций. — Вестник ЛГУ, 1977, № 2, с. 101.

оппозиции чисел по признаку «один — несколько» названия конкретных предметов образуют сильную позицию, а названия веществ, лишенных дискретности и потому не поддающихся счету, — слабую. Сама же грань между «предметами» и «веществами», нечеткая во внеязыковой действительности, не знающей вообще резких граней, не может не быть, идиоллингвистичной и как таковая должна — в определенных и опять-таки предвидимых пределах — варьироваться от языка к языку. В данном случае такую переходную область составляют «условно недискретные»¹⁷ существительные типа названий мелких ягод (*малина, смородина* и др.), вещественные в русском языке, а в болгарском — исчисляемые, имеющие соотносительные числовые формы¹⁸.

Если бы, однако, обнаружилось, что вещественные существительные регулярно образуют обе числовые формы с постоянным семантическим соотношением между ними (т. е. в этой позиции противопоставление не нейтрализовалось бы), то это означало бы, что дифференциальным для оппозиции по числу является не признак «один—несколько», а, скажем, «расчлененность—нерасчлененность», или «много—мало», или «часть—целое», или какой-либо иной признак, совместимый и с исчисляемыми, и с вещественными существительными¹⁹. Критика традиционных воззрений на значение категории числа и основывается на том, что противопоставление существительных по числу широко представлено и в тех словах, которые в силу своей семантики исключают понятия единичности и множественности (*бег — бега, снег — снега, масло — масла, глупость — глупости*).

Критика эта, теоретически вполне оправданная, неубедительна лишь потому, что внеколичественные семантические соотношения между формами числа связывают формы числа разных слов либо различных их лексико-грамматических вариантов. Соответствия типа «вещество — пространство, покрытое веществом» (*снег — снега*) или «действие — сложное специализированное дей-

¹⁷ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 29—30.

¹⁸ Попов К. Типичные для болгар трудности в русском языке. София, 1974, с. 43—45.

¹⁹ См. типологию семантических противопоставлений по числу: Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке. — Учен. зап. ЛГУ, вып. 10, 1946.

ствии» (*бег — бегá, выбор — выборы*) представлены каждое лишь в нескольких словах, а потому и характеризуют не категорию числа, а только эти ограниченные списки слов. Контекстно обусловленный сдвиг в значении категории — если он действительно является результатом синхронно актуального и постоянно воспроизводимого взаимодействия категории и контекста — должен наблюдаться во всех семантически однородных контекстах, т. е. быть регулярным. Нерегулярные же соотношения типа *выбор — выборы* свидетельствуют лишь об индивидуальном видоизменении лексического, а не грамматического значения слова (появлении нового лексико-грамматического варианта или нового слова). При этом оба варианта (слова) по своей семантике исключают идею числа и имеют дефектные числовые парадигмы: вариант (слово) *выбор* не имеет форм множественного числа, а *выборы* — форм единственного числа. Разнонаправленная числовая несоотнесенность вариантов (слов) *выбер* и *выборы* и создает иллюзию соотносительности.

К другой, значительно более обширной, группе относятся такие также внеколичественные, но уже регулярные противопоставления между формами числа, как «род — вид» (*вино — вина*), «свойство — конкретное проявление свойства» (*глупость — глупости*) или «действие — объект действия» (*сооружение — сооружения*). Как и в предыдущем случае, перед нами формы числа различных лексических единиц²⁰: те более конкретные значения, которые связываются обычно лишь с формами множественного числа, возможны в обоих числовых формах. Отглагольные абстрактные существительные нередко вообще более употребительны именно в конкретных значениях актантов действия (субъекта, объекта, результата) и в этих своих значениях свободно образуют обе формы числа (*огромное сооружение — огромные сооружения*). Множественное со значением актанта, естественно, соотносится с единственным актанта, а не абстрактного действия. То же касается и соотношений типа «род — вид», где «видовое» значение формы единственного числа, в котором она только и соотносительна с множественным «видовым» (ср. Нет, коньяк он пьет только армянский, других коньяков он не

²⁰ Ср. примеры регулярной лексической многозначности в кн.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974, с. 193—203.

плет), выступает обычно в сопровождении особых выделятельных средств. Необходимость в подобных средствах, безусловно, указывает на вторичность «видового» единственного у вещественных существительных, но на вторичность по отношению не к «видовому» множественному, а к «родовому» единственному. В семантической структуре вещественных существительных значение «рода» всегда является главным, а значение «вида» — второстепенным, и в качестве такового всегда требующим определенного контекстного подкрепления.

В итоге мы возвращаемся к традиционному пониманию семантики категории числа: в значениях, исключаящих различие «один — несколько» (*вино* как род вещества; *выбор, выборы, сооружение* как названия действий), существительные не допускают и противопоставления по числу, а в значениях конкретных, совместимых с идеей счета (*вино* — *вина* в значении сорта вещества; *выбор* — *выборы* как названия отдельных актов или объектов выбора; *сооружение* — *сооружения* как названия объекта или результата действия), образуют обе числовые формы, подобно обычным исчисляемым существительным.

Более общий смысл сказанного сводится, в основном, к двум моментам. Во-первых, парадигматическая противопоставленность членов грамматической категории существует лишь как обобщение противопоставленности соотносительных словоформ (или — для классифицирующих категорий — лексем), различающихся по данной категории. Поэтому, в частности, среднему роду в русском языке едва ли можно приписывать признак «неодушевленность»²¹: хотя практически все существительные среднего рода обозначают неодушевленные предметы, ни одно из них не противопоставлено по этому признаку словам мужского или женского родов. Соответственно, вне оппозиции к другим родам оказывается и средний род в целом. Иначе, например, в белорусском языке, где последовательно проводятся тернарные соответствия типа *баран* (м. р.) — *авечка* (ж. р.) — *ягнё* (ср. р.)²² и где, тем самым, все три рода существительного обладают оппозитивной

²¹ Ср.: Jakobson R. The gender pattern of Russian. — *Studii și cercetări lingvistice*, t. IX, 1960, p. 541.

²² Юргелевич П. Я. Курс сучаснай беларускай мовы с гістарычнымі каментарыямі. Мінск, 1974, с. 180.

значимостью. Во-вторых, различие между позициями, сильными для данного грамматического противопоставления, и слабыми позициями, где оно нейтрализовано, вовсе не является чем-то самоочевидным. Напротив, в большинстве случаев (не только для числа, но и для вида, времени, наклонения) это различие, выявление которого необходимо для установления дифференциальных признаков, затемняется различными внеграмматическими факторами, так что само разграничение позиций, допускающих или исключающих противопоставление, превращается в самостоятельную лингвистическую проблему.

Дифференциальные признаки в морфологии (как и вообще в языке) являются еще и релевантными и не только различают значения членов оппозиции, но и образуют сами эти значения. Семантическая несовместимость контекста с дифференциальным признаком, приводящая к нейтрализации, является, следовательно, и несовместимостью со значениями обоих противочленов, а это, в свою очередь, не позволяет видеть в нейтрализации употребление одного члена оппозиции вместо другого, более уместного в данной позиции²³. С этой точки зрения, в существительных — наименованиях веществ, не допускающих количественной актуализации, равно немотивированы и единственное число (*тушь, хворост*), и множественное (*чернила, дрова*). Точно так же и закрепленные в неопределенно-личных конструкциях личные формы не заменяют других форм глагольного лица, даже если из контекста ясно, что производителем действия является говорящий или слушатель.

Равная неприемлемость обоих членов противопоставления в позиции нейтрализации резко отличает нейтрализацию от таких широко распространенных языковых явлений, как конкуренция и транспозиция, где также наблюдается известное безразличие в выборе грамматической единицы (т. е. синонимия в широком смысле слова).

К о н к у р е н ц и я грамматических единиц возникает в результате контекстно обусловливаемого сближения значений членов оппозиции, сама возможность кото-

²³ О нейтрализации как замене см.: *Dokulil M.* K otázce morfológických protikladů. — *Slovo a slovesnost*, 1958, № 2, s. 90; *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 16—21; *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 88 и мн. др.

рого связана с соотносительностью этих значений (иными и не могут быть значения единиц, взаимоисключающих друг друга в любой позиции). Конкуренцию, а не нейтрализацию представляет собой, например, дистрибутивное употребление числа существительного (обозначение группы предметов, распределенных по одному между представителями другой группы предметов): Только несколько учеников подняли *руку / руки*; У всех электроприборов есть *выключатель / выключатели*. В позиции конкуренции оба оппозиита одинаково приемлемы, и в этом отношении конкуренция как бы диаметрально противоположна нейтрализации²⁴.

Другая разновидность конкуренции связана с возможностью семантически эквивалентной замены одного члена грамматической категории описательным выражением с другим членом категории. Этот тип конкуренции характерен, например, для степеней сравнения прилагательных и наречий, значения которых схематически представляются следующим образом: *A высокий* = 'А превосходит норму. . .'²⁵; *A выше B* = 'А превосходит В. . .'; *A самый высокий из B* = 'А превосходит все В. . .'. Отталкиваясь от такого толкования семантики степеней сравнения, можно видеть, что если сравниваемые предметы входят в один класс, а объектом сравнения служит класс в целом, компаративная конструкция (в положительном и отрицательном вариантах) равнозначна суперлативной: *Петя самый высокий в школе — Петя выше всех в школе (Нет в школе ученика выше Пети)*. Сходным образом «норма», являющаяся имплицитным объектом сравнения для положительной степени, может быть словесно обозначена в компаративном обороте, что также создает условия

²⁴ Понятие «конкуренции» введено В. Матезиусом (по-видимому, в значении англ. *coincidence* 'совпадение') применительно к видовой синонимии типа *Кто написал / писал эту картину?*, где равнозначная аспектуальная характеристика действия создается либо совершенным видом самостоятельно, либо несовершенным видом совместно с контекстом, указывающим на единичность и законченность действия. См. также: *Ломов А. М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977, с. 82—85.

²⁵ О связи положительной степени с «нормой» (средней, типичной для данного предмета мерой признака) см.: *Bierwisch M.* Some semantic universals of German adjectivals. — *Foundations of language*, v. 3, № 1, 1967.

для конкуренции: *высокий рост — рост выше среднего; дорогой костюм — костюм дороже обычного.*

Иначе обуславливается конкуренция чисел типа *У нас гость / гости: вернулась Маша.* Множественное число само по себе (в отличие от единственного числа) не называет точного количества обозначенных предметов. Только контекст создает ту или иную степень конкретизации количества (например, с помощью соответствующих числительных) либо, напротив, дополнительно подчеркивает количественную неопределенность. Последнее предполагает неопределенность существительного и характерно для конструкций со значением «наличия» (особенно вопросительных и отрицательных): *У Лены есть дети; И в этом городке у него нашлись знакомые; Завтра у нас снова будут гости; Есть ли у нее дети / родственники / знакомые?* (т. е. хотя бы один); *У нее нет детей / родственников / знакомых* (т. е. ни одного). Количество предметов здесь совершенно несущественно и, уточняясь в дальнейшем изложении, может оказаться любым, в том числе и единичным; после предложения *У Лены есть дети* одинаково возможны: *уже трое; сын и дочь; сын Юра.* Совмещение контекстуальной деконкретизации значения множественного числа с вторичной его конкретизацией в более отдаленном контексте и создает параллелизм способов выражения при обозначении наличия единичного предмета (лица): *У Лены есть дети / ребенок: сын Юра* ²⁶.

К близкой разновидности относится конкуренция положительной степени со сравнительной и превосходной в их элативных употреблениях. Переход к элативному осмыслению «косвенных» степеней сравнения обуславливается деконкретизацией объекта сравнения ²⁷, а потому тесно связан с актуальным членением предложения и через него с определенностью—неопределенностью существительных, входящих в сравнительный оборот. Эта

²⁶ Ср. другие точки зрения: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, с. 153 и сл.; *Резвин И. И.* Так называемое «немаркированное» множественное число в современном русском языке. — ВЯ, 1969, № 3; *Арбатский Д. И.* Множественное число гиперболическое. — Русский язык в школе, 1972, № 5, с. 92—93.

²⁷ См. об этом подробнее: *Князев Ю. П.* О семантике степеней сравнения прилагательных. — Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 327, 1978.

связь хорошо видна в следующих парах предложений, сходных по словесному составу, но различающихся актуальным членением: — *Мне кусок ветчины попостнее* (элатив) — *Нет, другой, попостнее* (компаратив); *Более закаленные люди обычно меньше болеют* (элатив) — *Вот этот человек более закаленный* (компаратив); *Пинчеры бывают покрупнее и помельче* (элатив) — *Есть у меня на примете два маленьких и три побольше* (компаратив); *Наша жизнь в Оренбурге была самая несносная* (элатив) — *Самой несносной наша жизнь была в Оренбурге* (суперлатив); *Погода в октябре была самая отвратительная* (элатив) — *Самой отвратительной погода была в октябре* (суперлатив); *Савельев — сильнейший лыжник* (элатив) — *Сильнейшим стал лыжник Савельев* (суперлатив). Во всех предложениях с элативом выражается сравнение не с какими-то определенными людьми, отрезками жизни или пинчерами, а с абстрактной «нормой», т. е. возникают условия для конкуренции степеней сравнения прилагательного: *ветчина попостнее — постная ветчина; пинчеры поменьше — маленькие пинчеры; самая отвратительная погода — совершенно отвратительная погода; сильнейший лыжник — очень сильный лыжник.*

Характеристика нейтрализации и конкуренции была бы неполной вне сопоставления с т р а н с п о з и ц и е й — реализацией переносных (вторичных) значений грамматических морфем. В этой связи уместно обратиться к категории наклонения, поскольку синонимические отношения между наклонениями могут основываться и на конкуренции, и на транспозиции.

Сослагательное наклонение обозначает действие, не реализованное в силу неосуществленности другого действия, обуславливающего первое; предложению *Пришел бы он вчера, мы бы не поссорились* примерно соответствует следующее предложение с индикативом: *Его приход вчера мог предотвратить ссору, он он не пришел, и мы поссорились.* Противоречивая двойственность этого значения, как и всякое противопоставление, носит известную эмоциональную окраску, выступающую на первый план, если нереализованное следствие остается словесно не выраженным: *Пришел бы он вчера — . . . но он не пришел, и это плохо.* Будучи обращенной на 2-е лицо, желательность (или нежелательность) действия предстает уже, естественно, в виде побуждения, предостережения, совета

и т. п. Сближение с главным значением императива приводит к конкуренции сослагательного и повелительного наклонений: *Ты бы поел немножко — Поешь немножко; Не ходил бы ты в кино — Не ходи в кино*. Очевидно, что возможность конкуренции ограничена действиями, зависящими от воли субъекта; в противном случае (ср. *Был бы ты повыше ростом* и т. п.) синонимичная замена наклонений невозможна.

В отличие от сослагательного наклонения императив обладает целым рядом переносных значений, связанных с употреблением этой формы вне ситуации побуждения в контексте повествовательного или условного предложений. В случаях конкуренции, рассмотренных выше, семантический сдвиг, если он вообще имеет место, целиком обуславливается контекстом; используя лексикологическую терминологию, можно сказать, что этот сдвиг буквально создается контекстом. Благодаря отношениям конкуренции, элатив или побудительное употребление сослагательного наклонения приобретают, конечно, относительную самостоятельность и психолингвистическую обособленность. В целом же, однако, различные значения множественного числа, элативное и суперлативное употребления превосходной степени, условное, желательное и побудительное значения сослагательного наклонения играют в смысловой структуре морфем — показателей соответствующих грамматических категорий ту же неопределенную и эмически незначимую роль вариантов морфологических аллоединиц, что и, например, подзачения просьбы, мольбы, разрешения или запрещения в рамках побудительного значения императива.

Совершенно иной языковой статус имеют переносные значения императива. Не вдаваясь в детали, отметим некоторые из них. В повествовательном контексте при наличии явного или скрытого противопоставления форма повелительного наклонения может выражать специфическое значение негативно оцениваемого долженствования: *Все ушли, а я сиди дома; На улице праздник, а он работай*. В таких конструкциях выступает «как бы перевернутый наизнанку императив», трактующий повеление «с точки зрения лица, к которому императив адресован»²⁸. Акцентируя деривационные связи этого значения с глав.

²⁸ Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 169.

ным, побудительным, значением императива, долженствование можно назвать «неопределенно-субъектным» побуждением (имеется в виду субъект побуждения). Другим значением повелительного наклонения, также характерным для повествования, является так называемый «драматический императив»: Тут я и *закричи* на нее; А он и *пригласи* меня к себе. Действие, обозначенное «драматическим императивом», происходит как бы независимо от воли и желания его исполнителя и одновременно лишено внешнего источника побуждения. По аналогии с предыдущим случаем это значение императива уместно назвать «бессубъектным». В обоих этих значениях транспонированный императив синонимичен оборотам с индикативом; ср.: Все ушли, а я *должен сидеть* дома; Тут я *вдруг закричал* на нее. Наконец, императив обладает и более общим переносным значением ирреальности, примыкающим к значению сослагательного наклонения. Практически в любой условно-следственной конструкции глагол в сослагательном наклонении, обозначающий нереализованное условие действия, может быть заменен синонимичным ему транспонированным императивом: *Знай я это заранее — Если бы я знал это заранее; Пойди он вчера в кино, все было бы иначе — Пошел бы он вчера в кино, все было бы иначе.*

Последняя группа примеров позволяет особенно наглядно продемонстрировать отличие конкуренции форм от транспозиции. Параллелизм пар *Сходи в кино — Сходил бы ты в кино* и *Пойди он вчера в кино. . . — Пошел бы он вчера в кино. . .* (соответственно: сослагательное наклонение в значении повелительного и повелительное в значении сослагательного) является чисто внешним. Как отмечалось выше, значение побуждения у сослагательного наклонения полностью определяется конкретизирующим воздействием контекста. Напротив, способность повелительного наклонения передавать значение «сослагательности» связана именно с реализацией одного из частных значений императива; как и лексические переносные значения, переносные значения в грамматике не создаются контекстом, а лишь выявляются в нем, будучи заранее заданы в языковой системе²⁹. Нельзя, следова-

²⁹ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, с. 47—55.

тельно, считать, что форма императива, переосмысляясь, приобретает значение неосуществленности действия под влиянием контекста условного предложения³⁰. Такое допущение оставляло бы совершенно необъяснимым, как форма со значением побуждения вообще может попасть в контекст, который противоречит ее значению и в котором обычно употребляется специально предназначенная для этого форма сослагательного наклонения. Наличие переносных значений является не следствием употребления грамматической единицы в необычном контексте, а, наоборот, его необходимой предпосылкой. Императив потому и способен входить в условные конструкции, что в его семантическую структуру уже включено, наряду с побудительным, и значение ирреальности действия. То же относится и к другим переносным значениям императива.

Различение конкуренции и транспозиции и отграничение их от нейтрализации существенно прежде всего в связи с проблемой соотнесения семантического потенциала морфологической категории (а каждый из трех рассмотренных типов отношений между языковыми единицами так или иначе на него воздействует) и набора ее дифференциальных признаков. Если явление грамматической конкуренции не представляет в данном случае ничего специфического, поскольку сведение позиционных вариантов языковой единицы в целостный функциональный инвариант принадлежит к числу традиционных задач лингвистического анализа, то отношение переносных значений к инвариантному остается невыясненным.

Думается, что при решении вопроса о транспозиции следует исходить из особенностей языковых связей вторичных, переносных значений в отличие от значений главных. Переносные значения как в лексике, так и в грамматике характеризуются синтагматической закрепленностью и резко сниженной парадигматической значимостью: они соотносятся не с другими языковыми единицами, а с главным значением той же единицы³¹. Безусловно, объединение парадигматического и непарадигма-

³⁰ Ср.: Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, с. 22.

³¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 211 и сл.

тического (главного и переносных значений) не может сохранять парадигматическую значимость и продолжать отражать существо противопоставления между членами оппозиции, как это ожидалось бы от инвариантного, «собственно языкового» значения, парадигматического по самой своей сути. Поэтому переносные значения не должны включаться в инвариантное значение члена морфологической категории³², а находясь вне оппозиций, и сами не разложимы на дифференциальные признаки.

Косвенным подтверждением этого служит то обстоятельство, что предлагавшиеся формулировки инвариантного значения императива, включающие и переносные значения³³, явно противоречат общим представлениям о соотношении значимой единицы и контекста. Такого рода инварианты неизменно опираются на самые абстрактные переносные значения, в силу чего синтаксически связанные значения оказываются ближайшими к инвариантному, а наиболее свободное — побудительное — самым удаленным от него. Между тем, соотношение между рангом значения в семантической структуре и объемом необходимого контекстного подкрепления должно быть противоположным.

Утверждения о принципиальной равноценности всех употреблений грамматической единицы и их одинаковой важности для установления ее инвариантного содержания³⁴ представляются излишне категоричными в отношении не только транспозиции, но и нейтрализации. Как показывает практика, значение нейтрализованной еди-

³² Ср. определение транспозиции как употребления формы вне инвариантного значения: Дюрович Л. Относительное прилагательное в славянских языках. — *The Slavic word*. The Hague—Paris, 1972.

³³ См., например: Leška O. Formální a funkčně obsahová struktura ruského imperativu (injunktiv). — *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české*, t. 3. Praha, 1968, s. 20—27; Kothaj I. O všeobecnom význame imperativu v ruštine a slovenčine. — *«Jazykovedný časopis*, 1967, č. 1, s. 94—95; Křížková H. Větná paradigmatica a modálita. — *Slavica Slovaca*, 1973, s. 1, s. 20—22.

³⁴ Ср.: Кржижкова Е. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм. — *Travaux linguistiques de Prague*, t. 2. Praha, s. 171.

ницы либо определяется произвольно, либо подменяется значением нейтрализующего контекста. Например, в предложениях типа *С ним не поспоришь* усматривают употребление формы 2-го лица в значении 'либо вообще'³⁵; тогда как очевидно, что это значение выражается не какой-то отдельной морфемой, а синтаксической конструкцией в целом. Несовместимое с противопоставлением по лицу, оно вызывает его нейтрализацию и как бы накладывается на собственное (парадигматическое) значение формы 2-го лица, оставаясь при этом именно и только значением контекста. Функция же «собственного значения» в позиции нейтрализации сопоставима с ролью внутренней формы при словопроизводстве: неосознаваемая в обыденной речи, она может быть прояснена, например, в художественной речи, где языковая форма сама по себе является частью содержания текста³⁶.

По этой же причине трудно согласиться и с той точкой зрения, согласно которой при нейтрализации выступает особая языковая единица («архиморфема» или «архиграммема») с иным, по сравнению с единицами в сильных позициях, набором дифференциальных признаков³⁷. Нейтрализации вызываются семантическим воздействием со стороны контекста, а потому происходящее при нейтра-

³⁵ *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 103; *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967, с. 144.

³⁶ Ср. наблюдения о различных формах лица в предложениях с обобщенным субъектом (*Гаспаров Б. М.* Указ. соч., с. 39); формах времени при обозначении постоянных действий (*Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 302—304); формах числа в родовых наименованиях (*Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959, с. 117—118).

³⁷ *Мухин А. М.* Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы. — ВЯ, 1962, № 5, с. 59—61; *Булыгина Т. В.* Грамматические оппозиции. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 182—186. Ср. также выделение вещественных существительных в разряд «внечисловых» (*Реформатский А. А.* Число и грамматика. — В кн.: Вопросы грамматики. М.—Л., 1960, с. 391—392), а непереходных глаголов — в разряд «внезалоговых» (Грамматика русского языка, т. I. М., 1960, с. 412) или введение особых «неопределенного» и «мнимого» лиц глагола для неопределенно-личных и безличных предложений (*Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912, с. 100—101).

лизации должно быть отнесено прежде всего к контексту: изменяется не сама морфологическая единица, а лишь способ ее употребления. Кроме того, как указывалось выше, содержательные различия в грамматике не могут быть абсолютными. Нет резких границ и между сильными и слабыми позициями для категорий числа (считаемые и несчитаемые существительные), степени сравнения (качественные и относительные прилагательные) или лица (глаголы с полной личной парадигмой и глаголы, употребляемые только в 3-м лице). Поэтому, вводя «архиединицы» в морфологию, необходимо либо предполагать возможность нейтрализации различия между единицей в сильной позиции и уже нейтрализованной единицей, либо допустить, что между двумя инвариантами (морфемой и «архиморфемой»), различающимися одним признаком, могут лежать какие-то промежуточные единицы, а это противоречит скачкообразности релевантного различия — «квантом» различия, его предельным минимумом и служит дифференциальный признак.

Таким образом, в рамках проблемы языковых тождеств и различий явления нейтрализации и транспозиции требуют гибкого подхода. С одной стороны, необходимо различать противопоставленное, нейтрализованное и транспонированное употребления форм, поскольку в признаковое содержание морфологической единицы входит лишь выражаемое ее главным значением в сильных позициях. С другой стороны, ни при нейтрализации, ни при транспозиции члены грамматических категорий не меняют своих дифференциальных признаков, оставаясь эмически равными единицам в сильных позициях.

Резюмируем сказанное. Члены морфологических категорий выступают в языке одновременно и как взаимосоответственные компоненты грамматических парадигм, и как вполне независимые, самостоятельные значимые единицы. Через парадигматические (оппозитивные) отношения в рамках категории выявляется лингвистически релевантное в значениях ее членов (дифференциальные признаки). При этом, вследствие обязательности, присущей грамматическим значениям, для оппозиций в морфологии равно необходимы и дифференциация, и нейтрализация. Вместе с тем, подобно любым единицам, наделенным значением (например, лексемам), морфемы — показатели грамматических категорий вступают и в индивидуальные отноше-

ния с контекстом, обнаруживая в нем свою многозначность и неограниченно уточняясь за счет языкового и внеязыкового окружения. В этом взаимодействии каждый член категории участвует независимо от других ее членов, однако следствием его нередко бывает «вторичная» соотнесенность грамматических единиц в форме синонимии на основе конкуренции или транспозиции, по внешним проявлениям отчасти сходных с нейтрализацией. Тесное переплетение «грамматического» и «лексического» в функционировании членов морфологических категорий и определяет основные черты флективной морфологии.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МЕСТОИМЕНИЯ *КОТОРЫЙ*

А. А. Зализняк, Е. В. Падучева

Хотя структуре и значению предложений с определительными придаточными в русском языке посвящены многочисленные и обстоятельные исследования, проблему тем не менее нельзя считать исчерпанной. Некоторые закономерности, действующие в этой весьма распространенной конструкции, оставались пока еще вне поля зрения, а многие другие, вообще говоря, известные, можно в настоящее время сформулировать проще и точнее с использованием аппарата структурного синтаксиса и денотативной семантики.

§ 1. Исходные понятия

В синтаксической структуре сложного предложения с определительным придаточным связь придаточного предложения с главным идет по двум линиям. (I) Придаточное в целом (а при интерпретации структуры в виде дерева подчинения — вершина придаточного, т. е. его сказуемое) входит в подчинительную связь (определятельную) с некоторым словом в главном предложении — это подчиняющее слово. Обычно подчиняющее слово является одновременно определяемым словом, т. е. словом, определением которого является придаточное. (II) Относительное местоимение (или, иначе, союзное слово) в придаточном входит в анафорическую связь со своим antecedентом в главном предложении. Antecedентом местоимения *который* мы считаем словосочетание, которое включает определяемое слово и все те слова в главном предложении, которые ему подчинены — непосредственно или через посредство других слов; в состав antecedента могут входить детерминативы — *тот, такой, этот*. Таким образом, antecedент является

г р у п п о й определяемого слова в дереве главного предложения¹, и, следовательно, определяемое слово — это синтаксическая вершина антецедента. В группу определяемого слова во всем дереве сложного предложения входит не только антецедент, но и все придаточное.

В примере (1) антецедент относительного местоимения выделен квадратными скобками, определяемое слово (оно же — слово, подчиняющее придаточное) — разрядкой:

- (1) а. Он увидел возле дороги [*молодую, довольно смазливую крестьянскую д е в у ш к у*], которая выгоняла телят из овса²;
б. Пьер . . . тут только подумал о [*том с в и д а н и и с умирающим отцом*], которое его ожидало;
в. Это чувство знакомо [*каждому ч е л о в е к у*], которому приходилось ночевать в необитаемом месте.

В частном случае, если у определяемого слова в пределах главного предложения подчиненных нет, антецедент состоит из одного слова; тогда определяемое слово и антецедент совпадают.

Предполагается, что предложения с *который*, как и все другие предложения с местоимениями, имеют г л у б и н н у ю с т р у к т у р у, где местоимение отсутствует. Эта глубинная структура состоит из двух предложений (вернее, из их глубинных представлений), глубинного главного (ГГ) и глубинного придаточного (ГП). Глубинное придаточное отличается от реального придаточного тем, что в нем местоимение заменено на свой с у б с т и т у т (см. [2]) — именную группу, которая состоит из определяемого слова и показателя к о р е ф е р е н т н о с т и, если она есть (кореферентность — это, грубо говоря, тождество обозначаемых объектов).

Между ГГ и ГП, как и между реальными главным и придаточным, имеется две связи — подчинительная (между

¹ Группой (или группой зависимости) слова *w* называется словосочетание (в частном случае — одно слово), состоящее из слова *w* и всех слов, которые ему подчинены — непосредственно или через посредство других слов, см., например, [1].

² Ссылки на источник в примерах даются лишь в том случае, если правильность предложения может быть подвергнута сомнению.

определяемым словом и вершиной придаточного) и анафорическая (между antecedентом и субститутотом относительного местоимения). Например, в предложении (1б) ГГ = *Пьер только что подумал о [том свидании с умирающим отцом]*, ГП = *[Это свидание] его ожидало*; в анафорическую связь входят именные группы, заключенные в скобки; это — показатель кореферентности.

Смысл сложного предложения определяется смыслом ГГ и ГП, а также денотативной характеристикой (типом соотнесенности с внеязыковыми объектами) antecedента и субститута, от которой зависит содержание анафорической связи. При этом существен тип определительного придаточного. В предложениях с так называемым описательным (или аппозитивным) придаточным antecedент и субститут имеют каждый свою собственную денотативную характеристику: например, они обозначают, каждый, фиксированный единичный объект, или выражают, каждый, некоторое общее понятие, или один обозначает единичный объект, а другой — множество объектов того же класса и т. д. В предложениях с ограничительным придаточным вся группа определяемого слова, состоящая из antecedента и придаточного, имеет единую денотативную характеристику, а сами по себе antecedент и субститут — это всегда переменные в области действия квантора (как в примере (1в)) или детерминатива (как в (1б)).

Содержанием анафорической связи в предложении с ограничительным придаточным всегда является кореферентность. В предложении с аппозитивным придаточным содержание анафорической связи более разнообразно; так, в примере (2) субститут и antecedент кореферентны, а в (3) и (4) — нет:

(2) а. *На террасе сидел Андрей Петрович, который читал газету;*

б. *Тут прежде стояла третья сосна, которая в бурю повалилась;*

(3) *Мне скучно без красивых женщин, которых в Ялте нет;*

(4) *Сарай был подарен ему за одну услугу, которых он много оказывал разным людям.*

При всем разнообразии возможностей, правильное предложение с аппозитивным придаточным требует определенной согласованности денотативных характеристик именных групп, входящих в анафорическую связь. Так,

предложение (5), где антецедент обозначает конкретный объект, а субститут — неденотативная именная группа³, находится на грани допустимости, а предложение (6), где антецедент — просто название, а субститут обозначает объект, заведомо аномально:

- (5) *Я надел фрак, без которого никому не советую выезжать, даже на охоту* (Тургенев);
(6) **Городок называется Труа, в котором 75 тыс. жителей* (пример из [4]).

Несогласованность денотативных характеристик антецедента и субститута может служить источником весьма разнообразных аномалий, исчисление которых не входит, однако, в задачи данной работы.

Предлагаемый тип глубинных структур не является полностью адекватным описанием смысла представляемых предложений. Во-первых, подчинительная связь не играет большой роли в семантической интерпретации сложного предложения: во многих случаях можно, сохранив прежний смысл, изменить направление подчинения на обратное или заменить его конъюнктивной связью (см. о глубинных структурах с конъюнкцией в [5], [6], [7]). Во-вторых, глубинная структура такого вида не отражает эксплицитным образом содержащихся в предложении презумпций, смысла кванторных слов и детерминативов. Для синтаксических целей, однако, эта структура достаточна. Семантически более обоснованные, т. е. «более глубинные», структуры для некоторых частных видов определительных предложений см. в [8].

Во многих работах предлагается описывать синтаксические свойства местоимения *который* с помощью т р а н с ф о р м а ц и и р е л я т и в и з а ц и и (=введения относительных местоимений), см. [9], [10], [11], [12] и др., позволяющей получать предложения с определительным придаточным из глубинных структур без местоимений. В данной работе закономерности синтаксической структуры этих предложений описываются, так сказать, статически, а ссылки на гипотетическую глубинную структуру и трансформации используются лишь в объяснительных целях. В конечном счете статическое и трансформационное

³ О неденотативных (или нереферентных) употреблении именных групп см. в [3].

описание должны быть эквивалентны: каждая закономерность в синтаксической структуре — это либо ограничение, действующее в глубинной структуре, либо условие, наложенное на трансформацию релятивизации.

Описание синтаксических свойств местоимения *который* строится так, чтобы сделать возможно более наглядным соотношение этого местоимения а) с другими местоимениями (как относительными, так и чисто анафорическими) в современном русском языке; б) с тем же местоимением в исторически более ранние периоды существования русского языка или в современном просторечии; в) с близкими по смыслу местоимениями в других языках. Ввиду этого все свойства формулируются максимально расчлененно, чтобы любое отличие (или сходство) в синтаксическом поведении разных местоимений могло быть представлено как отсутствие (или наличие) какого-то из перечисленных свойств.

§ 2. Общие правила

1. Субстантивность местоимения

Местоимение *который* имеет в современном литературном языке только субстантивное, но не атрибутивное употребление (см. [12]); т. е. в синтаксическом отношении оно подобно имени существительному, а не прилагательному.

Это значит, что *который* не может вступать в своем предложении в определительную связь с существительным. Примеры атрибутивных употреблений *который*, не соответствующих нормам современного языка (из [13]):

- (1) а. *Дай бог Вам разбогатеть с легкой руки храброго Александра, которую ручку прошу за меня поцеловать;*
б. *Мы тут впервые увидели картофель, о котором огородном продукте до того и понятия не имели.*

2. Обязательность antecedента

Местоимение *который* обязательно имеет в главном предложении antecedent.

Этим *который* отличается, в частности, от местоимений *кто, что*, у которых antecedent (имеющий абстракт-

ное значение — ‘человек’, ‘объект’) может быть подвергнут конструктивному эллипсису (см. [8]), ср. *Кто сеет ветер, пожнет бурю; Кого люблю я, не таков.*

Правило об обязательности антецедента у *который* может нарушаться в разговорной речи (и, естественно, в ее стилизациях):

(2) а. *Которые над нами жили, уехали в Киев* (пример из [14]);

б. *У которых были билеты, прошли вперед* (Зощенко).

Нельзя считать нарушающими это правило предложения типа (3а), вполне вкладывающиеся в литературную норму, поскольку антецедент для *который* подвергнут здесь анафорическому эллипсису в симметричной конструкции (см. [8]), который может действовать на какой угодно компонент предложения, ср. (3б):

(3) а. *Обычно (детеныш, которого холят), погибает, а (Ø который неухожен), остается жить;*

б. *(Молекул с тяжелым водородом) встречается тысяча на миллион, а (Ø с дейтерием) — двести на миллион* (в скобки заключены компоненты симметричной конструкции).

Предложение (4), просторечное, нарушает одновременно правило об обязательности антецедента и правило о субстантивности местоимения (ср. [12]):

(4) *Которые деньги были, он пропил.*

3. Субстантивность антецедента

Антецедент местоимения *который* тоже субстантивный. К числу возможных антецедентов для *который* принадлежит, прежде всего, группа существительного, т. е. словосочетание, в котором существительное является синтаксической вершиной (в частном случае — одно существительное), см. пример (1) из § 1.

Антецедентом для *который* может быть также личное местоимение (только при аппозитивной связи):

(5) *Мы, которые пришли в мир после него, чувствовали себя продолжателями его дела.*

Из субстантивных указательных, определительных, неопределенных и отрицательных местоимений — *тот, та, те, то* в значении ‘тот человек’, ‘та женщина’, ‘те люди’, ‘тот объект’, *всё* (= ‘всё то’), *нечто, ничто* и др. — антецедентом для *который* могут быть только такие,

которые обозначают одушевленный объект, т. е. *тот, та, те*, но не *то, всё, нечто, ничто*:

(6) а. *Я тот, которому внимала Ты в полуночной тишине; Где та была, которой очи Как небо улыбались мне; Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом;*

б. **Язык есть то, с помощью которого (⇒ чего) мы познаем мир; * Вот всё, которое (⇒ что) есть в его душе; *Во мне нет ничего, которое (⇒ что) могло бы ей нравиться⁴.*

Употребления типа (6а) все слегка архаичны. В современном языке в этом контексте предпочтительно не *который*, а *кто*:

(7) *Иван не тот человек, которому стоит доверять = Иван не тот, кому стоит доверять; ср. *Иван не тот, которому стоит доверять.*

Субстантивированные прилагательные и причастия тоже могут быть антецедентами для *который* только в том случае, если они обозначают одушевленный объект:

(8) а. *Несущие, в числе которых и была Анна Михайловна, поравнялись с молодым человеком; Это чувство в тебе сильнее, чем во многих, которые не считают себя эгоистами;*

б. **Это единственное, в которое (⇒ во что) я верю; *Эта воржотня — первое, которое (⇒ что) меня удивило.*

Вопросительные местоимения не могут быть антецедентами для *который*, см. (9а), хотя они могут быть антецедентами возвратных местоимений и местоимений 3 лица, см. (9б):

(9) а. **Кто, к о т о р ы й без греха, бросит в нее камень?*

б. *Кто скажет про с е б я, что он глуп?*

Возвратное местоимение не может быть антецедентом для *который* (как, впрочем, и ни для каких местоимений вообще, см. [8]):

(10) **Иван наказал самого себя, который заслужил наказание ⇒ Иван, который заслужил наказание, наказал самого себя.*

⁴ Здесь и далее стрелка ⇒ обозначает переход от неправильного к правильному.

Антецеде́нтом *который* может быть сочетание существительного с числительным или количественным наречием, сочинительная группа и сочетание с элективной связью:

- (11) а. *Этот господин всегда найдет себе двух или трех поклонников, которые будут его слушать разиня рот;*
б. *В саду было много старых лип, которые поражали своей громадностью;*
в. *Лакей и кучер, которые видели этих людей, не обратили на них внимания;*
г. *Я разговаривал со старшим из трех братьев, с которым лучше всего знаком.*

З а м е ч а н и е 1. Эти три вида сочетаний не имеют общепринятой синтаксической интерпретации в рамках древовидного подчинения. Мы считаем в сочетании существительного с числительным и количественным наречием главным словом существительное, после чего оказывается, что в (11а), (11б) местоимение имеет антецеде́нтом группу существительного. В сочетании двух сочиненных существительных, как в (11в), в нашей интерпретации, главным словом будет не существительное, а сочинительный союз (см. [8]). Таким образом, здесь антецеде́нт не является группой существительного. То же самое для элективной конструкции в (11г): она не является группой существительного, так как ее синтаксическая вершина не существительное, а прилагательное; подразумеваемое определяемое слово — *братом* — отсутствует и не может быть добавлено без нарушения стилистической нормы.

В отличие от местоимений 3 лица, у *который* антецеде́нт не может быть прерванным (см. [16]), т. е. не образующим связного словосочетания, ср. (12а) и (12б):

- (12) а. *Иван встретил Марью, и они пошли в кино;*
б. **Иван встретил Марью, которые пошли в кино.*

Требование субстантивного антецеде́нта отличает *который* от других относительных местоимений русского и других языков. Например, оно не свойственно русск. *каковой* и англ. *which*, ср. *The sentence will be marked as ungrammatical, which it is not* (пример из [15]), где антецеде́нт для *which* — прилагательное.

З а м е ч а н и е 2. В § 1 мы исходили из того, что синтаксическая вершина антецеде́нта — это одновременно определяемое слово и подчиняющее слово для придаточного. В той мере, в какой это так, все сказанное об антецеде́нте касается одновременно определяемого слова и подчиняющего слова. В действительности, однако, в пред-

ложениях (11в) и (11г) вершина antecedента не является определяемым словом (которое в них вообще отсутствует), а в примере (13) вершина antecedента не совпадает с подчиняющим словом придаточного; в конструкции со связкой, выражающей тождество, может быть так, что antecedент для *который* — подлежащее, а синтаксическое подчиняющее для придаточного — адъективное указательное местоимение в роли предикатива:

- (13) а. *Все признали, что фуражка т а с а м а я, которая была на привезем.*
 б. *Привезенный Левинным доктор был не т о т, который лечил Николая;*
 в. *Лучшая бабушка на свете т а, которая всем детям что-нибудь дарит.*

В примере (14) такого отделения подчиняющего слова от antecedента, как в (13), нет; здесь указательное местоимение входит в состав antecedента:

- (14) *Костюм на нем был такой, которым трудно кого-нибудь удивить.*
-

Предложение (15) тоже не относится к тому же типу, что (13); оно эллиптически:

- (15) *Бородинское сражение было первым (=первым сражением), которого не выиграл Наполеон.*

4. Согласование местоимения с antecedентом в роде и числе

Местоимение *который* имеет не только число и падеж, как существительные, но и род, как прилагательные. Его род и число определяется согласованием с antecedентом (как, вообще, у местоимений с субстантивным употреблением, например, у местоимений 3-го лица), а не с подчиняющим словом (как у адъективных местоимений, например, *такой, этот*).

Если antecedент — сочинительная группа, то согласующееся с ним местоимение, как правило, стоит во мн. числе, см. пример (11в), но может быть — если сочиненные слова одного рода — и в единственном:

- (16) *Г-на Тургенева можно назвать представителем той морали и философии, которая господствовала в нашем образованном обществе (Добролюбов).*

В конструкциях без кореферентности возможно отсутствие согласования в числе; при этом всегда antecedент в ед. числе, а местоимение во множ.; ср. *Кате подарили куклу, которых у нее и так много* (разумеется, наличие

согласования в числе не обязательно означает кореферентность). Отсутствие согласования для *который* гораздо менее естественно, чем, например, для *какой* (ср. примеры: *Он был в картузе, какие носят волжские боцманы; На них были такие банты, какой я тебе купил.*)

5. Невозможность сочинительной связи придаточного предложения с главным

Анафорическая связь местоимения *который* с антецедентом должна быть единственным синтаксическим средством включения предложения с *который* во фразу (см. [12])⁵: придаточное с *который* не может быть связано с главным предложением никакими дополнительными синтаксическими связями, в частности, сочинительными — союзными и бессоюзными.

Это ограничение стало нормой русского языка относительно недавно; в языке XIX в., в частности, допустимыми считались конструкции, где придаточное с *который* входит в сочинительную связь с определением, приложением или предикативным атрибутом антецедента:

- (17) а. *Средние века представляют картину странную и которая кажется произведением расстроенного воображения* (Пушкин);
- б. *Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество* (Пушкин);
- в. *Я сделал это по чувству, похожему на застенчивость и которое не могу объяснить одним словом* (Толстой);
- г. *Лакей сенатора, большой охотник до политических новостей и которому было где их собирать, сообщил мне, что в Петербурге был бунт* (Герцен).

Исключение составляют сочетания, где придаточное связано, помимо анафорической связи с антецедентом, бессоюзной уточняющей связью с некоторым атрибутом определяемого слова. Такие сочетания могут быть допустимы, ср. (18а). Предложение (18б) по современным нормам неприемлемо:

- (18) а. *А рассказы он пишет скучные, которые кроме меня никто не читает;*

⁵ Разумеется, конструкции типа (13), где придаточное связано не только с антецедентом, но и с подчиняющим словом, будут здесь исключением.

6. *Суда, стоящие на пристани, были все или сторожевые или купеческие, которые еще даже не начали разгружаться* (Лермонтов).

§ 3. Синтаксические ограничения, касающиеся местоимения

1. Местоименная компонента

Чтобы сформулировать главные закономерности структуры и словорасположения для придаточного с *который*, необходимо вспомогательное понятие непосредственной составляющей предложения (НСП).

Непосредственными составляющими предложения являются сказуемое (простое, составное или сложное) и группы каждого из слов, которые непосредственно подчинены сказуемому (группа подлежащего, группы каждого из дополнений и каждого из обстоятельств). Например (каждая НСП заключена в квадратные скобки):

- (1) а. [*Известие о прибытии молодой соседки*] [*сильно*] [*на меня*] [*подействовало*];
- б. [*Его приход*] [*был неожиданностью*] [*для многих*].

В предложении с сочиненным сказуемым непосредственными составляющими являются группа подлежащего и группа сказуемого, см. (2а); другие члены предложения могут давать отдельную НСП, только если они связаны с обоими сказуемыми, как в (2б):

- (2) а. [*Она*] [*молода и любит развлечения*];
- б. [*Я*] [*помню и ценю*] [*ваше участие*].

В сложном предложении придаточное либо входит в одну НСП с тем словом, которому оно подчинено, либо, если оно подчинено сказуемому главного предложения,

образует самостоятельную НСП. Таким образом, НСП может быть словом, словосочетанием, а может быть и целым придаточным или включать в себя придаточное ⁶:

(3) а. [*Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян,*] [*непростительно*];

б. [*Дворник,*] [*хотя и не был близорук,*] [*очки*] [*носил*] [*с удовольствием*].

Можно рассматривать непосредственные составляющие не всего предложения целиком, а одного придаточного предложения или одного главного. Пример разбиения на НСП придаточного: *Небрежение, [в котором] [оставляем] [мы] [наших крестьян], непростительно.*

Таковы основные правила выделения НСП, которые в дальнейшем будут дополнены.

Та НСП придаточного, в которую входит местоимение *который*, называется местоименной НСП, или местоименной компонентой. В частном случае местоименная компонента может состоять из одного лишь местоимения.

В каждом правильном предложении с *который* есть местоименная компонента, которая должна удовлетворять определенным условиям словорасположения (см. § 4) и структуры (см. § 3.2—3.5). Например, следующее предложение неправильно потому, что построено так, как если бы слово *которые* составляло в нем местоименную компоненту, а оно на самом деле не является непосредственной составляющей придаточного, так как входит в состав сочиненного сказуемого: **Это те развлечения, которые она молода и любит.*

⁶ Подчеркнем, что речь идет о непосредственных составляющих предложения, а не просто о составляющих. При анализе по составляющим (как он описан, например, в [17]) задается иерархия разбиений предложения на непосредственные составляющие, и составляющей может быть названа часть предложения, получающаяся при любом из разбиений. Непосредственные составляющие предложения — т. е. компоненты, из которых непосредственно составлено предложение, — это то, что получается при первом разбиении, причем это разбиение совсем не обязательно бинарное. По-видимому, близким по содержанию к данному является термин «компонент предложения», используемый для описания порядка слов Адамцем [18]. Понятие непосредственной составляющей предложения полезно и при описании других синтаксических явлений — в частности, сочинительного сокращения и эллипсиса, см. [8].

Причины того, что описание структуры придаточного определительного требует обращения к понятию НСП предложения, очевидны: при построении придаточного определенные слова как бы подвергаются перестановке относительно сказуемого (см. § 4); естественно, что легче всего должны поддаваться такой перестановке самые крупные блоки, из которых составлено предложение: перестановка крупных блоков меньше всего разрушает синтаксическую структуру.

Чаще всего местоименная компонента является именной группой; однако в принципе местоименные компоненты весьма разнообразны по структуре. Так, в (4а) вершина местоименной компоненты — деепричастие, в (4б) — инфинитив, в (4в, г) — сравнительная степень, в (4д) — прилагательное:

- (4) а. *Развивающиеся страны не намерены удовлетворяться мелкими уступками, [прикрываясь которыми] Запад хотел бы сохранить все по-старому;*
 б. *Это история, [вмешиваться в которую] я тебе не советую;*
 в. *Ермолай купил себе именье, [прекрасней которого] нет на свете;*
 г. *Имеется уровень потребления, [ниже которого] человек добровольно не опускается;*
 д. *Это человек, [равных которому] я не знаю.*

Иногда местоименная компонента способна менять свой объем, например:

- (5) а. *Вот что сказал гондурасский ученый, [с которым] у нас вчера состоялась встреча;*
 б. *Вот что сказал гондурасский ученый, [встреча с которым] состоялась у нас вчера.*

Однако допустимое варьирование местоименной компоненты строго соответствует допустимой неоднозначности НС-структуры придаточного. Можно выделить три группы факторов, порождающих неоднозначность НС-структуры предложения.

1. Предложение может иметь неоднозначную синтаксическую интерпретацию в виде дерева подчинения — в частности, подчинение может зависеть от порядка слов. Естественно, что в этом случае и НС-структура предложения не единственна. Ниже (6)–(9) — структуры независимых предложений, а (6')–(9') — соответствующие им придаточные определительные:

- (6) а. [Он] [выпил] [две бутылки пива];
 б. [Пива] [он] [выпил] [две бутылки] ?;
- (7) а. [Работы в этих штольнях] [не ведутся] [с 1840 г.];
 б. [В этих штольнях] [работы] [не ведутся] [с 1840 г.];
- (8) а. [Движение на этих улицах] [запрещено];
 б. [На этих улицах] [движение] [запрещено];
- (9) а. [Большинство населения в этих районах] [составляют] [рабочие];
 б. [В этих районах] [рабочие] [составляют] [большинство населения].
- (6') а. пиво, две бутылки которого он выпил;
 б. пиво, которого он выпил две бутылки;
- (7') а. штольни, работы в которых не ведутся с 1840 г.;
 б. штольни, в которых работы не ведутся с 1840 г.;
- (8') а. улицы, движение на которых запрещено;
 б. улицы, на которых движение запрещено;
- (9') а. районы, большинство населения в которых составляют рабочие;
 б. районы, в которых большинство населения составляют рабочие.

II. Возможно неоднозначное разбиение предложения на НСП и при однозначных подчинительных связях (ср. [8]). Например, в предложениях с составным или сложным сказуемым не определены однозначно границы между сказуемым и дополнением, что дает неоднозначное разбиение на НСП:

⁷ То, что в количественных конструкциях изменение порядка слов сопровождается синтаксическим сдвигом, может быть подтверждено морфологически, ср.: (а) *Таких женщин было три* и (б) **Было три таких женщин* (⇒ *женщины*).

- (10) а. [Я] [был готов любить] [весь мир];
 б. [Я] [был готов] [любить весь мир];
- (11) а. [Ремесло] [является] [стимулирующим фактором для этих сил];
 б. [Ремесло] [является стимулирующим фактором] [для этих сил].

Отсюда возможности варьирования местоименной компоненты в придаточном; например, предложению (11) соответствуют придаточные (12а) и (12б):

- (12) а. . . тех сил, стимулирующим фактором для которых является ремесло;
 б. . . тех сил, для которых ремесло является стимулирующим фактором.

В предложениях из (13) граница между сказуемым и дополнениями к сказуемому везде проведена с преимуществом в пользу сказуемого:

- (13) а. Князь дожидался виконта, [которого] [он] [обещал довести] [до дому];
 б. Это был тот самый давно знакомый тон, . . . [к которому] [Сергея] [научился уже подделываться];
 в. Настоящее замедление лишает русские войска . . . тех лавров, [которые] [они] [привыкли пожинать] [в битвах];
 г. Он проявил упорство, [на которое] [мы] [его] [не считали способным];
 д. Это труд, [плодов которого] [автору] [увидеть было не суждено].

III. Наконец, в предложении могут возникать «неканонические» НСП — блоки, определяющиеся не столько подчинительными связями, сколько смыслом и актуальным членением. Ниже даны примеры определительных предложений, где придаточное имеет неканоническую местоименную компоненту (для каждого примера указывается: а) каноническое разбиение на НСП глубинного придаточного и б) неканоническое, лежащее в основе приводимого предложения):

- (14) Вот вопрос, на который мы ждем ответа:

- а. [Мы] [ждем] [ответа на этот вопрос];
 б. [Мы] [ждем ответа] [на этот вопрос];

(15) *Заезжали в Китай, от границы которого мы находились в десяти километрах:*

а. [Мы] [находились] [в десяти километрах от границы Китая];

б. [Мы] [находились в десяти километрах] [от границы Китая];

(16) *Между ними имеются различия, которые наметилась тенденция преувеличивать:*

а. [Наметилась] [тенденция преувеличивать эти различия];

б. [Наметилась тенденция преувеличивать] [эти различия];

(17) *Все началось с понятия поля, которое я сделал попытку строго определить:*

а. [Я] [сделал] [попытку строго определить понятие поля];

б. [Я] [сделал попытку строго определить] [понятие поля].

Неканоническими являются здесь те НСП, вершины которых не подчинены сказуемому: *на этот вопрос, от границы Китая, эти различия, понятие поля.*

В сущности неканоническое разбиение означает как бы незаконное (с точки зрения обычного синтаксиса) расширение сказуемого — операцию, в силу которой многословный комплекс начинает рассматриваться как синтаксический эквивалент некоего однословного сказуемого, развернутого, так сказать, лишь вынужденно, из-за отсутствия единого слова для данного сложного понятия. Заметим, что предложения, построенные на основе неканонических разбиений, всегда имеют оттенок «растяжения» нормальных синтаксических возможностей.

Итак, если отвлечься от неканонических местоименных компонент, то можно сказать, что местоименная компонента — это группа, которая а) включает местоимение и б) вершина которой подчинена сказуемому. Разумеется, если сказуемое составное, то вершина местоименной компоненты подчинена какому-то слову в составе сказуемого, см. пример (13).

Что же касается неканонических местоименных компонент, то при всем их разнообразии можно указать следующие ограничения.

1. В русском языке недопустимы такие разбиения предложения, при которых предлог отрывается от подчиненного ему существительного. В примерах ниже приводится придаточное, основанное на неправильном разбиении (а), неправильное разбиение (б) и правильное разбиение (в) глубинного придаточного:

- (18) а. *дом, котором он жил в;
б. *[он] [жил в] [этом доме];
в. [он] [жил] [в этом доме].

2. Не допускаются (современными нормами) такие разбиения, которые разрывают генитивную связь двух существительных:

- (19) а. *события, которых он оказался невольным участником;
б. *[Он] [оказался невольным участником] [этих событий];
в. [Он] [оказался] [невольным участником этих событий].

3. Недопустимы разбиения, при которых непосредственная составляющая предложения входит в состав причастного оборота:

- (20) а. *Нужно указать параметры, которыми особенно существенны значения, принимаемые;
б. *[Особенно существенны значения, принимаемые] [этими параметрами];
в. [Особенно существенны] [значения, принимаемые этими параметрами].

4. Недопустимы такие разбиения, при которых слово (словосочетание), входящее в сочинительную группу, оказывается непосредственной составляющей предложения (а не этой группы). Примеры:

- (21) а. *Я принес бумагу, которая ей нужен карандаш и;
б. *[Ей нужен карандаш и] [эта бумага];
в. [Ей] [нужен] [карандаш и эта бумага];
(22) а. *Это те развлечения, которые она молода и любит;
б. *[Она] [молода и любит] [развлечения];
в. [Она] [молода и любит развлечения];

Если сочинены сказуемые, как в примере (22), в отличие от (21), данное ограничение становится более слабым. Так, фраза (23а) почти правильна (отметим, что в (22)

союз *и* имеет значение следствия, а в (23) — временной последовательности):

- (23) а. *Это чай, который ты ушел в кино и не допил;*
б. [*Ты ушел в кино и не допил*] [*чай*];
в. [*Ты*] [*ушел в кино и не допил чай*].

Если местоимение *который* не входит в сочинительную группу — вследствие произведенного в ней сочинительного сокращения, как в (24а), или эллипсиса, как в (24б), — то оно может образовывать отдельную НСП:

- (24) а. *Он говорил на том изысканном французском языке, [на котором] [не только говорили, но и думали] [наши деды];*
б. *И мне вспомнилась давнишняя кавказская история, часть которой я видел, а часть слышал от очевидцев.*

В сложносочиненном предложении *который* может при некоторых условиях оказаться непосредственной составляющей всего предложения:

- (25) *Там был еще один юноша, [который] [всем надоел, и его выставили].*

5. Недопустимы, вообще говоря, разбиения, при которых непосредственная составляющая предложения — сложноподчиненного — входит в состав придаточного; в частности, нельзя, вообще говоря, чтобы вершина местоименной НСП была подчинена слову, входящему в придаточном определительном в состав другого придаточного:

- (26) **Это человек, с которым хотя я хорошо знаком, он мне не нравится;* **Это басня про волков, которые что жадны всякий знает.*

Однако это правило иногда нарушается:

- (27) *У меня есть книга, которую я хочу чтобы вы прочли.*

Придаточное в (27) имеет разбиение (27'), в котором местоименная компонента — *которую* — входит в состав другого придаточного — дополнительного:

- (27') [*Я*] [*хочу, чтобы вы прочли*] [*которую*].

Другие примеры:

- (28) а. *Князь по привычке говорил вещи, которым он и не хотел, чтобы верили (Толстой);*
б. *Мы улыбаемся, слушая людей, которых нам кажется, что мы насквозь видим (Толстой);*
в. *Это просьба, которую он огорчится, если ты не выполнишь;*

г. У меня есть новость, которую он удивится, когда узнает.

Пределы возможностей нарушения запрета 5 не до конца ясны. Во всяком случае, местоименная компонента приемлема в составе постпозитивного придаточного (дополнительного, условного, временного) в большей мере, чем в составе препозитивного, ср. (26) и (27), и в функции дополнения в большей мере, чем в функции подлежащего, ср. (27) и (29)⁸:

(29) *Речь идет о разрядке, которая он убежден, что будет развиваться.*

Стилистические руководства по русскому языку конструкций типа (27)—(29) не допускают вообще. Так, предложение (30) *Это книга, которая казалось, что будет иметь успех* анализируется в [21], с. 277 как такое, в котором «вводное слово ошибочно принято за сказуемое».

Заведомо нельзя построить придаточного определительного из такого сложноподчиненного предложения, в котором на пути по стрелкам от вершины главного предложения в ГП до вершины будущей местоименной составляющей встречается хоть одно существительное (ср. так называемый «принцип А над А» в [22]):

(30) а. **Это была партия, которую я не поверил рассказу о том, что он проиграл* (ГП: Я не поверил рассказу о том, что он проиграл эту партию);

б. **Это человек, с которым тот факт, что вы незнакомы, меня удивляет* (ГП: Меня удивляет тот факт, что вы незнакомы с этим человеком).

З а м е ч а н и е 3. Имеется много работ, посвященных синтаксическим свойствам относительных местоимений в англ. языке, — ср. [19], [22], [23], [24], — в которых, в частности, рассматриваются проблемы релятивизации в контексте сочинения и в контексте сложного предложения. Эти работы принимают всякую местоименную компоненту, не сводящуюся к одиночному местоимению, за исключение, обусловленное так называемым *ried piping convention* — правилом о том, что местоимение может «увлечь» за собой в начало предложения некоторые подчиняющие его слова (как в сказке о дудочнике, который увел из города детей). Представляется более естественным, однако, по крайней мере для русского языка, наоборот, рассматривать препозицию целой местоименной компоненты предложения, в общем случае состоящую из место-

⁸ То же касается вопросительного предложения, ср. примеры из [20] (ср. 207): (а) *Кого ты сказал, что там видел?* и (б) **Кто ты сказал, что там будет?*

имения и подчиняющих его слов, как общее правило, а отрыв местоимения от подчиняющих слов из той же НСП — как исключение (а именно, как неканоническое разбиение придаточного на НСП). Ср. в этой связи [25].

2. Вхождение в причастный оборот

Местоимение *который* не может входить в своей НСП в причастный оборот, и вообще, в обособленное определение. Примеры предложений, нарушающих это ограничение и в силу этого неправильных (круглыми скобками обозначены границы обособленного оборота; квадратными — границы местоименной компоненты):

- (31) а. **Надо указать параметры, [з н а ч е н и я (принимаемые которыми)] особенно существенны;*
б. **Рассмотрим множество, [(принадлежащие которому) элементы] — четные числа;*
в. **Есть проблемы, [трудности (связанные с которыми)] мы не смогли преодолеть;*
г. **Иногда фотолюбители пользуются бумагой, [художественная ценность снимков, (отпечатанных на которой)], невелика (пример из [26]).*

3. Вхождение в придаточное

Местоимение *который* не может входить в своей НСП в придаточное предложение.

Примеры предложений, нарушающих это ограничение и в силу этого неправильных:

- (32) а. **Вот книга, [чтобы (вы прочли которую)] я хотел;*
б. **Это была партия, [рассказу о том, что (он проиграл которую)] я не поверил.*

4. Вхождение в сочинительную группу

Местоимение *который* не может входить в своей компоненте в сочинительную группу.

Так, неправильно предложение (33):

- (33) **Не существует числа, которое и его половина равны между собой.*

Если местоимение *который* само входит в сочинительную связь, как в (33), то запрет носит абсолютный характер. Если же сочинены сказуемые, то конструкция с *кто-*

рый в сочинительной группе допустима, если во втором сочиненном члене есть кореферентное местоимение, как в (35), в отличие от (34):

- (34) **Большое значение имело общее собрание, [которое одобрило, а ученый совет утвердил] [планы и технические задания ближайших лет];*
- (35) *Есть один монах, которого он принимал и долго говорил с ним (Толстой); Воронов провел юность в фабричной среде, которую он знает досконально и всем сердцем предан ей (из газет).*

То же самое в случае, когда сочинены целые предложения: если именная группа, кореферентная антецеденту, входит в оба сочиненных предложения, то употребление местоимения *который*, вообще говоря, допустимо. При этом *который* может употребляться либо в обоих предложениях, как в (36), либо только в первом из них, как в (37):

- (36) а. *Князь Андрей . . . соединял все те качества, которые не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием силы воли;*
- б. *Левин оглядывал душистый кусок мыла, который для гостя приготовила Агафья Михайловна, но который Облонский не употребил;*
- (37) *Сообщите нам название товаров, которые были вам нужны, но их не оказалось в продаже.*

Однако конструкция такого рода неустойчива. Так, предложения из (38), (39), видимо, хуже, чем из (36), (37), хотя их структурные различия трудно уловимы:

- (38) а. *Он исследовал системы, которые просты по природе или для которых возможно разложение на простые компоненты;*
- б. *Это было общество, в котором греческий был основным языком, но которое сохраняло приверженность к латыни;*
- (39) а. *Он рассуждал об объекте, которого не существует или у него нет определения;*
- б. *Пусть v — множество, которое мы будем называть словарем, а его элементы — словами.*

Подчеркнем, что поскольку мы считаем местоименную компоненту фактором структуры придаточного, а не просто порядка слов, то, скажем, предложения (20а) и (31а), (21а) и (33) или (30а) и (32а) демонстрируют нарушение разных закономерностей. Так, (30а) неправильно потому, что в нем местоименная компонента не является

непосредственной составляющей придаточного; а в (32а) местоименная компонента выделена правильно, но местоимение занимает в ней недопустимую для него позицию.

5. Удаленность местоимения от вершины местоименной компоненты

Местоимение *который* не должно находиться в дереве своей НСП слишком далеко от вершины (расстояние измеряется числом стрелок, лежащих на пути из вершины местоименной составляющей к слову *который*)⁹.

Действительно, предложения примера (40) воспринимаются как громоздкие:

(40) а. *Функция вычисляется от аргумента, интервал изменения значений которого весьма велик (расстояние 3);*

б. *Забредший в дом был тем неизвестным путником, на отдельные диковинки из редкостных запасов которого мы часто натывались (расстояние 4);*

в. *Эту роль играет человек, сам вопрос о возможности запрограммировать мышление которого еще не решен (расстояние 6); пример из [26].*

Само по себе число слов, отделяющих *который* от начала придаточного, — менее точный показатель громоздкости, чем расстояние в стрелках, поскольку распространение местоименной компоненты за счет сочинительных связей или за счет определений, не понижающих «этажа» *который* в дереве, не влияет на громоздкость; ср. удовлетворительные сочетания *сражение, начало и конец которого; вещество, все основные свойства которого*.

⁹ Это ограничение формулируется в [26], где расстояние в 1—2 стрелки считается допустимым, а в 3—4 стрелки — уже нарушением.

Связи, соответствующие слабым валентностям, по-видимому, больше увеличивают громоздкость, чем сильные; так, у (41) громоздкость больше, чем у (40а):

- (41) В конце приводится список журналов, рефераты статей
 $\overline{\quad\quad\quad} \downarrow \overline{\quad\quad\quad}$
 $\downarrow \overline{\quad\quad\quad} \downarrow$
 из которых будут помещены в очередных выпусках (расстояние 3).

6. Подчиненные слова

Местоимение *который*, как и субстантивные местоимения в целом, лишено большей части активных валентностей, свойственных существительному. В частности, *который* не может иметь ограничительных определений (**последний который*, **новый который*), не может сочетаться с числительным, количественным наречием и кванторным прилагательным (**два которых*, **несколько которых*, **все которые* см. [27]); оно не может иметь подчиненных предложно-падежных форм существительного (**который моего отца*).

В случае кореферентности местоимения с антецедентом этот запрет может быть выведен из содержательных предпосылок: подчиненные этого типа входят в субстантивную группу, которая при трансформации релятивизации вся в целом заменяется на *который*. Там, где кореферентности местоимения с антецедентом нет, этот запрет теряет свою семантическую основу, но не снимается. Если можно, сохранив смысл, избежать синтаксического сочетания местоимения с числительным или кванторным словом, то структура становится допустимой:

- (42) а. Сарай был подарен ему за услугу, *которых* он много оказывал разным людям (ср. **много которых*);
 б. Графиня изнурена детьми, *которых* у нее двенадцать (ср. **двенадцать которых*);
 в. Эти женщины, с *которыми* я успел со всеми поговорить, довольны своей работой (ср. **со всеми которыми*).

Единственный вид синтаксических подчиненных, которые допустимы, — это описательные определения, хотя и они имеют тенденцию синтаксически притягиваться к сказуемому. Так, обособленные обороты в примере (43)

могут интерпретироваться двойко — как подчиненные либо слову *который*, либо сказуемому:

- (43) а. *Я погонял измученного коня, который, весь в пене, мчал меня по каменистой дороге;*
б. *Я увидел там Бернардо, который, красный от злости, точил нож.*

В отличие от местоимений 3-го лица, местоимение *который* не сочетается с частицами типа *только, даже, тоже* и др. (которые однозначно характеризуют подчиняющее слово как рему предложения). Этот запрет полностью выводится из свойства тематичности *который*, описываемого в § 4.1 (и отсутствующего у местоимений 3-го лица). Ср. дефектное предложение (44а) и полностью неправильные (44б, в):

- (44) а. ? *Пушкин любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества (Белинский) (ГП — [Прогресс русского общества] [выразился] [почти исключительно в этом сословии]);*
б. **У нее была приветливая улыбка, тоже которой я обычно отвечал ей (ГП — [Я] [обычно] [отвечал] [ей] [тоже приветливой улыбкой]);*
в. **В ранних произведениях Гоголя уже поставлены те вопросы, только на которые он будет отвечать всю жизнь (ГП — [Всю жизнь] [он] [будет отвечать] [только на эти вопросы]).*

7. Подчиняющие слова

Состав возможных подчиняющих для местоимения *который* в целом задается его принадлежностью к классу субстантивных слов (см. § 2.1). Имеются, однако, следующие ограничения.

I. Запрещенной (или сомнительной) для *который* может быть функция предикатива, т. е. именной части сказуемого при связке, — при аппозитивной связи:

- (45) а. **Я не художник, которым (⇒ каковым) был мой брат;*
б. **Саладин превратил эту церковь в мечеть, которой (⇒ каковой) она является до сих пор;*
в. **У меня нет времени для развлечений, которым (⇒ каковым) является кино;*

г. *Здесь сказался опыт ткачихи, которой она работала двадцать лет¹⁰.

Не вполне ясно отличие предложений примера (45) от предложений примера (46), правильных:

(46) а. Руководство организации искало для себя постоянное местопребывание, которым со временем стал Бейрут;

б. Не следовало бы называть это слово сказуемым, которым оно не является.

В ограничительном придаточном функция предикатива для *который* не запрещена:

(47) Она осталась той доверчивой девочкой, которой была.

II. *Который* не может быть подчинено союзам *как* и *чем*:

(48) а. *Она не является той куклой, как с которой он с ней обращается;

б. *Это предел, ниже чем *который* давление не опускается.

Позиция после *как* (= 'в качестве') имеет семантически много общего с функцией предикатива. Что касается позиции после *чем*, то этот запрет, как указывается в [20], имеет место в большинстве языков, но семантически необъясним.

III. Менее категорическим является для *который* запрет на функцию подлежащего при нулевой связке с именной частью — существительным и полным прилагательным; в разговорной речи такие сочетания допустимы:

(49) а. Я не знаком с вашим другом, который математик;

б. Переводчик, который из Киева, уже кончил работать;

в. Я подхожу к гражданину, который с усиками.

IV. Сказуемое, подчиняющее себе местоимение *который* в роли подлежащего, согласуется в роде, числе и лице с местоимением (лицо у *который* 3-е). Однако если антецедент — местоимение 1-го или 2-го лица, подчиняющее придаточное, то сказуемое согласуется в лице и числе с антецедентом: *мы, которые строим; я, который сижу*. Предложение (50), где сказуемое согласуется в лице и

¹⁰ Разумеется, неправильными будут также предложения, где *который* в функции предикатива создает недопустимую с содержательной точки зрения анафорическую связь: *Я познакомился с одним художником-декоратором, которым когда-то мечтал стать; ср. примеры (5), (6) в § 1.

числе с антецедентом, не подчиняющим придаточное, нарушает норму¹¹:

(50) *Мы те, . . . которые здесь, роаясь в темноте, Питаем вас* (Крылов).

Местоимение *который* равноценно полнозначному имени в том отношении, что заполняет валентность подчиняющего слова.

Поэтому неправильно предложение (51), в котором одна и та же валентность слова *прочел* на прямое дополнение заполняется одновременно местоимением *которые* и местоимением *их*:

(51) **Здесь есть книги, которые я бы хотел, чтобы ты их прочел.*

§ 4. Закономерности словорасположения

Требования к расположению слов — как в главном предложении, так и в придаточном — играют важную роль при определении допустимости структуры с местоимением *который*.

1. Препозиция местоименной компоненты в придаточном

Местоименная НСП всегда находится в составе придаточного в препозиции по отношению к сказуемому и всем другим НСП придаточного, если они есть. Примеры (местоименная компонента заключена в скобки):

(1) а. *Григорий увидел тот самый курган, [возле которого] он прощался с Аксиньей;*

б. *Это было сражение народное, [начало и исход которого] каждый знал заранее.*

Если местоименная компонента по той или иной причине неспособна находиться в препозиции по отношению к сказуемому, то предложение с *который* невозможно (см. [27]). Недопустимо, например, предложение **Вот те развлечения, она молода и любит которые*: местоименная компо-

¹¹ При подлежащем — местоимении *что* (неизменяемом) сказуемое всегда согласуется с антецедентом; *дом, что стоял; башня, что стояла; деревья, что стояли*. При подлежащем-местоимении *кто* сказуемое может согласовываться в числе как с местоимением (т. е. быть в ед. числе при антецеденте во множественном), так и с антецедентом, ср. *те, кто придет* и *те, кто придут*.

нента здесь сама включает сказуемое и тем самым не может находиться в препозиции к нему. Другой пример:

(2) **Не существует натурального числа, которого ноль больше.*

В русском языке дополнение компаратива не может стоять слева от него (сравнительная конструкция имеет фиксированное актуальное членение, см. [28]); а поскольку компаратив в (2) является сказуемым, то местоименная компонента не может стоять в нем левее сказуемого, чем и объясняется его неправильность.

В примере (3) препозиция местоименной компоненты невозможна потому, что подлежащее, выраженное словом *это*, которое с обязательностью входит в состав темы, не должно оказываться в конечной позиции:

(3) **Я не знаю Иванова, сын которого это.*

В предложении (4) употребление местоимения *который* невозможно потому, что препозиция соответствующей НСП изменила бы порядок кванторных слов, выражающий значение дистрибутивности, и изменила бы смысл предложения (о роли порядка слов в предложениях с кванторными словами см. [8]):

(4) *Покрытием множества M называется система непустых подмножеств таких, что каждый элемент из M принадлежит одному из этих подмножеств \neq Покрытием множества M называется система непустых подмножеств, одному из которых принадлежит каждый элемент из M .*

Нарушение правила о препозиции местоименной компоненты возможно только в разговорной речи, явно имеющей собственную систему относительного подчинения, ср. фразы из [14] *Ты мне обещала пузырек, [у тебя] [который] [стоит]; Надень кофту, [там] [висит] [которая]*. Структура этих фраз, скорее всего, является производной от более естественных для разговорной речи структур, где местоимение вообще отсутствует: *Ты мне обещала пузырек, у тебя стоит; Надень кофту, там висит*. В литературном языке препозиция местоименной компоненты является нарушаемым законом.

Обязательная препозиция местоименной компоненты означает, что в глубинной структуре предложения с определительным придаточным действует следующее ограничение: в анафорическую связь должна входить такая именная группа ПП, которая является в ПП темой

относительно его актуального членения (или входит в состав темы)¹². Невозможность для предложения соответствующего членения служит препятствием для включения его в сложное предложение в качестве придаточного определительного. Ср. несколько примеров.

Пример I. Предложения (а) *Франция является членом ЕЭС* и (б) *Членом ЕЭС является Франция* различаются актуальным членением. Более естественное членение у (а). Однако в силу указанного ограничения (а) нельзя использовать в качестве ГП в предложении (5), так что ГП для (5) — это (б):

(5) *Французы недовольны деятельностью учреждений ЕЭС, членом которого является Франция.*

Пример II. Из предложений (а) *Дерево — одна из этих компонент* и (б) *Одна из этих компонент — дерево* (различающихся актуальным членением, а также синтаксически: в (а) *дерево* — подлежащее, а в (б) — сказуемое) на роль ГП в предложении (6) годится только (б): (6) *Синтаксическая структура включает несколько компонент, одна из которых — дерево.*

Пример III. «Странность» предложения (7) объясняется тем, что актуальное членение его ГП, при котором анафорически связанная именная группа входит в тему, весьма мало правдоподобно с точки зрения его смысла:

(7) *Он приглашал к себе руководителей конгресса, таких, как О'Нил, празднование дня рождения которого он организовал в 1974 году* (естественное актуальное членение ГП: [В 1974 году ↗] [он] [организовал] [празднование дня рождения О'Нила ↘]).

2. Препозиция antecedenta по отношению к местоимению

Как бы ни были расположены друг относительно друга главное предложение и придаточное, местоимение *который* всегда располагается в предложении после своего antecedenta (см. об этом в [12])¹³. В этом отношении *который*

¹² Этим *который* отличается от местоимений 3-го лица, гораздо менее жестко связанных с актуальным членением, см. [28].

¹³ В грамматиках (ср. [29], стр. 276) обычно отмечается в качестве отдельного тот факт, что придаточное с *который* в русском языке не может начинать собой сложное предложение, а может быть только в конце или в середине. Этот факт — не более чем следствие относительного расположения местоимения и antecedenta.

не отличается от большинства других субстантивных местоимений русского языка, например, от местоимений 3 лица.

В просторечии это правило может нарушаться; ср. предложения (8а), (9а) (из [14] и [30]), которые отличаются, соответственно, от (8б), (9б) только препозитивным положением местоимения относительно антецедента:

- (8) а. *Которую ты купила п о б е л к а — она вся обсыпается;*
б. *П о б е л к а, которую ты купила, — она вся обсыпается;*
- (9) а. *Которая мне понравилась, т о й м а т е р и у уже нет.*
б. *Т о й м а т е р и, которая мне понравилась, уже нет.*

3. Проективность

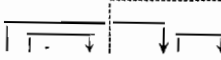
Определяемое слово (точнее — подчиняющее слово) должно подчинять себе, непосредственно или опосредствованно, все слова главного предложения, стоящие между определяемым словом и началом придаточного. Иначе говоря, все слова главного предложения, стоящие между определяемым словом и началом придаточного, должны входить в состав антецедента¹⁴. Примеры (антецедент заключен в скобки, подчиняющее слово выделено разрядкой):

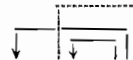
- (10) а. *Есть [п р е д л о ж е н и я с глаголом во мн. числе], в которых подлежащее стоит в единственном числе;*
б. *Я как [ч е л о в е к, зевающий на бале], который не едет спать только потому, что еще нет его кареты.*

Если в предложении между подчиняющим словом в главном предложении и началом придаточного есть ка-

¹⁴ Формулировка из [29] стр. 276 («Придаточное обычно ставится после того члена предложения, к которому относится»), не использующая понятия подчинения, неточна. Например, определение к подчиняющему слову — несогласованное в (10а) и согласованное в (10б) — хотя и не входят с ним в один член предложения, никак не противоречат нормам словорасположения.

кие-то слова, не входящие в состав антецедента, то предложение непроективно и нарушает современную норму:

(11) а. Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись

 на все четыре лапы, нюхал землю (Гоголь);

б. Где та была, которой очи, Как небо, улыбались мне? (Пуш-
кин);

в. На свете много мы таких людей найдем, Которым всё, кроме

 себя постыло (Крылов).

Сам антецедент не обязательно должен быть связным отрезком главного предложения, ср. предложение (11) из § 2.3 (непроективное) *Костюм на нем был такой, которым трудно кого-нибудь удивить* и перестановку слов, обеспечивающую связность антецедента: *На нем был [такой костюм], которым трудно кого-нибудь удивить*.

В истории русского языка требование проективности в конструкциях с относительными местоимениями возникает довольно поздно, ср. типичный для своего времени непроективный порядок слов в предложении из «Ведомостей времени Петра Великого»:

(12) *А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая пригото-
 влена к новому литью, больше 4000 пудъ лежитъ*¹⁵.

Требование проективности может нарушаться в разговорной речи (и ее литературных имитациях), особенно за счет сказуемого:

¹⁵ Для местоимения *какой* требования к проективности более слабые, чем для *который*; например, предложение *У графа Орлова такого обеда не бывало, какой у вас будет* (Толстой) не нарушает норм словорасположения.

Заметим, что в англ. языке — при соблюдении проективности в большинстве других структур — конструкции с относительным местоимением составляют исключение; так, непроективный порядок слов в предложении *A woman came in whom I met in Paris* является нормой.

(13) а. *Этого случая не было, о котором вы рассказываете* (пример из [31]);

б. *Это изжога ему помогает, которой он давно бо-
лел* (Платонов).

Специально отметим, что слова, сочиненные с данным, не являются его подчиненными (см. § 2.3) и, следовательно, не могут находиться между определяемым словом и подчиненным ему придаточным; иными словами, в предложении с сочинением придаточное, которое относится к первому из двух сочиненных членов сочинительной группы, должно стоять непосредственно после него, т. е. внутри сочинительной группы; придаточное, стоящее после сочинительной группы, может относиться только ко второму сочиненному члену или к группе в целом; ср. пример (9в) из § 2.3; а также (14):

(14) а. *Я забавляюсь переменой тона маменек, у которых есть дочери-невесты, и самих барышень в отношении к этому господину;*

б. *Это простительно ничтожному мальчишке, котс-
рого вы сделали своим другом, но не вам.*

З а м е ч а н и е 4. Если синтаксическая структура предложений с однородными членами интерпретируется так, что сочинительный союз является вершиной группы и подчиняет сочиненные члены, а сам подчинен тому слову, к которому относится вся группа (как в [8]), то место придаточного в предложении с сочинительной группой является простым следствием проективности. Если же сочинительные связи сводятся к подчинительным, как в [32], то расположение определительного придаточного, относящегося к первому из сочиненных членов, справа от второго не нарушает проективности, и запрет на такое расположение должен формулироваться как отдельный. Пример (15) иллюстрирует два различных представления сочинительной конструкции. При первом стрелка, идущая к придаточному от слова *дружбы* (неправильная, поскольку при данном расположении слов понимание 'дружбы, к которой мы стремимся' исключено; возможно только 'обстановку, к которой мы стремимся'), отвергается просто на том основании, что нарушает проективность. При втором она не противоречит проективности:

(15) а. *Это создавало обстановку дружбы и взаимопонимания,*
↓
к которой мы и стремились;

б. *Это создавало обстановку дружбы и взаимопонимания,*
↓
к которой мы и стремились.

4. Относительное расположение придаточного и других подчиненных определяемого слова

Как правило, придаточное определительное располагается справа от всех других подчиненных своего определяемого слова. Так, в предложении (16) нельзя поменять местами причастный оборот и придаточное:

(16) *Она вышла замуж за фотографа, живущего в провинции, который приехал в Ленинград за фотопринадлежностями.*

Это правило, однако, не абсолютное. Так, для (17) единственно возможным является такое расположение слов, при котором придаточное располагается левее приложения к определяемому слову (т. е. придаточное вставлено внутрь антецедента):

(17) *Главная цель, которую ставили перед собой агрессоры, свержение прежнего режима, не была достигнута (ср. *Главная цель — свержение прежнего режима, — которую ставили перед собой агрессоры, не была достигнута).*

5. Расположение местоимения по отношению к его подчиняющему в придаточном

Имеются две разновидности придаточных предложений в зависимости от того, является ли местоименная компонента группой слов или сводится к одному местоимению. Во втором случае слово, подчиняющее *который*, находится справа от него; в первом случае подчиняющее, вообще говоря, находится слева. Исключение составляет элективная конструкция; в этой конструкции подчиняющее может находиться в местоименной компоненте справа от *который* (см. об этом [26], [29]), ср. обычный порядок слов в (18) и инверсию в (19):

(18) *В землянке жили связные, один из которых заведовал почтой;*

(19) а. *Проезжая лагерем, я видел наших раненых, [из которых пять человек] умерло той же ночью;*

б. *Полк . . . представлял стройную массу 2000 людей, [из которых каждый] знал свое место.*

В остальных случаях расположение подчиняющего в местоименной компоненте справа от местоимения не соответствует современной норме:

- (20) а. Он сталкивается с такими понятиями и нравами, [с которыми борьба] должна устрашать даже смелого человека (Добролюбов);
 б. Широкая сакля, [которой крыша] опиралась на два законченные столба, была полна народа (Лермонтов).

В целом возможности расположения по отношению к подчиняющему у *который* такие же, как у других субстантивных слов — у существительных или местоимений 3-го лица. Так, нормой XIX в. допускалась препозиция местоимения *который* по отношению к подчиняющему при генитивной связи, см. (21); но одновременно допускалась такая препозиция и для существительного:

- (21) Я встретил у них капельмейстера Антолини, которого советами они также пользуются (пример из [29]).

§ 5. Синтаксические ограничения на antecedent

Ограничений на синтаксическую функцию antecedenta у местоимения *который* меньше, чем, например, у местоимений 3-го лица. В частности, *который* может иметь antecedentом существительное, входящее в сочинительную связь, см. (14) из § 4.3, — в отличие от местоимений 3-го лица, на которые действует «сочинительная отделенность» (см. [8]); antecedent местоимения *который* свободен в своем отношении к актуальному членению и т. д. Запрещенной для antecedenta может быть только функция предикатива и функция приложения.

1. Antecedents-предикативы

Если связь придаточного с главным аппозитивная, то antecedentом для *который* не может быть существительное в функции предикатива. Ср. пример (45а) из § 4.7, *Я не художник, которым был мой брат, а также (1):

- (1) *Иван — спортсмен, которые шутить не любят¹⁶.

¹⁶ Для местоимений 3-го лица antecedent-предикатив не исключен (см. [33]): имя свойства переосмысливается как имя множества, и местоимение получает мн. число: Иван — спортсмен, а они шутить не любят. Ту же конструкцию допускает англ. who, см. пример из [34]: He is a lexicalist, all of whom are badly confused.

Если, однако, в функции предикатива находится не одиночное существительное, а словосочетание, конструкция может стать допустимой:

(2) *Этот визит был важным политическим событием, которое надолго приковало к себе внимание общественности.*

При ограничительной конструкции запрета на предикативную функцию антецедента нет:

(3) а. *Иван — тот спортсмен, который шутить не любит;*

б. *Переговоры стали тем ключом, который успешно открывает двери сотрудничества;*

в. *Она не является Красной Шапочкой, которую грозит растерзать страшный волк.*

2. Антецеденты-приложения

Если приложением является имя собственное, то антецедентом для *который* будет не оно, а вся именная группа в целом (ср. [35]).

Так, в (4) антецедент не *Глафирой*, а *с сестрой Глафирой*:

(4) *С сестрой Глафирой, которая была двенадцатью годами старше его, он не сошелся вовсе.*

Приложение, не являющееся именем собственным, в принципе может быть антецедентом для *который* (при ограничительном, но не при аппозитивном понимании придаточного):

(5) *Ласунская, некогда столичная красавица, которой поэты посвящали стихи, в своем имени поддерживала атмосферу литературного салона.*

3. Антецедент с детерминативом

Из всех именных групп, находящихся в контакте с придаточным и согласованных с местоимением, преимущественное право быть антецедентом имеет та, которой подчинен детерминатив *тот, такой*, ср. [35]. Примеры:

(6) а. *Я долго думал о той молодой женщине с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор (которая ≠ щека, ≠ родинка);*

б. *Она поднялась с той же неизменяющейся улыбкой вполне красивой женщины, с которой она вошла в гостиную (которая ≠ женщина);*

в. *Это была та самая тетка, сестра ее отца, с которой она провела несколько уединенных лет в Покровском (которая ≠ сестра).*

Имеется одна конструкция, нарушающая это правило. В примере (7) детерминатив подчинен существительному во мн. числе, но поскольку *который* имеет единственное, то его антецедент, скорее всего, не одно оно, а вся группа «*один из тех + сущ.*»:

- (7) а. *Это одна из тех редких женщин, с которой можно быть покойным за свою честь (Толстой);*
б. *Между ними загорелся спор, один из тех нескончаемых споров, на который способны только русские люди (Тургенев).*

4. Запрет актантных валентностей антецедента

Функция антецедента местоимения *который* может уменьшить синтаксический потенциал существительного — отглагольного имени. А именно, если *который* с антецедентом — отглагольным именем подчинено полуслужебному глаголу, то возможен перенос синтаксических актантов с отглагольного имени в главном предложении на полуслужебный глагол в придаточном:

- (8) *Представление о вирусах, которое я имею, туманно ↔ Представление, которое я имею о вирусах, туманно.*
Отсюда следующее синтаксическое ограничение.

Если некоторый актант имеется у полувспомогательного глагола, подчиняющего *который*, то соответствующая валентность запрещена у антецедента — отглагольного имени:

- (9) а. **Представление о вирусах, которое я имею о ферментах, туманно;*
б. **Ваше представление, которое я имею о вирусах, туманно.*

Это ограничение обусловлено кореферентностью. Поэтому местоимение *какой* запрета валентности не дает:

- (10) *Она имела такое же представление о плашках в три восьмых дюйма, какое имеет о сельском хозяйстве слушательница хореографических курсов.*

Конструкции с общими актантами в главном и придаточном предложении весьма разнообразны: *Составь записочку для видимости всех тех известий, которые мы имели о действиях австрийской армии; Анна Павловна уже успела*

переговорить с Лизой о сватовстве, которое она затевала между Анатодем и золовкой маленькой княгини; Вредно ли предпочтение, которое оказывают родители одному ребенку перед другим?; Они приписали эту перемену страсти, который старик испытывал перед милиционерами; Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня; Легкость, с которой он поднялся, меня поразила; Внимание, которое он уделяет этому вопросу, чрезмерно.

§ 6. Стилистические ограничения

В этом разделе собраны правила, которые — в отличие от всех предыдущих — по самому существу своему не допускают точной формулировки. В основном это правила-предпочтения, оперирующие с неточными количественными характеристиками.

1. Размер антецедента

Антецедент не должен быть слишком большим. В частности, предложение обычно громоздко, если в состав антецедента входит обособленный оборот, а предложения, где в состав антецедента входит другое придаточное, в русском языке вообще невозможны:

- (1) а. *Существует число ϵ , большее нуля, которое больше числа x ;*
- б. *Определенные тенденции международной жизни, наблюдающиеся в настоящее время, за которые эта страна несет ответственность, чреватые катастрофами;*
- в. **Художники, которых я знал, которые были интересными людьми, были плохими художниками*¹⁷.

Во фразе, приводимой в [29], *Тут был армянин-богач, покровительствуемый доктором Андреевским, который держал на откупе водку и теперь хлопотал о возобновлении контракта (Толстой)*, в силу этого ограничения формально предпочтительным является семантически неправильное соотнесение местоимения с антецедентом *доктором Андреевским*.

¹⁷ В английском языке такая конструкция допустима: *Artists whom I knew who were interesting men were bad artists.*

2. Разрыв придаточным непрочных синтаксических связей в главном

Придаточное, вставленное внутрь главного, всегда отделяет друг от друга какие-то синтаксически связанные слова, т. е. «растягивает» некоторую стрелку (или стрелки). Имеется следующее правило.

Стрелка, направленная справа налево, лучше выдерживает растяжение, чем стрелка слева направо.

Действительно, в препозиции к подчиняющему слову находятся такие слова, которые уже каким-то прочным образом обеспечили для себя установление своей принадлежности к хозяину, и потому не боятся удаления от него; меж тем как подчинение в постпозиции к подчиняющему слову часто обеспечивается простым примыканием к нему, так что растяжение такой связи наносит существенный ущерб ее прочности. Поэтому, в частности, фразы, где придаточное относится к препозитивному подлежащему или обстоятельству, встречаются неизмеримо чаще, чем фразы типа (2):

- (2) а. *В этих записках я говорил о людях, которые после стали историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства;*
б. *Ничего не было похожего в тех рассказах, которые передавали друг другу в разных концах армии, на то, что сказал Кутузов;*
в. *Князь заметил на столе, за который усадил его Рогожин, две—три книги;*
г. *Я никогда не могла понять страсти, которую имеют некоторые особы, путать себе мысли, читая мистические книги;*
д. *Они сомневаются в способности правительств в период безработицы, которую экономия сможет лишь усилить, осуществить предполагаемые меры.*

3. Неоднозначная соотнесенность с антецедентом

Нежелательно, чтобы местоимение *который* имело в главном предложении более чем один потенциальный антецедент.

Потенциальный антецедент — это именная группа, удовлетворяющая всем ранее перечисленным условиям, так или иначе касающимся антецедента — ср. в § 2.3 требование субстантивности антецедента, в § 2.4 требова-

ние согласования местоимения с antecedентом в роде и числе, в § 4.2 требование препозиции antecedента по отношению к местоимению, в § 4.3 требование проективности, в § 5.1 ограничение на синтаксическую функцию antecedента и в § 5.3 ограничение, налагаемое детерминативом. Например, в предложении (3) два существительных, согласованных с местоимением в числе и роде, но один потенциальный antecedент — *встряживатель*: группа *свой прибор* не удовлетворяет условию проективности.

- (3) Она усовершенствовала свой прибор, добавив к нему *встряживатель*, который возвращает опилки в исходное положение (ср. [35]).

Фактически человек устанавливает antecedент местоимения, руководствуясь не только структурными, но и семантическими соображениями (см. [16]); так, ясно, что *которые* в (4) — это *люди* (хотя всем структурным условиям отвечает и *ведрами*), так что реальной неоднозначности нет:

- (4) На половине лестницы чуть не сбили их с ног *какие-то люди с ведрами*, которые, стуча сапогами, сбегали им навстречу.

Однако в руководствах по стилистике обычно предложения, где у местоимения более чем один потенциальный antecedent, хотя бы и однозначные на смысловом уровне, приводятся в числе стилистически дефектных:

- (5) а. Княжна Элен попросила посмотреть [портрет [мужа тетушки]], который был сделан на этой табакерке (из [29]);
 б. На заводе оборудован [цех с постоянной температурой и влажностью [воздуха]], в котором ведется сборка станков (из [37]).

По-видимому, однозначность не так важна, как требование о том, чтобы паразитическое понимание не создавало нежелательного комического эффекта. Так, неоднозначное (6) лучше, чем практически однозначное, но смешное (5а):

- (6) Такой порядок слов характерен для [начала [произведения]], которое имеет описательный характер (пример из [36]).

4. «Два который»

Предложения с двумя последовательно подчиненными определительными придаточными шероховаты, а с тремя будут неминуемо исключены из текста любым редактором. Ср. знаменитую фразу Обломова «*Квартира, которую я занимаю во втором этаже дома, в котором вы предположили произвести некоторые перестройки, вполне соответствует моему образу жизни.*»

Все указанные стилистические ограничения носят общий характер, т. е. касаются слова *который* не специально, а в качестве частного случая: ограничения 1 и 2 вытекают из общей тенденции к расположению связанных слов в максимальной близости друг с другом, ограничение 3 — из общей тенденции к однозначности, ограничение 4 — из общего стилистического правила о нежелательности повторения одного и того же слова или конструкции.

Литература

1. Фитилалов С. Я. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, М., 1962, 100—114.
2. Quine W. Logic as a source of syntactical insights. — In: Structure of language and its mathematical aspects. Providence, 1961.
3. Kuno S. Some properties of non-referential noun phrases. — Studies in general and oriental linguistics. Tokyo, 1970.
4. Cantrall W. R. Viewpoint, reflexives and the nature of noun phrases. Mouton, 1974.
5. Thompson S. The deep structures of relative clauses. — In: Studies in linguistic semantics. Fillmore C., Langendoen D. T. (eds.) N. Y., 1971.
6. Rohrer Ch. Some problems connected with the translation of relative clauses into predicate calculus. — Language Sciences, 1971, N 18.
7. Quine W. O. Word and object. Cambridge, Mass., 1960.
8. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
9. Burt M. K. From deep to surface structure. N. Y., 1971.
10. Schachter P. Focus and relativisation. Language, v. 49, p. 1, 1973.
11. Падучева Е. В. О порождении сложного предложения из простых. Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам, М., 1972.

12. *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* К типологии относительного предложения. — Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975.
13. *Словарь современного русского литературного языка.* М., 1950—1965.
14. *Лаптева О. А.* Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
15. *Чезов А. С.* Некоторые средства обработки местоимений-заместителей при синтаксическом анализе. — Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 15. М., 1972.
16. *Падучева Е. В.* Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста. — Труды III Всесоюзной конференции по ИПС и автоматической обработке научно-технической информации, т. II. М., 1967.
17. *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. Пер. с англ. М., 1959.
18. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
19. *Keenan E. L., Comrie B.* Noun phrase accessibility and universal grammar. Cambridge, Engl., 1972.
20. *Chvany C. V.* On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge, Mass., 1975.
21. *Розенталь Д. Э.* Русский язык. Пособие для поступающих в вузы. М., 1970.
22. *Ross J.* Guess who? — In: Papers from the V-th meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1969.
23. *Chomsky N.* Conditions on transformations. — In: Festschrift for Halle M. N. Y., 1973.
24. *Schwartz A.* Constraints on movement transformations. — Journal of linguistics, v. 8, 1972.
25. *Nanni D. L.* A reanalysis of so-called pied piping in relative clauses. — In: University of Massachusetts occasional papers in linguistics, v. II, 1976.
26. *Откупщикова М. Н., Никитина Т. Н.* Некоторые критерии допустимости конструкции со словом «который» в русских научно-технических текстах. — В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып. II. Л., 1974.
27. *Падучева Е. В.* Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка. — В кн.: Доклады на конференции по обработке информации, МП и автоматическому чтению текста. М., 1961.
28. *Падучева Е. В.* Актуальное членение и способы называния объектов в тексте. — Сборник научных трудов МГПИИЯ, вып. 112. Синтаксическая семантика. М., 1977.
29. *Грамматика русского языка, т. II, ч. 2.* М., 1965.
30. *Кручинина И. Н.* Конструкция с местоимением *который* в современном русском языке. — ВЯ, 1968, № 2.
31. *Грамматика современного русского литературного языка.* Под ред. Шведовой Н. Ю. М., 1970.
32. *Иорданская Л. Н.* О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры. — ВЯ, 1963, № 4.

33. Чехов А. С. О референтном употреблении именных групп в тексте. — В кн.: Лингвистика текста. Материалы научной конференции, ч. II. М., 1974.
34. Cantrall W. R. Relative identity. — In: Papers from the VIII-th regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1972.
35. Байрамова Л. К. Формальный поиск определяемого слова в сложноподчиненном предложении с придаточным определительным. — Вопросы теории и методики изучения русского языка, сб. 6. Казань, 1970.
36. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3-е. М., 1965.
37. Сенкевич М. П., Феллер М. Д. Литературное редактирование. М., 1968.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

(на материале албанской сказки)

Т. В. Цивьян

Эта статья написана в продолжение работы по анализу системы артиклей в языках балканского языкового союза. Предшествовавшее ей описание новогреческого артикля¹ преследовало сугубо грамматические цели: выделение морфосинтаксических по преимуществу (а не семантических, стилистических и под.) употреблений артикля². Анализ показал, что формально-грамматические употребления, как правило, сильнее не-грамматических; иными словами, при задаче расстановки артиклей в тексте в первую очередь ставятся грамматические артикли, а в оставшихся клетках — прочие. На первый взгляд грамматические употребления представляются разрозненными и даже непоследовательными (ср. хотя бы элементарную синтаксическую конструкцию (ЭСК) *арт. + мест.*, где артикль выбирается в зависимости от группы или даже от конкретного местоимения). Их большое место в структуре речи обеспечивается, скорее, частотой встречаемости. По первому впечатлению кажется поэтому, что они лишь затуманивают картину семантики артиклевого механизма, которая становится ясной только после отделения грамматических употреблений артикля.

Оказалось однако, что формально-грамматические, т. е. максимально отстоявшиеся и наиболее обязательные упо-

¹ Цивьян Т. В. Морфосинтаксические функции новогреческого артикля в аспекте грамматики балканского языкового союза. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

² Критерии грамматичности брались в соответствии с анкетой, предложенной И. И. Ревзиным в 1973 г. на Симпозиуме по грамматической типологии современных балканских языков, см.: Ревзин И. И. Анкета по категории определенности—неопределенности. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

требления артикля, самым тесным и существенным образом связаны с семантикой. Они охватывают имена собственные, местоимения, числительные, предлоги, т. е. именно те классы слов, которые генетически, семантически и под. соотносимы с категорией *определенности*—*неопределенности*. Семантическая связь такого рода тем более важна, что она выходит за пределы грамматики, а, может быть, и за пределы языка, принадлежа в конце концов к модели мира, т. е. к способу членения универсума. То, что в основу артикля положены столь общие принципы, может в какой-то степени объяснить его *немотивированность* в конкретных языковых ситуациях: язык разрешает вариативность на уровне эвентуального воплощения, но в пределах основных правил или закономерностей. При этом артикль наиболее фиксирован там, где фиксированы его связи с семантикой общего и абстрактного уровня, и менее фиксирован там, где связи такого рода ослаблены, и речь идет о выражении данного смысла. Если признается принципиальная возможность *вариантной расстановки артиклей* (с учетом того, что стабильность языковой системы поддерживается разрешением отступать от собственных правил в объеме, выходящем за пределы исключений) *при двух крайних ситуациях: единственный вариант расстановки; не-единственный вариант расстановки* — при соблюдении принципа тождественности ситуаций самим себе, то возникает вопрос об артикле в связном тексте: можно ли установить, хотя бы в общем виде, закономерность расстановки артикля для всего текста, считая, что в ограниченном фрагменте любой артикль выступает как элемент некоей целостной системы, или же взаимосвязь артиклей не выходит за пределы ЭСК, их сочетаний и максимум двух—трех предложений.

Здесь предполагается провести анализ общих принципов расстановки артикля в волшебной сказке. Сказка выбрана как образец первого сюжетного текста, по которому можно судить об организации иных текстов или текста вообще. Универсальность ее структуры, обозримый список сюжетов и другие характеристики, вплоть до ограниченного словарного инвентаря, позволяют в данном случае рассматривать сказку как таковую, а в зависимости от ее конкретных языковых воплощений разделить сказки на две категории: *артиклевые* и *безартиклевые* (т. е. использующие язык, соответственно, имеющий или не имею-

щий артикль). Такое деление предполагает, что смысл в сказке описывается среди прочего в рамках категории *определенности—неопределенности*. В сказке, жестко фиксированном законченном тексте, с наибольшей вероятностью можно ожидать проявления общих и единых принципов расстановки артикля. Наконец, сказка, как некий перво-текст, может в дальнейшем прояснить структуру артикля (или, более широко, манифестацию категории *определенность—неопределенность*) в текстах других видов.

В качестве «артиклевой» выбрана албанская сказка. Прежде чем непосредственно к ней перейти, следует сделать еще одно дополнительное замечание. Анализ показывает, что из всех видов артикля в наименьшей степени поддается грамматикализации (во всяком случае на уровне ЭСК) неопределенный артикль. Он не так зависит от морфологических и синтаксических условий, и в нем, к тому же, довольно явственно ощущается лексическое значение, колеблющееся между *один* и *некий* (о чем специально см. далее). Возможно, обладание лексическим смыслом и освобождает неопр. артикль от слишком обязательной формальной зависимости (на него, например, не распространяются ограничения в употреблении с предлогом, именем собств. и местоимением, — в тех случаях, когда их конкретные значения не вступают в противоречие — *один наш друг, но не один весь. . .* и под.). Неопр. артикль маркирован на парадигматическом уровне и притом таким образом, что это отсылает к синтагматическому уровню, т. е. к тексту. В синтагматике неопр. артикль отмечен более редкой, по сравнению с другими артиклями, встречаемостью. Его расположение в тексте свидетельствует о неслучайности этого, а анализ сказки позволяет выделить существенные структурные закономерности, подводящие к мысли о текстоформирующей функции неопр. артикля.

Сплошной анализ албанских сказочных текстов³ приводит к выделению двух основных групп лексем с неопр. артиклем *një*: 1) единичные; 2) повторенные не менее, чем два раза (имеется в виду их встречаемость в тексте; при повторении лексемы неопр. артикль повторяется лишь в особых случаях, см. ниже). Количественный критерий

³ Pralla popullore shqiptare. Z. Sako ed. Tiranë, 1954.

определяет разницу в функциях неопр. артикля. Его употребления, вынесенные в первую группу, целесообразно рассматривать в рамках ЭСК, их сочетаний и не более, чем предложений. Это функция неопр. артикля, которую И. И. Ревзин в своей анкете назвал «указанием на рематичность»: *ven nē njē gjumē tē gandē* 'засыпает тяжелым сном'; *nji fjalē po ta them* 'скажу тебе одно слово'; *e rogosit me ba gadi nji darkē tē mirē* 'попросил ее приготовить хороший ужин' и т. п. Расположение лексем этой группы в тексте слабо предсказуемо: оно определяется скорее структурой речи вообще, чем структурой законченного и притом сказочного текста. Набор лексем также более или менее случаен, хотя и связан с содержанием данного текста.

Вторая группа значительно превышает первую по разнообразию лексического состава. С первого же взгляда становится очевидным, что она непосредственно связана с текстом, как содержательно, так и формально. В проекции на структуру сказочного сюжета лексемы второй группы соответствуют персонажам (герой, царь, юноша, девушка, колдунья, визирь, плешиный, змея и т. п.), чудесным предметам (сабля, рубашка, гребень, сундук, кольцо, перо, тыква, игла, мешок, вертел, зеркало, колокольчик и т. п.); пространственно-временным элементам (место, гора, лес, город, площадь, река, море, источник, пещера, дом, комната и др.; однажды — утром, днем, вечером, ночью; один раз, в одно время и т. д.). Практически вторая группа исчерпывает «субъектно-объектный» инвентарь сказки. Теперь для того, чтобы сказка «пришла в движение», т. е. стала текстом, необходимо и достаточно ввести предикаты⁴. Иными словами, лексемы второй группы составляют термовый словарь сказки⁵.

⁴ Ср.: «Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет» (*Пропи В. Я. Морфология сказки. М., 1969, с. 103*).

⁵ В этом смысле структура сказочного текста может быть сопоставлена с семиотической структурой речи вообще, описываемой, по Вейнрейху, в терминах предикатов и аргументов, т. е. с помощью выражений вида $f(x)$ (*Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970, с. 201*). Элементы, маркированные неопределенным артиклем, в речи соответствуют аргументам.

Проблема составления словаря сказки весьма актуальна. Поскольку набор предикатов практически исчерпывается функциями Проппа (с соответствующими модификациями, а на чисто языковом уровне — с учетом синонимии), общий словарь такого рода почти исчерпывается списком термов. Неопр. артикль — весьма эффективное операционное средство составления словаря, соблюдающее принципы простоты и экономии описания: это метка, поставленная самим языком и позволяющая производить отбор словника почти автоматически. Термовый словарь имеет определяющее значение для установления семантической парадигматики сказки. В нем с очевидностью выделяются самостоятельные, хотя и связанные друг с другом функционально, семантические поля: космологическое, пространственное, временное, персонажное, предметное и т. п., — каждое из которых в определенном аспекте может служить основой для описания сюжета⁶. Обычно анализ словаря сказки проводится отдельно для каждого семантического поля, вне сравнения, в частности лексического, их между собой. Столь простой способ выделения термового словаря с помощью неопр. артикля предоставляет возможности для сравнения разных его фрагментов. Хотя не это является основной темой данной статьи, все же можно привести некоторые наблюдения над структурой термового словаря сказки.

Персонажное семантическое поле выделяется среди остальных; набор лексем меньше по количеству, менее разнообразен семантически и тяготеет к лексемам общего характера: *njeri* 'человек', *bugtë* 'муж; мужчина', *grua* 'жена, женщина', *fëmijë* 'ребенок', *djalë* 'сын, юноша', *vajzë* 'дочь, девушка' и т. д. Выделяется группа терминов родства: *babë* 'отец', *bir* 'сын', *çurë* 'дочь', *vëlla* 'брат', *motër* 'сестра' и т. д. В персонажное поле входят по крайней мере три сказочных амплуа: герой, вредитель, чудесный помощник. Обслуживающие их лексемы выбраны так, что лишь немногие из них определяют амплуа однозначно: *trim* 'герой', *shtrigë* 'ведьма', *xhin* 'джин', *div*

⁶ О семантическом словаре сказки см.: *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.* Вопросы семантического анализа волшебной сказки. Сообщение 2. — Тезисы докладов Летней школы по вторичным моделирующим системам, 4. Тарту, 1970; *Они же.* Проблемы структурного описания волшебной сказки. — Труды по знаковым системам IV. Тарту, 1969.

'див' и нек. др. Обычно сказка «экономит» на номенклатуре персонажей, так что одна и та же лексема может описывать два, если не все три амплуа⁷, см. особенно plak/ë 'старик, старуха' и qegos, qose 'плешивый', а также mbret 'царь', magjistrelë 'волшебница', kapedan 'капитан' udhëtar 'путник', peshkëtar 'рыбак', furxhi 'пекарь' и т. д., Персонажное поле является, таким образом, далеко не самым сильным средством для определения сюжета⁸.

Предметное поле (чудесные предметы — средства для выполнения задачи или ее объект; сюда можно включить и чудесные существа, которые должен добыть герой) более разнообразно, хотя и оно может быть описано ограниченным набором семантических параметров (например, оружие, украшения, вместилище, еда и под.). См.: kulaç 'булка' (с ядом), dollar 'шкаф' (где хранится живая и мертвая вода), ve 'яйцо' (закрывающее в себе смерть джина), shishe 'бутылка' (с живой и мертвой водой), kordhë 'сабля', kazmë 'кирка', kalë 'конь', elefant 'слон' (чудесные животные, которых должен добыть герой) и т. д. и даже fotografi 'фотография'.

Наконец, весьма разнообразен и многочислен набор пространственно-временных элементов. Известно, что пространственное поле образует наиболее специфическую картину семантической парадигматики текста и играет особую роль в композиции сказки, поскольку передвижения героя соответствуют движению сюжета. Выход из своего дома и возвращение домой соответствует началу и концу сказки, представляя выход в *иной* и возвращение в *свой* мир. Море, гора, лес символизируют иное царство, а пещера, колодец — вход в него. Город, площадь, дворец — место, где герой получает трудное задание и т. п. Пространственный словарь сказки разработан в такой степени, что дает реальную возможность для восстановления по нему сюжета, хотя бы в общем виде⁹.

⁷ Пожалуй, наиболее характерна своими мифологическими связями группа чудесных помощников нечеловеческого происхождения: gjagrëg 'змея', zog 'птица', pullumb 'голубь', peshk 'рыба' и т. п.

⁸ Правда, список персонажей не ограничивается лексемами с неопр. артиклем; ряд лексем маркируется опр. и другими видами артикля, см. ниже.

⁹ См.: Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки). — Типоло-

Роль неопр. артикля в составлении термового словаря относится к парадигматике текста. Не менее существенна его роль и на синтагматическом уровне, где он выполняет две взаимосвязанные функции: ~~вводит~~ вводит новый терм, соответствующий новому сюжетному ходу, и ~~обеспечивает~~ обеспечивает связность текста. Неопр. артикль — основная характеристика канонического формульного начала сказки: в первой же фразе он (за исключением особых случаев) вводит героя. *Qe një peshkëtar* 'Был один рыбак'; *Një burrë. . . la. . .* 'Один человек. . . оставил. . .'; *Qe një mbret* 'Был один царь' и т. д. Нередко неопр. артикль при персонаже подкрепляется или даже компенсируется неопр. артиклем при вводимых дополнительно пространственно-временных элементах: *Kishte pa kenë një herë një burrë* 'Был однажды один человек'; *Ish një njeri më një fshat* 'Был один человек в одном селе'; *Qe një herë vajzë e martuarë në një vënd të huaj* 'Была однажды девушка, выданная замуж в одно чужое место'. Маркированность начала подчеркивается введением нескольких персонажей: обычно это отец и / или мать и сын, являющийся главным героем, *Na kishte qenë një plak edhe një plakë, na kishin pas një djalë* 'Вот был один старик и одна старуха, вот был у них один сын'¹⁰. Сочетание в одной фразе нескольких персонажей и пространственно-временных показателей дает достаточно яркую картину концентрации неопр. артиклей: *Një herë dhe një kohë ishte një burrë dhe një grua* 'Один раз в одно время были один муж и одна жена'; *Një herë e një herë ishte një trim* 'Один раз и один раз был один герой'; *Një herë e një herë rronte një mbret, që kishte një vajzë të vetme* 'Один раз и один раз жил один царь, у которого была одна единственная дочь' и др. См. также начало типа *Na qe një mbret. Këtij mbretit i kishte dërguar një mbret tjetër një hekur të trashë* 'Вот был один царь. Этому царю один другой царь послал один толстый [кусок] железа'. Вывод из этих примеров следующий: наиболее отмечено в сказке введение главного героя — инициальное положение, неопр. артикль, часто мультиплицированный и т. д. (при том, что, как было показано,

гические исследования по фольклору. М., 1975 (там же приведен словарь пространственных элементов албанской сказки).

¹⁰ Неопределенный артикль везде переводится с помощью *один*; требования стиля не учитываются.

лексический набор персонажей сравнительно не разнообразен).

Далее появление неопр. артикля определяется функциями сказок (в смысле Проппа) — введению новой функции соответствует появление в тексте нового термина. Пограничным сигналом нередко служит временной показатель типа *однажды, однажды утром* и т. п. (Nji ditë prej ditsh i thirri plaku tre djemt e u tha 'В один день из дней позвал старик трех сыновей и сказал им'). Итак, një herë 'однажды', një trim 'один герой' выходит из дома, приходит к një mal 'одной горе', një shpellë 'одной пещере', një qytet 'одному городу' и т. п. (точки, где он получает или выполняет задание). Он должен добыть një kalë 'одного коня', një elefant 'одного слона', построить një pallat 'один дворец' и т. п. Он использует чудесные предметы: një kordhë 'одна сабля', një furrë 'одна печь', një bel 'одна лопата' или чудесных помощников: një peshk 'одна рыба', një magjistrelë 'одна колдунья', një furxhi 'один пекарь' и т. д. Герой сражается с вредителем: një xhin 'один джин', një div 'один див', një shtrigë 'одна ведьма' и т. д. При общей ограниченности числа терминов в сказочном тексте, отчасти компенсированной их повторяемостью, неопр. артикль отмечен тем более, что количество его употреблений (за исключением «рематических» и нек. др., особых случаев) хотя бы теоретически должно совпадать с количеством терминов данного текста. Независимо от того, возможно ли по набору терминов, взятому изолированно, определить сюжет, появление неопр. артикля при лексеме, повторяющейся затем не менее одного раза, свидетельствует о введении нового сюжетного хода. На уровне строения текста можно в определенном смысле говорить о членении текста с помощью неопр. артикля на содержательно законченные блоки. Вне связи с артиклем такого рода блоки соответствуют абзацам, строение которых подразумевает введение в каждом из них новой темы¹¹. О структуре абзаца в связи со сказкой, где она проявляется особенно наглядно, писал Матезиус, используя чешскую, т. е. «безартиклеву» сказку¹². Обращаясь

¹¹ См. многочисленные работы по структуре абзаца и в частности: Падучева Е. В. О структуре абзаца. — Труды по знаковым системам, II. Тарту, 1965.

¹² Матезиус В. Язык и стиль. — Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

к «артиклевой» сказке, можно повторить, что неопр. артикль является эффективным формальным средством членения текста на абзацы, работающим в некоторой степени без обращения к содержательному уровню (можно напомнить, что проверкой лексемы с неопр. артиклем на «термовость» или «тематичность» будет ее повторение в тексте).

Заслуживает особого рассмотрения повторение лексемы, вводимой неопр. артиклем. Речь будет идти не о повторяемости как необходимом (хотя и недостаточном) средстве, обеспечивающем связность текста¹³. В данном случае имеется в виду несколько другой аспект. Повторяемость термов рассматривается обычно не столько на грамматическом, сколько на содержательном уровне (обеспечение смыслового единства текста). Что же касается неопр. артикля, то его употребление, напротив, приписывается более грамматическому уровню, чем содержательному: неопр. артикль является как бы предвестником опр. артикля, обеспечивая его появление на следующем линейном шаге. Таким образом отодвигается на второй план обязательность повторения лексемы, вводимой (при определенных условиях) неопр. артиклем, который, в свою очередь, рассматривается лишь как антецедент для опр. артикля. Представляется между тем, что главным членом оппозиции является именно неопр. артикль. Он имплицитно не только и не столько опр. артикль (примеры см. далее), сколько п о в т о р е н и е лексемы, причем первое повторение, как правило, следует за первым появлением, т. е. за неопр. артиклем (ср. также «ступенчатые» конструкции введения лексем, типа . . .nji fushë . . .Në mjedis t'asaj fushe ishte nji liqen i madh. N'at liqen jetonte një Gërzhetë ' . . .одно поле . . . Посреди этого поля было одно большое озеро. В этом озере жила одна Гержета'). Таким образом, лексема-терм дублируется при первом появлении. Маркированность термина может усиливаться и повторением неопр. артикля — это случаи цитатных употреблений, когда, например, передается информация о трудном задании (в сказке «Письмо на тот свет» приказание *построить один дворец* повторяется три раза). Если на синтагмати-

¹³ О термовом словаре сказки, о повторяемости термов в связи с проблемой связности текста см.: *Ревзин И. И.* К общесемiotическому истолкованию трех постулатов Проппа. — Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

ческом уровне повторение обеспечивает связность текста, то на парадигматическом оно трактуется как кратчайший способ овладения термовым словарем, необходимым для понимания данного и прочих текстов (в соответствии с принципом «повторение — мать учения»). Весь термовый словарь проигрывается в сказке по меньшей мере два раза, а наиболее значимые в сюжете лексемы (например, персонажи), повторяются и гораздо большее число раз. И здесь неопр. артикль является дополнительным формальным средством, обеспечивающим повторение не только содержательно, но и на грамматическом уровне (см. также более тонкие приемы, когда неопр. артикль вводит не сам терм, а как бы его атрибут: Ndërkaq bjen një zile. Ishte e Vuçura e dheut 'Между тем звонит один колокольчик. Это была Красавица земли' [т. е. 'пришла']; . . . u ndie një britmë. Ishte britma që bënin dragonjtë '. . . раздался один крик. Это был крик, который издают драконы').

Прежде чем перейти к анализу расстановки в сказочном тексте разных артиклей, следует более подробно остановиться на семантике неопр. артикля. На первый взгляд, его анафорическое употребление, особенно в связи с импликацией опр. артикля, выражает неопределенность по преимуществу: *некий царь* → *этот царь*. Однако выделяется достаточное число случаев, когда неопр. артикль возвращается к значению *один* (Qe një plakë që kish nëndë djelm edhe një çurë 'Была одна старуха, у которой было девять сыновей и одна [единственная] дочь'; një gjulpanë, një sapun, një pasqurë. . . edhe dy oke sheqer 'одна игла, один [кусочек] мыла, одно зеркало. . . и два ока сахара') и случаев, когда значение неопр. артикля амбивалентно (Na kishte qenë një mret dhe na kishte pas një vajzë 'Был один царь и у него была одна [только одна?] дочь', ср. një vajzë të vetme 'одна единственная дочь'; . . . duhet të marrë nga një pëllumbeshë dy ve '. . . надо взять от одной [от некоей? не от двух, а только от одной?] голубки два яйца'; po tani një punë të duhet akoma 'а теперь тебе еще нужно сделать одну работу [некую? только одну?]' и т. д.). Значение *один* подчеркивается еще и тем, что во множ. числе një соответствуют не disa, са 'несколько', дающиеся в албанских грамматиках как формы множ. числа неопр. артикля (следует специально отметить, что вообще неопределенные местоимения и в ед. числе появляются в сказках чрезвычайно редко, и неопр. артикль оказывается исклю-

чительное предпочтение), а только числительные: *Ishte një baba dhe kishte tri çura* 'Был один отец и было у него три дочери'; *Ishin pa'ken tre vëllazën e kishin pasë një babë* 'Были три брата и был у них один отец'; *Pralla e të shtatë vëllezërve* 'Сказка о семи братьях'; *Në një anë të kullës në katin e sipërm gjindej një odë e ndryme me tre dryna* 'в одной стороне башни, на верхнем этаже находилась одна комната, запертая на три замка' и т. п. В этих и подобных контекстах точное указание количества обозначает по существу неопределенное множество. Оставляя в стороне символическое и мифологическое значение чисел, можно сказать, что по своей роли в сказочном тексте числа так же освобождены от конкретного лексического значения и следовательно так же номенклатурны, как и другие элементы словаря сказки. Когда речь идет о трех, семи, девяти братьях, сестрах и т. д., это соответствует мультипликации главного героя (аналогично происходит мультипликация чудесных помощников и чудесных предметов, хотя им при этом могут придаваться и разные свойства). Совершенно так же не связаны с реальностью и числовые обозначения времени и пространства: их роль заключается в указании на то, что между своим и чужим миром пролегает расстояние, они отмечают введение нового хода и т. п. Однако если рассматривать числительные в аспекте грамматической семантики, противопоставляя их амбивалентному *один*, можно понять, как остроумно решается в языке проблема определенности — неопределенности (хотя бы в применении к текстам одного вида). Точное числовое обозначение оказывается неопределенным, а в неопределенном обозначении проступает семантема единичности → единственности. Оппозиция *один / много* оказывается таким образом непривативной: оба ее члена влияют друга на друга, проясняя обоюдные значения и как бы делясь друг с другом собственными смыслами: *один* передает точным числам неопределенность, числа ему — точность и определенность.

Существенны вытекающие из этого следствия. Категория определенности / неопределенности оказывается амбивалентной по своей сути (достаточно редкий случай совпадения грамматического термина с обозначаемой им категорией в содержательном плане). Поэтому излишне в каждом данном случае требовать однозначного ответа:

язык сам указывает на то, что каждый член оппозиции содержит в себе нечто от противоположного, и можно говорить о том, что оппозиция описывается единым смыслом, который может перетекать от одного ее члена к другому. Результатом этого может быть нейтрализация определенности—неопределенности, которая манифестируется, например, в вариантной расстановке артиклей, не изменяющей смысла высказывания. На другом полюсе находится аккумуляция смысла определенности—неопределенности в одной единице (ср. поэт. *В тот какой-то шестнадцатый год*). Представляется, что такая аккумуляция происходит в неопр. артикле, когда он вводит термы в сказочном тексте. В своей анкете И. И. Ревзин предлагает для описания этих употреблений критерий экзистенциальности, придавая неопр. артиклю значение квантора существования ($\exists x$). Это значение описывает актуализацию некоей единицы, в данном случае введение термина в текст: *существует некий x...* Однако из повторения термина, его функциональной роли в сказочном тексте выясняется его особая отмеченность, выделенность и единственность (именно единственность термина в данном тексте обеспечивает его универсальность на уровне корпуса текстов и в конечном итоге — в сказке вообще). Тогда его значение может быть описано как *существует некий x, такой, что он только один*. На лексико-грамматическом уровне значение неопределенность + единственность обеспечивается чередованием неопр. артикля и числительного. Еще раз следует подчеркнуть, что это значение появляется именно в тексте, т. е. на уровне речи¹⁴.

Подход к определенности—неопределенности как к категории, имплицитующей амбивалентность и неоднозначность решения, представляется полезным при общем анализе расстановки артиклей в связном тексте. Представ-

¹⁴ Дейксис с помощью неопр. артикля в сказочном тексте можно экстраполировать на местоименный, наречный и т. п. дейксис в речи: «Определение их, как и указательных слов вообще, только через дейксис, как это обычно делают, не вносит ничего существенного, если не добавить, что дейксис совпадает по времени с моментом речи и придает указательному слову каждый раз единственный и неповторимый характер, заключающийся в единственности речевого акта, с которым указательное слово имеет референцию» (Бенвенист Э. Природа местоимений. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 287).

ляется также, что в связи с этим можно говорить и вообще о принципе соблюдения языком своих собственных правил и установлений. Это естественным образом проецируется и на другие семиотические системы, снимая в ряде случаев проблему непоследовательности или противоречивости. Итак, после того как установлен механизм введения в сказочный текст неопр. артикля и его чередования с опр. артиклем, можно показать, насколько свободно сказка к нему подходит. Отклонения такого рода нельзя причислить ни к нарушениям, ни к исключениям, настолько отчетливо ощущается в них общий принцип отказа от чрезмерной фиксированности и негибкости и в конце концов — от механицизма.

По правилу, второе употребление лексемы, вводимой неопр. артиклем, имеет вид: 1) Subst. + Art. def., një plake → plaka 'одна старуха → старуха'; 2) Pron., një peshkëtar → ау 'один рыбак → он'; 3) Subst. + Pron., një peshk → ау peshk 'одна рыба → эта рыба'; 4) синонимичная лексема, një plakëzë, e ema e dragonjeve 'одна старушка, мать драконов'. Применение этих правил ограничено грамматическими употреблениями артикля: терм вводится опр. артиклем, если он выражен именем собств. (Çangallozi, Bilmeni, Ahmeti) или существительным с изолированным артиклем, сочетающимся с опр. артиклем (E Bukura e dheut 'Красавица земли', i ati 'отец'); терм повторяется с нулевым (≠) артиклем, если он входит в конструкцию с предлогом (një pallat → në pallat 'один дворец → во дворец') или с теми местоимениями, которые требуют ≠ артикля (një peshk → ау peshk 'одна рыба → эта рыба'; этим ограничением, впрочем, можно пренебречь, если считать, что местоимение заменяет, а не вытесняет артикль). Так на фоне основного правила, возникает «теневое»: терм может вводиться опр. артиклем; опр. артикль может заменяться нулевым. Оба правила, естественно, взаимодействуют, и это приводит к выработке некоей периферийной области свободной расстановки артиклей, определяемой более тонкими семантическими требованиями, но в то же время не выходящей из-под влияния основных правил. Имена собств. могут вводиться неопр. артиклем: Na ish një Bramadone 'Вот была одна Брамадона', . . . jetonte një Gërzhetë ' . . . жила одна Гержета'. Лексемы, обозначающие мифологических персонажей, могут вводиться опр. артиклем: Kush i ka shtatë

çika motra? I ka divi 'У кого есть семь девушек сестер? У дива'; Erdh Ora e shpis 'Пришла Охранительница дома', наряду с një xhin, 'один джин', një përgi 'одна перь' и т. д.¹⁵ Поскольку опр. артикль может чередоваться с неопр. и с нулевым, естественно, вводится и чередование неопр. артикля с нулевым: нередко в отрезке, где должно стоять по правилу несколько неопр. артиклей, происходят пропуски — это как бы экономия средств, когда один неопр. артикль обслуживает несколько лексем, распространяя на них свое значение (Qe një herë vajzë [një vajzë] e martuarë në një vënd të huaj 'Была однажды девушка, отданная замуж в одно чужое место'; një pjeri në kal [një kall] 'один человек на коне', ср. далее в той же сказке një burrë i naltë në një gjog të bardhë 'один высокий человек на одном белом коне'; e hu nata në mal [një mal] për maje një koçeku 'ночь застала его на горе, на вершине одной скалы'). Соответственно, нулевой артикль может немотивированно стоять и при повторении термина: Në një fshat atje pranë . . . rinte a bukur'e dheut . . . u sos në fshat [fshatin] të së bukurës dheut 'В одном селе там рядом . . . жила красавица земли . . . он пришел в село красавицы земли'; «Me më ba një arkë florini» . . . i bani arkë [arkën] florini '«Сделать мне один золотой сундук» . . . он сделал ей золотой сундук' и т. д. Эти употребления (здесь рассматривались лишь самые общие случаи) показывают, что в показателе *определенности* — *неопределенности* должен быть включен и нулевой артикль, разбивающий оппозицию *опр. артикль / неопр. артикль* на две: *опр.*, # / *неопр.* и *неопр.* # / *опр.* Подключение нулевого артикля попеременно то к опр., то к неопр. артиклю является дополнительным средством распатывания однозначности *определенности* — *неопределенности*, приводя иногда и к нейтрализации опр. и неопр. артиклей (см. выше). При всем этом общая картина оппозиции неопр. и опр. артиклей в ситуации 'первое — последующие употребления термина' не искажается, — это лишнее подтверж-

¹⁵ См. еще: . . . na ishte një grua e na vajti në mal . . . Kur na vjen ujku [një ujk] ' . . . вот была одна женщина и вот пошла на гору . . . Когда вот приходит волк' (впрочем, может быть, волк входит в набор сказочных персонажей); встреча с чудесными помощниками: një kasar . . . një furxhi . . . dimrin 'находят' одного мясника . . . одного пекаря . . . зиму'; . . . asnjeri mundi të njohë motrin. Në fund fare u duk djalli [një djalë], i cili . . . e njohu ' . . . никто не мог узнать вошь. В конце концов появился юноша, который . . . ее узнал'.

дение высказанной здесь мысли о том, что правило действительно существует и живет в языке тогда, когда есть возможности для его нарушения, и не только оговоренные как исключения, но и эвентуальные. Итак, в «артиклевой» сказке категория *определенности*—*неопределенности* вводит термовый словарь. Можно было бы говорить о некоторой прямолинейности в ее применении, если бы на это не накладывались ограничения семантического (амбивалентность) и формального (грамматические употребления) порядка, не говоря о свободных вариациях.

Далее возникает вопрос, компенсируется ли артикль в «безартиклевой», например, русской сказке. Поскольку структура сказки универсальна, условия повторения термов, введения новых термов в позиции абсолютного начала и в начале отдельных эпизодов (членение на абзацы) соблюдаются полностью. Русский язык обладает формальными ресурсами, соответствующими неопр. артиклю: лексемы *один, некоторый* в принципе достаточны для введения терма. Что касается повторных употреблений терма, то и здесь русский язык располагает всеми средствами, кроме опр. артикля: местоименные и синонимические замены, сочетание имени с местоимением и т. д.

Просмотр русских сказок показал ¹⁶, что эксплицитно выраженная граммема неопределенности присутствует примерно в половине инициалей и относится в основном к месту действия (зачины типа *В некотором царстве, некотором государстве*, вариант *Не в котором, Не в каком; В одной деревушке* и т. д.), реже к персонажам (*У одного царя*). Множественное число характеризуется точными обозначениями чисел: *три дочери, двенадцать братьев, три пары башмаков железных, двенадцать лет, две дороги* и т. п. *Один, однажды* могут вводить новую функцию, но это далеко не обязательно: *В одно прекрасное утро Ваня с конюхом подрался; Пошла она раз за водой; Пришли нечаянно к какому-то дому; А служил солдат в одном полку.* Для иллюстрации сочетания значений *определенности*—*неопределенности* см. также: *И некоторая была одна сильная пчела; «Теперь иди в такой-то дом, там есть такая-то надпись»* Наблюдения показывают, что безартиклевый язык, не пренебрегая полностью формальным выражением неопределенности, тем не менее не использует

¹⁶ Русские народные сказки. Сост. Э. В. Померанцева. М., 1957.

для ее выражения тех показателей, которыми он располагает. Более регулярно выражается граммема определенности¹⁷, и таким образом сохраняется пропорция между определенностью и неопределенностью: показатели неопределенности появляются реже, и они более маркированы. Даже этих скудных формальных показателей достаточно, чтобы создать ощущение «разлитой» в тексте семантемы *определенности—неопределенности*.

Так можно подойти к следующей проблеме: два однотипных текста строятся по универсальной схеме; их семантика предполагает обязательное введение *определенности—неопределенности*. В одном тексте для этой цели используется артикль, чем обеспечивается регулярность, при некотором даже однообразии конструкций. Другой текст отказывается от регулярности, даже в пределах тех формальных средств, которыми он располагает. Возникает вопрос, вызывает ли эта разница изменения в модели текста, т. е., иными словами, остается ли тождественной самой себе сказка на «артиклевом» и «безартиклевом» языке. Очевидно, что это именно так. Модель текста построена таким образом — и в этом ее универсальность и залог сохранения во времени и пространстве — что она шире любого своего языкового воплощения. В этом смысле структура «Сказки вообще» соответствует структуре «Языка вообще» (см. выше аналогии в строении сказки и речи). Она не зависит от конкретного языка, не подчиняет себе его грамматику (и ничего от этого не теряет) и не подчиняется слепо его грамматике (и также ничего от этого не теряет). Великолепная гармоничность замысла сказочной модели проявляется в ее адекватности любому языку. Конкретная сказка настолько слита со своим языковым воплощением, что возникает ощущение единственности, чему не мешает ни знание об ограниченности сказочного репертуара, об однотипности ее морфологического строения, ни, наконец, установление единого лексико-семантического словаря. Что же касается темы дан-

¹⁷ Е. В. Падучева включает в состав местоименных синонимов подразумеваемый показатель отождествления: *Ты увидишь там женщину и ребенка. Женщине (≠этой женщине) отдай мою записку* (Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974, с. 252). То же можно предположить и для *один*: *Жил был царь (≠один царь)*, но тогда в сказочном тексте на формальном уровне произойдет полная нейтрализация показателей *определенности—неопределенности*.

ной статьи, то различие «артиклевого» и «безартиклевого» выражения категории *определенности*—*неопределенности* начинает чувствоваться, пожалуй, на уровне специального грамматического анализа, включаясь в общую проблему наличия или отсутствия в разных языках различных грамматических категорий, при учете того, что грамматические ограничения не означают смысловых ограничений. То же и здесь: выделение термов с помощью неопр. артикля — простое и удобное средство для выделения термового словаря¹⁸. Однако следует оговориться, что имеется в виду термовый словарь в узком смысле, т. е. словарь, составляемый с научными целями, предполагающий использование артикля как показателя более тонкой логической дифференциации, достигнутой языком (мысль Г. Гийома). Что же касается потребителя сказки (сюда включаются рассказчик и слушатели), то для него овладение сказкой, ее структурой, т. е. термами и предикатами, настолько естественно, что оно не затрудняется отсутствием и не облегчается присутствием артикля или любой другой грамматической категории.

Однако равнозначность различных языковых воплощений сказки не означает ее равнодушия к языковому материалу. Напротив, она искусно использует языковые ресурсы, естественно приходя к выражению и самых общих и самых сложных и тонких семантических категорий (ср. неопр. и опр. артикли, не только вскрывающие структуру сказки, но и позволяющие прийти к существенным, не лежащим на поверхности заключениям о семантеме *определенности*—*неопределенности*, притом не только в языке, но и в других семиотических системах). Любой язык воплощает сказку идеально, и в этом проявляется почти совершенство этого образца первого сюжетного текста, функционирующего в языке как парадигма связанного текста, на который носитель языка ориентируется

¹⁸ Опираясь на особо высокую связность сказки (ср. показанную здесь роль категории *определенности*—*неопределенности* для обеспечения связности), И. И. Ревзин в статье «К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа» с помощью достаточно несложных операций переходит от текста сказки (максимальная простота и максимальная упорядоченность предикатов) к текстам типа Джойса (максимальная непростота и максимальная неупорядоченность предикатов). Так, нередко то, что представляется эволюцией, на деле оказывается не поисками новизны, а глубоким проникновением в архетип.

при составлении новых текстов. В этом смысле сказка оказывается ядром, заключающим в себе все возможные виды текстов в диахронии и синхронии. Яйцо, из которого вынимается царство, — это в сущности автометаописание сказки, кажущаяся элементарность которой заключает в себе изоциренность текстов самой высокой сложности ¹⁹.

¹⁹ К аналогичному выводу пришел Х. Вайнрих, рассмотрев употребления неопределенного артикля в сказке Перро «Красная Шапочка»: «Если из этой всемирно известной сказки взять только существительные с предшествующими неопределенными артиклями . . . , то окажется представленным практически все содержание повествования» (*однажды, маленькая девочка, красная шапочка, день, пирожки, другая деревня, лес, волк, горшочек масла, лесные орехи, бабочки, букет цветов, большие руки, большие ноги, большие уши, большие зубы; бабушка* упоминается всегда с притяжательным прилагательным), см.: Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, в. VIII. М., 1978, с. 376.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД КАТЕГОРИЕЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(поэтика А. Ахматовой)

Т. В. Цивьян

Проблема проекции грамматических категорий на выражение смысла в связном тексте весьма значима и перспективна, особенно когда речь идет о поэтическом тексте. Для него может быть выделен особый уровень grammatical imagery «грамматической образности» (см. прежде всего разборы текстов у Якобсона), который интерпретируется как глубинная семантическая организация поэтического текста. Далее возникает возможность установить систему соответствий между формально-грамматическим и содержательным уровнем: естественно, что соответствия такого рода выходят за пределы частных и лежащих на поверхности схождений.

В этом аспекте особый интерес представляет *определенность—неопределенность*, во-первых, потому, что она особенно явно связана с семантикой (что, в частности традиционно заставляет приписывать смысловую мотивированность любому проявлению соответствующей граммемы); во-вторых, потому, что она допускает максимальную вариативность в плане выражения (см. актуальную проблему выражения *определенности—неопределенности* в языках без артикля, за пределами артикля; ее роль в организации текста и т. п.). Здесь предпринимается попытка показать, что по крайней мере для некоторых поэтических текстов ощущение неопределенности, амбивалентности на содержательном уровне имплицитно актуализацию *определенности—неопределенности* на уровне формально-грамматическом.

Представляется значимым и неслучайным, что содержательная неопределенность поэзии Ахматовой была эксплицирована при лингвистическом подходе к анализу ее поэтики: в своей работе «О поэзии Анны Ахматовой» В. В. Виноградов¹ посвящает этому раздел «Намеки, недомолвки, эвфемизмы»². На первом же шаге анализа открывается, что смысловая недоговоренность у Ахматовой связана с дейксисом, т. е. с классом указательных слов, на формальном уровне по преимуществу представляющих категорию *определенности*—*неопределенности*, и проявляется прежде всего в нетривиальном использовании местоимений. (Нетривиальность заключена в достаточно тонких сдвигах и отклонениях от нормативной грамматики, представляющихся на первый взгляд малозначительными. Более того, они нередки в обычной разговорной речи, и видеть в них нарушения, — как будто, гиперграмматизм, безуспешные попытки подвести поэтический язык под нормативную грамматику, являющуюся, строго говоря, узким набором идеальных, и потому предусматривающих несоблюдение, а не реальных правил. Оказывается, однако, что эти отклонения в дейксисе, при том, что каждое из них может быть опровергнуто столь простым доводом, как «все и так понятно», действуют en masse и в результате создают свою систему ориентации в поэтическом времени и пространстве. Поэтический мир Ахматовой характеризуется особыми измерениями: он как бы «перевернут» — привычные точки опоры, однозначные указания времени и пространства, расположение в них героев и событий и т. п. — смещены, завуалированы, а неопределенность, амбивалентность и кажущаяся случайность указаний оказывается классификационной основой, репрезентирующей систему ценностей.)

Анализ целесообразно начать с рассмотрения элементарного способа выражения оппозиции *определенности*—

¹ Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой. Л., 1925. — Далее ссылки даются в тексте с указанием страниц в скобках на переиздание этой работы в кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.

² «Поэзия Ахматовой — поэзия намеков, эмоционально недоговоренного, смутных указаний (с. 444) . . . Эта неопределенность указаний не только направлена на лица и предметы, на обстановку вообще, но она же окутывает действия и эмоции. . .» (с. 447).

неопределенности в «безартиклево» языке, т. е. с использованием указательных и неопределенных местоимений для компенсации соответственно определенного и неопределенного артиклем. Небезынтересно, что в «артиклево» языке местоимения такого рода против ожидания семантически несколько ослаблены, как будто артикль, потеряв собственное лексическое значение, оказывает нейтрализующее влияние и на них, усиливая их грамматичность. В «безартиклево» языке, особенно в поэтических употреблениях, местоимения актуализируют лексико-семантическое значение и становятся маркированными по преимуществу, как если бы илле возвращалось от стертого артиклевого значения к своему исконному 'тот самый', 'известный', 'единственный'.

Так отмеченно употребляет местоимения Ахматова (*Я говорю сейчас словами т е м и, | Что только раз рождаются в душе*). Указания на «самость», единственность объекта в проекции на поэтический мир Ахматовой соответствует семантеме *памяти*: это ориентиры, по которым описывается прошлое, восстанавливаются и идентифицируются события и люди. Устойчивость общей системы обеспечивается подтверждением фиксированности относительного места события во времени и пространстве: *Простишь ли мне эти ноябрьские дни; Да, я любила их, те сборища ночные; Тот город, мной любимый с детства; Нашей первой зимы — той, алмазной — повторяется снежная ночь; Я давно предчувствовала это | Светлый день и опустелый дом; Мои молодые руки | Тот договор подписали; Ты забыл те, в ужасе и муке, | Сквозь огонь протянутые руки; Я к рвзам хочу, в тот единственный сад; Из которой глядит тот самый, | Ставший наигорчайшей драмой | И еще не оплаканный час; Та, его миновавшая чаша; Как свою посмертную славу | Я меняла на вечер тот и т. д. и т. п.* Семантику такого рода употреблений можно назвать «неопределенной—неопределимой единственностью» (или определенностью), поскольку соответствующие денотаты зашифрованы. Впрочем, знание ахматовской «тайнописи» в ряде случаев помогает дешифровке, когда, например, дейксис направлен на текст, на реалию через текст и т. п. (ср. технику введения цитаты, например, *Это он в переполненном зале | Слал ту черную розу в бокале — он* =Блок, через цитату из его стихотворения «В ресторане»;

Я гашу т е заветные свечи — к Я зажгла заветные свечи в «Поэме без героя» и т. д.). В тексте вскрывается глубинный уровень, рассчитанный на посвященного. Так построено стихотворение «Немного географии», где обилие топонимов (Чита, Ишим, Иргиз, Атбасар, Свободный, енисейский), кодирующих одну реалию и потому функционально могущих быть приравненными к местоименной замене, контрастирует с обилием местоименных указателей, каждый из которых однозначен:

Не столицей европейской
С первым призом за красоту
.
Показался мне город *этот*
Этой полночью голубой,
Он, воспетый *первым* поэтом,
Нами, грешными, и *тобой*.

Восстановление денотатов возможно на основании знания «ахматовского мира», широкого контекста ее поэзии и лишь затем и минимально — средствами самого текста.

Город, Петербург—Ленинград, восстанавливается из общего *А я один на свете город знаю*, из *европейской столицы* и упоминания белых ночей. *Первый поэт* для Ахматовой — Пушкин, *мы грешные* — она сама и ее поэтический круг, *ты* — Мандельштам. Оказывается таким образом, что основная смысловая нагрузка лежит на почти плеонастически употребленных «нейтральных» местоимениях, кодирующих единственные и особо значимые объекты.

Не меньшую роль играют показатели неопределенности, поддерживающие атмосферу неокончателности и амбивалентности. Это прежде всего многочисленные *кто* и *что-то*: *К т о - т о* с ней без лица и названья; *Где ч т о - т о* нехорошее случилось; *Подслушать у музыки ч т о - т о*; *На свете к т о - т о* есть, кому бы | *Послать все эти строки*; *И к т о - т о* страшный мне кивал в окне и т. д. См. также: *Мне видится жуткий | Один силуэт*; *К а к а я - т о* лишняя тень; *Жил к а к о й - т о* будущий гул; . . . *в к а к и х - т о* далеких веках; *Ч е й - т о* голос звучит у крыльца; *И ч ь е - т о* веселое скерцо и т. д. и т. п. И эти употребления могут быть описаны в рамках семантемы «неопределенная определенность», поскольку сохраняется ощущение, что в каждом случае речь может идти о единственном объекте.

В свете этого понятны случаи «перетекания значений», когда — в крайних точках — тот употребляется в значении некий, а некий — в значении тот самый, что в свое время было отмечено К. Ферхейлем³. Он указал, что в контексте *В то время я гостила на земле. . . , то* обозначает некоторый неопределенный временной период, т. е. «время оно», так же как в контексте *Тот голос с тишиной великой спора. . .*, имеется в виду некий голос. К этому см. еще тот в значении какой-то, подтверждаемом параллельным использованием обоих местоимений: *Он награжден как и м - то вечным детством, | Той щедростью и зоркостью светил* (см. еще *Там те незнакомые очи | До света со мной говорят; В той тишине почти что виноградной* и т. п.). Ср., с другой стороны, «определенность» неопределенных местоимений: *И сам над первоизданным беспорядком, | Как некий / божий / дух взнесется; В которую - то из сонат | Тебя я спрячу осторожно* (которую-то в отличие от какую-то имеет в виду определенную сонату, ср. в связи с этим варианты «Поэмы без героя» *Я пишу для кого-то либретто — Я пишу для Артура либретто*, где неопределенное кого-то шифрует конкретное лицо).

Следующий шаг — амбивалентность местоименных указателей. Точные, в том числе цифровые указания ослабляются и генерализуются введением неопределенного местоимения: *Тот какой - то шестнадцатый год; какой - то семнадцатый век; какой - то назначенный час*. Ср. к этому более обычные случаи с *один*, заключающем в себе значения *единственный* и *некий*: *Лежит во мне одно* [только одно? некое?] *воспоминанье; И одна* [только одна? некая?] *сумасшедшая липа | В этом траурном мае цвела; | А ты поймал одну* [только одну? некую?] *из сотых интонаций* и нек. др. Амбивалентность обнаруживается и в употреблениях *тот=тот самый & некий*; *Случится это в тот московский день, | Когда я землю навсегда покину; Мне бы тот найти образок, | Потому что мой близок срок; Видел я тот венец златокованный, | Не завидуй такому венцу* (такому придает обобщенность *тот*; этому венцу предполагало бы в *тот* значение *тот*

³ Verheul K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova. The Hague — Paris, 1971, p. 15, 50—51, 55, 86.

самый)⁴. В этих и подобных случаях читатель вправе подставить в соответствующий контекст оба значения или любое из них. Конечно подобные употребления сравнительно немногочисленны, а приведенные здесь толкования могут показаться субъективными, однако субъективны они скорее в каждом данном примере и для любого альтернативного решения, чем принципиально. Другой вариант анализа с большой вероятностью включит в себя те же типы значений, хотя бы и в ином распределении.

2

«Неопределенная определенность» местоименного дейксиса у Ахматовой выдвигает проблему поисков денотата, а на грамматическом уровне — проблему номинации. Для Ахматовой характерно «безденотатное» употребление указательных слов или появление денотата (т. е. номинации) в конце, где он либо избыточен, либо не может изменить сложившегося у читателя понимания (в последнем случае речь идет об инверсии канонической референционной последовательности имя → местоимение)⁵. Ненужность — необязательность номинации Ахматова постулирует, исходя из неадекватности любого названия денотату (повторяя в этом смысле тютчевское «невыразимое»)⁶; любое имя поэтому условно и является «выходом из положения» — *А т а, кого мы музыкой зовем, | З а н е м е н ь е м л у ч ш е г о н а з в а н ь я; Я была на краю*

⁴ См. к тому же: *Меня предавших в лоб целую, | А не предавшего — в уста* [каждого, кто не предал? не предал только один?].

⁵ См. у Виноградова: «... содержание местоименных указателей более или менее раскрывается к концу речи, т. е. к тому моменту, к которому характер восприятия уже устанавливается как напряженное ожидание разгадки. И почти всегда остается весь конкретный смысл недоуясненным; впечатление недоговоренности не исчезает, а лишь смягчается частичным раскрытием фона действия» (с. 445—446). «Не надо думать, что на неопределенности смысла, обусловленной употреблением указательных частиц и местоимений по отношению к словесно не названным «предметам», всегда строятся загадки композиции у Ахматовой, загадки, которые в исходе стихотворения получают разрешение. Иногда загадочная неопределенность этого рода остается нераскрытой до конца, и на ней покоится острота эмоциональных впечатлений от не выраженного, но смутно угадываемого или лучше — предчувствуемого смысла», с. 446—447.

⁶ Тексты цит. по: *Ахматова А. Стихотворения и поэмы*. Л., 1976.

ч е г о - т о , | Ч е м у в е р н о г о н е т н а з в а н ь я
[смерть] и, наконец:

Нет, ни в шахматы, ни в теннис. . .
То, во что с тобой играю,
Называют по-другому,
Если нужно называть. . .
Ни разлукой, ни свиданьем,
Ни беседой, ни молчаньем. . .

Предпочтение перед именем отдается местоимению (*та, что-то, то*), и оно оказывается содержательной реальностью, чему способствует его семантическая неограниченность, возможность подстановки разных смыслов или сочетания смыслов. Ряд стихотворений Ахматовой строится на том, что ключевым семантическим элементом становится местоимение:

И *это* станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было *это* — только рана
И муки облачка над ней.

Или:

Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой.
И я стала всех сильнее на свете,
Так что даже *это* [курсив Ахматовой] мне не трудно. ⁷

Примеры такого рода воспринимаются читателем как «понятные», поскольку он вовлечен в игру, следует правилу «неограничения понятия», не нуждается поэтому в номинации и не замечает того, что в данном контексте эксплицитно не существует ни имени, ни соответствующего денотата. Это положение невольно — и неверно — идентифицируется с разговорной речью, где в определенных случаях можно обойтись без номинации, при условии, что денотат однозначно определяется контекстом и ситуацией: в противном случае не может осуществиться

⁷ На том же приеме построено стихотворение «В том доме было очень страшно жить. . .»: *т о т , к т о н о ч ь ю | С о б а к о ю ц а р а - п а л с я у д в е р и ; П о д ч ь и м и т я ж е л е н н ы м и ш а г а м и | С т о н а л и т е м н о й л е с т н и ц ы с т у п е н и ; К о г о о н и п о л е с т н и ц е н е с у т ? ; Ч т о в э т о м д о м е ж и л о к р о м е н а с ?*

акт коммуникации (ср. поэтику абсурда). Ахматова балансирует на грани, где все, как будто, понятно, — до того момента, когда встанет задача номинации, строго говоря, принадлежащая грамматическому уровню.

О регулярной смысловой инверсии местоимение / имя можно говорить и более широко, в связи со структурой того типа любовной лирики, в котором субъекты (лирические герой и героиня) представлены: личными местоимениями в оппозициях я / ты-Вы, он, она; ты-Вы / он, она; он / она; притяжательными и указательными местоимениями в определенных конструкциях и нек. др., а также оппозицией местоимение / имя, входящее в особый лексический набор, функционально приближенный к местоимениям (*человек, милый* и т. д., стилистически окрашенно — *король, князь* и под.). В структурах такого рода сама местоименная замена свидетельствует о несущественности названия, возможности вариантных подстановок, чем в определенной степени имплицитно вводится многозначности. На формальном уровне основным становится выражение родовой оппозиции (кто *он* и кто *она*) и оппозиции по лицу, характеризующей «акт» стихотворения. Местоименные показатели рода и числа используются при этом нерегулярно, тем самым вводится дополнительная неопределенность. В русском языке, где личные местоимения (к тому же различающие род только в 3-м л. ед. ч.) могут опускаться, показатели лица и рода выражаются глаголом. Это значит, что в наст. времени выражается только лицо (неясно, кто он, а кто она), а в прошедшем — только род (неясно, от чьего лица ведется повествование). Для полного отождествления необходимы, следовательно, дополнительные средства, обеспечивающие сочетание родовых и личных показателей. Реально можно обойтись минимумом, тем более, что читатель как бы знает заранее больше, чем он «может знать» из текста: так, принимается, что род *я* совпадает с родом / полом автора; достаточно узнать род одного участника, чтобы приписать противоположный род другому и т. п. Однако даже несложный прием опускания показателей рода и / или лица, если пользоваться им часто (как это делает Ахматова, см.; например, *От других мне звезда — что зола, | От тебя и хула — похвала*; «Надпись на книге», «Разрыв», «Подорожник», «Сон», «Годовщину

последнюю празднуй. . .» и многие другие), нагнетает неопределенность, оставляя неразрешенным выбор из нескольких возможностей:

Услаждала бредами. . .
Наделяла бедами. . . [я? ты? она?]
Оттого и отнятый
Был мне всех родней

[мне проясняет лицо глагольных форм ж. р., но для отнятый был остается выбор между ты и он] ⁸.

Следующая ступень усложнения — нарушение диалогической структуры герой — героиня введением дополнительного ряда местоимений, взаимные связи которых остаются неопределенными. От простейшего примера *Не оттого, что в мысли о тебе | Уже чужое что-то просочилось. . .*, | *Я на пороге встретила его*, где восстанавливается ситуация треугольника, можно перейти к случаям, не разрешимым формально и остающимся загадками на смысловом уровне:

Как будто страшной песенки
Веселенький припев —
Идет по шаткой лесенке,
Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне. . .
И двор в плюще, и ты в плаще
По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему. . .

Как он и ты соотносятся с я и друг с другом? Здесь встает проблема, может ли один персонаж передаваться разными лицами ⁹. См. то же в стихотворении «Всем обещаньям вопреки. . .»:

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки

⁸ На этом фоне особо отмечено нагнетение родовых и личных показателей в стихотворении «Не пугайся, — я еще похожей. . .», см. в четырнадцать строках: *не пугайся — я — нас — могу — тень твою. . . берегу — был. . . ты моим Энеем — я отделилась — друг о друге мы. . . умеем — забыл ты мой. . . дом — ты забыл — ты не знаешь.*

⁹ Ср. подобный эксперимент в стихотворении 1922 г. «Вечер тот казни достоин. . .»: *С ним я не справлюсь никак — Ты ведь*

Забыл *меня* на дне. . .
 Ничем не мог *ты* мне помочь.
 Зачем же снова в эту ночь
 Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
 Шептал про Рим, манил в Париж,
 Как плакальщица был. . .
Он больше без *меня* не мог:
 Пускай позор, пускай острог. . .

Я без *него* могла.

Герой стихотворения *ты* (лицо выясняется только в 4-й строке). С 6-й строки вступает *дух—он—женщина* (см. еще амбивалентность, достигаемую завуалированным сдвигом по роду: *он=женщина, плакальщица*, но *он шептал, был* и т. д.), как двойник героя—*тебя*. Однако кто *больше без меня не мог*, двойник (*он / женщина*) или сам герой (*ты*)? И соответственно, без кого *я могла*? Содержательный анализ как будто отсылает к самому герою, тогда *ты* отождествляется с *он* и приходится признать, что герой / адресат стихотворения нейтрализует оппозицию 2-го и 3-го лица.

Ср. еще «местоименную запутанность» в стихотворении «Все в Москве пропитано стихами. . .»:

Пусть безмолвие царит над *нами*,
 Пусть *мы* с рифмой поселимся врозь,
 Пусть молчанье будет тайным знаком
 Тех, кто с *вами*, а казался *мной*,
Вы ж соединитесь тайным браком
 С девственной горчайшей тишиной. . .

Здесь отсутствуют родовые показатели (кроме ситуативного *я=автор*, т. е. ж. р.), нельзя однозначно определить число для *вы* (*вы* — мн. число или *Вы?* может быть, *вы* и *Вы?*, ср. также отклонение от согласования по

*мужчина и враг — Тот, что твой сон нарушает | Тихая — Тыль
 не корил маловерных — Выпил я светлые капли | С глаз ее. . .
 Верно от них и ослабли | Руки твои. . . : я — ты' — ты' — она,*
 как они соотносятся друг с другом?

числу — *те*, кто кажется *мной*, *я=те*) и усложнена референционная связь между местоимениями (кто *мы?* *я + вы?* *я + Вы*, т. е. речь идет о двух персонажах, герое и героине или *мы*, *вы* — неопределенное множество? *Я* входит в *мы* вместе с *вами* или противопоставлено *вам / Вам?*). Бесперспективность формального анализа говорит не столько о его нецелесообразности, сколько о содержательной сложности стихотворения, основанной в частности на совершенно особом дейксисе.

Ср. такую же сложность в «Прологе»:

Но прозвучит как присяга тебе
Даже измена. . .
Той, что познала и ужас и честь
Жизни загробной. . .
Имя твое мне сейчас произнести —
Смерти подобно.

От чьего лица написано стихотворение, героя или героини? Это — третий фрагмент цикла, имеющий название «Слышно издалека» (первые два называются «Говорит она», «Говорит он»), что не дает однозначного ответа. Кто *та* по отношению к *я* — *ты?* Это можно решить, определив, к чему относится *той*, к предыдущей или к последующей фразе (знаки препинания допускают оба варианта), и каков грамматический статус *той*: дат. п. — *измена кому*, род. п. — *чья измена*, приложение ко *мне* — *Мне, той, что познала?* Все это так и остается неразрешенным вопросом. Так небольшие грамматические сдвиги, которые нельзя отнести к нарушениям (грамматическая правильность везде соблюдена), через легкую неопределенность, недосказанность приводят к непонятности, т. е. невозможности содержательного отождествления в пределах данного текста.

3

Другой, на поверхности столь же незначительный сдвиг состоит в нарушении обычных референционных отношений, обеспечивающих связность текста. Об этом уже говорилось в связи с номинацией в конце (Виноградов разбирает этот прием на стихотворении «Мальчик сказал мне: «Как это больно!». . . «:это=первая любовь, номина-

ция появляется в последней строке). Усложнение состоит в том, что Ахматова слегка меняет анафорические связи соотносительного расположения личных и указательных местоимений. Нормативная грамматика предписывает для отождествления объектов порядок этот → тот; этот, тот → он или он, этот / тот в непосредственном следовании. Нарушение порядка означает теоретически, что речь идет о разных объектах; таким образом может нарушиться связность текста, и во всяком случае изменяется его членение. Конечно, в реальной речи это правило соблюдается нестрого: помимо других формальных показателей, верный выбор подсказывается контекстом, ситуацией и т. п., и непонимание возникает лишь в крайних случаях. Следующие далее примеры могут показаться казуистикой, однако, как и в предыдущих, едва ощутимые отклонения в конце концов приводят к невозможности однозначного решения.

В стихотворении «Данте»:

*Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою. . .*

следовало бы *Этот не вернулся — Он не оглянулся*, иначе *он и этот* могут быть восприняты как противопоставление (*он не вернулся, а этот не оглянулся*). Связь *он и этот* восстанавливается антецедентом Данте, вынесенным в заглавие и управляющим обоими местоимениями (в то время как по правилу они должны быть в последовательном, а не в параллельном подчинении): Данте → он, Данте → этот. Вынесение номинации в заглавие — распространенный поэтический прием, нередко используемый Ахматовой («Любовь», «Песня о песне», «Клеопатра», «Городу Пушкина», «Рисунок на книге стихов» и т. д.). Несколько усложнен он в стихотворении, посвященном Блоку:

*Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит. . .
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит. . .*

Следовало бы: *Этот человек прав — Там он стоит*, иначе можно было бы, например, понять, что некто тре-

тий напоминает автору блоковские строки. Однако здесь следует рассматривать весь цикл «Три стихотворения», где имя Блока появляется дважды: в последней строке первого (*Разбойный посвист молодого Блока*) и в предпоследней строке второго (*Тебе улыбнется презрительно Блок*); эти номинации и являются антецедентом, управляющим местоимениями *он* и *этот*; поскольку Ахматова нарушает последовательное подчинение, выбор местоимения оказывается несущественным (однако, если рассматривать указание с *он — этот* как собственно дейксис, без анафорической связи, то такой порядок будет вполне естественным).

Следующий пример показывает, как незнание денотата в сочетании с нетривиальными референционными связями делает стихотворение непонятым, а его формально-грамматический разбор — почти бессмысленным.

В зазеркалье

Красотка очень молода,
Но не из *нашего* столетья,
Вдвоем *нам* не бывать — *та*, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло *ей*,
Я щедро с ней делюсь цветами. . .
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым часом *нам* страшней.
Как вышедшие из тюрьмы
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. *Мы* в адском круге,
А может, это и *не мы*.

Начало стихотворения строится по модели загадки «Обладает свойством объектов класса А, но не принадлежит к этому классу». *Наше столетье* невольно предполагает оппозицию *предыдущее* (а не *дальнее*), т. е. не *это*, а *то*, и содержит тем самым хронологическую путаницу, относя *Красотку* к более близкому времени. *Вдвоем нам не бывать*, отделенное от предыдущей строки запятой, делает возможным два формальных толкования *нам*: *мне* и *Красотке*, *мне* и *тебе*, т. е. героине и герою. В обоих случаях (включению *Красотки* в *мы* несколько мешает то, что она — *не из нашего столетья*) остается неопределенность для *та*, *третья*, поскольку есть формальное основание противопоставить ее *Красотке* (*Красотка* молода,

а та, третья, не оставит). Ты подвигаешь кресло ей [той? Красотке?], | Я щедро с ней делюсь цветами — из этого контекста делается вывод, что ты=герой, я=героиня; грамматически родовое противопоставление не выражено. До конца сохраняется возможность считать ту, третью самостоятельным персонажем. Хотя эта возможность как бы не принимается всерьез (и даже кажется вне пределов здравого смысла), тем не менее с ее помощью поддерживается «состояние загадки», введенной первыми двумя строками. Поэтому и финал *А может, это и не мы* воспринимается как отрицание не только содержательное, но и формальное: распределение персонажей настолько запутано, что вынуждает отклонить попытку однозначного установления (и что надо отгадать, кто Красотка или кто мы?). И снова, отказавшись от нормативной грамматики, вернее, сделав соответствующий пересчет, разгадку следует искать вне текста, предполагая, что денотат Красотки содержится в эпитафии из Горация, где она также названа не прямо, а через свои атрибуты:

O quae beatam, Diva, tenes Cyprum et Memphin. . .
'О, Богиня, ты, которая владеешь блаженным Кипром и Мемфисом. . .', т. е. Венера-Киприда-Любовь (возможно, Красотка соотносится с Кипром — Кипридой). Включение денотата и элементарное, как бы само собой разумеющееся грамматическое «выравнивание» стихотворения тогда дает следующее смысловое чтение:

Киприда-Любовь очень (всегда) молода,
Хотя она (совсем) не из нашего столетья.
Нам (героиня и герой) не бывать только вдвоем,
Потому что она, Любовь, всегда будет третьей

(между нами всегда будет любовь, которую мы неосторожно призываем)¹⁰.

Результат анализа, как будто, свидетельствует о том, что излишний грамматический ригоризм заводит в тупик.

¹⁰ Возможно, это драматизированная версия кузминской шутки:

Если двух влюбленных встретим,
Мы их встретим вместе с третьим,
Третий кто? Сама любовь.

Однако, если даже использовать его как доказательство от противного, весьма существенно, что именно таким образом обнаруживается связь признанной сложности и непонятности этого стихотворения с его грамматической и специально местоименной структурой, а через это — с *определенностью*—*неопределенностью*.

* * *

Итак, выражение *определенности*—*неопределенности* с помощью местоименного дейксиса претерпевает в поэтическом языке Ахматовой усложняющие изменения: инверсия значений; аккумуляция противоположных значений в одном показателе; нарушение правил номинации и референционных связей. Категория *определенности*—*неопределенности* предстает как бы многослойной, причем каждый последующий слой содержит дополнительную степень неопределенности: конкретное лексическое значение оказывается недостаточным для выбора правильного решения. Эти изменения и приводят к созданию особым образом организованного мира, где время и пространство подчиняются своим законам, на первый взгляд, противоречащим реальности, а в итоге обеспечивающим максимальную устойчивость в рамках семантемы *памяти*.

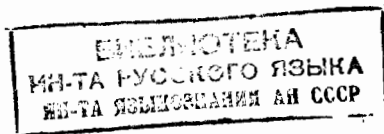
Основания для подобного рода изменений предполагаются прежде всего в сути поэзии как особым образом организованного языка, статус которого разрешает едва ли не любые операции над обычным, непэтическим языком; собственно говоря, эти операции и обеспечивают переход от непэтического к поэтическому языку, предписывающему снятие целого ряда ограничений (ср. мысли И. И. Ревзина о том, что любая фраза обычного языка, в том числе грамматически неправильная, в поэтическом языке и допустима и может быть мотивирована как грамматически правильная). Это толкование, однако, касается скорее техники преобразований в поэтическом языке и может распространяться и на иные содержательные и формальные категории.

Более сильное объяснение лежит, как кажется, в сути самой категории *определенности*—*неопределенности*, представляющей собой непривативную оппозицию (см. статью автора в настоящем сборнике), содержащую поэтому принципиальную возможность как для инверсии значе-

ний, так и для их нейтрализации или слияния. Оппозиция оказывается самоописывающей: из нее извлекается не только значение, но и ее собственная структура; *определенность* при этом является основой, обеспечивающей и поддерживающей динамичность изменений, порождаемых *неопределенностью*. В этом смысле категория *определенности—неопределенности* среди других универсальных семиотических оппозиций уникальна — и по сфере применения и в плане формального выражения, максимально свободного. Возвращаясь к теме статьи, следует отметить, что в поэтике Ахматовой в этот же круг должна быть включена диалогическая структура, оппозиция времен по оси прошлое — настоящее — будущее и т. д., не говоря о специальных лексико-семантических показателях, определяемых контекстом, ситуацией и особенно — установкой на «чужое слово».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Т. М. Николаева</i>)	3 ✓
Сравнительно-исторический анализ категории—определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики (<i>В. В. Иванов</i>)	11 ✓
Функциональный подход к языку и категория определенности—неопределенности (<i>О. Г. Ревзина</i>)	64 ✓
Категория определенности—неопределенности и шифтеры (<i>В. В. Иванов</i>)	90 ✓
Акцентно-просодические средства выражения категории определенности—неопределенности (<i>Т. М. Николаева</i>)	119
Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах (<i>А. В. Головачева</i>)	175
Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке (<i>М. И. Лекомцева</i>)	204
Категория определенности—неопределенности при одном виде трансформации в румынском языке (<i>Т. Н. Свешникова</i>)	231
Нейтрализация морфологических противопоставлений в ряду смежных явлений грамматики (<i>Ю. П. Князев</i>)	268
Синтаксические свойства местоимения <i>который</i> (<i>А. А. Зализняк, Е. В. Падучева</i>)	289 ✓
Категория определенности—неопределенности в структуре волшебной сказки (<i>Т. В. Цивьян</i>)	330
Наблюдения над категорией определенности—неопределенности в поэтическом тексте (<i>Т. В. Цивьян</i>)	348

**Категория
определенности—неопределенности
в славянских и балканских языках**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства Т. М. Дривинг
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор
Технические редакторы Л. И. Куприянова, О. М. Гуськова
Корректоры Е. Н. Алексеева, К. П. Лосева

ИБ № 15083

Сдано в набор 27.10.78.
Подписано к печати 21.06.79.
Формат 84 × 108^{1/32}
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 19,3 Уч.-изд. л. 20,4
Тираж 1250 экз. Тип. Зак. 878
Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Первая типография издательства «Наука»
Ордена Трудового Красного Знамени
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

**В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:**

Балканский лингвистический сборник.

1977. 324 с. 1 р. 01 к.

Сборник посвящен исследованию лингвистических проблем, связанных с языками Балканского полуострова и смежных с ним ареалов. Рассматриваются вопросы древних языковых и этнических контактов Балкан, актуальные проблемы современной балканской лингвистики. Материалы сборника отражают результаты новейших исследований в области балканистики.

Книга рассчитана на специалистов по балканистике, языкознанию, а также по древней истории, этнографии, фольклору и мифологии.

Восточнославянские языки. Источники для их изучения.

1973. 312 с. 1 р. 03 к.

В статьях сборника раскрывается значение важных источников по истории русского языка, а также методов анализа текста памятников древнерусской письменности. Дается содержательная информация об отдельных памятниках русского языка; анализируются акцентованные рукописи и старопечатные книги; характеризуются материалы, собранные для словарей восточнославянских языков.

Книга рассчитана на широкие круги филологов и историков, на преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследование.

1974. 1976. 270 с. 93 к.

Сборник содержит статьи советских и зарубежных ученых-славистов, сотрудничающих в коллективной теме «Общеславянский лингвистический атлас». Значительная часть статей посвящена актуальным проблемам работы над ОЛА, главным образом — вопросам картографирования материала разных языков. Кроме того, публикуются статьи широкого славистического профиля, в которых освещаются самые различные аспекты истории и диалектологии славянских языков.

Книга рассчитана на широкий круг ученых-славистов и преподавателей вузов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазина «Книга — почтой» «Академ-книга»:

480091 *Алма-Ата*, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 *Баку*, 5, ул. Джапаридзе, 13; 734001 *Душанбе*, проспект Ленина, 95; 252030 *Киев*, ул. Пирогова, 4; 443002 *Куйбышев*, Проспект Ленина, 2; 197110 *Ленинград*, П-110, Петрозаводская ул., 7; 220012 *Минск*, Ленинский проспект, 72; 117192 *Москва*, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 *Новосибирск*, 90, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 *Свердловск*, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 *Ташкент*, ул. Дружбы народов, 6; 450059 *Уфа*, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 *Фрунзе*, бульвар Дзержинского, 42; 310003 *Харьков*, Уфимский пер., 4/6.

3 р. 20 к.